

ПРИ УЧАСТИИ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ

И

ПСИХОЛОГИИ,

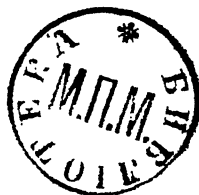
подъ редакціей профессора Н. Я. Грота.

ГОДЪ IV.

Книга 19 (4).

СЕНТЯВРЬ 1893 г.

Изданіе А. А. Абрикосова.

МОСКВА.

Типо-литографія Высочайше утвержденнаго Т-ва М. Н. Кушнеревъ и К^о,
Цыгановская ул., собств. домъ.

1893.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
Подвижныя ассоціаціи представлений.— Л. М. Лопатина	1
О природѣ времени.— Е. И. Челпанова	36
Французскій позитивизмъ. (<i>Продолженіе</i>).— А. А. Козлова	55
Исповѣдь бывшей душевно-больной.— Ө. А. Свѣчина	94
Психологическія воззрѣнія Теодора Мейнерта.— В. П. Сербскаго	122

Спеціальный отдѣлъ.

Вопросъ о безсмертіи души.— С. С. Глаголева	1
Послѣднія тѣни прошлаго.— П. Е. Астафьева	20
Къ физиологіи музыкальнаго таланта.— Г. И. Россолимо	35
Новый психофизиологическій законъ г. Введенскаго.— Л. М. Лопатина	60

Критика и библіографія.

I. ОБЗОРЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Revue Philosophique.— В. Н. Ивановскаго	82
Mind.— П. Мокіевскаго	85
Перечень статей въ новыхъ книгахъ иностранныхъ философскихъ журналовъ	87

II. ОБЗОРЪ КНИГЪ.

Веніаминъ Снегиревъ. Психологія.—В. Н. Ивановскаго. . .	89
De Roberty. La recherche de l'unité.—В. Чуйко.	94
Биографическая бібліотека Павленкова. (Аристотель, Бэконъ, Локкъ, Юмъ, Милль).—В. Ивановскаго	97
Schopenhauer-Briefe.—Ө. Шперка	100

III. ПОЛЕМИКА.

По поводу „Замѣчаній“ Вл. Соловьева.—П. Н. Милукова. . .	103
Отвѣтъ проф. А. И. Введенскому.—Э. Л. Радлова	105
Письмо къ редактору.—Р. Сементковскаго	110
Возраженіе Н. А. Иванцова	113
Психологическое Общество	117
Некрологъ Якова Фрошаммера.—Ив. Городецкаго	127
Извѣстія и замѣтки	131
Списокъ новыхъ книгъ, полученныхъ редакціей	131
Объявленія	133

Подвижныя ассоціаціи представлений *).

Наша душевная жизнь состоитъ въ непрерывной смѣнѣ ощущений, идей, влеченій, актовъ воли, чувствованій. Изъ этихъ явленій, переживаемыхъ нами, одни вызываются внѣшними причинами, коренящимися или въ впечатлѣніяхъ изъ окружающаго міра, или въ измѣненіяхъ нашего организма, другія порождаются изнутри, дѣйствіемъ психическихъ факторовъ. Все содержаніе жизни нашего сознанія сводится къ этимъ двумъ порядкамъ феноменовъ. И ясно, что изъ указанныхъ двухъ порядковъ явленій главный интересъ психолога неизбежно сосредоточивается на второмъ: послѣдовательность внѣшнихъ возбужденій отъ души не зависитъ; наприм., не нами выбираются тѣ ощущенія, которыя мы испытываемъ чрезъ прямое воздѣйствіе окружающей среды. Для психолога въ этомъ случаѣ важно только то, на какіе психическіе факты и при какихъ физиологическихъ условіяхъ переводятся для нашего сознанія чисто физическія впечатлѣнія внѣшняго міра. Другое дѣло — порядокъ явленій, развивающійся въ душѣ самостоятельно, подъ вліяніемъ внутреннихъ возбужденій: изслѣдованіе этихъ явленій цѣликомъ попадаетъ въ область психологіи. Освѣтить природу нитей самобытно развивающихся въ насъ психическихъ состояній значить очень близко подойти къ опредѣленію самаго существа нашей сознательной жизни.

---

*) Рефератъ, читанный въ засѣданіи Московскаго Психологическаго Общества 8 мая 1893 г.

Пониманіе глубокой важности такой проблемы впервые со всею отчетливостью сказалось въ психологическихъ изысканіяхъ прошлаго столѣтія. Начиная съ Юма, вопросъ о законахъ сочетанія испытываемыхъ нами психическихъ явленій получилъ господствующее значеніе не только среди англичанъ, но и въ остальной Европѣ,—почти во всѣхъ оригинальныхъ попыткахъ объяснить душевную жизнь. Юмъ вновь установилъ законы ассоціаціи идей, намѣченные еще Аристотелемъ. „По моему мнѣнію, —говоритъ Юмъ *),—существуютъ только три начала сочетанія идей, именно: *сходство, смежность* во времени и мѣстѣ и *причинность*“. Правда, онъ тутъ же дѣлаетъ оговорку: „Трудно представить доказательства, удовлетворительныя для читателя и даже для самого себя, что это перечисленіе обладаетъ полнотою, и что нѣтъ никакихъ другихъ законовъ ассоціаціи между идеями“. Но на эту оговорку послѣдователи Юма обратили мало вниманія. Какъ вѣрно замѣчаютъ нѣкоторые критики, Юмъ своимъ ученіемъ о законахъ ассоціаціи произвелъ среди психологовъ впечатлѣніе сходное съ тѣмъ, какое въ нынѣшнемъ вѣкѣ вызвалъ Дарвинъ своею теоріей „естественнаго подбора“ между натуралистами и философами. Усилія цѣлаго ряда изслѣдователей душевныхъ явленій были устремлены на то, чтобы показать, что начала, выставленныя Юмомъ (притомъ, сведенныя всего къ двумъ: смежности и сходству), суть единственные законы, управляющіе сочетаніемъ нашихъ представленій. Гертли и его школа, Броунъ, Джемсъ Милль, Джонъ Ст. Милль, Бэнъ—отмѣтили своими именами послѣдовательное развитіе теоріи, обращающей всю умственную жизнь въ механически неизбѣжный результатъ законовъ ассоціаціи. Аналогическое движеніе происходитъ и за предѣлами Англии: теорія Кондильяка въ прошломъ столѣтіи и нѣмецкія теоріи Гербарта и Бенеке въ нынѣшнемъ, значительно уклоняясь отъ англійской психологіи въ методахъ и основныхъ предположеніяхъ, тѣмъ

*) Inquiry concern. the Human Underst. Sect. III.

не менѣе одинаково одушевлены стремленіемъ объяснить разнообразную сложность душевнаго существованія механическимъ взаимодействіемъ простѣйшихъ элементовъ психической жизни, которое совершается по немногимъ, однообразнымъ, всегда неизмѣннымъ законамъ.

Это движеніе привело ли къ прочнымъ успѣхамъ, дало ли оно дѣйствительный ключъ къ разгадкѣ душевныхъ процессовъ? Кажется, въ настоящее время на этотъ вопросъ уже можно отвѣтить отрицательно. Я не буду говорить о теоріяхъ Гербарта и Бенеке, вліяніе которыхъ въ наши дни безспорно ослабѣло и содержаніе которыхъ явно окрашено метафизическими взглядами ихъ авторовъ. Но и эмпирическая ассоціативная психологія, какъ она развилась въ Англіи и въ другихъ странахъ Европы, не оказалась на высотѣ своей задачи. Ея заслуги въ рѣшеніи отдѣльныхъ психологическихъ проблемъ несомнѣнны, но ея общіе принципы все же явились слишкомъ бѣдными и односторонними, чтобы съ ихъ помощью въ самомъ дѣлѣ можно было построить науку о душѣ въ ея цѣломъ. Оттого преувеличенныя надежды, вызванныя ассоціативною теоріей, постепенно смѣняются все болѣе замѣтнымъ разочарованіемъ. Въ послѣднее время противъ нея направляють удары не только психологи-идеалисты, но и такіе реалисты, какъ Вундтъ; голоса, доказывающіе несостоятельность ея объясненій, настойчиво раздаются и среди представителей фізіологической психологіи во Франціи *).

Дѣйствительно, въ ассоціативной теоріи существуютъ два крупныхъ и едва ли поправимыхъ недостатка. Во-первыхъ, законы, ею утверждаемые, слишкомъ неопредѣленны по своему содержанію, — по нимъ нельзя угадать направленія, которое должна принять, подчиняясь имъ, психическая жизнь въ своемъ поступательномъ ростѣ. Этотъ упрекъ, правда, не относится къ закону смежности: смыслъ этого закона простъ и ясенъ. Бэнъ его формулировалъ такъ: „Дѣйствія, ощущенія и состоянія чувства, встрѣчающіяся вмѣстѣ или

*) См. напр. очень вѣскія замѣчанія противъ нея у А. Binet, въ его книгѣ *Les altérations de la personnalité*.

въ сплошномъ преемствѣ, стремятся и возникаютъ вмѣстѣ или связываются, такъ что когда въ послѣдствіи представляется духу одно изъ нихъ, то бываютъ готовы возстановиться въ идеѣ и другія“. Коротко говоря, онъ означаетъ: что пережито нами вмѣстѣ, то и воспроизводится въ нашемъ сознаниіи вмѣстѣ. Однако въ самой точности закона смежности коренится неизбежная ограниченность его приложенія: вѣдь мы не только вспоминаемъ и автоматически повторяемъ то, что испытали раньше. Слишкомъ очевидно, что остается огромная область умственныхъ явленій, при объясненіи которыхъ смежность ни при чемъ. И вотъ для объясненія этой весьма обширной области ассоціативная психологія предлагаетъ лишь законы сходства и контраста, при чемъ законъ контраста обыкновенно разсматривается какъ развѣтвленіе закона сходства. Смыслъ закона сходства у Бэна выраженъ такимъ образомъ: „Дѣйствія, ощущенія, мысли или волненія настоящія стремятся оживлять сходныя съ ними впечатлѣнія или состоянія прошлыя“. Вотъ принципъ, изъ котораго должно быть выведено въ содержаніи нашего ума все то, что не есть простое воспроизведеніе пережитыхъ событій по ихъ смежности! При этомъ однако подымается недоумѣніе, вполне основательное: вѣдь всѣ идеи нашего сознания въ какомъ-нибудь отношеніи имѣютъ сходство, въ какомъ-нибудь отношеніи представляютъ контрастъ. Итакъ, утвержденіе господства законовъ ассоціаціи надъ всѣми дѣйствіями нашего ума не сведется ли къ простому признанію того, что всякая идея, при удобныхъ для того обстоятельствахъ (которыя однако въ содержаніи самихъ законовъ нисколько не предопредѣляются), можетъ сочетаться со всякою другою идеей? Такая безобидная, но въ то же время явно ничего не говорящая истина должна ли считаться достаточнымъ принципомъ для объясненія внутреннихъ процессовъ душевной жизни?

Другой недостатокъ ассоціативной психологіи еще важнѣе, и поэтому разсмотрѣніе его я сдѣлаю исходною точкой моего реферата. Общепринятые законы ассоціаціи, при

всей неопредѣленности и крайней общности ихъ формуль, взятыхъ въ цѣломъ, при кажущейся неограниченности того поля возможныхъ сочетаній между идеями, которое они устанавливаютъ, все же не покрываютъ и не выражаютъ дѣйствительной связи психическихъ явленій, въ ея очень существенныхъ особенностяхъ. Что означаетъ законъ смежности? Если въ нашемъ опытѣ даны явленія А, В, С одновременно или въ непосредственномъ преемствѣ, и если потомъ въ насъ возникаетъ представленіе А, оно вызоветъ представленія В и С. Что предполагаетъ законъ сходства, по его прямому смыслу? Представленіе А можетъ вызвать однородное съ нимъ представленіе А₁, это въ свою очередь А₂ и т. д. Допустимъ смѣшанное и разнообразное дѣйствіе обоихъ законовъ (какъ это обыкновенно бываетъ въ нашей внутренней жизни). Положимъ, А, съ одной стороны, воскресило В и С, съ другой,—оно заставило возродиться представленіе А₁; А₁, въ свою очередь, вызвало, по смежности, сопровождающія его обстоятельства D и E; допустимъ далѣе, что E, по сходству, оживило представленіе E₁, а это, съ своей стороны, представленія о сопровождающихъ его обстоятельствахъ F и G. Обращаясь къ другому концу первой изъ рассмотрѣнныхъ нами ассоціаций по смежности (А, В, С), мы можемъ предположить, что С, по сходству, вызоветъ идею о С₁, а она, по смежности, идеи К, L, M и т. д. Мы получимъ очень разнообразныя и сложныя сочетанія представленій, а если угодно, можемъ ихъ сдѣлать и еще гораздо сложнѣе въ нашемъ схематическомъ построеніи.

Какой однако признакъ неизбѣжно остается при этихъ рядахъ, какъ бы мы ихъ ни умножали? Они все-таки являются собою лишь воспроизведеніе пережитого, и даже именно въ томъ порядкѣ, какъ оно было пережито; мы имѣемъ въ нихъ цѣпи нашихъ воспоминаній, только во многихъ пунктахъ оборванныя дѣйствіемъ закона сходства; но и это дѣйствіе вводитъ въ наше сознаніе лишь новыя цѣпи *опять-таки воспоминаній*. Отдѣльныя звенья этихъ цѣпей могутъ по-

тускнѣть, пожалуй, совсѣмъ выпасть, но отъ того ихъ основной характеръ не измѣнится: законъ сходства работаетъ лишь на томъ матеріалѣ, который данъ въ отношеніяхъ смежности, и во всякомъ случаѣ онъ соединяетъ лишь испытанное нами и соединяетъ такимъ, какимъ оно было испытано. И по формулѣ Бэна, настоящія ощущенія стремятся оживлять сходныя съ ними *прошлыя* психическія состоянія. При этихъ данныхъ, какъ объяснить, возвращаясь къ нашей прежней схемѣ, положимъ, возникновеніе въ нашемъ умѣ совершенно новаго и въ то же время очень отчетливаго сочетанія: А, G, t (обозначая черезъ t какой-нибудь элементъ, совсѣмъ чуждый господствующимъ въ переживаемую минуту въ нашемъ сознаніи сочетаніямъ по смежности)? А вѣдь такое *новообразованіе* сочетаній между идеями происходитъ въ насъ постоянно. Мы не только погружены въ созерцаніе прошлаго и усмотрѣніе сходствъ и различій составляющихъ его элементовъ,—мы думаемъ и приходимъ къ новымъ выводамъ, мы воображаемъ и создаемъ иногда фантастическія картины вовсе небывалыхъ вещей и событій, мы дѣйствуемъ и преслѣдуемъ планы, которые нерѣдко должны въ корень передѣлать окружающую насъ обстановку. Положимъ, наша фантазія рисуетъ себѣ образъ человѣка съ рогами наголовѣ и съ козлиными ногами. Дѣйствіемъ какого изъ общепринятыхъ законовъ ассоціаціи возникаетъ этотъ образъ въ первый разъ? По закону смежности? Но мы такого человѣка никогда не видѣли. Или, можетъ-быть, законъ сходства стянулъ въ одно цѣлое элементы, составляющіе нашъ образъ? Но какое же сходство между рогами и человѣческой головой или человѣческимъ туловищемъ и козлиными ногами? И даже если сослаться на неопредѣленность термина «сходство» и во имя этого утверждать, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и рога, присоединенные нами къ головѣ, похожи на эту голову и ноги на туловище, все-таки остается вопросъ: почему именно эти сходства отразились въ нашемъ сознаніи и какъ они привели къ единому, цѣльному представленію? Вѣдь не нужно

забывать, что еслибъ мы приставили мысленно къ человѣку какіе-нибудь извѣстные намъ рога (положимъ, рога большой коровы), и ноги какого-нибудь знакомаго намъ козла, изъ этого едва ли что-нибудь получилось бы. Конкретный образъ возникнетъ въ насъ тогда только, когда мы всѣ его частности приведемъ во взаимную гармонію и видоизмѣнимъ ихъ сообразно требованіямъ цѣлаго. И то, что сказано объ этомъ примѣрѣ, относится къ необозримо обширной области нашихъ умственныхъ дѣйствій. Всѣ наши научныя, художественныя и практическія построенія такъ же мало равняются сходствамъ и различіямъ прежде полученныхъ нами впечатлѣній, какъ сатиръ не есть человѣкъ. Въ виду этого, какъ—подобно Юму—утверждать, что сходство и смежность суть единственныя начала сочетанія идей?

Что этотъ пунктъ неразрѣшимо труденъ для ассоціативной психологіи, можно видѣть изъ того, что именно въ немъ одинъ изъ наиболѣе послѣдовательныхъ и убѣжденных ея представителей, Бэнъ, обнаружилъ великую, быющую въ глаза непослѣдовательность. Изобразивъ сначала всю умственную жизнь, поскольку въ ней сказывается оригинальная изобрѣтательность, какъ прямое порожденіе дѣйствія закона сходства, онъ потомъ вынужденъ ввести въ свою психологію ума отдѣлъ *конструктивныхъ ассоціаций*, которыя съ одинаковой неизбѣжностью присутствуютъ и въ нашихъ механическихъ навыкахъ, и въ нашихъ практическихъ дѣйствіяхъ, и въ актахъ нашего пониманія, и въ созданіяхъ нашей фантазіи. Отличительную особенность этихъ ассоціаций Бэнъ полагаетъ во вліяніи *воли* на ихъ образованіе. Воля, преслѣдуя заранѣе поставленныя цѣли, видоизмѣняетъ содержаніе представленій и приводитъ ихъ въ новыя сочетанія, отвѣчающія ея стремленіямъ,—всякое творчество въ концѣ концовъ объясняется только этимъ. И Бэнъ не хочетъ замѣтить, что этимъ допущеніемъ онъ рѣшительно уничтожаетъ то, что доказывалъ раньше: законы смежности и сходства перестаютъ быть дѣйствительнымъ объясненіемъ происходящаго въ нашемъ умѣ; ихъ порожденія низ-

водятся къ уровню сырого матеріала, изъ котораго наша воля свободно черпаетъ то, что ей нужно.

Впрочемъ, едва ли достаточно признать воздѣйствіе нашей сознательной воли, направленной на опредѣленные цѣли, чтобы во всей полнотѣ объяснить процессы нашего сознанія. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ несравненно болѣе общимъ. Психологи мало обращаютъ вниманія на тотъ огромной важности фактъ, что стремленіе къ *преобразованію* сочетаній между идеями, къ ихъ постоянному *перераспредѣленію*, есть коренная черта нашего душевнаго существованія на *всѣхъ* его ступеняхъ, а не только на самыхъ высшихъ: *рядомъ съ силою прочнаго и устойчиваго сцѣпленія* (которая выражается въ дѣйствіи закона смежности и простѣйшихъ дѣйствій закона сходства) *въ сочетаніи нашихъ идей постоянно сказывается сила перераспредѣленія*, и трудно рѣшить, какая изъ этихъ тенденцій нашей души обладаетъ болѣе первоначальнымъ характеромъ. Можно утверждать больше: правильное и безпрепятственное воспроизведеніе представленій по закону смежности, повидимому, предполагаетъ направляющее вліяніе воли, заинтересованной въ такомъ воспроизведеніи; напротивъ, когда это вліяніе ослабѣваетъ, нарушающее дѣйствіе тенденции къ перераспредѣленіямъ обнаруживается очень быстро.

Поясню мою мысль нѣкоторыми примѣрами. Положимъ, намъ очень важно вспомнить во всѣхъ подробностяхъ какое-нибудь событіе нашей прошлой жизни. Подъ вліяніемъ усилий припоминанія, передъ нами постепенно развертывается вереница пережитыхъ событій именно въ томъ порядкѣ, какъ они произошли, воспроизводящая то, что случилось съ нами, иногда съ замѣчательною точностью. Среди воскресшихъ подробностей выдѣляется, наконецъ, и то обстоятельство, которое было для насъ важно и которое мы старались оживить въ своемъ сознаніи. Такимъ образомъ интересъ нашей воли удовлетворенъ; возможно однако, что и послѣ того, какъ наши поиски въ воспоминаніяхъ увѣнчались успѣхомъ, возникшая передъ нами картина прошлаго

продолжаетъ занимать насъ сама по себѣ, помимо всякихъ постороннихъ соображеній. Внутреннее напряженіе насъ утомило, мы уже ничего опредѣленнаго не ищемъ, мы просто пассивно отдаемъ ся созерцанію, казалось, давно забытыхъ, теперь опять ярко всплывшихъ образовъ. Всякій, кто внимательно наблюдалъ за собою, согласится, что въ такихъ случаяхъ въ характерѣ нашихъ представленій обыкновенно происходитъ существенная перемѣна: ихъ выдержанность и строгая вѣрность пережитымъ событіямъ начинаютъ колебаться,—незамѣтно для себя мы сглаживаемъ и расцвѣчиваемъ предстоящую нашему сознанію картину и дѣлаемъ это тѣмъ охотнѣе, чѣмъ болѣе она отъ времени успѣла поблекнуть въ отдѣльныхъ частяхъ. Въ чреду занимающихъ насъ образовъ мы начинаемъ вставлять выпавшія звенья, на мѣсто забытаго мы придумываемъ то, что могло произойти при данныхъ обстоятельствахъ и что возвращаетъ для насъ внутреннее единство разрозненныхъ элементовъ картины. Рядомъ съ этимъ процессомъ подновленія въ насъ подымается и другая работа: неуловимо для себя мы переходимъ къ соображеніямъ о томъ, что обстоятельства могли сложиться иначе, и внутренне измѣряемъ возможные послѣдствія такихъ перемѣнъ; въ своемъ воображеніи мы вновь разыгрываемъ давно пережитыя сцены, но исправленныя и дополненныя соотвѣтственно нашему теперешнему настроенію. Коротко говоря: отъ *воспоминаній* о прошломъ мы переходимъ къ *мечтамъ* о прошломъ. Этотъ элементъ мечты чрезвычайно важенъ для нашей внутренней оцѣнки пережитыхъ событій: именно изъ него объясняется столь свойственная людямъ *идеализація* ихъ прежней жизни, а иногда и завѣдомо извращенное представленіе о ней. Безусловная правдивость въ передачѣ пережитаго есть даръ чрезвычайно рѣдкій.

Но допустимъ, что во время этихъ нашихъ мечтаній о прошломъ мы находимся въ состояніи физической и умственной усталости; пассивная, ничѣмъ не нарушаемая погруженность въ воспоминанія насъ убаюкиваетъ,—нами овладѣваетъ

дремота, причѣмъ однако наше слабѣющее сознание по-прежнему остается направленнымъ на занявшіе его предметы. Тогда мечты о прошломъ смѣняются *фрезами* о немъ,—я разумѣю тотъ особенный разрядъ грезъ, который предшествуетъ наступленію полного сна. Окружающая насъ обстановка исчезаетъ для насъ; предъ нами оживаютъ давно знакомыя лица и мѣста. Всплывшія въ нашемъ сознаниіи фигуры не стоятъ неподвижно,—онѣ совершаютъ разнообразныя дѣйствія, онѣ ведутъ между собою оживленные разговоры. И мы не остаемся равнодушными зрителями того, что совершается передъ нашимъ умственнымъ взоромъ; мы принимаемъ участіе въ разыгрываемыхъ дѣйствіяхъ, мы вступаемъ въ долгія бесѣды съ воскресшими предъ нами лицами. Что же? Эти сцены, которыя проносятся передъ нашимъ внутреннимъ сознаниемъ, представляютъ ли изъ себя лишь простую копию прежнихъ событій? Едва ли это бываетъ часто. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ, какъ въ этомъ убѣждаетъ cadaго его собственный опытъ, грезы о прошломъ еще дальше отстоятъ отъ пережитой дѣйствительности, чѣмъ простыя мечты о немъ. Въ нашихъ безотчетныхъ грезахъ мы обыкновенно имѣемъ несравненно болѣе смѣлыя и безцеремонныя варіаціи на пережитыя темы, нежели въ сознательной игрѣ нашей фантазіи. Матеріалъ возникающихъ въ нашемъ сознаниіи комбинацій, конечно, данъ въ прошломъ опытѣ, но въ протекающихъ передъ нами картинахъ онъ оказывается неузнаваемо-видоизмѣненнымъ и искаженнымъ. И эта черта *искаженія* выражается въ нихъ тѣмъ рѣзче, чѣмъ болѣе наше дремотное состояніе приближается къ сну и чѣмъ болѣе наши полусонныя грезы пріобрѣтаютъ характеръ настоящихъ *сновидѣній*.

Странное дѣло! Какъ это защитники ассоціативной психологіи обыкновенно не замѣчаютъ, что еслибъ законы смежности и сходства были единственными двигателями внутреннихъ процессовъ нашего сознания, то содержаніе нашихъ сновидѣній являлось бы совсѣмъ другимъ, чѣмъ оно есть въ дѣйствительности? Въдъ направляющее вліяніе нашей сознатель-

ной воли, по общему признанію психологовъ, въ ходѣ нашихъ сновидѣній опускается до *minimum'a*, а въ большинствѣ случаевъ и вполнѣ отсутствуетъ; итакъ, слѣдовало бы ожидать, что именно въ содержаніи нашего соннаго сознанія мы должны имѣть самый рѣшительный примѣръ безпримѣснаго, ничѣмъ не смущаемаго дѣйствія законовъ ассоціаціи. Сонныя представленія должны были бы протекать въ насъ въ томъ порядкѣ, который выражаетъ прочныя органическія связи между отвѣчающими этимъ представленіямъ состояніями мозга, — связи, установленныя или одновременнымъ возникновеніемъ (законъ смежности), или однородностью (законъ сходства) этихъ состояній. Другими словами, наше уснувшее сознаніе должно было бы являть собою многочисленныя нити воспоминаній, разнообразно оборванныя въ отдѣльныхъ пунктахъ другими сходными нитями *), т.-е. оно представляло бы изъ себя безпорядочный и прерывистый хаосъ воспоминаній и ничего больше. И вотъ, нашъ внутренній опытъ совершенно не оправдываетъ этого неизбѣжнаго

---

*) Здѣсь я не упоминаю о влияніи на содержаніе нашихъ грезъ тѣхъ разнообразныхъ впечатлѣній, которыя доходятъ до нашего сознанія во время самаго сна; такъ, мы смутно воспринимаемъ положеніе нашего тѣла, мы имѣемъ субъективныя ощущенія блестящихъ искръ свѣта въ темномъ полѣ нашего зрѣнія, мы слышимъ звонъ и шумъ въ ушахъ и т. д. Говоря во всей точности, содержаніе сновидѣній, съ точки зрѣнія ассоціативной теоріи, должно было бы сводиться къ рядамъ воспоминаній, вызваннымъ отчасти раньше испытанными впечатлѣніями нашей бодрственной жизни, отчасти текущими впечатлѣніями нашего соннаго сознанія. Однако, подобная поправка ничего не измѣняетъ въ общемъ смыслѣ ассоціативной гипотезы и не устраняетъ ея трудностей. Напримѣръ, при ея предположеніяхъ понятно, что субъективное воспріятіе искръ въ полѣ нашего зрѣнія (которымъ Вундтъ придаетъ такое широкое значеніе въ возникновеніи нашихъ сновидѣній) должно входить элементомъ въ составъ нашихъ сонныхъ грезъ, но изъ нея едва ли можно объяснить, почему мы воспринимаемъ эти искры въ ихъ настоящемъ видѣ только во время бодрствованія и при внимательномъ самонаблюденіи; напротивъ, при малѣйшихъ признакахъ засыпанія онѣ превращаются въ фантастическія, уродливыя лица, въ образы самыхъ причудливыхъ предметовъ, въ цѣлыя картины природы и т. п. Вообще, *фантастичность* и *шаткость* нашихъ сонныхъ видѣній, — вотъ что прежде всего подлежитъ объясненію, а законы смежности и сходства, хотя бы ихъ дѣйствіе и вызывалось нѣкоторыми внѣшними ощущеніями, такого объясненія никакъ дать не могутъ.

априорнаго вывода: въ нашихъ снахъ мы переживаемъ постоянно *новыя* и по своему составу весьма *шаткія* комбинаціи идей, которыя очень рѣдко повторяются въ одномъ и томъ же видѣ и которыя почти никогда не воспроизводятъ прошлыхъ событій въ ихъ дѣйствительной послѣдовательности. Повтореніе одного и того же сна нѣсколько разъ подъ рядъ есть явленіе настолько исключительное, что оно обыкновенно обращаетъ на себя особое вниманіе людей, его испытавшихъ. Что касается до буквального воспроизведенія во снѣ реальныхъ событій прошлаго, то огромное большинство лицъ, хорошо помнящихъ свои сновидѣнія, рѣшительно заявляютъ, что они никогда не переживали ничего подобнаго. И даже тѣ изъ нихъ, которыя очень часто ночью грезятъ о томъ, что они дѣлали и видѣли за день, обыкновенно утверждаютъ, что событія дня представляются имъ во снѣ въ очень искаженной и фантастической формѣ. Въ самомъ дѣлѣ, наиболѣе знакомые намъ предметы во снѣ мѣняются; едва ли, напр., даже свою собственную комнату мы когда-нибудь видимъ во снѣ совсѣмъ такую, какова она въ дѣйствительности. Это замѣчаніе еще болѣе относится къ сложнымъ представленіямъ о городѣ, въ которомъ мы живемъ, объ улицахъ, по которымъ часто проходимъ, объ извѣстныхъ намъ домахъ. Всякій знаетъ, какъ наши сновидѣнія богаты топографическими несообразностями. И напротивъ, очень часто мы видимъ во снѣ цѣлыя мѣстности, города и дома, которые намъ кажутся вполне знакомыми, хотя въ дѣйствительномъ опытѣ мы ихъ никогда не наблюдали.

Точно также и люди, о которыхъ мы грезимъ, хотя бы мы ихъ очень хорошо знали, въ сновидѣніяхъ представляютъ изъ себя далеко не то, чѣмъ они являются въ реальной жизни. Образы живыхъ существъ, возникающіе во снѣ, вообще отличаются внутреннею цѣльностью и рѣзкостью своихъ обнаруженій. Это свойство можно назвать *типичностью* сонныхъ грезъ. Жизнь во снѣ упрощается: мы сами дѣлаемся наивнѣе, впечатлительнѣе и гораздо откровеннѣе въ своихъ дѣйствіяхъ, — та же перемѣна происходитъ и съ

воображаемыми поступками другихъ людей, съ которыми мы сталкиваемся въ нашихъ сновидѣніяхъ. Характеръ знакомыхъ намъ лицъ остается за ними и въ нашихъ сонныхъ грезахъ, но онъ выражается прямѣе и пластичнѣе. Съ этимъ тѣсно связана *односторонность* созданій грезящей души: при-сущая человѣческимъ характерамъ сложность влеченій и свойствъ въ нашихъ снахъ исчезаетъ, — какая-нибудь одна черта извѣстной намъ личности, иногда въ бодрственной жизни почти незамѣтная, подавляетъ всѣ другія. Отъ этого происходитъ, что нерѣдко человѣкъ, хорошо извѣстный намъ за добраго, во снѣ можетъ представиться элымъ и отталкивающимъ. Это не значить, что наша безотчетная фантазія приписала образу знакомаго намъ лица совсѣмъ не существующіе признаки, но то, что въ этомъ лицѣ есть дѣйствительно несимпатичнаго, благодаря ея воздѣйствію, выросло до огромныхъ размѣровъ и поглотило всѣ другія его качества. Подобная же односторонность и, такъ сказать, прямолинейность изображенія наблюдается и въ нашихъ грезахъ о людяхъ и существахъ, которыхъ мы никогда не видѣли въ дѣйствительности. Изъ односторонности нашихъ сонныхъ представленій вытекаетъ отмѣчающій ихъ колоритъ преувеличенія и каррикатурности: въ нашихъ сновидѣніяхъ все утрировано, какъ въ плохой мелодрамѣ.

Меня неправильно поймутъ, если подумаютъ, что я совсѣмъ отрицаю вліяніе законовъ смежности и сходства на наши сновидѣнія. Напротивъ, вліяніе это несомнѣнно, и въ возникновеніи, и въ содержаніи нашихъ сонныхъ грезъ. Напр., когда мы, встрѣтивъ днемъ какого-нибудь знакомаго, потомъ ночью грезимъ о другомъ лицѣ, вмѣстѣ съ которымъ мы этого знакомаго прежде часто встрѣчали, то въ происхожденіи такого сна безспорно сказалось дѣйствіе смежности. Когда мы видимъ во снѣ событія, пережитыя днемъ, мы имѣемъ примѣръ вліянія сходства. Дѣйствіе закона смежности выражается въ тѣхъ элементахъ сновидѣній, которые вѣрно передаютъ реальныя впечатлѣнія бодрственнаго сознанія; наоборотъ, во вліяніи закона сходства, кажется,

слѣдуетъ положить главный источникъ безсвязности и хаотической беспорядочности нашихъ сновидѣній: возникшія въ сонномъ сознаніи представленія, сплошь и рядомъ, уступаютъ свое мѣсто другимъ, имѣющимъ съ ними какое-нибудь сходство, а рѣзкое ослабленіе памяти не позволяетъ намъ замѣтить несообразности такихъ замѣнъ. Такъ я припоминаю, что однажды видѣлъ себя во снѣ куда-то ѣдущимъ: сначала я ѣхалъ въ пролеткѣ, потомъ немедленно за этимъ я ѣхалъ въ саняхъ, а еще черезъ мгновеніе былъ уже въ лодкѣ на какой-то рѣкѣ, и эта быстрая смѣна способовъ передвиженія меня нисколько не удивила. Однако совершенно очевидно, что наши сонныя грѣзы все же нельзя разсматривать какъ только продуктъ законовъ смежности и сходства. Изъ смежности можно объяснить то, что въ нашихъ снахъ есть вѣрнаго дѣйствительности, но невозможно вывести свойственного имъ *искаженія* дѣйствительности; изъ дѣйствія закона сходства вытекаетъ беспорядочность сновидѣній, но онъ рѣшительно безсиленъ обосновать тѣ безчисленные новыя комбинаціи образовъ, событій и выслушиваемыхъ нами рѣчей,—иногда очень сложныя и при этомъ внутренне цѣлостныя, которыя составляютъ самую коренную принадлежность нашего грезящаго сознанія *).

Повидимому, важное исключеніе изъ сдѣланныхъ до сихъ поръ выводовъ представляютъ нѣкоторыя явленія сна *сом-*

*) Едва ли было бы серьезнымъ возраженіемъ противъ этихъ выводовъ указаніе на ту возможность, что законы смежности и сходства, при возникновеніи нашихъ сновидѣній, комбинируютъ между собою не наши сознательныя представленія, какъ они были извлечены нами изъ опыта, а ихъ простѣйшіе бессознательные элементы. Во-первыхъ, такая роль законовъ ассоціаціи противорѣчила бы ихъ прямымъ формуламъ и общепринятому смыслу; во-вторыхъ, совершенно непонятно, почему законъ смежности, комбинируя простѣйшіе элементы нашихъ воспріятій, могъ бы привести ихъ не въ тѣ сочетанія, въ которыхъ они были даны въ опытѣ, а въ нѣкоторыя новыя и фантастическія, и во всякомъ случаѣ непостижимо, почему такія новыя комбинаціи, объясняемыя своимъ происхожденіемъ только законамъ смежности и сходства, могли бы слагаться въ стройныя, цѣльныя, иногда очень осмысленныя картины. Достаточно вспомнить о тѣхъ безконечно длинныхъ, разнообразныхъ и глубоко послѣдовательныхъ сновидѣніяхъ, которыя испытываютъ застарѣлые потребители опиума и гашиша.

намбулическою. Мы можемъ заставитьъ загипнотизированнаго субъекта, сдѣлавъ ему соответственное внушеніе, не только вспомнить какое-нибудь прошлое событіе со всѣми его вполнѣ реальными подробностями, но и пережить его вновь едва ли не съ полною силою первоначальныхъ впечатлѣній. Въ этомъ фактѣ справедливо можно видѣть одно изъ самыхъ поразительныхъ проявленій дѣйствія закона смежности. Съ другой стороны, люди, страдающіе естественнымъ сомнамбулизмомъ, могутъ пройти съ закрытыми глазами черезъ цѣлый рядъ комнатъ, осторожно обходя всѣ препятствія, и въ то же время безпомощно натываясь на предметы, о присутствіи которыхъ въ той или другой комнатѣ они не знали раньше. Однако эти исключенія только подтверждаютъ обобщеніе, высказанное нами выше: свободное и непримѣнное воспроизведеніе представлений по смежности предполагаетъ контролирующее вліяніе воли, заинтересованной въ этомъ воспроизведеніи. Вѣдь въ обыкновенномъ сомнамбулическомъ снѣ содержаніе грѣзъ столь же фантастично, какъ и въ снѣ нормальномъ; нужно особое внушеніе, опредѣленнымъ образомъ направляющее волю уснувшего лица, чтобы его сновидѣнія приняли характеръ точныхъ воспоминаній. Одинаково и въ актахъ самопроизвольнаго хожденія мы имѣемъ несомнѣнный примѣръ сомнамбулическаго самовнушенія. Я уже не говорю о томъ, что въ послѣднемъ случаѣ объясненіе, быть можетъ, не должно ограничиваться предположеніемъ чрезвычайной отчетливости памяти: весьма вѣроятно, что увѣренности движеній сомнамбуловъ помогаетъ развивающаяся въ нихъ гиперэстезія по отношенію къ тѣмъ впечатлѣніямъ, которыхъ они ожидаютъ.

Замѣчанія, сдѣланныя нами о сновидѣніяхъ, можно распространить и на другіе виды безотчетнаго сочетанія между идеями, — въ явленіяхъ болѣзненнаго бреда, иллюзій, галлюцинацій и т. д. Напримѣръ, въ области галлюцинацій вполнѣ точное, фотографическое воспроизведеніе прежнихъ впечатлѣній есть фактъ весьма рѣдкій; напротивъ, даже

образы предметовъ и лицъ, намъ хорошо знакомыхъ, облекаясь въ галлюцинаторную форму, обыкновенно получаютъ явно фантастическій колоритъ, и этотъ элементъ фантастичности оказывается совсѣмъ господствующимъ, когда страдающему галлюцинаціями представляются вещи и существа, имъ никогда невиданныя (наприм., маленькіе черти, съ ихъ дразнящими и пугающими движеніями, въ бредѣ русскихъ пьяницъ).

Еще менѣе возможно обосновать изъ прямого дѣйствія законовъ смежности и сходства бессознательные процессы ума и фантазіи, составляющіе столь важный моментъ во всякой умственной и художественной дѣятельности. Его огромное участіе въ первыхъ художественныхъ замыслахъ и въ научныхъ открытіяхъ давно было отмѣчено психологами. Не менѣе значительно вліяніе бессознательныхъ сочетаній между идеями въ актахъ выполненія однажды поставленной умственной или художественной задачи: ораторское искусство и способность поэтической импровизаціи представляютъ самые яркіе примѣры умственныхъ дѣйствій, возникающихъ мгновенно и безотчетно, и въ то же время тонко и всесторонне приспособленныхъ къ своимъ цѣлямъ. Наконецъ, въ психологическихъ изслѣдованіяхъ все большій интересъ пріобрѣтаютъ мыслительные процессы, бессознательные во всѣхъ своихъ звеньяхъ, выражающіе вполне автоматическую работу души. Сфера проявленій этихъ процессовъ оказывается очень разнообразною, и, быть-можетъ, именно въ нихъ лежитъ ключъ къ пониманію самыхъ загадочныхъ явленій психической жизни. Такіе процессы нерѣдко приводятъ къ глубоко-разумнымъ и осмысленнымъ результатамъ, хотя при этомъ совершенно убѣгаютъ отъ сознательнаго контроля. Напомню рассказанный Карпентеромъ случай съ его знакомымъ, рѣшавшимъ мгновенно головоломныя математическія задачи. Рѣшенія получались вѣрныя, и тѣмъ не менѣе пути, къ нимъ приведшіе, были такъ далеки отъ сознанія, что этотъ знакомый испытывалъ чувство мистическаго ужаса, когда окончательный результатъ неожиданно всплывалъ въ его умѣ.

Предшествующія соображенія уполномочиваютъ насъ на слѣдующій выводъ: общепринятые законы ассоціаціи идей далеко не все объясняютъ въ нашей умственной жизни. Въ душѣ несомнѣнно дано стремленіе къ образованію прочныхъ сочетаній между пережитыми ею состояніями; но существуетъ въ ней и противоположное стремленіе, равносильное первому,—къ нарушенію раньше установившихся связей, къ *перераспределенію* представлений. Рядомъ съ ассоціаціями устойчивыми и неподвижными, въ ней постоянно совершаются ассоціаціи *подвижныя*. Если, съ одной стороны, нашъ духъ можно сравнить съ зеркаломъ или съ фотографическимъ аппаратомъ, то, съ другой,—его приходится уподобить калейдоскопу. Однако и это сравненіе, какъ всякое сравненіе, недостаточно: постоянно происходящая въ насъ перестановка идей не есть плодъ механической, извнѣ навѣянной случайности; для нея трудно услѣдить опредѣленный законъ, но довольно легко уловить ея направляющій принципъ. Этотъ принципъ можно охарактеризовать какъ *телеологическій*. Во всѣхъ даже самыхъ смутныхъ проявленіяхъ перераспредѣляющаго творчества души сказывается руководящая этимъ творчествомъ *идея*. Безотчетный замыселъ воплощается въ автоматической дѣятельности ума и фантазіи; грубо и уродливо, но все же какой-нибудь бессознательный замыселъ отражается и въ содержаніи нашихъ сновидѣній, и въ бредѣ больного, и въ капризныхъ галлюцинаціяхъ помѣшаннаго. Такъ, въ сновидѣніяхъ (особенно связанныхъ) постоянно наблюдается нѣкоторое единство ихъ общаго тона, несмотря на разнообразіе ихъ частныхъ. Сны бываютъ веселые и печальные, тихіе и безпокойные. Извѣстное общее чувство налагаетъ свой колоритъ на все содержаніе нашихъ грѣзъ и заставляетъ ихъ быть выраженіемъ единого нашего настроенія, единой внутренней оцѣнки воображаемыхъ событій. Болѣзненные сновидѣнія представляютъ лучшее тому доказательство: самыя безразличныя вещи принимаютъ въ нихъ особую лихорадочную окраску и облекаются странными, устрашающими подробностями; въ

томъ же тонѣ видоизмѣняются и внѣшнія впечатлѣнія, которыя успѣваютъ дойти до сознанія. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что въ нашихъ сновидѣнiяхъ все цѣлесообразно по отношенiю къ направляющему ихъ чувству и непосредственной оцѣнкѣ. Точно такъ же и всякая другая автоматическая дѣятельность перераспредѣленiя диктуется скрытыми идеями нашей души, которыя въ свою очередь соотвѣтствуютъ нашимъ интимнѣйшимъ побужденiямъ въ данную минуту.

II.

До сихъ поръ мы рассматривали лишь такiе факты перераспредѣленiя идей, которые происходятъ безсознательно и которые поэтому являются нашему сознанiю какъ нѣчто *данное*, къ чему оно относится пассивно. Но, мнѣ кажется, еще несравненно большее значенiе принадлежитъ нашей перераспредѣляющей способности въ сознательной дѣятельности ума. Возьмемъ слѣдующiй примѣръ: положимъ, мы ѣдемъ въ мѣсто, въ которомъ давно не были, но которое знали хорошо. Допустимъ при этомъ, что насъ чрезвычайно заботитъ мысль о томъ, что насъ тамъ встрѣтитъ. Чтo должно происходить въ насъ? Мы стараемся представить себѣ свои будущiя впечатлѣнiя и невольно воображаемъ ихъ по аналогiи того, что испытали въ этомъ мѣстѣ прежде. Однако внутреннiй голосъ сомнѣнiя насъ останавливаетъ: ничто на свѣтѣ не повторяется, а мы уже очень давно не были тамъ, куда ѣдемъ, и, стало-быть, вправѣ ждать весьма важныхъ переменъ. Въ чемъ онѣ могутъ состоять? Для рѣшенiя этого вопроса у насъ нѣтъ данныхъ, и все-таки мы не въ силахъ удержать свою фантазiю отъ попытки разгадать неизвѣстное. Въ своемъ воображенiи мы рисуемъ возможные измѣненiя въ знакомой обстановкѣ, въ людяхъ, съ которыми мы свидимся, въ собственномъ субъективномъ настроенiи. Въ результатѣ у насъ можетъ получиться очень яркая комбинацiя картинъ. Однако въ насъ не молчитъ и критическая ихъ оцѣнка: конечно возможно, что мы встрѣ-

тимъ все такъ, какъ себѣ представили, но еще гораздо вѣроятнѣе, что насъ ждетъ что-нибудь совсѣмъ другое; вѣдь, составленная нами комбинація, какъ она ни ясна, все-таки произвольна и случайна по своему содержанію. И вотъ, мы разрушаемъ наше собственное созданіе, — мы или обращаемся къ совершенно другому ряду возможностей, или начинаемъ въ отдѣльныхъ частяхъ измѣнять и поправлять нарисованную нами общую картину, подставляя новые образы на мѣсто прежнихъ. Однако и каждая слѣдующая комбинація вызываетъ тотъ же упрекъ, какъ и первая: мы не имѣемъ основаній думать, что ближе подошли къ истинѣ при ней, чѣмъ при всякой другой. И мы опять мысленно зачеркиваемъ ее или всю, или въ отдѣльныхъ подробностяхъ, и безъ конца продолжаемъ одну и ту же работу; мы погружаемся въ неисчерпаемое: или, или. И такъ будетъ идти до тѣхъ поръ, пока мы не бросимъ нашихъ догадокъ о предстоящихъ впечатлѣніяхъ и не станемъ думать о совсѣмъ другихъ вещахъ.

Что же совершается съ сочетаніями нашихъ представленій въ описанномъ случаѣ? Въ нашемъ сознаніи прошли цѣлые ряды новыхъ ассоціаций, тутъ же немедленно разрушаемыхъ, — самыя сложныя вереницы образовъ появлялись передъ нашимъ умственнымъ взоромъ, чтобы тотчасъ же исчезнуть. Итакъ, съ полнымъ правомъ можно сказать, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ ассоціациями шаткими, *подвижными*. Но въ то же время легко отмѣтить ту коренную особенность, которая отличаетъ эти ассоціации отъ рассмотрѣнныхъ до сихъ поръ подвижныхъ сочетаній между идеями. Онѣ возникаютъ, мѣняются и разрушаются уже не помимо волевого контроля, а подъ прямымъ его вліяніемъ; онѣ выражаютъ собою нашу дѣятельную мысль, и поэтому ихъ шаткость и подвижность не только непосредственно сознается нами, но нами же и вызывается. Такія ассоціации, подвижность которыхъ зависитъ отъ собственной дѣятельности нашего сознанія, я предложилъ бы, въ отличіе отъ другихъ видовъ подвижныхъ ассоціаций, назвать *текучими* или *блмы-*

ми ассоціаціями. На этомъ разрядѣ ассоціацій намъ нужно остановиться внимательно: по моему глубокому убѣжденію, ихъ роль въ душевномъ обиходѣ—огромна.

Прежде всего нужно замѣтить, что еслибы въ насъ не существовало постоянно дѣятельной способности вносить текучій характеръ въ сочетанія нашихъ идей, то наше представленіе о какомъ-бы то ни было будущемъ было бы совсѣмъ иное, чѣмъ оно есть. Допустимъ, что законы смежности и сходства суть единственные двигатели всѣхъ нашихъ умственныхъ дѣйствій,—тогда для изображенія будущаго намъ могли бы служить лишь вереницы воспоминаній, вызванныя въ данный моментъ по этимъ законамъ, потому что, какъ мы знаемъ, законы смежности и сходства ничего другого доставить не въ состояніи. Но вѣдь это значитъ, что содержаніе нашего представленія о *будущемъ* въ такомъ случаѣ ничѣмъ не отличалось бы отъ содержанія нашего представленія о *прошломъ*: думая о будущемъ, мы проэцировали бы *впередъ* рѣшительно то самое (*тѣ же* нити воспоминаній, привязанныя къ переживаемому моменту по неизмѣннымъ законамъ ассоціаціи), что, думая о прошломъ, мы проэцировали *назадъ*. Строго говоря, едва ли даже тогда можно было бы указать какую-нибудь отличительную черту между этими *назадъ* и *впередъ*: будущее для насъ просто слилось бы съ прошлымъ. По наиболѣе вѣроятнымъ предположеніямъ абстрактнаго анализа, сознаніе, всецѣло порабощенное законами ассоціаціи, стояло бы внѣ всякихъ различій времени. Съ другой стороны, еслибы для изображенія будущаго намъ служили хотя и подвижныя ассоціаціи, но возникшія безотчетно (какъ во снѣ или въ бреду), къ которымъ наше сознаніе относится страдательно, не будучи въ состояніи оцѣнить ихъ прочности или шаткости, то мы жили бы въ вѣчной иллюзіи такого же полного знанія будущихъ событій, какъ и прошлыхъ. На дѣлѣ нѣтъ ни того, ни другого. Мы постоянно воображаемъ будущее, но съ глубокимъ сознаніемъ возможности безчисленныхъ иныхъ комбинацій между идеями на мѣсто вызванныхъ нами. Если

вопросъ о будущемъ особенно занимаетъ насъ, какъ въ приведенномъ раньше примѣрѣ, мы всецѣло отдаемся внутренней игрѣ этихъ комбинацій; если даже мы и не вызовемъ этой игры, мы знаемъ объ ея возможности и умѣстности, когда вопросъ идетъ о неизвѣстномъ и гадательномъ.

Между тѣмъ, что такое самая идея *возможнаго*? Если брать объективное содержаніе нашихъ представлений, возможное и дѣйствительное не различаются между собою какими-нибудь наглядными признаками. Воображаемъ ли мы возможный или дѣйствительный рубль, въ нашей фантазіи мы имъ приписываемъ одинаковыя качества (форму, цвѣтъ, величину и т. д.); по крайней мѣрѣ, у насъ нѣтъ никакого повода дѣлать какія-либо матеріальныя измѣненія въ нашихъ идеяхъ въ томъ и другомъ случаѣ. Тѣмъ не менѣе возможное и дѣйствительное въ нашихъ глазахъ далеко не одно и то же. Въ чемъ же различіе между ними? Очевидно, оно коренится въ нашемъ внутреннемъ судѣ надъ представляемымъ матеріаломъ—въ отношеніи къ нему нашего сознанія. На представленіе о дѣйствительномъ мы смотримъ какъ на нѣчто данное намъ, чего нельзя устранить, и чего поэтому не слѣдуетъ устранять мысленно, если мы не хотимъ представлять ложно. Совсѣмъ иное съ нашими идеями о *возможныхъ вещахъ*: мы всегда *готовы* удалить ихъ изъ своего ума и замѣнить другими комбинаціями и непосредственно *сознаемъ* эту готовность. Собственно говоря, въ этой готовности и заключается первоначальный элементъ, доставляющій намъ ощущение власти надъ нашими предположеніями.

Но подумаемъ только, какую важную роль выполняетъ различеніе возможностей въ явленіяхъ психической жизни. Возьмемъ хотя бы область нашихъ чувствъ. Вѣдь еслибы каждое новое представленіе въ нашемъ умѣ возникало по невольнымъ ассоціациямъ идей и заплоняло его, какъ нѣчто ему навязанное, неустранимое и для него всецѣло обязательное, тогда представленіе о возможной будущей опасности вызывало бы не страхъ, а прямое страданіе, какъ будто бы несчастіе уже наступило; вмѣсто надежды мы ощу-

шали бы радость полученія; ожиданіе равнялось бы для насъ убѣжденію въ наступленіи факта. Мы не имѣли бы ни одного изъ тѣхъ колеблющихся, неопредѣленныхъ настроеній души, которыя всѣ обусловливаются присутствіемъ въ нашемъ умѣ текучихъ комбинацій между представленіями, при сознаніи ихъ *приблизительной или полной равноцѣнности*. Что такое, напримѣръ, мучительное состояніе борьбы между страхомъ и надеждою, какъ не признаніе одинаковой возможности двухъ какихъ-нибудь явленій, діаметрально противоположныхъ съ точки зрѣнія нашихъ интересовъ?

Съ другой стороны, обращаясь опять къ умственной сферѣ, только благодаря существованію въ насъ того, что я называю *текучими* или *блѣдыми* ассоціаціями, для насъ возможно *общее* мышленіе о конкретныхъ предметахъ. Номиналисты всѣхъ оттѣнковъ съ давнихъ временъ проповѣдуютъ, что содержаніемъ нашей мысли всегда являются частныя представленія, что общія сужденія существуютъ только на словахъ, но что въ нашемъ умѣ, въ соотвѣтствіе съ общими формулами, постоянно возникаютъ какіе-нибудь индивидуальныя, во всѣхъ частностяхъ опредѣленные образы мыслимыхъ объектовъ. Мнѣ кажется, что эту истину можно допустить лишь съ большими ограниченіями. Тѣмъ не менѣе есть цѣлый разрядъ сужденій, къ которымъ она прилагается безъ всякихъ натяжекъ. Напримѣръ, когда мы что-либо утверждаемъ о свойствахъ всякаго треугольника, мы дѣйствительно воображаемъ себѣ какой-нибудь одинъ треугольникъ, — много два или три, — съ совершенно опредѣленною величиною, цвѣтомъ, отношеніемъ сторонъ и т. д. Что же значитъ, что мы при этомъ *мыслимъ* все же нѣкоторое *всеобщее* сужденіе? Опять здѣсь едва ли обойдемся безъ ссылки на дѣйствующее въ насъ сознаніе многихъ возможностей. Мы знаемъ, что сужденіе относится не только къ тому треугольнику, который намъ представился, но и къ безконечному ряду другихъ, и что каждый изъ нихъ мы вправѣ поставить на мѣсто воображаемаго нами. И мы фактически многократно совершаемъ такую замѣну, если общность теоремы возбуждаетъ въ

нась сомнѣніе. Все дѣло въ томъ, что наша мысль не поглощена этимъ однимъ треугольникомъ, который намъ вообразился; напротивъ, мы глубоко сознаемъ случайность и произвольность его частныхъ опредѣленій и внутренно каждую минуту *готовы* замѣнить его другими.

Еще поучительнѣе значеніе процессовъ текучей ассоціаціи въ нашемъ мышленіи тѣхъ идей, которыя, по самому своему смыслу, *непредставимы*, т.-е. не могутъ быть выражены въ образъ, дѣйствительно имъ отвѣчающемъ. Такова, напр., идея о *безконечномъ*. Вообразить что-нибудь безконечнымъ, очевидно, нельзя,—наша способность воображенія заключена въ очень тѣсные предѣлы. И тѣмъ не менѣе мы понимаемъ безконечность и настолько отчетливо, что можемъ очень горячо спорить о приложимости этого понятія въ тѣхъ или иныхъ случаяхъ. Вопросы о томъ: безконеченъ міръ или нѣтъ? вѣченъ онъ или имѣлъ начало во времени? бессмертна ли душа? несомнѣнно, принадлежатъ къ числу самыхъ жгучихъ въ исторіи человѣческой мысли. Самыя понятія *всегда* и *никогда*, или *вездѣ* и *нигдѣ*, столь часто нами употребляемая, были бы невозможны, еслибъ въ насъ не существовало нѣкоторой положительной идеи о *неограниченномъ* во времени и пространствѣ. Какъ мы подобныя понятія мыслимъ, когда все, что мы способны представить, прямо противорѣчитъ ихъ содержанію? Обыкновенно это недоумѣніе рѣшается просто, но за то едва ли удовлетворительно. Разсуждаютъ такъ: понятія, которыхъ нельзя выразить въ адекватномъ образѣ, мы мыслимъ чрезъ *символы*. Напримѣръ, мы не можемъ вообразить міра въ его цѣломъ, какъ онъ есть,—поэтому мы создаемъ въ нашей фантазіи его миниатюрное, въ сущности очень мало на него похожее изображеніе или даже совершенно условный знакъ, и тогда міръ становится для насъ представимымъ. Однако, не разъ указывалась полная несостоятельность такого объясненія: вѣдь символъ лишь до тѣхъ поръ символъ, пока мы его понимаемъ, т.-е. сознаемъ его отношеніе къ тому, что онъ долженъ обозначать. Другими словами, чтобы мыслить въ символахъ, нужно предва-

рительно, помимо символовъ, имѣть идею о томъ, что они выражаютъ собою *). Это тѣмъ болѣе должно распространяться на идеи, по отношенію къ которымъ всякій наглядный символъ, именно своею наглядностью и завершенностью, есть ихъ прямое отрицаніе,—какова идея о безконечномъ.

Что же происходитъ въ сферѣ нашихъ представленій, когда мы что-нибудь (положимъ, пространство) мыслимъ безконечнымъ? *Текущій* характеръ того, что въ этомъ случаѣ совершается въ насъ, издавна былъ замѣченъ психологами. Уже Локкъ идею безконечности называлъ „текучею (fugitive) во всѣхъ отношеніяхъ“. Въ самомъ дѣлѣ, мы приближаемся къ ея усвоенію только чрезъ безостановочное прибавленіе къ предположеннымъ величинамъ все новыхъ величинъ, при чемъ каждый новый предѣлъ, полагаемый нашею мыслию для представляемаго нами путемъ такихъ прибавленій, немедленно ею снимается, какъ только онъ былъ достигнутъ, и прибавленія продолжаютъ. Поэтому Локкъ имѣлъ полное основаніе въ своемъ тонкомъ и глубокомъ анализѣ охарактеризовать безконечность, какъ идею, „которая увеличивается безъ конца“. Однако, при этомъ нужно обратить вниманіе на одинъ очень существенный пунктъ: вѣдь чрезъ такое постоянное отбрасываніе всякой поставленной границы, мы получаемъ величину мѣняющуюся, но вовсе не безконечную. Еслибъ весь смыслъ нашего понятія о безконечности исчерпывался тѣми вереницами представленій, которыя проходятъ въ нашей головѣ при мышленіи о немъ, то между идеей безконечности и идеей непрерывно растущей величины не было бы никакой разницы; между тѣмъ такая разница безспорно существуетъ: безконечность есть никогда не достигаемый идеальный предѣлъ растущей конечной величины. Въ чемъ же *психологическое* различіе между этими двумя идеями? Какъ и при различеніи возможнаго отъ дѣйствительнаго, оно заключается не въ матеріальномъ содержаніи представленій, а въ субъективномъ отно-

---

*) См. мои «Положит. задачи философіи» ч. II.

шеніи къ нему нашего сознанія. Мысля безконечное, мы не только зачеркнули и отбросили всѣ границы, данныя въ представленіи раньше, но мы знаемъ, что мы отбросимъ и всѣ другія, и даже стараемся это выполнить. Съ этой точки зрѣнія, подлиннымъ содержаніемъ или, по крайней мѣрѣ, главнѣйшимъ факторомъ содержанія нашего понятія о безконечномъ является самое наше рѣшеніе возвыситься надъ *каждою границею вообще*, разъ она будетъ дана въ нашемъ представленіи. Какъ при размышленіи о какой-нибудь всеобщей истинѣ мы отбрасываемъ все частное, заключающееся въ представленіи, какъ случайное для нашей мысли, допускающее замѣну другими возможностями, такъ и суть нашего пониманія безконечности лежитъ въ неизмѣнномъ и заранее предрѣшенномъ *отбрасываніи* всѣхъ воображаемыхъ предѣловъ. Иначе сказать, идея безконечности коренится въ *волево*мъ актѣ сознанія, или, пожалуй, даже вся и состоитъ въ этомъ актѣ, *поскольку онъ сознанъ*. Повидимому, это имѣлъ въ виду Локкъ, когда онъ говорилъ, что „каждый почерпаетъ идею о безконечномъ пространствѣ изъ способности простирать безъ конца свое представленіе о пространствѣ путемъ новыхъ прибавленій, такъ какъ эта способность остается всегда неизмѣнною“.

По этому поводу вообще можно поставить вопросъ: не слѣдуетъ ли важнѣйшую долю самаго содержанія идей непредставимыхъ (т.-е. невыразимыхъ ни въ какомъ адекватномъ конкретномъ образѣ) положить въ тѣхъ волевыхъ актахъ, которыми обуславливается ихъ пониманіе? Между тѣмъ моментъ *непредставимости*, или то, что можно назвать *сверхъчужденнымъ* элементомъ нашихъ умственныхъ операций, присутствуетъ во всѣхъ идеяхъ нашего разума и во всѣхъ нашихъ сужденіяхъ, какъ я старался показать въ другомъ мѣстѣ *). И чѣмъ идея общѣе и отвлеченнѣе или чѣмъ она сложнѣе, тѣмъ болѣе въ ней сказывается этотъ элементъ. Разумѣя подъ волею дѣятельную силу духа вообще, при-

*) Пол. зад. фил. ч. II, стр. 40.

дется признать, что всякое отвлечение есть акт *волевой*, коренящийся въ дѣятельности вниманія. Съ другой стороны, всякая сложная идея предполагаетъ внутренній актъ синтеза, связующій многообразное содержаніе въ единое цѣлое. Возьмемъ наиболѣе простой примѣръ: мы видимъ цвѣтъ и форму яблока, осязаемъ его твердость, обоняемъ запахъ, ощущаемъ вкусъ, и все это объединяемъ въ концепцію *яблока*, какъ *одной* вещи, которой принадлежать и цвѣтъ, и твердость, и запахъ, и вкусъ, какъ свойства. Что тутъ произошло въ нашей психической сферѣ? Вѣдь цвѣтъ не есть запахъ, и вкусъ не есть твердость; и тѣмъ не менѣе мы какъ бы слили и отождествили ихъ между собою, признавъ за проявленія одного и того же. И что же такое это *одно*, которое обладаетъ названными свойствами, и чрезъ какой психической матеріаль мы его усвоиваемъ нашею мыслию, когда отличаемъ его, какъ предметъ, отъ вызванныхъ имъ ощущенийъ, какъ его качествъ? Очевидно, здѣсь ни о какомъ наглядномъ, осязаемомъ образѣ—рѣчи быть не можетъ. Предметъ, въ его отличіи отъ всѣхъ его свойствъ, мы только мыслимъ, но едва ли кто станетъ заявлять серьезную претензію живо себѣ его представить. Но въ чемъ заключается актъ мышленія, когда мы признаемъ яблоко за единую вещь? Онъ состоитъ, прежде всего, въ дѣйствіи соединенія, *синтеза* разнообразныхъ ощущенийъ; но это дѣйствіе мы не рассматриваемъ, какъ выраженіе нашего субъективнаго произвола, мы признаемъ его отвѣчающимъ познаваемому содержанію, мы видимъ въ немъ *изображеніе* объективной связи того, что ощущаемъ,—и съ психологической точки зрѣнія едва ли въ нашемъ умѣ въ этомъ случаѣ происходитъ что-нибудь большее. Итакъ, что же мы дѣлаемъ, когда противопоставляемъ предметъ синтезированнымъ въ немъ свойствамъ? Мы противопоставляемъ нашъ объединяющій волевой актъ, изображающій для насъ внутреннюю связь ощущенийъ, тѣмъ ощущеніямъ, которыя мы раньше этимъ самымъ актомъ объединили. Другими словами, психической матеріаль для пониманія *субстанціи* въ отличіе отъ ея атрибутовъ даетъ наша собственная воля.

Іменно эту точку зрѣнія захищаль знаменитый французскій психологъ начала нынѣшняго столѣтія Мэнъ де-Биранъ, глубже всѣхъ другихъ оцѣнившій многостороннее вліяніе воли на нашу умственную жизнь. Онъ разсуждаетъ такъ: черезъ анализъ чувственного созерцанія мы можемъ получить лишь элементы, также чувственные, доступные воображенію и ощущенію; напротивъ, тамъ, гдѣ нечего видѣть, осязать, ощущать, — область чувственного усмотрѣнія совсѣмъ кончается. Но мы имѣемъ нѣкоторыя понятія, совсѣмъ абстрактныя, у которыхъ нельзя указать ни одного чувственного, нагляднаго признака: таковы понятія о существѣ, причинѣ, силѣ, чистомъ бытіи, единствѣ, тождествѣ. Откуда берутся эти понятія? По ученію Мэнъ де-Бирана, ихъ источникъ въ непосредственно воспринимаемой дѣятельности нашего я. Наша воля, наше я, дѣятельная причина нашихъ внѣшнихъ и внутреннихъ актовъ, — все это только разныя названія для единого центра, который живетъ и сознаетъ себя въ насъ. И лишь отвлекая основныя свойства нашего я и его волевой дѣятельности, мы получаемъ высшія понятія нашего ума, вполне свободныя отъ всякихъ чувственныхъ примѣсей. Наше я есть самое достовѣрное, что мы знаемъ, — нѣтъ безспорнѣе истины, что мы существуемъ; и тѣмъ не менѣе наше я, въ своемъ единствѣ и неизмѣнномъ тождествѣ съ самимъ собою, недостижимо ни для ощущенія, ни для воображенія. Вотъ почему для насъ возможны понятія съ сверхчувственнымъ содержаніемъ. Роль этихъ понятій въ нашемъ познаніи громаднa: мы выносимъ ихъ за предѣлы нашего субъективнаго міра и простираемъ на всю дѣйствительность; они обращаются для насъ во всеобщія категоріи, внѣ которыхъ мы не только не можемъ признать что-нибудь реальнымъ, но даже и просто не въ состояніи что-нибудь мыслить. Гдѣ нѣтъ существъ, силъ, причинности, единства, тамъ для насъ нѣтъ ничего *).

Въ самомъ дѣлѣ, стоило бы внимательно подумать надъ тѣмъ, сколько чисто-волевыхъ элементовъ многообразно

*) См. болѣе подробное изложеніе въ „Полож. зад. фил.“ ч. II, стр. 147 и т. д.

вплетаются не только въ наше пониманіе тѣхъ идей, на которыхъ останавливается Мэнъ де-Биранъ, но и въ наши понятія о возможномъ, дѣйствительномъ, необходимомъ, въ наше различіе между утвержденіемъ и отрицаніемъ, въ наши понятія о всеобщихъ отношеніяхъ между вещами и т. д. Однако, именно волевой факторъ логическаго смысла отвлеченныхъ идей обыкновенно совсѣмъ игнорируется психологами. Не оттого ли ходячія психологическія объясненія происхожденія нашихъ высшихъ обобщеній такъ сбивчивы и туманны?

Впрочемъ, теперь я не буду настаивать на этомъ пунктѣ: онъ самъ по себѣ требуетъ подробнаго и всесторонняго обсужденія. Для насъ важенъ общій выводъ, неизбѣжно вытекающій изъ предшествующихъ заключеній: въ огромномъ множествѣ умственныхъ процессовъ мы не удовлетворяемся непосредственно даннымъ содержаніемъ нашихъ представленій, но возвышаемся надъ нимъ и вызываемъ въ сочетаніяхъ его элементовъ нескончаемыя преобразования, при чемъ, однако, ни одно изъ полученныхъ этимъ путемъ новыхъ сочетаній не составляетъ адекватнаго образа того, чего мы ищемъ. Можно сказать, что въ такихъ случаяхъ каждая частная группа представленій является дѣйствительно лишь *символомъ* того, къ чему мы хотимъ мысленно приблизиться, равноцѣннымъ съ другими символами, и мы *сознаемъ* это: текучесть ассоціацій въ томъ значеніи, какъ я употребляю этотъ терминъ, есть именно результатъ *сознанія* многихъ равноправныхъ возможностей по отношенію къ искомому содержанію ума.

Напомню, что два года назадъ въ нашемъ Обществѣ Н. И. Шишкинъ, въ своемъ любопытномъ и оригинальномъ рефератѣ о математической психологіи *), доказывалъ, что въ зависимости, какъ физическихъ измѣненій нашего организма отъ нашихъ психическихъ состояній, такъ и психическихъ состояній между собою, мы должны предположить моментъ

*) „О детерминизмѣ въ связи съ математической психологіей“ (В. фил. и псих., кн. 8-я).

произвольности или *междупредѣльности*. Его аргументація была очень проста: наши психическія состоянія, какъ въ этомъ съ несомнѣнностью убѣждаетъ насъ внутренній опытъ, по сравненію съ непрерывностью процессовъ физической природы, въ математическомъ смыслѣ, суть величины *прерывныя*; между тѣмъ функція прерывныхъ величинъ произвольна, (т.-е. каждому ихъ значенію отвѣчаетъ, между извѣстными предѣлами, цѣлый рядъ значеній зависящихъ отъ нихъ величинъ непрерывныхъ, или хотя также прерывныхъ, но съ другими періодами измѣняемости). Переведемъ это на языкъ психологіи: когда одно представленіе вызываетъ въ нашемъ сознаніи другія, мы не всегда можемъ съ точностью предсказать содержаніе этихъ другихъ представлений; очень часто воспроизведеніе ихъ въ зависимости отъ даннаго представленія можетъ совершиться по *одному изъ многихъ* путей, одинаково удовлетворяющихъ существующимъ условіямъ. Такъ, когда мы скажемъ общее названіе какого-нибудь предмета, этимъ вовсе не предопредѣляется, какой именно конкретный образъ этого предмета представится фантазіи нашего слушателя.

Математически говоря, во всѣхъ недавно разсмотрѣнныхъ случаяхъ мы имѣли такую *междупредѣльность* во взаимныхъ отношеніяхъ между идеями. Въ понятіи треугольника не заключается никакихъ поводовъ воображать именно тотъ, по формѣ и величинѣ треугольникъ, который первый представился нашему уму, а не какой-нибудь другой; въ понятіи неизвѣстнаго намъ будущаго нѣтъ никакихъ побужденій предпочесть одни возможные въ немъ событія другимъ и т. д. И мы сознаемъ такую *междупредѣльность* въ отношеніяхъ идей, и это вызываетъ свободную игру нашего духа съ конкретными ограниченіями и подробностями представляемаго нами. Въ этомъ состоитъ свобода мышленія, какъ его неизбѣжное и основное свойство. И она должна выражаться и въ нашихъ дѣйствіяхъ во внѣшнемъ мірѣ: вѣдь, наша практическая дѣятельность есть реализація того, что мы думаемъ. Сознательно взвѣсивая соотвѣтственность цѣ-

лей и средствъ, мы повинемся не безотчетному сцѣпленію ассоціацій, а свободно измѣряемъ разныя возможности, какъ это дѣлаемъ при всякомъ размышленіи о будущемъ. Если у насъ есть основаніе предпочесть одну возможность предъ другими, въ виду представляемаго ею и замѣтнаго для насъ удобства, мы, конечно, ее воплощаемъ въ своемъ дѣйствіи. Если у насъ такого основанія нѣтъ, мы просто реализуемъ одну изъ возможностей, построенныхъ нашимъ умомъ. Въ послѣднемъ случаѣ, живое стремленіе осуществить нашъ замыселъ есть вполне достаточное основаніе не оставаться въ бездѣйствіи даже и тогда, когда различные способы его выполненія для насъ равноцѣнны. *Свобода воли* въ тѣсномъ смыслѣ слова является необходимымъ слѣдствіемъ коренныхъ свойствъ нашей природы: она естественный плодъ внутренней свободы разума*).

Къ какимъ же окончательнымъ заключеніямъ можемъ мы прийти на основаніи всего сказаннаго? Творческая дѣятель-

*) Можетъ быть, возразятъ, что существованіе процессовъ *текучей* или *былой* ассоціаціи въ нашемъ умѣ вовсе не устраняетъ строгаго детерминизма нашихъ душевныхъ актовъ. Какое -нибудь представленіе А, возникающее первымъ въ процессѣ текучей ассоціаціи (положимъ, при размышленіи о частныхъ случаяхъ нѣкотораго общаго понятія), входитъ въ наше сознаніе не случайно и не безпричинно, — что-нибудь подготовило появленіе въ нашей мысли именно его, а не какого-нибудь другого представленія. Точно также возникновеніе слѣдующаго за нимъ представленія В должно съ необходимостью опредѣляться психическими условіями, вытекающими изъ существованія въ насъ представленія А и сопровождающихъ его обстоятельствъ нашей внутренней жизни. Подобныя соображенія должны повториться и для представленій С, D, E, G, которыя промелькнутъ въ нашемъ умѣ послѣ представленія В.

На такое разсужденіе можно отвѣтить, что рѣшеніе вопроса въ этомъ случаѣ всецѣло зависитъ отъ того, признаемъ мы участіе воли въ ходѣ нашихъ представленій или его отвергаемъ? Если мы отрицаемъ всякое воздѣйствіе воли (будь то въ скрытомъ или явномъ видѣ) на движеніе нашихъ идей, тогда намъ, конечно, лишь останется предположить невольную связь между ними, — ихъ прочное сцѣпленіе между собою, которое заставляетъ ихъ слѣдовать другъ за другомъ въ одномъ опредѣленномъ порядкѣ, и для такого сцѣпленія едва ли можно указать какіе-либо другіе руководящіе принципы, кромѣ смежности и сходства. Однако, именно тогда-то мы и не получимъ никакихъ *текучихъ* или *былыхъ* ассоціацій, а только ассоціаціи *прочныя* и *устойчивыя*, т.-е. объяснимъ совсѣмъ не то, что взялись объяснить.

ность преобразования и перераспределения представлений выражается на всѣхъ стадіяхъ душевнаго существованія, хотя въ весьма разнообразныхъ формахъ; едва ли можно указать такую низкую ступень слабоумія или психическаго разстройства, на которой тенденція къ перераспределеніямъ идей совсѣмъ бы отсутствовала и законамъ сходства и смежности принадлежало исключительное господство. Съ другой стороны, подвижныя ассоціаціи, обязанныя своимъ существо-

Какъ мы видѣли, существенная особенность процессовъ текучей ассоціаціи состоитъ прежде всего въ вліяніи на нихъ актовъ нашей воли. Скажутъ ли, что и наша воля безусловно опредѣляется въ своемъ направленіи содержаніемъ представлений, съ которыми она имѣетъ дѣло, что поэтому представленіе А рождаетъ лишь такую волю, которая непремѣнно вынуждена обратиться на В, а никакъ не на С и не на D? Но не говоря уже о томъ, что такое утвержденіе несомнѣнно заключало бы въ себѣ *retitio principii*, — оно находится въ открытомъ противорѣчій съ описанными выше данными внутренняго опыта. Направляющее воздѣйствіе воли въ происхожденіи того, что я назвалъ *блѣнными ассоціаціями*, состоитъ именно въ томъ, что она, такъ сказать, вырываетъ отдѣльныя представленія изъ ихъ принудительныхъ сдѣплений съ другими и образуетъ новыя сочетанія. Съ другой стороны, въ составѣ блѣнныхъ ассоціацій обыкновенно нельзя услѣдить никакой внутренней, логической неизбѣжности для непремѣннаго перехода отъ даннаго представленія къ тому, которое за нимъ слѣдуетъ: такъ, когда мы перебираемъ въ умѣ частныя примѣры какой-нибудь общей истины о треугольникахъ, нѣтъ никакого логическаго основанія, чтобы мы, вслѣдъ за прямоугольнымъ треугольникомъ, во что бы то ни стало, подумали о тупоугольномъ, а не остроугольномъ треугольникѣ. Самый источникъ блѣлости ассоціацій заключается, какъ мы могли въ этомъ убѣдиться, въ безразличномъ отношеніи нашей воли къ ихъ отдѣльнымъ звеньямъ; и этотъ ихъ безразличный характеръ не можетъ не отражаться въ ихъ обратномъ вліяніи на нашу волевую дѣятельность. Когда мы стремимся къ какой-нибудь цѣли и намъ представляется нѣсколько одинаково возможныхъ и для насъ равноцѣнныхъ способовъ ея реализаціи, — мы избираемъ какой-нибудь одинъ изъ нихъ, — не потому, чтобы онъ имѣлъ преимущества предъ другими, а единственно потому, что какой-нибудь путь къ ея осуществленію выбрать надо. Здѣсь мы будемъ имѣть *мотивированный фактъ произвольности* дѣйствія, потому что безъ такой произвольности цѣль, при данныхъ условіяхъ, совсѣмъ не могла бы осуществиться. Станутъ ли утверждать, что такой случай невозможенъ, что каждое наше представленіе есть нѣкоторая опредѣленная по своей интенсивности величина, и поэтому при ихъ взаимномъ столкновеніи съ неизбѣжностью должно одолѣть сильнѣйшее и тѣмъ самымъ сдѣлаться исключительнымъ двигателемъ нашей воли? Но возможно ли доказать это предположеніе, навѣянное преданіями Гербартовой психологии? Точно ли каждое пред-

ваніемъ преобразующей силѣ души, и по своему происхожденію и по своему дѣйствию на наше сознаніе, раздѣляются на двѣ рѣзко разграниченныя категоріи: однѣ изъ нихъ, возникшія совсѣмъ безотчетно, какъ бы ни были онѣ случайны и скоропреходящи, все-таки вызываютъ въ насъ иллюзію чего то устойчиваго, самостоятельнаго; какъ бы ни казалось нелѣпымъ событіе, воображаемое нами во снѣ, мы въ него вѣримъ, пока его видимъ; какъ бы ни была чудо-

ставленіе, съ своей психической стороны и въ своемъ отношеніи къ волѣ, есть совершенно опредѣленная и постоянная величина? И существуютъ ли безспорныя основанія думать, что наша воля есть пассивная наблюдательница разнообразныхъ поединковъ между представленіями, покорно отдающаяся во власть счастливаго побѣдителя? Даже болѣе,—такое изображеніе волевыхъ актовъ не явится ли величайшимъ искаженіемъ настойчивыхъ свидѣтельствъ нашей душевной жизни? Во-первыхъ, въ нашемъ сознаніи нѣтъ даже и поприща для такихъ поединковъ: заразъ, съ одинаковымъ вниманіемъ и отчетливостью, мы въ состояніи усвоить только очень небольшое количество идей. Во-вторыхъ, наша воля не овладѣвается тѣмъ или инымъ способомъ дѣйствія, какъ внѣшнюю роковую и неодолимою силою; она отъ себя избираетъ пути своего проявленія. Когда мы выбираемъ какой-нибудь образъ дѣйствія, мы тѣмъ самымъ устраняемъ всѣ другіе, какова бы ни была интенсивность элементовъ, слагающихъ наши представленія о нихъ. Вообще, приписывать волѣ направляющее и ограничивающее вліяніе на механическое взаимодействіе идей (а не признать этого вліянія невозможно, если только справедливы выводы, полученные нами раньше), и въ то же время разсматривать самую волю, какъ механической результатъ этого взаимодействія, есть противорѣчіе настолько очевидное, что его нельзя не замѣтить. Вундтъ говоритъ: «Мы должны сознаться, что вполне достаточнаго эмпирическаго доказательства въ пользу детерминизма не существуетъ. Опредѣляемость воли, равно какъ и всеобщая причинность, собственно есть метафизической постулатъ». Съ этимъ мнѣніемъ трудно не согласиться. Нужно, однако, прибавить, что это постулатъ въ сущности призрачный и основанный на чистомъ недоразумѣніи. Свобода вовсе не есть отрицаніе причинности, а только одинъ изъ ея видовъ, притомъ самый первоначальный и коренной. Внѣшній детерминизмъ явленій (т.-е. роковая и слѣпая зависимость явленій послѣдующихъ отъ предшествующихъ), представляетъ изъ себя нѣчто невысказанное, если не допустить въ его основѣ предваряющаго самоопредѣленія силъ самостоятельныхъ. (Объ этомъ я подробно говорю въ «Полож. зад. фил.» ч. II, гл. III, особенно на стр. 204—211 и 221—223. Срав. также стр. 270—289, 331—333, 350—351). Впрочемъ, какъ бы мы ни смотрѣли на метафизическое отношеніе понятій свободы и необходимости, уже то важно, что лишь метафизики, и при этомъ на основаніяхъ шаткихъ и гадательныхъ, могутъ утверждать теоретическую *неосомнѣнность* детерминизма.

вишна представившаяся намъ галлюцинація, нужны величайшія усилія критическаго разсудка, чтобы убѣдиться въ ея призрачности. Напротивъ, другія подвижныя сочетанія, которыя я назвалъ *текучими*, непосредственно ясны для насъ въ своемъ основномъ качествѣ и не обманываютъ никого. Въ чемъ же различіе между этими двумя группами подвижныхъ ассоціацій? Опираясь на предыдущее, мы можемъ дать совершенно опредѣленный отвѣтъ на этотъ вопросъ: текучій характеръ идейныхъ сочетаній есть порожденіе нашей собственной воли,—мы сами вызвали пестрые ряды смѣняющихся представлений, и знаемъ объ этомъ, и знаемъ, зачѣмъ ихъ вызвали. Мы непосредственно сознаемъ волю, ихъ производшую, и оттого они неспособны ввести насъ въ заблужденіе. *Сознаніе текучести и лишь символическаго значенія нашихъ представлений всецѣло зависитъ отъ сознанія ихъ происхожденія отъ нашей произвольной дѣятельности.* А изъ этого, если вспомнимъ все то, что было сказано о роли текучихъ ассоціацій въ нашей душевной жизни, получается очень важный выводъ: *сознаніе нашей самодѣятельности есть коренное условіе существованія въ насъ идей о возможномъ, будущемъ, о всеобщихъ истинахъ, о нашихъ практическихъ цѣляхъ, — а также такихъ эмоцій, какъ ожиданіе, страхъ и надежда.*

Коротко сказать: еслибъ въ насъ не было самодѣятельности, и еслибъ она нами не сознавалась прямо, какъ такая,—самые элементарные умственные процессы были бы невозможны. И она всегда является, какъ *единая* дѣятельность, ибо только въ ея внутреннемъ единствѣ получаетъ связь и смыслъ неуправляемый потокъ прихотливыхъ и мѣняющихся сочетаній между представленіями, составляющій неизбѣжную почву едва ли не для всѣхъ нашихъ умственныхъ операций. А это обстоятельство выдвигаетъ на первый планъ вопросъ о нашемъ сознающемъ я.

На природу нашего я въ психологіи существуетъ два взгляда: по одному воззрѣнію, которое нужно считать господствующимъ, я есть только наше представленіе, сравнительно поздно возникшее изъ очень сложной работы механизма

ассоціацій. Другіе психологи, наоборотъ, думаютъ, что наше *я* есть условіе и двигатель ассоціацій, предшествующій всѣмъ синтезамъ какихъ бы то ни было представленій. Если заключенія, которыя мы получили до сихъ поръ, вѣрны, очевидно, куда должно для насъ склониться рѣшеніе вопроса: наше *я*, какъ сознающая себя самодѣятельная сила, не есть *результатъ* процессовъ сознанія, а ихъ реальный *центръ* и живая *основа*. Нѣтъ никакого сомнѣнія,—наше отчетливое представленіе о нашемъ *я*, какъ о чемъ-то отличномъ не только отъ окружающаго насъ міра, но и отъ нашего тѣла, и даже отъ нашихъ собственныхъ отдѣльныхъ душевныхъ состояній, развивается очень медленно и постепенно, и разъ оно образовалось, оно само по себѣ, въ своемъ качествѣ *представленія*, становится очень важнымъ стимуломъ нашихъ внутреннихъ и внѣшнихъ дѣйствій. Въ этомъ правда ассоціативной теоріи. Но все же наше *я* не есть лишь такое представленіе. Напротивъ, самое это представленіе могло только потому возникнуть, что въ насъ изначала дана единая сознающая дѣятельность, отличная и отъ внѣшняго міра, и отъ нашего тѣла, которое она воспринимаетъ и движетъ, и отъ нашихъ отдѣльныхъ душевныхъ состояній, которыя она испытываетъ и направляетъ. И эту дѣятельность мы сознаемъ прямо и непосредственно, потому что мы *сами*—эта дѣятельность (какъ утверждали еще Мэнъ де Биранъ и Фихте). Мы только тѣмъ и сознаемъ ее, что внутренно дѣйствуемъ, и съ другой стороны, еслибъ мы ея никакъ не сознавали, нельзя было бы и говорить о *нашей* дѣятельности. Ея существованіе есть нѣкоторый основной, далѣе неразложимый фактъ психологіи, и его разъ навсегда слѣдуетъ признать такимъ: лишь это признаніе спасетъ современную психологію отъ разрывающихъ ее очевидныхъ, поразительныхъ иногда, противорѣчій. Если нашу внутренно единую волю мы назовемъ *я первичнымъ*, а наше представленіе о себѣ *я вторичнымъ*, тогда можно будетъ сказать, что *я вторичное* постепенно развивается изъ *я первичнаго*, и это утвержденіе уже не будетъ имѣть того предвзятаго, заранѣе осуждаю-

щаго реальность нашего я смысла, какой имѣть оно, на-
примѣръ, у Мейнерта.

Текуція ассоціаціи, въ своихъ безконечно разнообразныхъ перераспредѣленіяхъ, направляются и движутся нашею волею. Въ чемъ же источникъ постояннаго перераспредѣленія идей въ бессознательныхъ операціяхъ нашей души? Должны ли мы искать его просто въ физико-химическихъ процессахъ нашего мозга и нервныхъ центровъ? Этому, повидимому, рѣшительно противорѣчитъ всегда наблюдаемая, бѣлая или мѣлая осмысленность этихъ операцій. Когда изъ бессознательныхъ нѣдръ нашего духа всплываетъ геніальный замыселъ, или когда въ глубокомъ снѣ въ насъ зрѣетъ рѣшеніе интересующей насъ задачи, при чемъ въ сознание попадаетъ лишь окончательный результатъ, мы несомнѣнно имѣемъ дѣло съ мышленіемъ и разумомъ, а какъ мы убѣдились, безъ волевой дѣятельности я, нѣтъ мѣста для дѣйствительной мысли. Но какое же это я? То же ли, которое дѣйствуетъ и сознаетъ себя въ насъ? Но въ такомъ случаѣ какъ же мы не сознаемъ того, что сами совершаемъ? Или это другое я (или мноія другія я), отъ насъ отличное? Но если такъ, то не должно ли и оно, подобно нашему сознательному я, сознавать себя и свои дѣйствія, — вѣдь, безъ знанія дѣятельности, направляющей ходъ идей, также невозможны никакіе умственные процессы?

Все это вопросы очень интересные, и, повидимому, имъ скоро придется занять первенствующее положеніе въ психологіи, но предѣлы моего реферата не позволяютъ мнѣ ихъ теперь касаться.

Л. Лопатинъ.

О природѣ времени.

Вопросъ о природѣ времени занималъ уже философовъ древности. Они спрашивали: «что такое время? существуетъ ли оно? а если существуетъ, то гдѣ и какъ?» Но ихъ попытки дать отвѣты на эти вопросы встрѣчали непреодолимая трудности и кончались полной неудачей. Блаженный Августинъ говорилъ: «если ты *спрашиваешь* меня, что такое время, то я отвѣчу: не знаю, если же *не спрашиваешь*, то я знаю, что оно такое». Августинъ этими словами хотѣлъ сказать: «я знаю очень хорошо конкретное явленіе времени, но если ты задаешь мнѣ *философскій* вопросъ о *природѣ* времени,—о томъ, что оно такое, само по себѣ, по сравненію съ другими существованіями, то я становлюсь втупикъ, не зная, что тебѣ на это отвѣтить».

Философы были вполнѣ правы, задаваясь вопросомъ о томъ, что такое время. Въ самомъ дѣлѣ, существуетъ ли гдѣ-нибудь время? Дѣйствительное существованіе времени вовсе не такъ очевидно, какъ существованіе другихъ вещей въ мірѣ. Что существуетъ земля, воды и даже отдаленныя звѣзды, въ этомъ легко убѣдиться: намъ стоитъ только направить свой взоръ на нихъ. Куда же направить намъ свой взоръ, чтобы увидѣть время? Что существуютъ вещи матеріальныя, я могу убѣдиться посредствомъ прикосновенія къ нимъ. Какъ и чѣмъ мнѣ прикоснуться ко времени, чтобы существованіе его стало для меня несомнѣннымъ? Вещи имѣютъ нѣкоторое постоянство. Относительно вре-

мени этого сказать нельзя: оно вѣчно измѣняется, течетъ; оно есть истинное *regretuum mobile*, вѣчно созидающееся и вѣчно уничтожающееся; оно есть фениксъ, вѣчно сгорающій и вѣчно изъ своего же пепла возрождающійся, но ни на одно мгновенье не имѣющій дѣйствительнаго существованія!

Въ самомъ дѣлѣ, мы различаемъ время прошедшее, настоящее и будущее; но вѣдь прошедшаго *уже нѣтъ*, а будущаго *еще нѣтъ*, настоящее же только граница между прошедшимъ и будущимъ! Гдѣ же время? «Время *за* нами, время *передъ* нами, а *при* насъ его нѣтъ». Время не существуетъ. Что же оно въ такомъ случаѣ? Потокъ, уносящій на своихъ волнахъ событія настоящаго въ хаосъ небытія. Но гдѣ начало этого потока, гдѣ его конецъ и какія воды наполняютъ его русло?

Вотъ опредѣленія, которыя далъ бы тотъ, кто привыкъ къ образному способу выраженія. Но они не даютъ удовлетворительнаго отвѣта на поставленные нами вопросы. Не больше значенія имѣютъ отвѣты тѣхъ математиковъ, по мнѣнію которыхъ «время существуетъ само по себѣ, — безконечно, недѣлимо, неподвижно, частей не имѣетъ, течетъ равномерно, непрерывно».

Поэтическое и математическое пониманіе времени больше всего препятствуютъ установленію правильныхъ взглядовъ на природу его. Для этой цѣли, по нашему мнѣнію, всего полезнѣе изученіе психологической природы его, какою она является въ сознаніи каждаго человѣка, а не только философа. Вотъ съ этой точки зрѣнія мы и рассмотримъ вопросъ.

Прежде всего для насъ несомнѣннымъ является то обстоятельство, что время есть *количество*; оно можетъ быть большимъ, можетъ быть меньшимъ; оно можетъ увеличиваться и уменьшаться. Впрочемъ по отношенію ко времени это не такъ ясно, какъ по отношенію къ пространству. Что пространство, нами воспринимаемое, можетъ увеличиваться или уменьшаться, это кажется намъ легко понятнымъ. Въ обиходной жизни

мы по этому поводу говоримъ: «пространство увеличивается оттого, что количество обнимаемой имъ матеріи увеличивается». А отчего же можетъ увеличиваться время? Для того, чтобы уяснить себѣ это, рассмотримъ, какъ мы иногда *одно и то же количество времени* считаемъ то чрезвычайно большимъ, то чрезвычайно малымъ. Въ этомъ отношеніи время кореннымъ образомъ отличается отъ пространства. Едва ли можетъ случиться, наприм., чтобы кто-нибудь сказалъ, что московскій Храмъ Спасителя меньше памятника Пушкина, а, между тѣмъ, по отношенію ко времени такія ошибочныя сужденія встрѣчаются постоянно. День, проведенный въ путешествіи, полномъ разнообразныхъ впечатлѣній, можетъ показаться равнымъ недѣлѣ; тотъ же день, проведенный въ томительномъ ожиданіи, можетъ показаться иному равнымъ десятилѣтію, и этотъ же день, проведенный въ обычномъ однообразіи впечатлѣній, можетъ представиться равнымъ одному часу.

Отчего это происходитъ? Для того, чтобы получить отвѣтъ на этотъ вопросъ, условимся называть *образомъ* все то, что остается въ нашемъ сознаніи послѣ какого-либо впечатлѣнія, волненія,—словомъ, послѣ всего душевно пережитого. Теперь мы можемъ легко понять, какія средства имѣются въ нашемъ сознаніи для измѣренія продолжительности времени.

Время въ нашемъ сознаніи измѣряется количествомъ *образовъ*,—говорятъ нѣкоторые психологи. Въ этомъ мы можемъ легко убѣдиться, если вспомнимъ, какъ мы измѣряемъ продолжительность сна. Во снѣ о количествѣ протекшаго времени мы судимъ по тому количеству образовъ, которое перебивало въ нашемъ сознаніи. Объ этомъ мы можемъ заключать изъ ошибокъ въ оцѣнкѣ продолжительности сна. Напримѣръ, сонъ, занявшій въ дѣйствительности нѣсколько секундъ, кажется намъ иногда какъ бы длившимся многіе часы. Извѣстенъ случай съ господиномъ, который внезапно подвергся чему-то въ родѣ летаргическаго сна, но былъ сейчасъ же разбуженъ присутствующими: въ этотъ короткій

промежутокъ времени онъ съ ясностью видѣлъ во снѣ неисчислимыя перипетіи длиннаго путешествія по Италиі. Когда его спросили, какъ долго онъ спалъ, то онъ опредѣлилъ время своего сна многими часами; онъ не могъ себѣ представить, чтобы эта масса городовъ, монументовъ, людей и всякаго рода происшествій прошла передъ его глазами въ двѣ, три секунды.

Итакъ, длину протекшаго времени мы опредѣляемъ количествомъ переживаемыхъ образовъ. *Чѣмъ многочисленнѣе образы, чередовавшіеся между двумя конечными пунктами известнаго промежутка времени, тѣмъ этотъ промежутокъ будетъ казаться больше.* Это правило можно подтвердить многочисленными примѣрами. Какъ мы уже сказали, день, проведенный въ интересномъ путешествіи, наполненномъ разнообразными впечатлѣніями, кажется равнымъ недѣлѣ. Известный промежутокъ времени, созерцаемый ребенкомъ въ его прошломъ, кажется длиннѣе, чѣмъ тотъ же промежутокъ, созерцаемый взрослымъ. Это зависитъ оттого, что многіе факты, будучи *новинкой* для ребенка, производятъ на него глубокое впечатлѣніе, между тѣмъ какъ взрослому они уже давно знакомы и потому не производятъ на него никакого впечатлѣнія. При воспоминаніи объ этомъ промежуткѣ у ребенка рождаются многочисленные образы, и время ему кажется продолжительнымъ. Нѣкоторые спасенные утопавшіе рассказываютъ, что цѣлая жизнь проходила передъ ихъ глазами въ теченіе нѣсколькихъ минутъ. Очевидно, черезъ мѣру возбужденное состояніе организма заставляетъ образы слѣдовать другъ за другомъ съ невѣроятной быстротой. Нѣкоторыя вещества, напр., опиумъ, возбуждая нервную систему, производятъ то же самое дѣйствіе. Де-Кинси, рассказывая о своихъ впечатлѣніяхъ, испытанныхъ подъ вліяніемъ опиума, говоритъ, что ему иногда казалось, что онъ проживалъ по 70 и по 100 лѣтъ въ одну ночь; а иногда передъ нимъ проходило какъ бы цѣлое тысячелѣтіе или, по крайней мѣрѣ, такой промежутокъ времени, который далеко превосходитъ предѣлы всякаго

человѣческаго опыта. Извѣстныя эпохи въ исторіи кажутся намъ болѣе продолжительными, чѣмъ другія, имъ равныя. Періодъ отъ нашихъ дней до Французской революціи (считая назадъ) обыкновенно кажется болѣе длиннымъ, чѣмъ періодъ отъ этого событія до воцаренія въ Англіи Вильгельма Оранскаго, хотя оба они хронологически равны. Это происходитъ оттого, что первый періодъ намъ лучше извѣстенъ и что мы примѣшиваемъ къ нему личныя воспоминанія. Кратковременная жизнь Александра Македонскаго кажется намъ очень продолжительной, потому что заполнена большимъ количествомъ событій. Сѣлли сравниваетъ извѣстныя иллюзіи разстоянія во времени съ иллюзіями разстоянія въ пространствѣ. «Посмотрите на Юнгфрау съ Венгернальпъ: вамъ кажется, что черезъ глубокую долину, которая отдѣляетъ отъ васъ ледникъ ослѣпляющей бѣлизны, вы можете перебросить камень. Причина этой иллюзіи заключается въ томъ, что между вами и этими ясными очертаніями *нѣтъ ничего, кромѣ прозрачнаго воздуха*, и вы говорите: это совсѣмъ близко. Подобно этому, и событія, сильно потрясшія насъ, кажутся намъ недавними, случившимися чуть-ли не вчера; это объясняется тѣмъ, что мы не можемъ *пробѣжать въ воображеніи событій промежуточныхъ*: послѣднія улетучились, а первыя встаютъ передъ нами, какъ эта гора. Если вамъ затѣмъ напомнятъ число лѣтъ, отдѣляющихъ васъ отъ этихъ крупныхъ событій, вы говорите: «возможно ли это»? *).

А вотъ еще примѣръ, подтверждающій вліяніе количества образовъ на оцѣнку продолжительности времени. Герой одного романа, по возвращеніи въ родную деревню послѣ семи лѣтъ скитанія, восклицаетъ: «Семь лѣтъ, прошло съ тѣхъ поръ, какъ я оставилъ родину, ушелъ изъ дому! А мнѣ кажется, что больше *семидесяти*: такъ много за это время совершилось. Я не могу обо всемъ этомъ вспомнить безъ того, чтобы не придти въ ужасъ. Когда же я взгляну

*) О томъ, что *пространство заполненное кажется намъ большимъ, чѣмъ пространство не заполненное*, см. нашу статью «Глазѣмъ и Иллюзіи Зрѣнія». Вопр. фил. и псих. № 17, стр. 51—54.

на деревню, на церковь, мнѣ кажется, что я ихъ видѣлъ *семь дней назадъ*». Лацарусъ такъ объясняетъ этотъ парадоксъ. Огромное разнообразіе пережитого съ того дня, какъ герой нашъ покинулъ родину, теперь возникаетъ въ его душѣ; въ быстрой послѣдовательности возникаютъ образы изъ его скитаній. Они развертываются и сливаются другъ съ другомъ, пока не начинаетъ казаться, что прошли десятки лѣтъ... Затѣмъ внутренній взоръ отвращается отъ всего прошлаго; внѣшній взоръ направляется на деревню, на церковную крышу, и *живо вызываетъ прежній образъ*; онъ кажется мало измѣнившимся; поэтому все производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто не прошло отъ прежняго впечатлѣнія и одной недѣли. Итакъ, мы можемъ сказать, что *«время кажется для насъ наиболее продолжительнымъ тогда, когда сознание наполнено наибольшимъ количествомъ образовъ»*. Но существуютъ, повидимому, и другіе факторы, опредѣляющіе наше сознание продолжительности времени.

Когда мы переживаемъ чувство *скуки* или *ожиданія*, то время тянется необыкновенно долго. По мнѣнію Вундта, чувство медленнаго теченія времени зависитъ въ этомъ случаѣ отъ *напряженія вниманія* на предстоящихъ впечатлѣніяхъ. Но нельзя ли это напряженіе вниманія привести въ связь съ количествомъ образовъ, которое, какъ мы только что видѣли, служитъ средствомъ для опредѣленія времени? Возможное здѣсь слѣдующее объясненіе: актъ вниманія всегда вызываетъ извѣстное чувство напряженія, которое, какъ говорятъ физиологи, зависитъ отъ напряженія мускуловъ, принимающихъ участіе въ этомъ актѣ.

Когда мы чего-нибудь ожидаемъ, то направляемъ свое вниманіе на ожидаемое впечатлѣніе, т.-е., другими словами, вызываемъ въ нашемъ сознаніи *образъ* ожидаемаго впечатлѣнія. Посмотримъ, что дѣлается, напр., въ душѣ просителя, въ пріемной какого-нибудь важнаго лица. Онъ напряженно ждетъ аудіенціи, онъ мысленно повторяетъ то, что онъ скажетъ и что можетъ сказать ему *это лицо*; каждый такой актъ мысли вызываетъ у него напряженіе вниманія; онъ на-

прыгаетъ его каждое мгновеніе, потому что постоянно ждетъ наступленія аудіенціи; эти мгновенія одно за другимъ проходятъ, аудіенція не наступаетъ—и время ожиданія кажется безконечно долгимъ. Когда мы ожидаемъ кого-нибудь или чего-нибудь, то прислушиваемся, такъ сказать, къ теченію времени, раздѣляемъ его на безконечное множество мелкихъ моментовъ, и это-то количество и является выраженіемъ прожитого нами времени. Можно привести и другіе примѣры, иллюстрирующіе это положеніе. Закройте ваши глаза и ждите, пока Вамъ скажутъ, что прошла одна минута. Продолжительность такого времени покажется для васъ весьма значительной. По народной поговоркѣ, «горшокъ, на который смотришь, никогда не закипитъ». А вотъ еще примѣръ. Положимъ, мы присутствуемъ на любительскомъ спектаклѣ, и намъ хочется, чтобы извѣстный участникъ его имѣлъ успѣхъ. Вдругъ, среди игры этотъ любитель-артистъ умолкаетъ, и для насъ становится яснымъ, что онъ не знаетъ своей роли. Мы начинаемъ сильно опасаться за его успѣхъ, начинаемъ желать, чтобы онъ какъ можно скорѣе возобновилъ прерванную рѣчь, и если пауза длится даже всего нѣсколько секундъ, то намъ кажется, что уже прошло необыкновенно много времени; это происходитъ очевидно отъ того, что мы этотъ маленькій промежутокъ дѣлимъ на множество частицъ и въ каждую изъ нихъ напряженно ждемъ осуществленія желаемого нами факта; такимъ образомъ маленькій промежутокъ времени, заполненный большимъ количествомъ образовъ, кажется намъ болѣе продолжительнымъ. Слѣдовательно, и эти случаи подходятъ подъ общее правило *).

*) Подобный же принципъ долженъ быть положенъ въ основаніе объясненія явленія „медленности, съ какою протекаютъ для сознанія секунды въ моментъ передъ наступленіемъ какой либо катастрофы“ (См. статью г. *Марина* въ кн. 18-ой Вопр. Фил. и Псих.). Мы не отрицаемъ возможности того, что чувство безпокойства, муки или напряженія вообще можетъ быть однимъ изъ существенныхъ факторовъ удлинненія времени въ указанныхъ случаяхъ, но такъ какъ продолжительность времени всетаки находится въ зависимости отъ количества образовъ и всѣ иллюзіи времени лучше всего объясняются изъ этого принципа, то намъ кажется наиболѣе удобнымъ данное нами толкованіе.

На это намъ могутъ возразить: да вѣдь время, наполненное разнообразными и интересными впечатлѣніями, кажется длиннымъ только въ *воспоминаніи*: когда же оно непосредственно *протекаетъ*, то кажется короткимъ. Напр., недѣля интересной работы, прошедшая какъ одинъ день, въ послѣдствіи можетъ показаться намъ равной тремъ недѣлямъ. Отчего это? Занятые интересной работой мы, конечно, не слѣдимъ за теченіемъ времени и потому оно кажется намъ краткимъ, въ воспоминаніи же оно кажется длиннымъ именно потому, что его заполняетъ большое количество образовъ.

А отчего же иной промежутокъ времени кажется долгимъ, когда онъ *протекаетъ*, и кажется короткимъ въ *воспоминаніи*? Напр., мѣсяцъ болѣзни можетъ въ воспоминаніи показаться однимъ днемъ. Очевидно, что напряженіе вниманія, при скучно протекающемъ времени, заставляетъ его казаться продолжительнымъ, а когда это напряжение прошло, то въ памяти остается лишь малое количество образовъ, которые и заставляютъ время казаться короткимъ. Такимъ образомъ, и эти случаи могутъ быть объяснены тѣмъ положеніемъ, что «время въ нашемъ сознаніи кажется тѣмъ большимъ, чѣмъ большимъ количествомъ образовъ оно заполнено».

Можно было бы подумать, что *рядъ* этихъ образовъ и есть время, или продолжительность, но это не такъ; однихъ образовъ недостаточно. Мы должны предположить существованіе *связи* между отдѣльными образами; еслибы связи не было, то и времени въ нашемъ сознаніи также не могло бы существовать. И въ самомъ дѣлѣ, допустимъ, что въ нашемъ сознаніи появляется рядъ образовъ, которые не связаны другъ съ другомъ; такой случай мы имѣемъ въ дѣйствительности въ одномъ изъ видовъ душевной болѣзни, когда пациентъ не можетъ удержать образа предмета болѣе, чѣмъ на одно мгновенье; его память на звуки, буквы, фигуры и печатныя слова очень коротка. Если мы закроемъ напечатанное или написанное слово бумагой, въ которой продѣлано отверстіе, такъ чтобы только первая

буква была видна через это отверстие, онъ произноситъ только эту букву. Если затѣмъ мы подвинемъ бумажку такъ, чтобы она закрыла первую букву и сдѣлала видимой вторую, онъ произноситъ вторую, но забываетъ первую и не въ состоянїи произнести обѣихъ буквъ вмѣстѣ, и т. д. до конца. Если мы представимъ себѣ, что эта забывчивость распространяется и на другія душевныя состоянїя, то трудно допустить, чтобы въ сознанїи такого больного могла быть идея времени. Вообще у человѣка, у котораго нѣтъ связи между отдѣльными душевными состоянїями, между отдѣльными образами, не можетъ быть сознанїя времени. И очень вѣроятно, что животнымъ идея времени недоступна. Для сознанїя времени необходима *связь послѣдовательныхъ рядовъ образовъ*. Но опять таки не нужно забывать, что и послѣдовательный рядъ образовъ самъ по себѣ не есть время, потому что *слѣдованїе идей вовсе еще не есть идея слѣдованїя*, т. е. понятїе о времени. Пояснимъ это примѣромъ. Положимъ, что въ нашемъ сознанїи другъ за другомъ слѣдуютъ три идеи: А, В и С. Если мы говоримъ, что онѣ *слѣдуютъ* другъ за другомъ, то это значитъ, что, когда въ нашемъ сознанїи находится В, то А и С отсутствуютъ. Но когда мы желаемъ себѣ *представить* ихъ послѣдовательность, то въ сознанїи одновременно должны присутствовать и А, и В, и С. Прошедшее, настоящее и будущее суть различные моменты времени, но въ *представленїи* все то, что соотвѣтствуетъ этимъ различїямъ, находится въ сознанїи *одновременно*. То, что кажется намъ прошлымъ, должно казаться таковымъ одновременно съ настоящимъ. Мы можемъ, слѣдовательно, сказать, что одинъ послѣдовательный рядъ образовъ самъ по себѣ еще не можетъ дать намъ идеи продолжительности; для этой цѣли нужно, чтобы была связь между прошлыми состоянїями и настоящими, а для возможности этой связи, мы должны предположить, что сознанїе обладаетъ тѣмъ *единствомъ*, которое заставляетъ нѣкоторыхъ философовъ признавать въ насъ существованїе особаго духовнаго субъекта, называемаго душой. Какъ бы то ни было,

идея продолжительности можетъ быть получена только соединеніемъ въ одномъ актѣ мысли прошлыхъ и настоящихъ душевныхъ состояній.

Что же такое это настоящее, которое является исходнымъ пунктомъ для сравненія различныхъ моментовъ времени? Повидимому, это — краткій мигъ, истинная математическая точка. Попробуемъ направить наше вниманіе на настоящее, — гдѣ оно? Оно ускользнуло отъ насъ прежде, чѣмъ мы успѣли его коснуться. «Le moment où je parle est déjà loin de moi»...

Но это не вѣрно. Настоящее вовсе не есть мгновение, а имѣетъ свою опредѣленную продолжительность. Мнѣніе, что настоящее есть какъ бы точка, сложилось изъ математическаго понятія о времени, какъ о чемъ-то непрерывномъ; въ дѣйствительности время вовсе не есть что-либо непрерывное, потому что одно впечатлѣніе, слѣдующее за другимъ, вовсе не сливается съ этимъ послѣднимъ, а между ними всегда остается маленькій промежутокъ. Это происходитъ оттого, что наше вниманіе не можетъ сразу схватить двухъ разнородныхъ впечатлѣній, а должно это дѣлать послѣдовательно, т.-е. приспособляться сначала къ одному впечатлѣнію, а затѣмъ къ другому. Но переходъ отъ одного впечатлѣнія къ другому совершается не внезапно: между ними замѣчается какъ бы нѣкоторый промежутокъ, въ который ясность одного впечатлѣнія понижается, а ясность другого повышается; въ этотъ промежутокъ мы, конечно, не воспринимаемъ какого-нибудь отдѣльнаго образа. Слѣдовательно, время въ нашемъ сознаніи не можетъ быть сравниваемо съ непрерывной линіей, а скорѣе всего съ прерывистой *). А если такъ, то нельзя сказать, что въ

---

*) Читатель не долженъ забывать, что мы проводимъ строгое различіе между математическимъ, отвлеченнымъ представленіемъ времени и временемъ въ нашемъ сознаніи, т. е. психологическимъ. Между ними такая же разница, какъ наприм. между математическимъ представленіемъ линіи и представленіемъ о линіи, проведенной на бумагѣ. Все сказанное нами о прерывистости времени относится, разумѣется, ко времени психологическому. Противъ приведенной нами теории (Вундта) см. замѣчанія у Laas'a: Kant's Analogien d. Erfahrung. Berlin 1876, стр. 294.

сознаніи настоящее соотвѣтствуетъ математической точкѣ. Настоящее не есть ни молнія, ни остріе ножа; оно есть обсерваторія, находясь на которой, мы созерцаемъ прошлое и будущее.

Но если настоящее не есть математическая точка, то какую же продолжительностью оно обладаетъ? На этотъ вопросъ мы находимъ болѣе или менѣе удовлетворительный отвѣтъ въ современныхъ психофизиологическихъ изслѣдованіяхъ. Ими опредѣляется, какое *наибольшее количество впечатлѣній мы можемъ воспринять заразъ въ одно мновеніе*, а изъ этого мы можемъ вычислить и наибольшую продолжительность настоящаго времени. Для этого, напр., мы заставляемъ слѣдовать другъ за другомъ звуковыя впечатлѣнія, изъ которыхъ одно отдѣлено отъ другого промежуткомъ времени приблизительно въ $\frac{1}{8}$ секунды; оказывается, что при этихъ условіяхъ мы безъ труда, съ полной ясностью, можемъ удерживать въ сознаніи около 12 такихъ впечатлѣній. Если мы помножимъ $\frac{1}{8}$ на 12, то получимъ промежутокъ времени отъ 2 до 3 секундъ. Это будетъ, такъ сказать, *максимумъ* продолжительности настоящаго времени. Но мы можемъ опредѣлить и *минимумъ* этой продолжительности. Для этой цѣли производимъ двѣ послѣдовательныхъ электрическихъ искры; появленіе электрической искры сопровождается, какъ извѣстно, характернымъ звукомъ; когда между ними остается промежутокъ времени въ $\frac{1}{300}$ сек., то эти два звука кажутся раздѣльными. Если же промежутокъ времени между ними будетъ меньше, то они сольются въ одинъ. Слѣдовательно, $\frac{1}{300}$ секунды есть тотъ минимумъ времени, который мы можемъ воспринимать. Такимъ образомъ, какъ ни коротко настоящее, оно имѣетъ свою опредѣленную продолжительность, лежащую приблизительно между $\frac{1}{300}$ и 3 секундами.

Зная это, мы можемъ сказать: вотъ та *единица*, изъ которой складывается наше сознаніе продолжительности вообще. Конечно, еслибы мы руководились только этой единицей, то измѣреніе времени было бы крайне неточно;

для точности измѣренія нужны другія единицы, и именно вотъ какія. Мы видѣли, что время находится въ зависимости отъ образовъ или отъ *событій*, отражающихся въ сознаниі. Но для того, чтобы мы могли измѣрить время *точно*, нужно, чтобы *событія* повторялись правильно—*периодически*, а это мы имѣемъ, главнымъ образомъ, въ движеніяхъ небесныхъ свѣтилъ; еще Платонъ говорилъ, что «звѣзды суть органы времени». Но, разумѣется, движеніе свѣтилъ не есть единственное средство опредѣлять теченіе времени. Блаженный Августинъ совершенно правильно рассуждалъ, говоря: «Неужто, еслибы вдругъ прекратилось движеніе тѣлъ небесныхъ, а кружилось колесо горшечника, то не было бы никакого времени, коимъ мы могли бы измѣрять обороты этого колеса?»

Можно взять какія угодно *периодическія* измѣненія для измѣренія времени: наприм., въ былыя времена горѣніе свѣчи или непрерывно смѣняющееся пѣніе псалмовъ въ монастыряхъ были единственнымъ средствомъ для обозначенія часовъ дня и ночи. Но суть въ томъ, что намъ нужны безусловно *правильные* періоды для точнаго опредѣленія времени. А такіе періоды мы имѣемъ или въ *равномерныхъ* передвиженіяхъ небесныхъ свѣтилъ, или въ разнообразныхъ измѣрительныхъ приборахъ, употребляемыхъ современными физическими науками *). Итакъ, *объективной* мѣрой времени являются какія-либо периодическія измѣненія, а *субъективной* остаются все-таки образы нашего сознанія.

Противъ положенія, что время измѣряется количествомъ

*) Впрочемъ, всѣ средства измѣренія времени основаны на допущеніяхъ, которыя не могутъ быть строго доказаны. Въ самомъ дѣлѣ, для того, чтобы имѣть истинную мѣру времени, намъ необходимо совершенно *равномерное* движеніе. Но равномерно ли данное движеніе, никогда не можетъ быть *эмпирически* узвано, потому что если мы опредѣляемъ *равномерное* движеніе какъ такое, въ которомъ въ равныя времена проходитъ равное разстояніе, то для опредѣленія равномерности движенія мы должны быть въ состояніи непосредственно измѣрять два промежутка времени. Другими словами, получается кругъ: *время* опредѣляется изъ *равномернаго* движенія, а *равномерность* движенія опредѣляется изъ *времени*.

сознаваемыхъ нами образовъ, повидимому, говорить то обстоятельство, что намъ какъ бы доступно *ощущеніе пустого или чистаго времени*, которое кажется ничѣмъ не заполненнымъ. Но нужно очень не много самонаблюденія, чтобы убѣдиться въ томъ, что такое ощущение есть иллюзія,—что мы такъ же не можемъ созерцать времени, лишеннаго всякаго содержанія, какъ не можемъ созерцать пространства безъ наполняющаго его содержанія. Подобно тому какъ съ закрытыми глазами мы созерцаемъ темное зрительное поле, въ которомъ все-таки происходитъ какая-нибудь игра свѣта, точно также, какъ бы мы ни отвлекались отъ нашихъ внѣшнихъ впечатлѣній, мы всегда внутренне погружены въ то, что Вундтъ называетъ *сумерками сознанія*. Біеніе нашего сердца, наше дыханіе, пульсація вниманія, отрывки словъ и воспоминаній, которыя прошли чрезъ наше воображеніе,—вотъ то, что населяетъ наше сознаніе. У насъ нѣтъ сознанія пустого времени, время опредѣляется образами, наполняющими въ извѣстный моментъ сознаніе (Джэмсъ).

Повидимому, въ пользу сознанія пустого времени, говорить наша способность оцѣнки чрезвычайно малыхъ промежутковъ времени, наприм., въ $\frac{1}{2}$ — $\frac{3}{4}$ секунды. Спрашивается, если мы можемъ точно опредѣлить такой малый промежутокъ времени, то каково содержаніе его? Повидимому, этого промежутка не достаточно для того, чтобы какой бы то ни было образъ занималъ его.

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, мы укажемъ на изслѣдованія относительно нашей способности оцѣнивать чрезвычайно малые промежутки времени. Изъ этихъ изслѣдованій оказалось, что есть опредѣленный промежутокъ времени, именно около 0,72 сек., который оцѣнивается нами съ наибольшей точностью; меньшіе промежутки, чѣмъ 0,72 сек., наприм., 0,4 сек., кажутся ббльшими, чѣмъ они суть въ дѣйствительности, а ббльшіе промежутки, наприм., 1 сек., кажутся меньшими, чѣмъ они въ дѣйствительности. Отчего же именно этотъ промежутокъ времени оцѣнивается нами съ наибольшей точностью? Трудно дать опредѣлен-

ный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Нѣкоторые полагали, что это обстоятельство, по всей вѣроятности, находится въ связи съ *ритмомъ движенія*, потому что 0,70 сек. есть продолжительность размаха ноги при быстрой ходьбѣ, т.-е. это то время, въ теченіе котораго нога свободно движется въ воздухъ и производитъ цѣлое движеніе. Въ пользу этого предположенія, повидимому, говоритъ и тотъ фактъ, что въ музыкѣ движеніе со скоростью 0,72 сек. устанавливаетъ хорошее *andante*, не слишкомъ медленное и не слишкомъ быстрое. Самыя недавнія изслѣдованія указываютъ на то, что, по всей вѣроятности, оцѣнка малыхъ промежутковъ времени находится въ зависимости отъ *ритма дыханія*, потому что съ измѣненіемъ этого послѣдняго измѣняется и точность оцѣнки ихъ. Во всякомъ случаѣ, мы можемъ сдѣлать предположеніе, что при оцѣнкѣ малыхъ промежутковъ времени наше сознаніе наполняется *образами какихъ-нибудь периодическихъ функций нашего организма*, на что, между прочимъ, указываетъ и слѣдующій фактъ. Одинъ изслѣдователь нашель, что скорость скандированія стиховъ находится въ зависимости отъ скорости пульса; именно, чѣмъ быстрѣе пульсъ даннаго индивидуума, тѣмъ онъ быстрѣе скандируетъ.

Итакъ, мы видимъ, что оцѣнка времени находится въ зависимости отъ какихъ-то функций нашего организма, отъ быстроты смѣны образовъ и отъ количества ихъ. Отсюда недалеко до предположенія, что чувство времени находится въ зависимости отъ *физической организаціи вообще*, потому что эта послѣдняя можетъ обуславливать тотъ или другой характеръ образовъ. И это предположеніе весьма вѣроятно. Каково, наприм., было бы представленіе времени у комара, если бы онъ обладалъ имъ? Для того, чтобы постигнуть это, замѣтимъ, что крылья комара производятъ до 15,000 размаховъ въ секунду. Каждый такой размахъ предполагаетъ отдѣльный нервный актъ; поэтому размахъ крыла комаромъ, по всей вѣроятности, ощущается такъ, какъ ощущается человѣкомъ быстрое движеніе руки, длящеся, положимъ, одну секунду. Если одинъ размахъ кры-

да совершается въ теченіе $\frac{1}{1,3000}$ сек. и этотъ промежутокъ ощущается имъ такъ, какъ нами ощущается промежутокъ времени въ одну секунду, то наша секунда для комара есть 15,000 сек., или около 5 часовъ. Если продолжительность жизни комара равна, предположимъ, нашему одному мѣсяцу, то комаръ за этотъ промежутокъ времени (обладай онъ нашей психической организаціей) могъ бы пережить столько, сколько мы можемъ пережить за 5 лѣтъ. Стало быть, мы можемъ сказать, что жизнь комара, пожалуй, вовсе не такъ эфемерна, какъ это намъ кажется. Но намъ легко придумать еще меньшій масштабъ времени. Нѣкоторые философы говорятъ, что физическіе атомы являются носителями нѣкоторой *духовной жизни*; если они правы, то простота духовной жизни атомовъ должна быть пропорціональна простотѣ ихъ строенія. Допустимъ, что въ составъ человѣческаго организма входитъ только миллиардъ атомовъ. Такъ какъ минимумъ времени, воспринимаемаго человѣческимъ сознаниемъ, равняется $\frac{1}{300}$ сек., то минимумъ времени, воспринимаемаго атомомъ, будетъ равняться $\frac{1}{300}$ сек., дѣленной на миллиардъ, т.-е. цифрѣ, находящейся далеко за предѣлами человѣческаго представленія.

Обобщая сказанное, мы можемъ видѣть, какъ измѣняется мѣра времени въ зависимости отъ той или другой физической организаціи

Мы рѣдко задумываемся надъ тѣмъ, что наша способность воспріятія времени отличается крайне субъективнымъ характеромъ; но если мы зададимся цѣлью вообразить себѣ, что представлялъ бы изъ себя нашъ духовный міръ, еслибы наша способность воспринимать время совершенно измѣнилась, тогда мы легко убѣдились бы въ субъективности нашего воспріятія времени. Предположимъ, говоритъ знаменитый натуралистъ Карль-Эрнстъ фонъ-Бэръ, что жизнь человѣческая, обнимающая дѣтство, зрѣлый возрастъ и старчество, сведена на одинъ мѣсяць, и пульсъ человѣка сталъ биться въ 1000 разъ скорѣе, чѣмъ въ дѣйствительности, тогда его мысль дѣйствовала бы въ тысячу разъ *скорѣе*, чѣмъ

теперь; тогда онъ былъ бы въ состоянїи воспринимать такія движенія, которыя теперь не въ состоянїи воспринять вслѣдствіе ихъ чрезмѣрной скорости; будучи въ состоянїи воспринимать въ тысячу разъ меньшіе промежутки и пространства времени, чѣмъ теперь, онъ могъ бы напр. взоромъ прослѣдить летящую пулю. Положимъ далѣе, что жизнь человѣка доведена до 40 минутъ; тогда травы и цвѣты казались бы намъ такими же неизмѣнными, какими кажутся теперь горы. О ростѣ развивающейся почки въ продолженіе этой жизни можно было бы такъ же мало узнать, какъ мало мы знаемъ о великихъ геологическихъ переворотахъ земного шара. Мы не были бы въ состоянїи видѣть движеній животныхъ: они были бы слишкомъ медленны; въ лучшемъ случаѣ, мы о нихъ *заклучали* бы совершенно такъ, какъэто мы теперь дѣлаемъ по отношенію къ движенію небесныхъ свѣтилъ.

Но допустимъ, наоборотъ, что жизнь человѣческая, вмѣсто того, чтобы сокращаться, стала бы удлинняться; тогда получилась бы опять совсѣмъ другая картина: пусть, напр., пульсъ человѣка и его воспрїятія замедлятся въ тысячу разъ и пусть его жизнь продолжается 80,000 лѣтъ; тогда мы въ теченіе одного года пережили бы столько, сколько теперь переживаемъ въ теченіи только 8 часовъ. Тогда въ теченіе 4 часовъ мы увидѣли бы, какъ земля покрывается снѣжнымъ саваномъ, а затѣмъ начинаетъ оттаивать, трава и цвѣты распускаются, деревья покрываются листвою и приносятъ плоды; затѣмъ мы увидѣли бы въ тотъ же промежутокъ какъ вся эта растительность вновь увяла. День и ночь мѣнялись бы какъ темныя и свѣтлыя мгновенья, и солнце съ быстротой метеора пролетало бы по небесному своду! Пусть жизнь человѣка замедлится еще въ тысячу разъ: тогда различіе между днемъ и ночью совершенно уничтожилось бы, путь солнца казался бы блестящей дугой на небѣ, подобно тому какъ вращающійся раскаленный уголь кажется огненнымъ кругомъ; растительность съ ужасающей быстротой безпрестанно распускалась бы и вновь погибала! Но довольно... Уже и этихъ примѣровъ достаточно, чтобы убѣдиться, что время въ на-

шемъ сознаниі является чѣмъ-то совершенно субъективнымъ, находящимся въ зависимости отъ нашей физической организаци. Многие могутъ подумать: да вѣдь это то же, что говорилъ и Кантъ, когда утверждалъ, что «время есть субъективная форма сознаниа». Ничуть не бывало. Кантъ вовсе не говорилъ о томъ *психологическомъ* времени, о которомъ говоримъ мы; время Канта—математическое время: оно бесконечно, оно непрерывно и однообразно; это—*предположеніе*, подобно всѣмъ другимъ предположеніямъ математики. Правда, Кантъ говорилъ, что время есть *субъективная* форма нашего сознаниа, но вотъ въ какомъ смыслѣ. Какъ извѣстно, Кантъ боролся съ современными ему скептиками, отрицавшими возможность *прикладной* математики, а въ томъ числѣ, и *науки о движеніи*. А было ли бы возможно ученіе о движеніи, если бы время, которое тамъ принимается въ расчетъ, не обладало такими свойствами, какъ *однородность, непрерывность* и т. п., и можемъ ли мы идею такого времени получить изъ опыта? Конечно нѣтъ: она есть априорное достояніе нашего ума. Вотъ объ этой-то субъективности идеи времени и говорилъ Кантъ, а не о той, которую изслѣдовали мы. Для Канта *время* нужно было для обоснованія *ученія о движеніи*, совершенно такъ, какъ ему нужно было априорное пространство для обоснованія геометріи. Кантъ не только былъ далекъ отъ признанія субъективности времени, которая бы доказывала *относительность* нашего познаниа, но даже напротивъ, идея *субъективности* ему нужна была какъ противоядіе противъ *скептицизма и релятивизма*.

Для окончательной характеристики природы времени намъ слѣдуетъ сказать два слова о *вѣчности, бесконечности и объективности* его. Для того, чтобы понять, что такое *вѣчность*, вообразимъ себѣ міровой разумъ, который, вслѣдствіе своей временно-пространственной всесущности, можетъ весь міровой процессъ обозрѣть *однимъ взглядомъ*. Передъ его всепроникающимъ окомъ, не связаннымъ ни съ какимъ настоящимъ, прошедшимъ и будущимъ, весь міровой процессъ во всей его исторіи развитія представляется

въ одинъ мигъ. Для такого разума не было бы никакого потока явленій, но все было бы вѣчнымъ, настоящимъ, абсолютнымъ, неподвижнымъ *теперь!*

Такой взглядъ на вѣчность времени очень соблазнителенъ, но принять его, безъ противорѣчія съ психологической дѣйствительностью, мы не можемъ: основной признакъ времени есть *последовательность* моментовъ; отрицаніе последовательности есть *отрицаніе самого времени*. Стало-быть, вѣчнаго времени нѣтъ; философы говорятъ о вѣчномъ, *безвременномъ бытіи вещей*, но это ужь нѣчто совсѣмъ иное...

Что касается *безконечности* времени, то она есть понятіе *отрицательное*; безконечность времени указываетъ только на невозможность въ нашемъ сознаніи реализовать представленіе конечности времени въ его цѣломъ. Остается еще вопросъ объ *объективности* времени, о томъ, существуетъ ли время *внѣ* насъ, подобно другимъ вещамъ? Отвѣтить на этотъ вопросъ очень трудно, потому что трудно условиться относительно того, что слѣдуетъ называть *объективнымъ*.

Если мы спросимъ «существуютъ ли, напр., звуки и цвѣта въ мірѣ, *внѣ* насъ находящемся?» простолюдинъ отвѣтитъ: «да, существуютъ». Философъ отвѣтитъ иначе: «во внѣшнемъ мірѣ *цвѣтовъ* нѣтъ, есть только волны эфира; цвѣта же находятся только въ нашемъ воспріятіи; между цвѣтами и волнами эфира нѣтъ никакого *сходства*; можно сказать, что цвѣта суть только *знаки* того, что совершается во внѣшнемъ мірѣ, т.-е. знаки отношеній эфирныхъ волнъ. Между субъективнымъ ощущеніемъ цвѣта и между волнами эфира нельзя поставить знака равенства, а можно только сказать, что между ними есть извѣстное *закономѣрное соотвѣтствіе*. Если цвѣту соотвѣтствуютъ извѣстныя колебанія эфира, если эти послѣднія вызываютъ цвѣтовое ощущеніе, то что же вызываетъ въ насъ *ощущеніе времени*? Мы уже видѣли, что *всякое* событіе, совершающееся во внѣшнемъ мірѣ и въ насъ самихъ, воздѣйствуя на нашу душу, *возбуждаетъ въ насъ чувство времени*; слѣдовательно, для чувства времени нѣтъ даже *закономѣрно* опредѣленныхъ воз-

буждений, какъ это мы имѣемъ для другихъ чувствъ; такъ что время въ этомъ смыслѣ *менѣе объективно*, чѣмъ что-либо другое: оно больше, чѣмъ что-либо другое, есть порождение нашей души. Еслибы всѣ нынѣ существующія вещи продолжали существовать, но перестали бы дѣйствовать на душу человѣка, то время перестало бы существовать. Въ томъ сказочномъ сонномъ царствѣ, гдѣ всѣ живыя существа были объаты сномъ, времени не существовало. Поэтому совершенно основательно Аристотель задавалъ вопросъ: «существовало ли бы время, еслибы не существовало нашей души?» Правы были Декартъ и Спиноза, которые считали время за нѣчто субъективное, за качество мышленія, а не вещей.

— Итакъ, что же такое время?

Русло времени въ *нашей* душѣ и по этому руслу текутъ событія, факты, совершающіеся въ пространствѣ. И начало, и конецъ, и безконечность времени—въ нашей душѣ, ибо время есть *ся твореніе*.

Вопросъ объ объективной *реальности* времени внѣ насъ есть продуктъ наивной философіи, которая, по выраженію Платона, признаетъ реальнымъ только то, что можно «ощупать руками»; для нея вопросъ, существуетъ ли время *реально*, равносильнъ вопросу: *существуетъ ли время въ пространствѣ?* Смѣшно было бы отвѣчать на это: да, существуетъ *реально*, но только «въ пространствѣ» нашей души! *).

Е. Челпановъ.

*) Литература вопроса о времени, которою мы пользовались, слѣдующая: James. The principles of Psychology. V. I, Ch. XV. *Liebmann*. Zur Analysis der Wirklichkeit. 1880, стр. 87—113. *Вундтъ*. Физиол. психологія, стр. 830—837. *Гюйо*. Происхождение идеи времени. 1891. *Sully*. Les illusions des sens et de l'esprit. *Sully Human mind* V. I, стр. 269—273. *Volkman*. Lehrbuch der Psychologie. 1885. В, II, стр. 11—36. *Спенсеръ*. Основанія Психологіи, т. III (русскій пер.). *Baldwin*. Handbook of Psychology. V. I, стр. 179—188. *Блаженнаго Августина* Творенія (Библиот. твор. св. отц.). Кіевъ. 1880. Гл. XI. *Козловъ*. Свое Слово. № 3. 1890. *Vaihinger*. Commentar zu Kant, Kritik d. R. V. 1892. 2-й томъ, стр. 368—410.

Французскій позитивизмъ.

(Тэнъ, Рибо, Поланъ, Фуллье, Гюйо, Тарль).

Чистый позитивизмъ и смѣшанный съ метафизикой, или полупозитивизмъ. Вышеназванныя мною имена принадлежать наиболѣе выдающимся современнымъ французскимъ позитивистамъ, которыхъ можно, по моему, подраздѣлить на *дѣтъ* группы. Трое первыхъ представляютъ, съ одной стороны, въ наибольшей чистотѣ тѣ общія свойства позитивизма, на которыя я указалъ въ статьѣ о Контѣ *), а съ другой—они настолько близки къ послѣднему по духу и основнымъ понятіямъ, что для характеристики ихъ весьма полезно сравнивать въ томъ или другомъ отношеніи съ Контомъ. Отличіе же ихъ отъ Конта и другъ отъ друга не принципиальное, а состоитъ въ частныхъ и индивидуальныхъ особенностяхъ, зависящихъ отъ таланта, эрудиціи, условій среды и времени, когда они выступили въ общественную дѣятельность и т. п. **).

*) См. 15-ю книгу журн. Вопр. Фил. и Псих., стр. 55—58.

**) Такъ, напр., Тэнъ или Рибо, не уступающіе Конту въ умственныхъ силахъ и разносторонности эрудиціи, превосходятъ его ея обширностью и точностью, что отчасти объясняется и разницею во времени ихъ дѣятельности, такъ какъ старѣйшій изъ нихъ, Тэнъ, родился 30-ю годами позже Конта. Далѣе, Тэнъ и Рибо имѣютъ передъ нимъ большое преимущество въ хорошемъ знакомствѣ съ нѣмецкой философіею и литературой. Точно также вообще историческая эрудиція Тэна несравненно обширнѣе и точнѣе, чѣмъ Конта. Но у послѣдняго эти недочеты какъ бы покрываются тѣмъ, что, въ силу энергіи его религіозно-соціальныхъ убѣжденій, онъ имѣетъ большее зна-

Что касается до Фуллье, Гюйо и Тарда, то они *существенно* отличаются отъ Конта и представителей первой группы тѣмъ, что не только не отрицаютъ принципиально философской метафизики вообще, но вносятъ ее и въ свою собственную философію. Однако нельзя не замѣтить, что они дѣлаютъ это, какъ бы смущаясь и извиняясь тѣмъ, что имъ, какъ и всѣмъ людямъ, невозможно совсѣмъ обойтись безъ метафизики, хотя она и не имѣетъ такихъ полныхъ правъ гражданства въ области знанія, какимъ пользуется наука. Вслѣдствіе этого они особенно подчеркиваютъ, что ихъ философская метафизика „основана на опытѣ“, подкрѣпляется научнымъ знаніемъ, не противорѣчитъ ему, а напротивъ дополняетъ его пробѣлы. Эта *новая*, дополняющая науку, *метафизика*, подобно поэзіи, *необходима* для *высшихъ потребностей жизни* и, главное, для „нравственной жизни“. По мнѣнію представителей новой „научной метафизики“, она не налагаетъ на умъ и совѣсть человѣка никакихъ новыхъ и излишнихъ „санкцій и обязанностей“ и „метафизическими гипотезами“ только продолжаетъ и завершаетъ науку тамъ, гдѣ „прекращается строго научное знаніе“, и этимъ только расширяетъ свободу человѣка. *) Въ силу та-

---

ченіе, какъ общественный дѣятель. Весьма возможно, что его имя будетъ пользоваться популярностью и вліяніемъ у послѣдователей религии человѣчества еще тогда, когда уже имена и труды Тэна и Рибо будутъ въ памяти только ученыхъ специалистовъ. Полянъ весьма дѣльный и энергичный работникъ въ томъ же чисто позитивистическомъ направленіи, но уступающій Тэну и Рибо въ талантѣ.

*) Вся эта характеристика новой метафизики выражена весьма соблазнительно и можетъ внушить кому-либо мысль, что отнынѣ, благодаря второй группѣ представителей французскаго позитивизма, устранены и сглажены всѣ недоразумѣнія между метафизикой и такъ называемою положительною, опытною наукою, но я счелъ бы такую мысль ошибкою. По-моему, метафизика *всегда* была наукою или знаніемъ, а потому никогда и не нуждалась въ соглашеніи съ наукою. Значитъ, вся вѣковая борьба между тѣмъ, что называется метафизикою, и тѣмъ, что называется наукою, зависѣла только отъ *недоразумѣній и путаницы* въ понятіяхъ: „наука, опытъ, опытная наука, спекулятивная наука“ и т. п. Если же метафизика не наука, а сбродъ пустыхъ мнѣній или фантазій, то и въ этомъ случаѣ соглашеніе метафизики съ наукою было бы пустымъ, бесплоднымъ занятіемъ.

кого существеннаго отличія этой группы французскихъ позитивистовъ отъ предыдущей, по моему, слѣдуетъ отличить ее особымъ именемъ, для чего я избираю терминъ *полупозитивизма* *).

Въ послѣдующемъ я, конечно, не имѣю въ виду обстоятельной и всесторонней оцѣнки каждаго изъ названныхъ дѣятелей: для этого я долженъ былъ бы выйти далеко за предѣлы *моей задачи*, состоящей въ краткой характеристикѣ современныхъ философскихъ направлений, въ основаніе которой я беру важнѣйшія отдѣльныя понятія, или положенія того или другого представителя цѣлаго направленія.

Тэнъ **), какъ самый выдающійся во Франціи представитель чистаго позитивизма. Значеніе и почетъ, которымъ пользуется имя Тэна не только во Франціи, но и за-границей, и въ области философской, и вообще ученой дѣятельности, вполне и справедливо заслужены. Не говоря уже объ огромной эрудиціи и умственной силѣ Тэна, онъ въ высокой степени обладалъ искреннею *любовью* къ истинѣ, стойкостью въ убѣжденіяхъ, независимостью въ образѣ мыслей и свободою отъ предразсудковъ и условныхъ формъ, господствовавшихъ среди современныхъ ему учено-литературныхъ кружковъ во Франціи. Рѣдко также, кто

---

*) Употребляя этотъ терминъ, я не думаю, во что бы то ни стало, *настаивать* на немъ, какъ на самомъ цѣлесообразномъ, и охотно согласился бы на всякій другой, которымъ удобнѣе обозначалось бы отличіе полупозитивизма отъ *чистаго* позитивизма.

**) Хотя умершій въ нынѣшнемъ году Тэнъ (1828—1893) уже вступилъ въ возрастъ такъ называемой первой старости, но еще далеко не исчерпалъ своихъ большихъ умственныхъ силъ, а потому его смерть представляетъ большую потерю для науки. Относительно всего, касающагося въ этой статьѣ до Тэна, я пользовался главными его философскими сочиненіями, каковы „Les philosophes classiques du XIX siècle“, „De l'intelligence“ (5-е издание); а также и его „Histoire de la littérature anglaise“ и другими. Что касается до знакомыхъ мнѣ сочиненій о Тэнѣ, то могу указать на слѣдующія статьи: Рибо въ „Revue philosophique“ во 2-мъ томѣ 1877 года; статья Омме во 2-мъ томѣ „Revue philosophique“ 1887 года; и затѣмъ Бурже въ сочиненіи „Essais de psychologie contemporaine“. На русскомъ языкѣ могу указать на основательную статью проф. Герье въ Вѣст. Евр. 1890 г., гдѣ Тэнъ характеризуется преимущественно какъ историкъ.

могъ бы поравняться съ нимъ въ *настойчивости* и *основательности*, съ которыми онъ, стремясь къ полной обосновкѣ и законченному выраженію своей мысли, велъ всякое предпринимаемое имъ изслѣдованіе. Наконецъ, серьезность и цѣльность мысли соединялись у него съ художественной образностью и картинностью ея выраженія, такъ что онъ является однимъ изъ самыхъ эlegantныхъ писателей и блестящихъ стилистовъ нашего времени. Поэтому, когда я въ своихъ критическихъ замѣчаніяхъ оспариваю какія-либо ошибочныя стороны его философіи, то считаю, что онѣ зависѣли не отъ личныхъ свойствъ его ума, а отъ тѣхъ условій и обстоятельствъ времени, которыя неизбѣжно должны были толкнуть его на путь позитивистическаго философскаго направленія, которому существенно свойственны эти стороны. Напротивъ, на сколько это могло зависѣть отъ личныхъ свойствъ Тэна, онъ сдѣлалъ все возможное для того, чтобы поставить это направленіе въ наилучшемъ свѣтѣ.

Происхожденіе философіи Тэна. Весьма часто на философію Тэна смотрѣли односторонне и невѣрно судили объ ея источникахъ. Такъ иные видятъ въ ней только воспроизведеніе во Франціи англійской философіи Юма, Д. С. Милля, Бэна и проч. Конечно, и Тэна должно назвать послѣдователемъ Юма въ томъ смыслѣ, что этотъ послѣдній есть какъ бы общій родоначальникъ европейскаго позитивизма вообще, но Тэнь вовсе не скептикъ, какимъ несомнѣнно былъ Юмъ. Напротивъ, по основной природѣ своего ума, Тэнь имѣлъ инстинктивную склонность къ *абсолютной метафизикѣ* и если, по его выраженію, онъ и остановился «на ея порогѣ», то это можно разсматривать только какъ жертву его основному убѣжденію, что научное знаніе можетъ состоять только изъ опытныхъ фактовъ и ихъ законовъ. Онъ, однако, признавалъ себя ученикомъ Аристотеля, Спинозы, и особенно Гегеля!

Точно также никакъ нельзя считать Тэна только послѣдователемъ Д. С. Милля, который представляетъ собою не болѣе какъ *второе*, исправленное и дополненное, изданіе

Юма. Тэнъ находитъ эмпиризмъ, или феноменизмъ Милля *узкимъ*, потому что у него міръ разрывается на отдѣльные клочки, не связанные никакой всеобъемлющею *необходимостью*, причинной или же логической, безъ чего немыслима наука, какъ понимаетъ ее Тэнъ. Хотя онъ много пользуется трудами Милля и вообще англійскихъ психологовъ (наприм., Бэна въ характеристикѣ и классификаціи ощущеній), но тѣмъ не менѣе, онъ вовсе не приверженецъ *шотландской описательной психологіи*, а также и не провозглашаетъ, подобно англичанамъ (Юму, Бэну, Миллю и проч.), *механическую ассоціацію* идей главнымъ рычагомъ для объясненія происхожденія познаній, хотя въ тѣхъ психологическихъ теоріяхъ, которыя имъ цѣликомъ заимствованы у этихъ психологовъ, она (*implicite*) принимается и Тэномъ. Далѣе онъ не раздѣляетъ воззрѣній Милля, по которому связь между причиной и слѣдствіемъ состоитъ только въ одной постоянной, но все-таки не необходимой, послѣдовательности ихъ во времени. Для него причина и слѣдствіе связаны *не случайно*, а неразрывно: одно заключается въ другой. Отсюда и будущій фактъ или событіе уже содержится въ настоящемъ фактѣ или событіи. Только съ этой точки зрѣнія, по Тэну, можно видѣть въ причинности принципъ, объясняющій міръ *).

Еще болѣе ложно и односторонне мнѣніе, что будто бы философія Тэна возникла подъ вліяніемъ сенсуализма Кондильяка, хотя и нельзя совсѣмъ отрицать этого вліянія, что сказалось, наприм., и въ его сочиненіи: *Philosophie française du XIX siècle*, гдѣ онъ съ сочувствіемъ противопоставляетъ Ларомигье, послѣдователя Кондильяка, опровергаемымъ имъ представителямъ официальной философіи, наприм. Ройе-Коллару, Жуффруа, Кузену и проч. Вообще Кондильякъ

*) Для меня въ этомъ пунктѣ Тэнъ, конечно, *правъ сравнительно* съ Миллемъ, ибо вступаетъ на болѣе вѣрную почву метафизическаго направленія, но за то Тэнъ *совсѣмъ не правъ* перелъ своею же позитивистическою точкою зрѣнія, а Милль, напротивъ, послѣдователенъ. Конечно, недоразумѣніе и непослѣдовательность Тэна въ этомъ случаѣ коренится только въ недостаточно ясныхъ понятіяхъ, которыя онъ соединяетъ съ терминами: фактъ, явленіе, событіе, опытъ, субстанція, наука, метафизика и т. под.

сродень Тэну, по любви къ систематичности, и былъ ему симпатичень по ясности въ изложеніи мысли.

Тэнь настолько *самостоятельный* мыслитель, что ошибочно видѣть въ немъ только чьего-нибудь послѣдователя. Гораздо вѣрнѣе и справедливѣе будетъ, если мы признаемъ въ немъ замѣчательнаго представителя во Франціи того современнаго намъ направленія психологіи, которое особенно прочно установилось въ настоящее время въ Германіи подъ именемъ психологіи *физиологической*, главнымъ образомъ, благодаря дѣятельности Вундта. Впрочемъ, это направленіе уже издавна, начиная еще съ Декарта, имѣло почву и во Франціи. Разница только въ томъ, что у Декарта всѣ психическія явленія, исключая мыслей, имѣли причинами движенія *животныхъ духовъ* (*les esprits animaux*), а въ современной физиологической психологіи основой психическихъ явленій считаются движенія *молекулъ моза*. Вообще Тэнь въ своей „L'intelligence“ чрезвычайно широко пользуется физиологическими данными, заимствованными у извѣстныхъ ученыхъ, для объясненія и обосновки своего психологическаго ученія *).

*) По-моему, для Тэна совершенно не оставалось никакого другого пути, какъ, съ одной стороны, удержавши нѣкоторые элементы изъ сенсуализма Кондильяка, всецѣло примкнуть къ англійскому эмпиризму и феноменизму и затѣмъ, какъ бы воскрешая традиціи Декарта, выступить на болѣе самостоятельную дорогу физиологической психологіи. Несмотря на его метафизическіе инстинкты и сочувствіе къ Гегелю, Тэнь уже не могъ вступить на путь *идеалистической* германской философіи, потому что въ 50—60 годахъ она уже почти потеряла свой кредитъ даже въ Германіи, гдѣ замѣнилась довольно грубымъ матеріализмомъ, несостоятельность котораго, конечно, была ясна для Тэна. Что же касается до современнаго Тэну оффиціального спиритуализма и эклектизма Кузена и его школы, то уже одинъ компромиссъ этой школы съ католическою церковью не допустилъ бы независимаго Тэна стать въ ея ряды. Но главное, что было невыносимо для него въ этой школѣ,—это трескучій *ораторскій папосъ*, которымъ ея представители прикрывали слабую обосновку и рутинность доказательствъ въ пользу основныхъ началъ ихъ философіи. Не менѣе ораторской реторики претило Тэну и пристрастіе школы Кузена къ общимъ, абстрактнымъ разсужденіямъ, которыми замѣнялись доказательства, основанныя на твердо установленныхъ экспериментахъ и фактахъ, въ которыхъ Тэнь видѣлъ единственный путь къ приобрѣтенію истиннаго знанія. Что же касается до ультрамонтанской реакціонной философіи Де-

Сравненіе Тэна съ Контомъ. Теперь не бесполезно будетъ сравнить Тэна съ Контомъ и изъ этого сравненія выйти къ разсмотрѣнію двухъ основныхъ *пунктовъ* позитивизма Тэна. Съ перваго взгляда разница между ними можетъ показаться очень большою: у Тэна не встрѣтишь тѣхъ прямолинейностей и наивностей, съ которыми мы ознакомились у Конта. Тэнъ, наприм., не отрицаетъ „на анатомическихъ основаніяхъ“ ни психологіи, ни теоріи познанія; его „L'intelligence“ заключаетъ въ себѣ *обѣ* эти философскія дисциплины. Точно также имъ не отрицается и логика съ ея законами, подъ тѣмъ предлогомъ, что она будто бы уже содержится въ наукахъ. Тэнъ не видитъ въ пространствѣ какого-то „отпечатка“ или не дѣлаетъ заключенія о преобладаніи въ человѣкѣ альтруистическихъ инстинктовъ надъ эгоистическими, потому что органы первыхъ въ мозгу многочисленнѣе органовъ вторыхъ. Но если сравнивать обоихъ позитивистовъ поглубже, то окажется, что они сходятся въ самомъ существенномъ; и сходство это объясняется не ихъ личными особенностями, а *свойствами позитивизма*, какъ философскаго направленія. Тэнъ, хотя и не относится, подобно Конту, къ слову „метафизика“ такъ, какъ купчиха Островскаго къ слову „жупель“, но отрицаетъ ее съ не меньшею энергіей. Но, къ сожалѣнію, подобно Конту, и онъ не даетъ методически строгаго и точнаго *опредѣленія* термина: „метафизика“ *). Вмѣстѣ съ тѣмъ

Местра, Бональда и т. под., то о сближеніи съ нею для Тэна и рѣчи не могло быть. Примкнуть же просто къ Конту, какъ это, наприм., сдѣлалъ Литтре, Тэну не позволяли умственная его самостоятельность и въ сущности консервативная его натура, чуждая сантиментальности и какихъ бы то ни было утопій.

*) Такъ какъ поводомъ къ борьбѣ Тэна съ метафизикой послужила философія Кузена и другихъ французскихъ спиритуалистовъ, то это обстоятельство положило нѣкоторыя черты односторонности не только на отрицательныя воззрѣнія Тэна, но и на положительныя, которыя онъ противопоставляетъ метафизикѣ. Нельзя не пожалѣть, что Тэнъ не имѣлъ въ виду системъ метафизики вообще (въ индусской, греческой, нѣмецкой философіи); тогда, по-моему, и самыя позитивистическія его воззрѣнія были бы, можетъ-быть, шире, какъ, наприм., у нѣкоторыхъ современныхъ нѣмецкихъ позитивистовъ,

не находимъ мы у него опредѣлений какъ для противоположаемыхъ позитивистами метафизикѣ терминовъ: знаніе, наука,—такъ и для тѣсно связанныхъ съ ними понятій: истина, критерій истины и т. под. Повидимому, все это предполагается общеизвѣстнымъ и для всякаго яснымъ. Если же изъ многочисленныхъ мѣстъ у Тэна и можно заключить, что науки, знаніе и истина касаются того, что „существуетъ само по себѣ“ или „что реально“, а что метафизика трактуетъ объ *entités*, „которыя не существуютъ“, то опять-таки мы не имѣемъ строгаго опредѣленія понятій: бытіе или существованіе *), реальность,—такъ что приходится до нѣкоторой степени *догадываться* окольнымъ путемъ, что онъ разумѣетъ подъ этими понятіями.

Вступая на этотъ путь, мы сперва отмѣтимъ, что Тэнъ отличаетъ между метафизическими „*entités*“ — схоластическія, которыя, по его мнѣнію, теперь уже выметены изъ философской науки, и современныя, выместъ которыя во Франціи пришлось уже на его долю. Эти *entités* извѣстны подъ именами: *субстанцій* (матеріи, духа или души) и *силъ* или *способностей* (свойствъ) субстанцій. По изгнаніи этихъ метафизическихъ фантомовъ, „скрывающихся какъ бы подъ одеждою изъ явленій“, предметомъ науки, должны остаться, думаетъ Тэнъ, только „законы, факты **), или феномены, событія (*événements*) и отношенія“. Но и въ этомъ случаѣ онъ къ сожалѣнію, подобно Конту, точно не опредѣляетъ этихъ терминовъ, а тихомолкомъ разумѣетъ подъ ними нѣчто такое, что должно считать совершенно независимымъ отъ нашей мысли и реальнымъ по природѣ ***).

наприм., Лааса. Въ этомъ отношеніи позитивизмъ Тэна напоминаетъ позитивизмъ Канта, потому что и у послѣдняго его позитивистическія воззрѣнія выработались путемъ полемики противъ метафизики вольфианской школы.

*) Правда, Тэнъ въ одномъ мѣстѣ даетъ опредѣленіе глагола „быть“ (*L'intell.* т. I, кн. IV, гл. III), но лишь въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ служить грамматической связкою, а не въ специфическомъ философскомъ значеніи.

***) Миръ, по Тэну, есть „груда фактовъ“, связанныхъ законами.

***) О терминахъ: „фактъ“ и „явленіе“ я уже упоминалъ въ статьѣ о Контѣ (стр. 57). вмѣстѣ съ ними и терминъ: „событіе“, не имѣетъ смысла безъ.

Наконецъ и у Тэна есть понятие „фактовъ, доступныхъ нашему организму“, только не такъ наивно выраженное, какъ у Конта. Такъ, изгоняя изъ психологiи душу, онъ думаетъ уничтожить *таинственную промежуточную область явленій*, которыя протекаютъ какъ бы внѣ организма между *начальнымъ* пунктомъ психологiи, *ощущеніемъ*, и *конечнымъ* или *движеніемъ*, неразрывно связанными съ организмомъ. Такимъ образомъ выбрасываются тѣ душевные акты прежней психологiи, которые доступны были только какъ бы *внутреннему оку* или уму и которые у Тэна становятся функціями мозговой корки. Хотя можно указать еще и на другія сходства между Контомъ и Тэномъ, но я считаю достаточнымъ и приведенныхъ; а теперь изложу его взглядъ на субстанции матерiи и духа и присоединю къ этому изложенію нѣсколько критическихъ замѣчаній.

Матерiя и духъ у Тэна. Можно сказать, что все сочиненіе Тэна „*De l'intelligence*“ есть развитіе тезиса, что ни *матерiи*, ни *духа* не существуетъ и что вся реальность исчерпывается ощущеніями и движеніями. Вотъ, въ самомъ сжатомъ видѣ изложеніе его возрѣній на эти предметы *). Матерiя есть „метафизическая иллюзія“, которая, по Тэну, даже „самыми вѣрными послѣдователями эмпириі“ принимается въ качествѣ первоначальной субстанции, между тѣмъ она есть не болѣе какъ „словесная сущность“, т.-е. слово, удобное для обозначенія явленій и для сокращенія рѣчи о нихъ. Слѣдуя Д. С. Миллю, Тэнь опредѣляетъ матерiю

мыслящаго субъекта, для котораго только и существуетъ перемѣна, или событіе. Наконецъ и „отношеніе“ не мыслимо безъ чего-либо существующаго безотносительно, которое должно служить источникомъ для образованія первоначальныхъ отношеній, т.-е. безъ субстанцій и ихъ актовъ. Законы же суть не что иное, какъ обобщенные факты или событія.

*) Конечно, я долженъ здѣсь ограничиться, такъ сказать, намеками на эти возрѣнія Тэна, не доступныя къ краткой передачѣ не только въ силу ихъ сложности, но и въ силу входящихъ въ нихъ мало замѣтныхъ, но несомнѣнныхъ *софизмовъ* и *противорѣчій*, для обстоятельнаго раскрытія которыхъ потребовалась бы, пожалуй, цѣлая книга. Всего замѣчательнѣе то, что эти софизмы не рѣдко скрываются среди массы сравненій и примѣровъ, обильно рассыпанныхъ въ сочиненіи Тэна для уясненія и подкрѣпленія его положеній.

какъ „постоянную возможность ощущеній“, но далѣе, присоединяя къ условіямъ этой возможности еще одно, а именно: наличность того, что называется „силами физическими, химическими, механическими“, сводящимися къ движенію и „превращающими для чувствующаго существа возможность ощущеній въ ихъ необходимость“, Тэнъ уже отъ себя опредѣляетъ матерію не только какъ возможность, но и какъ необходимость ощущеній *).

Въ тѣсной связи съ отрицаніемъ матеріи, какъ субстанціи, стоитъ у Тэна весьма важное понятіе „правдивой галлюцинаціи“ (hallucination vraie), обосновкѣ и доказательству котораго посвящена значительная часть его сочиненія: „Объ умѣ“. Посредствомъ этого понятія онъ объясняетъ такъ-называемое воспріятіе внѣшнихъ вещей, признаваемое имъ только чисто *внутреннимъ событіемъ*, вслѣдствіе котораго наши состоянія „кажутся намъ образами, отличными отъ насъ и существующими внѣ насъ“. Эти образы слагаются, по Тэну, изъ различныхъ одновременныхъ нашихъ ощущеній и являются въ формѣ пространственно - непрерывнаго цѣлостнаго ощущенія, какъ бы сливагося изъ многихъ отдѣльныхъ. Эту нашу галлюцинацію мы невольно и выносимъ или „проэцируемъ“ (выбрасываемъ) въ мнимое пространство, принадлежащее къ такимъ же нашимъ ощущеніямъ (мускульнымъ, осязательнымъ, зрительнымъ **). Такимъ же порядкомъ создается и иллюзорный образъ нашего собственнаго тѣла, которое мы также понимаемъ

*) См. „L'intelligence“ т. II, кн. II, гл. I, и т. I, кн. IV, гл. III.

***) Термины: „внѣ, внутри“ („interne, extérieur, dehors, dedans“) служатъ для Тэна неизяскаемымъ источникомъ, конечно неумышленныхъ, *софистическихъ двусмысленностей*. Такъ, мнѣ кажется, ему не легко было бы отвѣтить на вопросъ: куда мы проэцируемъ изъ „ихъ мозгового сѣдалища (hors de leur siège cérébral)“ наши иллюзорные образы, состоящіе изъ ощущеній? Отвѣтить, что они проэцируются въ пространство, Тэну, по-моему, нельзя, потому что пространство, по его теоріямъ, само по себѣ не существуетъ и только составляетъ призрачную принадлежность ощущеній, слѣдовательно, зависитъ отъ нихъ и даже получаетъ отъ нихъ имена: зрительное (цвѣтовое), осязательное, мускульное пространство. Но если пространство образуется, только благодаря проэкціи ощущеній, то опять куда же они-то проэцируются?

какъ внѣшнее воспріятіе и идея котораго постепенно дѣлается неразрывной съ идеей о нашемъ собственномъ „я“. Такимъ образомъ, заключаетъ Тэнъ, „всѣ предметы, называемые нами тѣлами, суть только внутренніе фантомы, отрывки нашего „я“, какъ бы отдѣленные отъ него и противопоставленные ему, тогда какъ, въ сущности, они суть то же самое „я“, но только въ другомъ видѣ; значить, строго говоря, это небо, эти свѣтила, эти деревья, вся эта чувственная вселенная, которую созерцаетъ каждый изъ насъ, есть наше дѣло или вѣрнѣе наша эманация, наше созданіе, невольно производимое нами безъ всякаго о томъ сознанія и распространяющееся вокругъ насъ въ безконечность» (Ibid. Т. II, кн. 2, гл. II).

Но однако этотъ иллюзорный міръ фантомовъ заключаетъ въ себѣ истину, которая, по Тэну, и открывается намъ послѣ различныхъ научныхъ «повѣрокъ, поправокъ и ограниченій», описаніе которыхъ вмѣстѣ съ физиологической теоріей *локализации* ощущеній и дѣлается подробно въ трактатѣ Тэна; его мы, конечно, по недостатку мѣста, воспроизвести не можемъ. Заключение же изъ всѣхъ «поправокъ и повѣрокъ» выражается словами самого Тэна такъ: «наше ложное сужденіе вообще достигаетъ того же результата, къ которому приходитъ и истинное сужденіе» или иначе: «то, что мы говоримъ ошибочно о нашихъ ощущеніяхъ*) *прилагается* съ почти абсолютною и постоянною точностью къ нервному сотрясенію, которое связано съ этими ощущеніями», такъ что «умственной иллюзіи почти всегда соответствуетъ сотрясеніе конца нервовъ». При этомъ «малѣйшія измѣненія и различія въ объектахъ совпадаютъ съ различіями и измѣненіями нашихъ ощущеній» и имѣютъ «свои эквиваленты» въ различіяхъ нервныхъ сотрясеній. Отсюда

---

*) Когда мы, наприм., ложно помѣщаемъ наши внутреннія ощущенія вмѣсто мозговыхъ центровъ, гдѣ они происходятъ, въ разные органы тѣла, наприм., ощущенія тепла, вкуса, обонянія, давленія, боли и т. п. или даже, когда мы ихъ понимаемъ, какъ качества внѣшнихъ объектовъ, наприм., цвѣта, звуки, осязательныя ощущенія и т. под.

мы имѣемъ полное право сказать, что «наше внѣшнее воспріятіе есть *правдивая галлюцинація*».

Но однако этой галлюцинаціи, или «внутреннему и переходящему призраку обыкновенно точь-въ-точь соотвѣтствуетъ» постоянная и независимая отъ чьего-либо присутствія или отсутствія и существованія возможность и необходимость извѣстныхъ ощущеній, которыя, при различныхъ условіяхъ, будутъ испытывать во всякое время всѣ ощущающія существа. Только въ этой постоянной возможности и заключается поводъ «къ нашему воображенію метафизической сущности, называемой матеріей, а ея осуществленіе или дѣйствительность ведетъ къ воображенію другой метафизической сущности, называемой силой» *). Если же мы не будемъ забывать, что эти сущности суть только символы, то они окажутся весьма удобными для *предвидѣнія и предсказанія* фактовъ и событій.

Теперь познакомимся съ понятіемъ Тэна о *души*, или о нашемъ «я». Оно весьма похоже на понятіе матеріи и, подобно этой послѣдней, есть «фикція ума». Эта мнимая субстанція есть не болѣе какъ «словесное существо», «все бытіе котораго зависитъ отъ насъ; она—иллюзія, чистое ничто, метафизическій фантомъ, какими философы наполняютъ весь міръ». Когда мы говоримъ: «я вкушаю, я страдаю отъ боли въ ногѣ, я вспоминаю концертъ, то во всѣхъ этихъ сужденіяхъ предполагается глаголь: *быть*. Всѣ эти сужденія заключаютъ субъектъ «я», соединенный посредствомъ этого глагола: быть—съ причастіемъ, означающимъ атрибутъ. Но это во всякомъ сужденіи значитъ не болѣе какъ только то, что атрибутъ есть элементъ, фрагментъ, экстрактъ субъекта (подлежащаго), включенный въ него, какъ часть цѣлаго; въ этомъ весь смыслъ и вся функція глагола *быть*. «Вкусъ, страданіе, воспоминаніе суть не болѣе, какъ элементы, экстракты, отрывки субъекта (меня). Значитъ, эти

*) Тамъ же, томъ II, кн. II, гл. 2. (цитаты относятся къ 3-му изданію).

наши послѣдовательныя событія (въ насъ) суть только послѣдовательныя составныя части нашего я» *).

Но однако, думаетъ Тэнъ, это я «не есть *простой итогъ* событій, оно остается однимъ и непрерывнымъ, а мы, какъ наблюдатели отдѣляемъ событія въ насъ одни отъ другихъ для удобства изученія». На самомъ же дѣлѣ событія образуютъ одну непрерывную ткань, которую мы мысленно дѣлимъ на произвольныя части, «подобно тому, какъ для лучшаго изученія какой-либо доски мы можемъ раздѣлить ее на треугольники, квадраты и т. под. Значить, нельзя сказать, что я есть само по себѣ только рядъ событій (явленій), присоединенныхъ другъ къ другу концами, потому что вѣдь и раздѣлено-то оно на событія только ради наблюденія; а все-таки оно равняется всему этому разряду событій, ибо если ихъ отнять, то ничего ужъ больше и не остается» **).

Къ этому понятію объ „я“ или о духѣ, очень сходному съ понятіемъ о матеріи, примыкаютъ у Тэна положенія и теоріи, вполне аналогичныя тѣмъ, съ которыми мы уже познакомились. Такъ, наше „я“, подобно матеріи, иллюзорно только въ „метафизическомъ смыслѣ“, когда мы его пони-

*) Если иллюстрировать эти положенія Тэна сравненіемъ, то вышло бы, что сосудъ (стаканъ, бутылка и проч.), въ которой послѣдовательно были бы налиты, или, если угодно, одновременно смѣшаны чай, кофе, вино, масло и т. под., должно считать за фантомъ, иллюзію, ничто и т. под., существующими же должно признавать только чай, кофе, вино и масло, послѣдовательно или одновременно наполнявшія сосудъ. Но Тэнъ, защищаясь, конечно, могъ бы сказать, что вѣдь „я“ не существуетъ въ отдѣльности—безъ вкуса, безъ боли, безъ слышанія концерта и т. под.; сосудъ же всякій можно видѣть отдѣльно и безъ вина, безъ чая и т. под. Но я съ своей стороны опять замѣтилъ бы, что, вѣдь, и сосудъ никогда не бываетъ безъ чего-либо, ибо въ немъ во всякомъ случаѣ есть воздухъ. Но главное, на что я указалъ бы раньше всего и что забываютъ эмпирики и позитивисты,—это то, что нельзя видѣть ни *стакана*, ни *вина*, ни *чая*, потому что видимъ мы только цвѣта, вещи же (стаканъ, вино и проч.) мы только мыслимъ и воображаемъ, хотя языкъ неизбѣжно, на что, впрочемъ, постоянно и справедливо жалуется и самъ Тэнъ, вводитъ насъ въ соблазнъ и заставляетъ созидать цѣлую мифологію...

**) Тамъ-же томъ I, кн. IV, гл. IV. Тэнъ и другіе позитивисты забываютъ, что за всѣмъ тѣмъ остается еще „я“, сознающее себя и свои акты *соединенія*, *раздѣленія*, *отнятія* и т. под.

маемъ какъ „непротяженный центръ, соединенный съ организованнымъ тѣломъ“. Но „оно вовсе не таково въ смыслѣ обыкновенномъ, гдѣ ему дѣйствительно соотвѣтствуетъ постоянная возможность извѣстныхъ событій при извѣстныхъ условіяхъ“. Точно то же относится и къ „особымъ способностямъ и дарованіямъ“, аналогичнымъ со свойствами матеріальныхъ тѣлъ. Въ силу метафизической иллюзіи мы думаемъ, что эти способности принадлежатъ намъ въ качествѣ особыхъ реальныхъ объектовъ (силъ), всегда присущихъ намъ, и притомъ въ качествѣ „внутреннихъ, что и составляетъ ихъ общій характеръ“. Въ „смыслѣ же обыкновенномъ“ эти способности нашего „я“ ничего другого не значатъ, какъ то, что различныя наши состоянія (ощущенія, образы, идеи, воспріятія, волненія, желанія и т. под.) при такихъ-то и такихъ-то условіяхъ изъ возможныхъ становятся дѣйствительными или реальными.

Дальнѣйшая аналогія между рассматриваемыми отношеніями состоитъ въ томъ, что вышеизложенной локализациі ощущенийъ въ пространствѣ соотвѣтствуетъ *разстановка* нашихъ внутреннихъ событій во времени, причемъ посредствомъ особаго механизма они присоединяются одно къ другому на подобіе звеньевъ одной цѣпи, такъ что образы этой цѣпи вызываютъ другъ друга по закону ассоціаціи идей. При этой разстановкѣ нашихъ событій во времени, аналогично съ пространственной локализацией ощущенийъ и образовъ происходятъ различныя „поправки и повѣрки“, такъ что въ концѣ концовъ вся серія нашихъ событій восстанавливается въ томъ порядкѣ, въ какомъ они проходили и реально. Однимъ словомъ, механизму и процессу „правдивой галлюцинаціи“ соотвѣтствуетъ механизмъ и процессъ „правдиваго воспоминанія“.

Критическія замѣчанія къ понятіямъ матеріи и духа у Тэна *). Я формулирую эти замѣчанія въ слѣдующихъ положеніяхъ:

*) Еще разъ, во избѣжаніе недоразумѣній, я долженъ напомнить читателямъ, что въ этихъ замѣчаніяхъ вовсе не ставлю себѣ задачу систематически

1. Тэнъ, опредѣляя матерію, употребляетъ термины, относящіеся къ *категоріямъ модальности*, т.-е. къ понятіямъ— „дѣйствительность, возможность, необходимость“ и проч., а между тѣмъ предварительно не даетъ никакого спеціальнаго ученія и опредѣленія какъ этихъ, такъ и другихъ категорій *). Отъ этого отсутствія опредѣленій всѣ его положенія, въ которыя входятъ понятія „возможности и необходимости“, совсѣмъ не ясны. Такъ, наприм., остается неизвѣстнымъ, считаетъ ли Тэнъ понятія возможности, необходимости, случайности и проч. приложимыми къ *бытію*, или же онъ понимаетъ ихъ какъ приложимыя только къ области мышленія или *познанія*. Иначе говоря, думаетъ ли Тэнъ о такой возможности, чтобы стало дѣйствительно существующимъ или даже необходимо существующимъ нѣчто *еще вовсе не существующее*; или же онъ понимаетъ возможность и необходимость только такъ, что мы, размышляя объ области *неизвѣстнаго* намъ *бытія*, только можемъ *предполагать* что-либо существующимъ, возможнымъ или даже необходимымъ **).

разбирать или опровергать всѣ теоріи Тэна. Я дѣлаю это только въ той мѣрѣ, въ какой, по-моему, оно нужно для *уясненія пріемовъ*, употребляемыхъ имъ и другими представителями позитивистической философіи для подкрѣпленія ихъ ученія и *мотивовъ*, приводящихъ ихъ къ построению этого ученія.

*) Правда, въ сочиненіи „De l'intelligence“, въ главѣ „объ общихъ понятіяхъ и общихъ предложеніяхъ“ можно найти *отчасти* и то, что у Канта и другихъ философовъ относится къ „категоріямъ“. Но эти указанія скудны, отрывочны и не систематичны. Дѣло въ томъ, что Тэнъ ошибочно смѣшиваетъ категоріи съ такъ называемыми *общими абстрактными* понятіями, что, впрочемъ, встрѣчается и у другихъ позитивистовъ и сенсуалистовъ, строящихъ познаніе изъ ощущеній.

**) Я, съ своей стороны, категоріи: возможное, невозможное, случайное, необходимое—считаю приложимыми только въ области мышленія и притомъ думаю, что всѣ эти категоріи не имѣютъ никакого смысла безъ сравненія и соотношенія съ категоріей дѣйствительности. Кромѣ того, возможное или невозможное всегда относительны, смотря по силѣ познанія или мышленія субъекта и смотря по большей или меньшей обширности той дѣйствительности, которую онъ способенъ обнять или познать. Тѣмъ болѣе относится къ сферѣ мышленія категорія необходимости или случайности, потому что *въ сферѣ бытія* есть только, по-моему, *одно дѣйствительное*, но нѣтъ ни случайнаго, ни необходимаго. Конечно, все это имѣетъ тѣсную связь съ идеею времени (см. № 3 „Своего Слова“).

Во всякомъ случаѣ опредѣленіе матеріи у Тэна несостоятельно, если онъ серьезно отрицаетъ ея реальность и считаетъ пустымъ словомъ *). Такое слово, равняющееся „ничто“, не можетъ быть, конечно, условіемъ или возможностью ощущеній, т.-е. единственной, по его мнѣнію, реальности **).

2. Конечно я, подобно нѣкоторымъ критикамъ Тэна, не стану сокрушаться, что онъ *считаетъ фантомами* всѣ такъ-называемыя виѣшнія вещи, или образы нашей вселенной: въ этомъ онъ вполне правъ. Я съ своей стороны, напротивъ, упрекну его (*sit venia verbo*) въ фокусъ, по которому устраненіе столь необходимой для многаго множества философъ матеріи есть нѣчто мнимое, ибо Тэнъ снова возвращаетъ ее къ бытію, только въ новомъ костюмѣ и подъ маскою. Важнѣйшая операція этого маскарада производится посредствомъ вычурно-искусственного и какъ бы нарочито выкованнаго понятія „правдивой галлюцинаціи“. По-моему, понятіе галлюцинаціи никакъ не можетъ быть приложимо къ тому роду человѣческихъ иллюзій, въ которыя *всѣ люди поголовно впадаютъ* даже и тогда, когда они уже разоблачили эти иллюзіи. Что небо со всѣми свѣтилами и пр.

---

*) Тэнъ скорѣе долженъ бы былъ назвать возможностью ощущеній другую изъ отвергаемыхъ имъ „*entités*“, т. е. душу, тѣмъ болѣе, что, какъ можетъ-быть уже замѣтили выше читатели, онъ и наше „я“ опредѣляетъ *возможностью всѣхъ нашихъ событій*, къ числу которыхъ причисляетъ и ощущенія. Впрочемъ, пожалуй, какъ *матерія*, такъ и я можно считать возможностью чего хотите, потому что пустое слово, или ничто, не можетъ помѣшать никакому бытію.

**) Заимствуя цѣлкомъ у Милля вмѣстѣ съ многими другими пунктами и это опредѣленіе матеріи, Тэнъ вмѣстѣ съ тѣмъ прихватываетъ и двусмысленную софистику Милля, который то выражается такъ, что будто бы считаетъ матерію чѣмъ-то реальнымъ и объективнымъ, то такъ, что она есть только субъективный призракъ или явленіе. Что же касается до того, что вообще философія Милля, такъ сказать, кишитъ софизмами, то въ настоящее время сомнѣваться въ томъ было бы просто наивно. Въ философской литературѣ послѣдняго времени можно только затрудняться въ выборѣ между многими критиками Милля, обличившими его софизмы. Между ними съ особенною энергіей дѣлалъ это англичанинъ профессоръ Джевонсъ. Конечно, Тэнъ къ софистикѣ Милля прибавилъ не мало и своей собственной.

двигается ежесуточно вокругъ земли,—это *иллюзія*, но вовсе не *галлюцинація*; что человѣку, стоящему въ одномъ концѣ аллеи, другой конецъ ея кажется сходящимся въ одной точкѣ, это также *иллюзія*, но не *галлюцинація*. Точно также и кажущаяся помѣщенной „внѣ“ или „тамъ“ матеріальная вселенная есть иллюзія, но не галлюцинація. Галлюцинація происходитъ, наприм., когда сумасшедшему, но только *сму одному*, слышатся угрожающіе крики, голоса преслѣдующихъ его враговъ и т. п. Далѣе я считаю вводящимъ въ недоразумѣніе и *двусмысленнымъ* соединеніе прилагательнаго: „правдивый“ съ терминомъ: „галлюцинація“, потому что понятія правды, истины, ошибки, въ строгомъ смыслѣ слова, по-моему, не приложимы просто къ ощущеніямъ или къ образамъ, состоящимъ изъ ощущеній, какъ таковымъ. Ошибочными и вѣрными могутъ быть только *сужденія* или *мнѣнія*, въ которыхъ мы какъ-либо объясняемъ и толкуемъ причину этихъ образовъ. Галлюцинаціи сумасшедшихъ, взятыя сами по себѣ, правдивы, т. е. больные не лгутъ и не ошибаются, что слышатъ голоса или видятъ образы преслѣдующихъ ихъ существъ, но ошибаются только въ томъ, что причинно относятъ видимое или слышимое не къ себѣ, какъ источнику, а къ другимъ существамъ. Значить, какъ иллюзія *всѣхъ* людей въ томъ, что матеріальный міръ существуетъ „тамъ“, „во внѣ“ и воспринимается нами „извнѣ“, вовсе не есть галлюцинація, такъ и вопросъ объ истинѣ или ошибкѣ долженъ относиться не къ видимости и слышимости образовъ, неточно называемыхъ Тэномъ „галлюцинаціями“, а къ нашимъ сужденіямъ или понятіямъ о причинномъ происхожденіи этихъ образовъ.

3. Теперь я укажу на одно *важное недоразумѣніе*, входящее въ ту же теорію „правдивой галлюцинаціи“ и тѣсно связанное съ маскарадомъ, посредствомъ котораго Тэнь возстановляетъ матерію, такъ торжественно, повидимому, имъ отвергнутую. По теоріи его, не только всѣ матеріальныя тѣла вселенной, но и наше собственное тѣло суть галлюцинаціи, вовсе не существующія тамъ, гдѣ онѣ намъ кажутся,

и вовсе не имѣющія тѣхъ свойствъ, съ которыми онѣ намъ кажутся. Само собою разумѣется, что если наше тѣло есть галлюцинація, то таковы же и отдѣльныя его части: руки, ноги, животъ, голова со всѣмъ въ ней находящимся, т.-е. мозгомъ, съ его цвѣтомъ, консистенціею, запахомъ и т. под. свойствами. Что же касается до правдивости галлюцинаціи всѣхъ призрачныхъ образовъ вселенной, то она, по Тэну, стоитъ на томъ, что всѣмъ ея элементамъ и частямъ соотвѣтствуетъ одновременное *дѣйствительное* сотрясеніе нашихъ нервовъ, начиная отъ ихъ периферическаго конца до центральнаго, и что далѣе сотрясеніе это продолжается въ нервныхъ центрахъ въ видѣ безконечно разнообразныхъ „фигуръ, которыя вытанцовываютъ молекулы и клѣточки“, входящія въ составъ этихъ мозговыхъ центровъ, и которыя вполне соотвѣтствуютъ безконечному различію въ комплексахъ нашихъ ощущеній и образовъ, помѣщающихся въ тѣхъ же центрахъ. Но если и наше тѣло съ мозгомъ есть, въ свою очередь, тоже галлюцинація, то спрашивается, какими или чьими сотрясеніями оправдываются галлюцинаціи нашего тѣла, головы и мозга? *)

Въ связи съ сейчасъ изложеннымъ недоразумѣніемъ стоитъ и *другое*, состоящее въ томъ, что Тэнъ кромѣ галлюци-

---

*) Отвѣтить на этотъ вопросъ съ точки зрѣнія теорій Тэна я считаю невозможнымъ, хотя и былъ бы очень благодаренъ тому, кто доказалъ бы мнѣ, что я въ этомъ случаѣ ошибаюсь. Если же кто либо замѣтитъ мнѣ, что въ сущности разбираемая мною теорія Тэна (теорія сотрясеній мозга и образующихся вслѣдствіе ихъ ощущеній и проч.) въ основѣ своей имѣютъ физиологію, то я, въ свою очередь, скажу на это, что вообще физиологи въ своей наукѣ стоятъ не на философской, а на условной точкѣ зрѣнія. Они или откровенные *матеріалисты*, въ чемъ, какъ мы видѣли выше, упрекаетъ ихъ и самъ Тэнъ, или во всякомъ случаѣ *наивные реалисты*, которые субстанцируютъ время, пространство, движеніе и матерію, вовсе не заботясь о доказательствѣ и обосновкѣ ихъ реальности; и, не задумываясь о противорѣчій, спокойно полагаютъ съ одной стороны дѣйствительно существующими такъ называемыя матеріальныя вещи, а съ другой исповѣдуютъ, что цвѣта, звуки, запахи и вообще безчисленныя ощущенія суть продукты молекулярнаго движенія мозга. Тэнъ же въ своихъ теоріяхъ хочеть стоять на философской почвѣ и требуетъ полного, абсолютно удовлетворяющаго или, что все равно, *безусловно необходимаго* объясненія процесса образованія человѣческихъ познаній.

націй, иллюзорно наполняющихъ такъ называемый внѣшній міръ, предполагаетъ еще „предметы, возбуждающіе сотрясеніе нервовъ“ и находящіеся „тамъ,“ куда проэцируются наши галлюцинаціи. Конечно, эти предметы ни цвѣтны, ни звучать, ни мягки, ни шероховаты, ни теплы, ни холодны, — однимъ словомъ, не имѣютъ ничего того, чѣмъ обладаютъ наши проэкціи и что производится сотрясеніями въ нашихъ нервахъ и центрахъ. Насколько можно заключить изъ положеній Тэна, касающихся до этихъ предметовъ, они обладаютъ только движеніемъ, т. е. какъ разъ тѣмъ свойствомъ, которое приписывается матеріалистическою философіей матеріи, какъ субстанціи. Но если далѣе мы присоединимъ къ этому соображенію теорію Тэна о „подвижныхъ двигателяхъ“ (*moteurs mobiles*)^{*)}, то уже совсѣмъ нельзя сомнѣваться въ томъ, что онъ, если не на словахъ, то на дѣлѣ, признаетъ реальность этой, якобы изгоняемой имъ изъ философіи, субстанціи. Теорія „подвижныхъ двигателей“ состоитъ въ томъ, что мы можемъ понимать матеріальныя тѣла, положимъ, камень, не только какъ возможность различныхъ нашихъ ощущеній (твердости, сопротивленія, тепла, холода и проч.), но еще имѣемъ право мыслить его состоящимъ изъ движеній, аналогичнымъ нашимъ собственнымъ, о которыхъ мы знаемъ по мускульнымъ ощущеніямъ *).

Оспаривая опредѣленіе Милля и Бэна, что матерія (напр. камень) есть только возможность ощущеній для чувствующихъ существъ, Тэнъ говоритъ, что, съ ихъ точки зрѣнія, должно отрицать всякое существованіе въ мірѣ, пока въ немъ не было такихъ существъ; а между тѣмъ, по ученію астрономовъ и физиковъ, такія существа появились въ мірѣ только очень недавно. Поэтому камень, — утверждаетъ съ своей стороны Тэнъ, — существовалъ бы и безъ всякихъ ощущающихъ существъ; въ немъ есть и было бы „нѣчто существенное“ (*intrinsèque*), что мы называемъ *молекулами*; или, выражаясь иначе, онъ всецѣло состоитъ изъ *подвижныхъ дви-*

*) См. томъ II, книга 2, глава I.

ателей, которые продолжали бы, какъ и теперь, тяготѣть къ землѣ, пропорціонально своей массѣ, и совершали бы свои внутреннія колебанія. Значить, кромѣ постоянной возможности для насъ ощущеній зрительныхъ, осязательныхъ и пр. камень есть еще особая группа стремленій къ движенію, а также и готовыхъ совершиться отдѣльныхъ движеній“ *). Изъ этихъ словъ мы имѣемъ полное право заключить, что „безстрашный сокрушитель идоловъ официальной метафизики (*l'audacieux briseur des idoles de la metaphysique officielle*)“, какъ выражается о Тэнѣ Бурже, въ концѣ концовъ оказался скромнымъ *филлистеромъ* и тайкомъ опять поклонился старому идолу, — *матеріи*, которую съ такимъ шумомъ извлекалъ изъ ея капища.

4. Нельзя также оставить безъ возраженій понятій Тэна о душѣ, которыя возбуждаютъ во мнѣ *неразрѣшимыя*, по-моему, недоумѣнія.

Прежде всего недоумѣваю я въ томъ, какъ могъ Тэнъ считать душу за „призрачную словесную сущность“ (*entité*), „за пустое слово или простое ничто“, тогда какъ всюду въ двухъ томахъ его трактата: „Объ умѣ“ только и рѣчи, что о „насъ“ и „нашихъ“ дѣйствіяхъ. Вездѣ „мы, насъ, намъ, нами“ и проч. И чего, чего только „мы“ тамъ не дѣлаемъ! Матерія, наприм., есть только возможность ощущеній, но, вѣдь, дѣйствительно-то ощущаемъ „мы“. Безъ *насъ* и безъ подобныхъ *намъ* существъ матерія была бы ничто... по мнѣнію Юма, Милля, Бэна... или, если согласиться съ поправкой ихъ теоріи Тэномъ, она, конечно, была бы только „подвижными двигателями“, хотя бы (допустимъ это на минуту) и возбуждающими ощущенія, но которыя ощущались бы все-таки „нами“ же. Если же кто-либо замѣтилъ бы, что, по поводу нашихъ ощущеній, мы сильно заблуждаемся, то все-таки заблуждаются не сами ощущенія, или не „подвижные двигатели“, а *мы*. Точно также, хотя мы и принимаемъ за реальность галлюцинаціи, но все-таки, какъ то и приличествуетъ

*) См тамъ же.

субстанціямъ, *свои собственныя* галлюцинаціи, но не чужія, наприм., „подвижныхъ двигателей“ и т. п. Вѣдь, *мы* воспринимаемъ разнообразныя ощущенія, *мы* же вѣрно или ошибочно ихъ различаемъ *), и въ *насъ* же, а не въ „подвижныхъ двигателяхъ“, изъ отдѣльныхъ ощущеній какъ будто слагаются образы, представляющіе нѣчто непрерывное и цѣлое. Хотя это и галлюцинаціи, но однако *мы* же „повѣряемъ и поправляемъ“ ихъ столь „научно“, что въ концѣ концовъ галлюцинаціи оказываются „правдивыми“.

Хотя у Тэна нѣтъ систематическаго ученія и опредѣленія категорій или идей, но однако едва ли онъ сталъ бы утверждать, что наприм., идеи *подобія, тождества, равенства* и т. под. понимаются кѣмъ-либо, кромѣ или помимо *насъ*, разумныхъ, мыслящихъ существъ. Точно также, вѣдь, не сами же находящіеся *рядомъ и подлѣ* два цвѣта понимаютъ это свое отношеніе, а понимаемъ его „мы“; а между тѣмъ на этомъ пониманіи стоитъ и развивается наша *идея пространства*. Далѣе не молнія и громъ, какъ ощущенія или событія, понимаютъ себя въ порядкѣ: *прежде и послѣ*, а *мы* понимаемъ такъ этотъ порядокъ, а вѣдь въ этомъ и состоитъ сущность и основа нашей *идеи времени*. Но не только *мы* понимаемъ и устанавливаемъ порядокъ пространственный (подлѣ, рядомъ, одно внѣ другого) или порядокъ временный (прежде, теперь и потомъ), *мы* же еще и локализуемъ или разставляемъ въ этихъ порядкахъ какъ *наши* ощущенія и составляющіеся изъ нихъ образы, такъ и происходящія съ *нами* или отмѣчаемыя *нами* относительно другихъ существъ событія **). Наконецъ если *мы* въ этой пространственной *локализаци*и и временной *разстановкѣ* дѣлаемъ какія ли-

*) Вѣдь, не цвѣта сами себя видятъ, не звуки сами себя слышатъ, не запахи сами себя обоняютъ. а „мы“ видимъ, слышимъ, обоняемъ и сознаемъ различіе этихъ актовъ и т. под.

**) Конечно, образы не сами себя локализируютъ въ пространствѣ, ибо, вѣдь, они, по Тэну, только наши «невольныя галлюцинаціи». Точно также не сами себя разставляютъ во временномъ порядкѣ событія, ибо, вѣдь, они мгновенно исчезаютъ изъ нашего реальнаго сознанія, а восстанавливаются только по *нашему* точному, «правдивому воспоминанію».

бо ошибки, то опять-таки ошибки эти исправляются „нами“ же, а не сами образы или событія исправляютъ свое размѣщеніе*). Наконецъ, согласно ученію самого Тэна, „мы“, а не кто другой, „создаемъ изъ себя всю нашу вселенную“ или, по его выраженію, испускаемъ, „эманируемъ“ ее. Наконецъ, по его же ученію, „мы“ создаемъ даже и ту „фикцію“, которую называемъ душою. Надѣюсь, что читатели послѣ всего этого оправдаютъ мое сильное недоумѣніе по поводу огромнаго различія, выраженнаго Тэномъ въ отношеніи къ одному и тому же предмету, человѣческому существу, только на основаніи грамматической формы, въ которой онъ говоритъ о немъ. Когда онъ говоритъ въ единственномъ числѣ о нашемъ „я“, то характеризуетъ его какъ полное ничтожество, пустую фикцію и т. п. Но когда онъ говоритъ о немъ во множественномъ числѣ, называя его „мы“, то оно вырастаетъ у него до огромныхъ размѣровъ и дѣятельность его оказывается чрезвычайно важною въ дѣлѣ человѣческаго познанія.

5. Но, можетъ-быть, кто-либо замѣтитъ, что я не обратилъ должнаго вниманія на различіе, сдѣланное Тэномъ между „я“ въ метафизическомъ и я въ обыкновенномъ смыслѣ, а потому и не вижу выхода изъ сейчасъ означеннаго недоумѣнія! На такое замѣчаніе я рѣшительно отвѣчаю, что это крайне *искусственное* различіе не только никакого выхода не представляетъ, но нагромождаетъ еще новыя недоумѣнія. Если разъ „я“ есть пустое слово, то оно *ни въ какомъ смыслѣ* ничего означать не можетъ**), потому что ему

*) Конечно, потому что они дѣйствовать никакъ не могутъ, а если бы какъ либо и дѣйствовали, то никакъ не могли бы понимать отношенія своихъ дѣйствій. Здѣсь кстати, слѣдуетъ настойчиво замѣтить, что *мы* единственная причина какъ нашихъ, хотя бы ошибочныхъ локализаций въ пространствѣ, такъ тѣмъ болѣе въ разстановкѣ порядка нашихъ воспоминаній во времени, а ужъ никакъ не мозгъ или его сотрясенія, потому что сами естественныя науки и между ними физиологія учатъ насъ, что въ теченіе 20, 30, 40 лѣтъ и болѣе, составляющихъ область нашихъ воспоминаній какъ мозгъ, такъ и весь организмъ до послѣдней молекулы нѣсколько разъ перемѣнились за-ново.

**) Такъ и это „я въ обыкновенномъ смыслѣ“ есть у Тэна не болѣе, какъ собирательное имя.

нигдѣ и никакъ не соотвѣтствуетъ что-либо реально существующее *). Что же касается до опредѣленія, которое даетъ Тэнъ нашему „я въ обыкновенномъ смыслѣ“, что оно есть только возможность извѣстныхъ событій при извѣстныхъ условіяхъ, то, во-первыхъ, мы здѣсь встрѣчаемся съ тѣмъ же затрудненіемъ (отсутствіемъ ученія и опредѣленія категорій), на которое было указано мною при опредѣленіи матеріи, а во-вторыхъ, что главное, *подлинное и реальное* наше „я“ никогда не бываетъ только возможностью, а всегда есть *дѣйствительность, данная въ прямомъ сознаніи* о себѣ, какъ дѣятелѣ во всѣхъ психическихъ событіяхъ **). Это сознаніе себя вовсе не должно быть понимаемо такъ, что оно какъ бы включено только

---

*) Еслибы Тэнъ хотѣлъ дѣйствительно разрушить идею субстанціальности нашей души, то, по-моему, ему слѣдовало бы критически рассмотреть ея понятіе въ различныхъ метафизическихъ системахъ, потому что опредѣленіе ея, какъ „непротяженнаго центра, соединеннаго съ тѣломъ“, принадлежало Декарту и отъ него перешедшее въ новѣйшій французскій спиритуализмъ, есть одно изъ наименѣе состоятельныхъ (потому что грѣшитъ несомнѣннымъ дуализмомъ). По-моему, Тэну слѣдовало бы рассмотреть другія опредѣленія нашего „я“, наприм., въ индійской философіи, у грековъ, у Локка, Лейбница, Канта, Берклея, Фихте, Гегеля и т. п.

**) Тэнъ, вѣроятно, думаетъ, что ученіе о существованіи нашей души основано только на предположеніяхъ и умозаключеніяхъ, которыя, конечно, могутъ быть и вѣрными, и ошибочными, между тѣмъ, какъ оно основано на безусловномъ, непосредственномъ сознаніи себя, постоянно сопровождающемъ всякое другое сознаніе не только у взрослого человѣка, но у дѣтей и даже, по крайней мѣрѣ, у высшихъ животныхъ, — сознаніи столь же несомнѣнномъ и непосредственномъ, какъ и сознаніе ощущеній или чувствъ. Здѣсь кстати замѣтить, что Контъ, конечно, теоретически тоже отрицавшій душу, какъ субстанцію (ибо не могъ, въ силу предразсудковъ, правильно понять своего собственнаго сознанія о себѣ), въ то же время учить, что „каждое позвоночное животное (наприм., кошка) обыкновенно не принимаетъ себя за что-либо другое, какъ за самого себя“ (т.-е., говоря точнѣе, непосредственно сознаетъ свое существованіе). Контъ думаетъ даже, „что у высшихъ животныхъ чувство личности еще ярче, чѣмъ у человѣка“ (см. Курсъ, т. III, стр. 545 и слѣд.). Эти слова, всего значенія которыхъ въ вопросѣ о сознаніи нами своего „я“ Контъ и не подозрѣвалъ, указываютъ на совершенно вѣрно отмѣченный фактъ, что о самомъ себѣ не только у человѣка, но и у животнаго есть непосредственное — не знаніе, а сознаніе. Только Контъ неточно перемѣшиваетъ термины и вмѣсто правильныхъ терминовъ: сознаніе, индивидуальность, употребляетъ неправильные: „чувство, личность“.

впослѣдствіи ошибочно въ сознание нашихъ функцій или дѣйствій. Конечно, оно никогда не бываетъ изолировано отъ нихъ, а всегда одновременно съ ними, но, тѣмъ не менѣе, ясно представляетъ особое отъ нихъ сознание. Значитъ, наши душевныя „событія“ никогда не могутъ быть пустою возможностью, но всегда дѣйствительны, какъ въ актахъ нашего *сознанія о своей субстанціи*, такъ и въ *актахъ сознанія нами своихъ дѣятельностей*: ощущенія (движенія), желанія, чувствованія, мышленія и проч. Скорѣе всего соотвѣтствовало бы у Тэна нашему реальному „я“ то, что онъ говоритъ про „мы“, гдѣ оно является дѣйствительною производящею причиною своихъ собственныхъ дѣйствій (или, — по неточной терминологіи Тэна и позитивистовъ, — „фактовъ и событій“).

Но почему же, спроситъ кто-либо, Тэнъ (а также и другіе философы), вопреки непосредственному сознанию своего „я“, отвергаютъ его реальность, впадая при этомъ въ противорѣчіе съ самимъ собою и отдѣляясь искусственными опредѣленіями и объясненіями и даже прямо злоупотребляя софистикой? Главнымъ образомъ потому, отвѣчу я, что не могутъ вполне преодолѣть, прежде всего, чрезвычайно укоренившася въ нихъ *наивнаго реализма*, т.-е. признанія дѣйствительнаго существованія видимаго пространственнаго міра *). Если же кто, подобно Тэну, и преодолеваетъ, повидимому, этотъ предрасудокъ, то не полно, потому что наивный матеріализмъ у него переходитъ въ *естественно-научный*, а кромѣ того впадаетъ въ другой предрасудокъ, что будто бы существуетъ какое-то *чувственное познаніе* вещей, тогда какъ чувствами мы рѣшительно ничего не по-

*) Этотъ предрасудокъ держится преимущественно на неправильномъ выраженіи. Еслибы, мнѣ кажется, говорили правильно, т.-е. вмѣсто „внѣшній міръ“ говорили бы: „міръ не я“, или „міръ другихъ существъ, кромѣ меня“, то въ этомъ заключалось бы чрезвычайно важное условіе для освобожденія отъ этого предрасудка. Дѣленіе міра на внѣшній и на внутренній только и *имѣетъ смыслъ*, если пространство существуетъ реально, если же оно не реально, то термины внѣшній и внутренній никакого, кромѣ чисто-условнаго и *относительнаго*, значенія имѣть не могутъ.

знаемъ, а познаемъ разумомъ, мыслью. Съ этимъ предразсудкомъ тѣсно связано постоянное смѣшеніе понятій: *созна- ніе* и *знаніе*. Отъ этого смѣшенія особенно трудно отрѣшиться, потому что у каждаго человѣка, немножко выходящаго изъ дѣтства, знаніе (истинное или ложное--это все равно) постоянно идутъ объ руку съ сознаниемъ *). Далѣе, есть еще предразсудокъ, что будто бы реальность достигается путемъ мышленія, между тѣмъ какъ она дана даже совершенно немыслимымъ существамъ, каковы новорожденные дѣти и животныя **). При смѣшеніи сознанія съ знаніемъ у позитивистовъ есть еще специальное заблужденіе, что будто бы все бытіе относительно, между тѣмъ какъ относительно только знаніе или объекты мышленія, но все реальное безотносительно. Понятія вполне относительны, предметы же чистаго сознанія, наприм., субстанціи, ихъ дѣятельности и акты вполне безотносительны. Все безотносительное и есть то, что каждое существо непосредственно сознаетъ въ себѣ; но какъ скоро оно объ этомъ мыслить, то это безотносительное становится соотносящимся, ибо мысль есть актъ соотношенія.

Наконецъ къ этимъ предразсудкамъ у Тэна специально присоединяется увлеченіе полемикой съ представителями французскаго спиртуализма. Конечно, эта полемика, въ извѣстной мѣрѣ, была справедливою, но все-таки увлекала его далѣе законной черты на путь слѣпого стремленія, во что бы то ни стало, уничтожить своихъ противниковъ и не оставить камня на камнѣ отъ ихъ философской доктрины. До какой степени ослѣпляли Тэна вышеуказанные предразсудки и увлеченіе полемикой, показываетъ слѣ-

---

*) Надобно никогда не забывать, что маленькія дѣти и животныя несомнѣнно имѣютъ сознаніе, но знанія (мышленія) не имѣютъ; и такъ называемое *знаніе животныхъ* есть не болѣе, какъ механическія и безотчетныя ассоціаціи идей (образовъ). Сознаніе есть первичный матеріалъ, изъ котораго строится знаніе.

***) Реальность дана въ непосредственномъ сознаніи, мышленіе же необходимо для того, чтобы понять, опредѣлить реальность, т.-е. различить реальность отъ призрачнаго, принимающаго обманчивый видъ реальности.

дующій фактъ. Когда онъ ратовалъ противъ субстанціальности нашего „я“ и низводилъ его къ пустому слову, то обмолвился такимъ положеніемъ, что „я есть не болѣе какъ рядъ его же событій“. Но, вѣдь, по его теоріи въ мірѣ ничего другого и нѣтъ, кромѣ „фактовъ и событій“. Отсюда слѣдуетъ заключить, что мое „я“ есть рядъ моихъ событій, „я“ Ивана есть рядъ его событій, „я“ Петра есть рядъ его событій. Значить, не касаясь никакихъ другихъ существъ, сколько человѣческихъ существъ, столько и рядовъ событій. Теперь спрашивается, чѣмъ же отличаются эти ряды? Прежде всего тѣмъ, что эти ряды принадлежать мнѣ, Ивану, Петру, и т. д. Безъ нихъ, вѣдь, эти событія составляли бы просто безразличную „грудю фактовъ или событій“, изъ которыхъ, по Тэну, состоитъ міръ. Такъ какъ событія мои, Ивана, Петра принадлежать исключительно мнѣ, Ивану, Петру, то изъ цѣлой „груды событій“ ихъ прежде всего могутъ отличить и выдѣлить не кто другой, какъ я, Иванъ, Петръ, которые, такъ сказать, составляютъ необходимое условіе для выдѣленія, отличенія и распредѣленія своихъ событій. Но спрашивается, какъ можетъ быть осуществлено и реализовано это условіе, если я, Иванъ, Петръ суть только пустыя слова, *flatus vocis*? Очевидно, что и событія могутъ принадлежать только существамъ или субстанціямъ и отличать свои событія отъ чужихъ могутъ только—не словесныя сущности, а реальныя существа, прямо сознающія и себя, и свои дѣйствія и могущія потомъ мало-помалу знаками или словами даже и выразить это отличеніе и сознаніе и тѣмъ сообщить другимъ то, что имъ прямо недоступно (послѣднее, какъ извѣстно, у людей начинается уже съ 3-хъ, 4-хъ лѣтняго возраста). Конечно, можно отклонить мои замѣчанія посредствомъ какого-либо софизма, но я, не желая выдумывать и угадывать софизмы отъ себя, охотно выслушалъ бы таковой отъ кого-либо изъ послѣдователей Тэна, а теперь скажу нѣсколько заключительныхъ словъ о характерѣ его позитивизма.

Заключительная характеристика позитивизма Тэна. Если не принимать въ расчетъ впаденіе Тэна

въ *двоякую метафизику* и если имѣть въ виду только его на-
мѣреніе и претензію оставаться на почвѣ чистаго позити-
визма, то тогда изъ указанныхъ мною въ статьѣ „О Контѣ“
(на стр. 55) *разновидностей* позитивизма его философіи всего
болѣе приличествуетъ имя *сенсуализма*. Въ этомъ отношеніи
онъ близко сходится съ англичанами, наприм. съ Дж. Ст.
Миллемъ и Бэномъ и считаетъ единственною реальностью
ощущеніе. Всякое познаніе есть у него не болѣе, какъ сое-
диненіе и упорядоченіе ощущеній, а потому необходимо
связано съ нашимъ организмомъ, какъ условіемъ ощущеній.
На этомъ и стоитъ отрицаніе возможности познанія чисто
духовнаго бытія. „Быть“ для Тэна также значить регсірі,
и при томъ регсірі чувственно. Поэтому съ особою энер-
гіею онъ отрицаетъ существованіе духа. Правда, онъ от-
рицаетъ также и матерію, какъ субстанцію (она, вѣдь, то-
же чувственно не дана), но, какъ мы уже видѣли, это от-
рицаніе существуетъ только на словахъ, а не на дѣлѣ. Да-
лѣе, также въ качествѣ сенсуалиста, Тэнь считаетъ един-
ственнымъ содержаніемъ познаваемаго міра „факты и собы-
тія“, которые суть только различныя болѣе или менѣе слож-
ныя комбинаціи ощущеній *).

Обращаясь теперь къ матеріализму Тэна, я долженъ ска-
зать, что этотъ матеріализмъ не такой наивный, какъ у
Конта. Это—матеріализмъ *научный*, столь обычный у пред-
ставителей естествовѣдѣнія, принимающихъ безъ философ-
ской обосновки, какъ нѣчто данное и само собою понятное,
принципы: время, пространство, движеніе и то нѣчто, кото-
рое движется и называется матеріей. Задача естественныхъ
наукъ только въ томъ и состоитъ, чтобы, не вдаваясь въ
вопросы, что такое эти начала по своей сущности и про-
исхожденію, изслѣдовать движеніе матеріи въ пространствахъ

---

*) Конечно, Тэнь при этомъ упускаетъ изъ виду, что нѣтъ факта, кото-
рый, какъ существующій даже только въ нашемъ мнѣніи, не былъ бы въ то же
время и теоріей; нѣтъ событія, которое бы въ то же время не заключало въ
себѣ нашу человѣческую точку зрѣнія и въ которое бы такъ или иначе не
входили наши чувства, желанія и мысли.

и времени; и какъ скоро онѣ ее выполняютъ, то познавательная роль ихъ кончена. Затѣмъ съ вопросомъ, что такое эти четыре принципа, мы должны переходить въ *другой разрядъ наукъ*—именно философскихъ. Но огромнѣйшее большинство представителей естествовѣдѣнія думаетъ, что отвѣтъ о томъ „нѣчто“, которое называется матеріей, можетъ быть поставленъ и вполнѣ рѣшенъ *на почвѣ естествовѣдѣнія*; отсюда и возникаетъ материализмъ естественно-научный, въ который впадаетъ и Тэнъ, вступая въ область философскихъ наукъ, психологіи и теоріи познанія, съ выработаннымъ имъ на почвѣ естествовѣдѣнія (физиологіи) понятіемъ „подвижныхъ двигателей“. Нельзя не замѣтить, что терминъ этотъ выбранъ довольно осмотрительно въ виду отрицанія Тэномъ матеріи и въ виду удобства этого термина для разныхъ (конечно, софистическихъ) изворотовъ противъ возможнаго обвиненія его въ материализмъ *). Но однако, чтобы ни сказалъ Тэнъ, каждому ясно, что его „подвижные двигатели“ несомнѣнно соответствуютъ атомамъ и молекуламъ естественно-научнаго материализма, и, какъ мы уже видѣли это выше, они для него существовали задолго прежде существъ ощущающихъ. Значить, они суть первоначальная *основа* и „ощущеній“, и всяческихъ „фактовъ и событій“, основанныхъ на ощущеніяхъ и нашемъ такъ-называемомъ опытѣ, чему доказательства находятся въ тѣхъ же естественныхъ наукахъ: физикѣ, астрономіи и проч., на которыя Тэнъ ссылался, когда обосновывалъ „подвижныхъ двигателей“ съ ихъ „готовностью **) тяготѣть“ и падать на землю и т. п.

*) Такъ, наприм., Тэнъ можетъ всегда сказать, что «подвижные двигатели» суть не метафизическіе атомы материализма, а просто естественно-научный опытный фактъ, или событіе. Но такъ какъ при всякомъ фактѣ можно спросить о его факторахъ или условіяхъ, изъ которыхъ онъ возникаетъ, то, конечно, отъ этого вопроса можно отдѣлаться тѣмъ, что факторами служить-де другіе факты, а факторами для этихъ другихъ будутъ служить третьи факты и такимъ образомъ можно вертѣться въ этой «грудѣ фактовъ» до безконечности, но это равняется паденію въ ту бездонную пропасть, которой самое приличное имя: *ничто*.

**) Кстати, когда Тэнъ говоритъ объ этихъ «готовностяхъ, тенденціяхъ»,

Итакъ, когда Тэнъ рядомъ съ ощущеніемъ ставитъ движеніе *), какъ реальныя начала всего существующаго, то относительно перваго принципа онъ является *сенсуалистомъ*, а относительно втораго *материалистомъ* **).

Теперь мнѣ слѣдуетъ указать на третій *ингредиентъ* философіи Тэна, происходящей отъ его впаденія, кромѣ материалистической, въ другую метафизику, которой (хотя вслѣдствіе ея неопредѣленности и трудно дать ей точное названіе) всего болѣе приличествуетъ имя *раціонализма* (или, пожалуй, идеализма) ***). Мотивами впаденія Тэна въ эту метафизику были, съ одной стороны, еще таившіеся въ немъ отголоски его увлеченій въ молодости Спинозою и Гегелемъ, а съ другой—потребность соединить въ одно цѣлое несогласимыя основныя начала сенсуализма и материализма: ощущение и движеніе.

Въ этой метафизикѣ корни *идеи необходимости*, которую, по мнѣнію Тэна, должны быть связаны всѣ данныя опыта и

то не суть ли это *entités*, вродѣ «военнаго духа» Конта? Нельзя не замѣтить также, что Тэнъ не рѣдко употребляетъ слово: природа, тоже въ качествѣ *entité*.

*) Здѣсь надобно замѣтить, что движеніе вовсе не дано въ непосредственномъ сознаніи. Когда же Тэнъ думаетъ, что будто бы въ мускульномъ чувствѣ лежитъ источникъ идеи движенія, то онъ просто заблуждается, ибо мускульное чувство, вообще весьма *неопредѣленное и неясное*, вовсе не заключаетъ въ себѣ идеи движенія, которую мы можемъ соединить съ нимъ только тогда, когда она у насъ уже образовалась на почвѣ идей—времени, пространства и ощущеній: осязательныхъ и зрительныхъ.

**) Что касается до отношеній Тэна къ двумъ остальнымъ принципамъ естествовѣднія: времени и пространству, то онъ вполне слѣдуетъ въ этомъ отношеніи за англійскою психологіей. Время понимается какъ идея продолжительности смѣняющихся состояній нашего сознанія; пространство—какъ одновременность нашихъ ощущеній: мускульныхъ, осязательныхъ, зрительныхъ и, значить, въ основѣ своей имѣетъ идею времени («время есть отецъ пространства»). Однако эти сенсуалистическія воззрѣнія нисколько не мѣшаютъ Тэну относиться къ этимъ началамъ такъ же, какъ относится къ нимъ и научный материализмъ, т. е. какъ будто бы они и въ самомъ дѣлѣ существуютъ реально. Конечно, это необходимо для того, чтобы сохранить возможность для «подвижныхъ двигателей» колебаться и сотрясаться, «а для молекулъ и клѣточекъ мозга вытанцовывать свои фигуры».

***) Вліяніе этой метафизики сказалось особенно въ III главѣ 4-й книги II тома трактата: «О ѡ умѣ».

тѣмъ освобождены отъ власти случайности, господствующей въ англійскомъ позитивизмѣ (наприм., у Милля). Изъ нея же исходитъ убѣжденіе или, точнѣе сказать, вѣрованіе Тэна, что для всякаго *факта* или *событія*, для всякаго закона не только въ извѣстной намъ вселенной, но даже и въ неизвѣстной—не только теперь, но можетъ-быть и навсегда имѣющей остаться для насъ неизвѣстною—должно быть послѣднее „*объяснительное основаніе* (*raison explicative*)“ или причина. Поэтому мы не должны оставлять ни одного факта безъ изслѣдованія и предположенія соотвѣтствующаго ему закона, изъ котораго онъ истекаетъ, какъ слѣдствіе изъ причины; и это требованіе нисколько не теряетъ своей силы оттого, что тѣ или другіе факты или законы для насъ необъяснимы, ибо еще не найдены причины, отъ которыхъ они зависятъ и, можетъ-быть, даже никогда не будутъ найдены. Конечно, эти первыя *всеобъясняющія* причины суть, по Тэну, не субстанции или силы метафизиковъ *), а тоже факты или событія (тенденціи), но только первичные и подчиненные первому или *всеобъемлющему* закону, по отношенію къ которому всѣ прочіе законы, и извѣстные намъ, и неизвѣстные, суть только его слѣдствія. Точно также, хотя законы и не стоятъ внѣ фактовъ, но все-таки суть нѣчто находящееся въ нихъ и однако въ то же время порождающее

---

*) Въ этомъ отношеніи Тэнъ несомнѣнно и притомъ *двоюко* заблуждается, потому что, если есть какая-либо необходимая и всеобнимающая связь въ мірѣ объективномъ, то она зависитъ только отъ существованія и взаимодействія въ единой міровой системѣ существъ или субстанцій, имѣющихъ общее происхожденіе, которымъ обуславливается возможность для всѣхъ ихъ дѣятельностей и отдѣльныхъ актовъ (но не фактовъ или событій самихъ по себѣ) быть координированными въ единую міровую систему. Что же касается до идеи субъективной необходимости, наприм., господствующей въ области логики или математики, то она имѣетъ свое основаніе только въ томъ, что люди, какъ мыслящія существа, суть субстанции, сознающія себя таковыми и болѣе или менѣе ясно понимающіе (знающіе) координатію всѣхъ своихъ функций и актовъ въ единствѣ своей субстанции. Не будь люди субстанціями, у нихъ не было бы никакого подозрѣнія о какой-либо необходимости или необходимой связи чего бы то ни было. У нихъ не было бы ни логики съ ея законами противорѣчія и достаточнаго основанія, ни математики съ ея аксіомами, ни другихъ наукъ съ ихъ законами.

ихъ. Или, иначе говоря, они суть какъ бы первоначальныя, основныя качества бытія *) вещей, которыя, по Тэню, могутъ быть найдены въ содержаніи безконечно сложныхъ фактовъ или вещей путемъ логической абстракціи **).

Наконецъ, подъ влияніемъ той же метафизики, Тэнъ соединяетъ принципы ощущенія и движенія. Различая два ряда фактовъ: физическихъ и нравственныхъ, онъ сводитъ одни къ „идей молекулярнаго движенія въ клѣточкахъ и фибрахъ нервныхъ центровъ, другіе—къ идеѣ ощущеній“ ***). Первые познаются внѣшнимъ путемъ, вторыя—внутреннимъ или путемъ прямого (т.-е. точнѣе бы сказать—непосредственнаго) сознанія. При этомъ Тэнъ считаетъ ощущенія реальными событіями, а молекулярное движеніе только значкомъ, символомъ первыхъ ****). Двѣ идеи: движенія и ощущенія, равно

*) Кстати не могу не замѣтить, что Тэнъ въ самомъ концѣ своего трактата «Объ умѣ» обмолвился, по моему, совершенно ложнымъ положеніемъ, что будто бытіе есть самое общее свойство вещей. Ложность этого мнѣнія достаточно указана еще Кантомъ въ его опроверженіи онтологическаго доказательства бытія Божія. См. объ этомъ предметѣ въ разныхъ мѣстахъ «Своего Слова».

**) Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ ни времени, ни мѣста для указанія на основной недостатокъ до сихъ поръ еще господствующій въ логикѣ, а также и въ раздѣляемой Тэню теоріи абстракціи. Во всякомъ случаѣ онъ ошибается, думая, что путемъ абстракціи мы можемъ найти первичныя факты или законы и основныя качества вещей, вообще понятіе бытія. Приписывая же абстракціи какую-то творческую силу, онъ идетъ по слѣдамъ Гегеля, который тоже думалъ, что путемъ абстракціи отъ всего индивидуальнаго, т.-е. отъ дѣйствительно-реальнаго, можно создать цѣлую систему бытія, состоящую изъ понятій, которыя Гегель считалъ единственною реальностью. Благодаря этой ложной теоріи, Гегель и открылъ, что «ничто равняется бытію».

***) Одинъ уже этотъ терминъ: «нравственныхъ», вмѣсто настоящаго, который слѣдовало бы ему употребить, т.-е. духовныхъ, вноситъ нѣкоторую темноту въ его изложеніе. См. тамъ же томъ I, кн. IV, гл. 1-я и особенно 2-я и 3-я.

****) Какимъ же образомъ возможно, спрошу я, чтобы движеніе «подвижныхъ двигателей» (которое, какъ мы видѣли, по свидѣтельству естествовѣднія, существовало задолго прежде появленія ощущающихъ существъ) было чѣмъ-то вторичнымъ, т.-е. только значкомъ ощущеній, появившихся послѣ? Не вѣрнѣ ли въ такомъ случаѣ будутъ чисто-материалистическія теоріи, по которымъ все, что происходитъ въ живыхъ существахъ, есть не реальное событіе, а какая-то призрачная фосфоресценція мозга, или какъ какой-то излишній тифеномень?

какъ и соотвѣтствующія имъ два пути познанія, Тэнъ признаетъ не сводимыми другъ на друга и притомъ, впадая въ противорѣчіе съ собою, утверждаетъ, что и то, и другое можетъ быть однимъ и тѣмъ же *).

Указанное сейчасъ впаденіе Тэна въ двоякую метафизику подтверждаетъ высказанное мною въ вышеупомянутой статьѣ „О Контѣ“ мнѣніе о *противоестественности* и коренной *несостоятельности* философскаго позитивизма. Отсюда истекаетъ самое обычное въ немъ явленіе—переходъ въ матеріализмъ и все большее и большее поглощеніе послѣднимъ перваго. Какъ бы остерегаясь этой опасности, Тэнъ пытается подкрасить**), при мнимой помощи абстракціи, раціонализмъ Гегеля и Спинозы подъ цвѣтъ и на манеръ позитивизма, и ввести его въ свою систему и тѣмъ, съ одной стороны, искажаетъ оригинальный спинозизмъ и гегелианство, а съ другой—не только не поправляетъ англійскаго сенсуализма и феноменизма, но лишаетъ его оригинальнаго букета, т. е. его относительной логичности и послѣдовательности и, несмотря на свой большой талантъ и діалектическую изворотливость***), дѣлаетъ изъ цѣлой своей системы нѣчто запутанное и неизбѣжно расползающееся врознь.

Но еслибы мы умственно выдѣлили изъ сенсуалистической системы Тэна не только раціоналистическую, но и матеріалистическую метафизику, то осталось бы лишь нѣчто, которое, въ концѣ концовъ, почти сводилось бы къ ничто****).

*) Противорѣчіе въ томъ, что не сводимое другъ на друга есть одно и то же. Очевидно, что въ этомъ пунктѣ мы имѣемъ дѣло съ вліяніемъ на Тэна спинозизма. Однако у Спинозы два атрибута съ ихъ модусами, тоже не сводимые другъ на друга, все таки соединены, хотя и не очень убѣдительно, въ единствѣ Бога, какъ субстанціи. Утвержденіе же Тэна вполнѣ голословно и произвольно. (Сущность дѣла въ томъ, что ощущеніе и движеніе вовсе не есть нѣчто разное и не сводимое другъ на друга, а просто и прямо одно и то же, и если кажущееся разнымъ, то только отъ неясности нашего мышленія.)

**) *Опозитивить*, подобно Контю.

***) Съ особеннымъ блескомъ и даже воодушевленіемъ написана у Тэна послѣдняя III-я глава 2-го тома: «Объ объяснительномъ основаніи вещей (La raison explicative des choses)».

****) Вспомнивши старую реторику съ ея ученіемъ объ «общихъ мѣстахъ», мы могли бы это болѣе послѣдовательное позитивистическое нѣчто или ничто

Затѣмъ, что касается общественныхъ и историческихъ теорій Тэна, то, за недостаткомъ времени и мѣста, я не коснусь ихъ вовсе; замѣчу только, что хотя, по общему направленію, его философія исторіи и представляетъ нѣчто родственное съ социологіей Конта, но, тѣмъ не менѣе, по точности со стороны фактической, по основательности и художественности изложенія и, наконецъ, по введенію Тэномъ въ число другихъ историческихъ факторовъ—расы, цѣнность общественныхъ и историческихъ его теорій несравненно превышаетъ цѣнность таковыхъ же Конта.

Поланъ, какъ послѣдователь Тэна. По собственному заявленію Полана, онъ идетъ по стопамъ Юма и Тэна, которыхъ считаетъ „феноменистами самой чистой воды“; онъ извѣстенъ мнѣ какъ по многимъ отдѣльнымъ статьямъ его въ „Revue philosophique“, такъ и по болѣе цѣльному, хотя и небольшому, систематическому сочиненію, представляющему курсъ эмпирической психологіи подъ именемъ: „Physiologie de l'esprit, 1880“ *). „Физиологія ума“ или „физиологія духа“, или „физиологическая психологія“, суть въ настоящее время довольно распространенныя названія, замѣняющія у позитивистовъ старое имя психологіи **).

представить въ слѣдующихъ вопросахъ и отвѣтахъ: Quis? Явленія (факты и событія)! Quid? Явленія (факты и событія)! Ubi? Въ явленіяхъ (фактахъ и событіяхъ)! Quibus auxiliis? При помощи явленій (фактовъ и событій)! Cur? Потому что явленія (факты и событія)? Quomodo? Путемъ явленій (фактовъ и событій)! Quando? Когда явленія (факты и событія)...

*) Изъ множества статей его въ R. Ph. я назову нѣкоторыя важнѣйшія: томъ II 1877 г. «Le sens commun, essai d'explication physiologique». (Въ этой статьѣ трактуется съ физиологической точки зрѣнія о происхожденіи здраваго смысла и различныхъ способахъ его обнаруженія, развитія и пертурбацій въ немъ.) II томъ 1878 г. «La theorie de l'inconnaissable» (Критика теоріи Спенсера). II т. 1880 г.: «La personnalitè» (статья, направленная противъ спиритуализма, представляетъ отрицаніе духовной субстанціи). II томъ 1884 г.: «Soyance et volonté» (статья объ отношеніи между волей и увѣренностью). I т. 1889 г. «L'abstraction et les idées abstraites» (разсматриваются различныя степени абстракціи на основаніи общепринятой теоріи) и другія.

**) Обыкновенно эти сочиненія говорятъ о своей научности и о благочестивомъ намѣреніи не впадать въ метафизическіе вопросы о душѣ, а заниматься только одними фактами или явленіями и обобщеніемъ ихъ въ законы. Но на дѣлѣ всегда въ нихъ (также и у Полана) метафизическіе вопросы о

логія духа“ Полана представляеть сжатый, систематическій сводъ положеній, основанныхъ на трудахъ Бэна, Спенсера, Тэна, Маудсли, Вундта и проч. Несмотря на малый объемъ книги, Поланъ сообщаетъ все существенное о психическихъ явленіяхъ съ точки зрѣнія эмпирической психологіи.

Чтобы дать читателю хоть краткое понятіе о Поланѣ, какъ феноменистѣ и послѣдователѣ Тэна, я скажу нѣсколько словъ объ его полемикѣ противъ субстанціальности нашего „я“ по вышеуказанной статьѣ: „La personnalité“. Для понятія „я“, утверждаетъ онъ, вовсе не нужна субстанція; предположеніемъ субстанции оно нисколько не объясняется. *Единство сознанія*, изъ котораго выводятъ субстанціальность духа, есть, съ объективной *) точки зрѣнія, результатъ сложенія. Изъ того, что нѣчто, разсуждаетъ Поланъ, субъективно кажется единымъ (наприм. воображаемый образъ кучи камней), вовсе не слѣдуетъ, что и объективно этотъ представляемый образъ есть единство. Идея единаго „я“ образуется изъ ряда внутреннихъ воспріятій точно такъ же, какъ идея одного дома, или статуи изъ ряда, изъ множества внѣшнихъ воспріятій **). „Я“, какъ вещь, составляющая группу феноменовъ, точно такъ же различно отъ идеи „я“, какъ и домъ, вещь, составляющая группу чувственныхъ феноменовъ, различна отъ идеи дома ***). „Я“, какъ предметъ по-

---

душѣ уже предрѣшены въ сторону матеріализма тѣмъ, что психическія явленія поставлены въ зависимость отъ тѣла и особенно отъ нервной системы и мозга.

*) Къ сожалѣнію, термины: объективный, субъективный и ихъ производные, употребляются неопредѣленно и не односмысленно. Такъ и здѣсь, если «объективный» значитъ: данный въ чувственномъ опытѣ, то полемика противъ субстанціальности «я» есть просто *ignoratio elenchi*, потому что признающіе «я» какъ субстанцію понимаютъ его не подлежащимъ такъ называемому чувственному опыту (т.-е. считаютъ его не видимымъ, не слышимымъ и т. п.), т.-е. недоступнымъ объективной точкѣ зрѣнія.

**) Да, вѣдь, воспріятія потому и раздѣляются на внутреннія и внѣшнія, что одни, по предположенію, происходятъ при посредствѣ чувствъ, а другія совсѣмъ иначе—путемъ прямого сознанія, всегда единичнаго не только у человѣка, но даже у животнаго. Поэтому и нельзя отождествлять одни воспріятія съ другими и дѣлать заключенія отъ однихъ къ другимъ.

***) Поланъ забылъ, что, вѣдь, домъ, какъ группа чувственныхъ феноменовъ, есть, по Тэну, галлюцинація.

знанія, есть такой же фактъ сознанія *), какъ и другіе факты, т.-е. одинъ изъ феноменовъ между другими феноменами сознанія. Но, скажутъ, разсуждаетъ далѣе Поланъ, субстанція необходима потому, что нужно же, чтобы кто-нибудь *сравнилъ, отличилъ* эти феномены другъ отъ друга и тѣмъ позналъ ихъ **). Поланъ *признаетъ* законность этого вопроса и не допускаетъ, чтобы одно ощущеніе *имѣло сознаніе* о другомъ. Но онъ разрѣшаетъ вопросъ тѣмъ, что два или многія ощущенія „соединены и сравнены въ одномъ или многихъ послѣдующихъ фактахъ сознанія“, подобно тому, какъ водородъ и кислородъ соединяются въ водѣ.

Здѣсь Поланъ не задумываясь говоритъ о фактахъ сравненія, объединенія, различенія и т. п., которые не имѣютъ никакого смысла, если существуютъ только одни факты, а не существуетъ того, *для кого* эти факты; или, иначе говоря, феномень можетъ имѣть смыслъ только относительно бытія самого въ себѣ. Значитъ, кромѣ феноменовъ существуетъ знающій, различающій, объединяющій, отождествляющій и проч., который уже не феномень, а носитель феноменовъ, совершающій акты ихъ познанія. Но если и этотъ знающій есть тоже феномень, то выходитъ, что одинъ феномень знаетъ о другомъ, одно ощущеніе сознаетъ другое, что отвергается и самимъ Поланомъ. Наконецъ, какъ понять выраженіе: „два ощущенія (факта) сравнены въ послѣдующемъ фактѣ“, безъ предположенія, во-первыхъ, акта сравненія, отличнаго отъ сравниваемыхъ фактовъ, и далѣе безъ предположенія того, кому понятно, что значитъ: „сравнены“ (вспомнимъ о „мы“ Тэна)? Спрашивается, сами ли феномены сравниваютъ и соединяютъ себя и, далѣе, для феномена ли они „сравнены“? Наконецъ, въ чемъ собственно состоитъ существенное различіе, на которомъ

---

*) Очевидно, что Поланъ, какъ Тэнъ и другіе позитивисты, вполне смѣшиваетъ понятія: знаніе и сознаніе.

***) Кстати, любопытно бы было, какъ Поланъ опредѣлилъ бы, что значитъ сознать и познать, или что такое познаніе и сознаніе, и далѣе, какъ возможно и что значитъ: познать и сознать феномены.

настаиваетъ Поланъ, между вещами (въ числѣ которыхъ и „я“) и идеями о нихъ, если вещи, и ихъ элементы, и ихъ идеи—все это суть только феномены? *)

Далѣе Поланъ приводитъ различные патологическіе случаи, свидѣтельствующіе о нарушении непрерывности и единства личности (**), конечно, съ цѣлью нанести этимъ тяжкій и рѣшительный ударъ субстанціальности нашего „я“.

Въ заключеніе всего здѣсь сказаннаго о Поланѣ я позволю себѣ выразить его отношеніе къ Тэну извѣстной русской пословицей: „тѣхъ же шей, да пожиже влей“.

Рибо, какъ пропагандистъ позитивизма во Франціи. Рибо, по смерти Тэна, есть, конечно, самый выдающійся представитель и *пропагандистъ* этого направленія во Франціи. Мнѣ кажется, что въ немъ можно отмѣтить тонкую *черту*, отличающую его отъ Конта, Тэна и другихъ позитивистовъ, состоящую въ томъ, что онъ какъ бы безличнѣе и объективнѣе относится къ позитивизму, который

*) Надѣюсь, читатель видитъ, что и Поланъ, подобно Конту, Тэну и всѣмъ позитивистамъ, не давая *точно* и *строгаго опредѣленія* терминамъ: феноменъ, фактъ и т. под., козыряетъ ими всюду безъ зазрѣнія совѣсти, только бы убить неприятную для него субстанцію, носящую имя: «я».

**) Возможно, что кто-либо изъ читателей моей статьи подумаетъ: «да что же авторъ, что называется, и ухомъ не ведетъ, когда и Тэнъ, и Поланъ, и Бинэ, и проч., и проч., на основаніи гипнотическихъ и другихъ экспериментовъ, доказываютъ, что личность измѣняется, раздвояется, растрогается и т. п.? Какъ же можетъ авторъ, несмотря на это, продолжать защиту нашего «я», какъ субстанціи?» На это замѣчаніе отвѣчаю: совершенно вѣрно, что я, считая факты, о которыхъ говорятъ Тэнъ, Поланъ, Бинэ и т. п., вѣрными, въ то же время думаю, что они нисколько не касаются до *тождества* и *неизмѣнности* субстанціи. Дѣло въ томъ, что понятіе личности и понятіе субстанціи совершенно различны и что отъ измѣненія личности къ измѣненію и, далѣе, къ нереальности субстанціи, заключать нельзя. Предметъ этотъ весьма интересенъ; и я какъ-либо въ другое время и на другомъ мѣстѣ выскажу обстоятельно свое мнѣніе о различіи понятій: личность и субстанція, а теперь для смѣшивающихъ ихъ укажу кратко на 2 примѣра: 1) О бытіи и субстанціальности матеріи люди спорятъ: одни защищаютъ, а другіе отрицаютъ и то, и другое, но никто изъ признающихъ матерію за субстанцію не думаетъ о томъ, что она есть личность. 2) Тѣ, которые признаютъ субстанціальность новорожденнаго ребенка, котенка и т. п., ни подъ какимъ видомъ не будутъ утверждать, что они суть личности.

у него болѣе, чѣмъ у другихъ, понимается въ смыслѣ *просто философской науки* вообще. У него можно ясно отмѣтить тенденцію слить воедино различныя формы этого направленія у различныхъ его представителей такъ, чтобы, подобно тому, какъ въ математикѣ, физикѣ и другихъ естественныхъ наукахъ, личности отдѣльныхъ представителей исчезали въ содержаніи науки и чтобы такимъ образомъ позитивистическая философія потеряла особенности не только отдѣльныхъ мыслителей, но даже особаго направленія. Съ такою тенденціей онъ относится даже и къ національнымъ особенностямъ представителей позитивизма; поэтому онъ не только сглаживаетъ, напр., различіе между Тэномъ и англійскими позитивистами, но даже и различіе между французскими, англійскими и нѣмецкими представителями позитивистическаго направленія. Онъ не прочь належащимъ образомъ оцѣнить и воспользоваться для установки *общенаучной философіи* даже и тѣми матеріалами, которые можетъ съ пользою для себя взять у несомнѣнныхъ метафизиковъ и спиритуалистовъ и соединить съ данными эмпирико-позитивистическаго направленія *). Изъ разновидностей позитивизма, указанныхъ въ статьѣ о Контѣ (стр. 55), позитивизмъ Рибо по преимуществу можно назвать *эмпиризмомъ*.

Всѣ сочиненія Рибо, по моему, можно раздѣлить на *два* категоріи: въ однихъ онъ является пропагандистомъ въ сейчасъ указанномъ смыслѣ, посредникомъ между разными представителями одного и того же философскаго направленія; въ другихъ же онъ является просто ученымъ, специалистомъ психологомъ, изучающимъ тотъ или другой специальный вопросъ въ своей наукѣ.

Къ первой категоріи принадлежатъ два большія сочиненія: „La psychologie anglaise contemporaine“ и „La psychologie allemande contemporaine“, которыя переведены съ французскаго на другіе языки, и множество неболь-

*) Что особенно можно усмотрѣть изъ его сочиненія: «О современной германской психологіи».

шихъ критическихъ статей, разсѣянныхъ въ «Revue Philosophique» о разныхъ представителяхъ психологіи, каковы, напр., Тэнъ, Brentano и друг. Вторую категорію составляютъ цѣлыя сочиненія, изданныя отдѣльно или помѣщенные въ качествѣ журнальныхъ статей въ той же „Revue Philosophique“, каковы, напр., „L'hérédité, *) Paris», 1873; „La psychologie de l'attention“ 1879; „La philosophie de Schopenhauer“ 1874; „Les maladies de la mémoire“, 1881; „Les maladies de la volonté“, 1883; „Les maladies de la personnalité“, 1885 и проч. **). Всѣ сочиненія Рибо обѣихъ группъ, большею частью пережившія нѣсколько изданій, конечно, обнаруживаютъ общія свойства позитивизма, т. е. отрицаніе субстанціи, признаніе предмета философіи въ фактахъ и явленіяхъ, но за исключеніемъ этой „основной лжи“ позитивизма во всемъ прочемъ сочиненія эти можно назвать безукоризненными. Факты обстоятельно собраны, мысль выражена ясно и талантливо, источники благонадежны и т. под. Словомъ, изъ метафизическихъ представителей французской философіи, по энергіи дѣятельности, на-ряду съ Рибо можно поставить развѣ только одного почтеннаго старца—Поля Жанэ.

Теперь я скажу нѣсколько словъ о томъ, что миссіи Рибо, какъ пропагандиста и посредника между различными представителями позитивизма, чрезвычайно способствуетъ то обстоятельство, что онъ стоитъ во главѣ прекраснаго журнала: „Revue Philosophique“, съ самаго начала его основанія въ 1876 году. Хотя въ этомъ журналѣ и преобладаетъ позитивистическое направленіе, но однако и всѣ другія пользуются самымъ широкимъ гостепріимствомъ. При полномъ безпристрастіи издатели и редакторъ не исключаютъ никакого направленія, требуя безразлично отъ всякаго автора только *серьезности, искренности и умѣренности* въ тонѣ.

*) Это сочиненіе, кажется, вышло уже 3-мъ изданіемъ. Оно имѣетъ въ виду специально психическую наследственность.

**) Къ этому нужно присоединить еще переводъ психологіи Спенсера, сдѣланный Рибо въ сотрудничествѣ съ Эспинасомъ

изложенія и полемикѣ. Такимъ образомъ въ „Revue Philosophique“ мы найдемъ не мало статей такихъ философовъ, которыхъ метафизическое направленіе стоитъ внѣ сомнѣнія, каковы, напр., Поль Жанэ, Фонсегривъ, Жюль Лашелье и друг. Кромѣ того журналъ, редактируемый Рибо, не мало способствовалъ полному и обстоятельному ознакомленію французовъ съ философіей ихъ германскихъ сосѣдей. Кромѣ французовъ разныхъ направленій, въ журналѣ, въ качествѣ сотрудниковъ, встрѣчаются имена и нѣмцевъ: напр., Гартмана, Лотце, Горвича и др., англичанъ: Льюиса, Спенсера и проч., итальянцевъ (Мантегацца) и даже русскихъ: напр. статьи г. де Роберти, проф. Грота и др.

Этимъ мы и завершимъ характеристику наиболѣе чистаго позитивизма и перейдемъ къ обзорѣнію полу-позитивизма въ лицѣ Фуллье, Гюйо и Тарда.

А. Козловъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Исповѣдь бывшей душевнобольной *).

Посвящается всѣмъ скорбящимъ и страждущимъ.

Въ видѣ предисловія.

(Письмо къ читателямъ Э. А. Свѣчина).

Жизнь моя, къ несчастію, сложилась такъ, что мнѣ много времени пришлось провести и имѣть общеніе съ весьма близкими мнѣ, дорогими *душевнобольными* людьми.

Если я не въ правѣ сказать, что глубоко изучилъ душевныя болѣзни человѣческія, то все-таки я имѣлъ случай серьезно съ ними ознакомиться. Я видѣлъ всѣ фазисы: начало болѣзни, ея продолженіе, смерть отъ нея, а также постепенное выздоровленіе.

Обстоятельства сложились такъ, что больные жилали подолгу у насъ въ домѣ, и цѣлыми мѣсяцами мнѣ приходилось ухаживать за ними, успокаивать ихъ всяческими путями, быть у нихъ день и ночь на стражѣ и дѣлать это по отношенію къ нѣкоторымъ такъ, чтобы это не было для нихъ замѣтно.

---

*) Хотя печатаемые воспоминанія бывшей душевнобольной представляютъ сырой и отчасти субъективно-окрашенный матеріалъ для сужденія объ исторіи ея болѣзни и потому не допускаютъ никакихъ научныхъ выводовъ безъ надлежащаго освѣщенія фактовъ со стороны специалистовъ, тѣмъ не менѣе, въ виду живости и искренности разсказа, они могутъ быть интересны не только для публики, но, пожалуй, и для специалистовъ. Предисловіе почтеннаго Э. А. Свѣчина представляетъ конечно, тоже рядъ чисто субъективныхъ наблюденій и обобщеній дилетанта, но оно выясняетъ многое въ «Исповѣди», а потому мы нашли нужнымъ и его напечатать почти полностью.

Редакція.

Мнѣ пришлось видѣть разныя формы бреда—и религіозный, и бредъ величія; я имѣлъ дѣло съ больными буйными и совершенно спокойными, апатичными, у которыхъ силы и способности физическія и умственныя были совершенно убиты.

Я помню одного больного, очень умнаго и образованнаго, который, въ числѣ другихъ проявленій болѣзни, вообразилъ себя *дикимъ островитяниномъ* и, раздѣвшись догола, объявилъ, что всѣ тоже дикіе, а одежда — предразсудокъ; никакія убѣжденія и силы не могли заставить его одѣться. Это случилось въ деревнѣ лѣтомъ и онъ всюду желалъ ходить раздѣтымъ, чего, конечно, допустить было невозможно. Онъ выходилъ изъ себя, билъ стекла и нельзя представить себѣ тѣхъ трудностей, которыя пришлось пережить (безъ всякаго надъ нимъ насилія) въ теченіе нѣсколькихъ дней, пока эта именно форма бреда продолжалась и не перешла въ другую. Этотъ больной послѣ умеръ въ одной изъ Петербургскихъ больницъ.

Помню другого больного. Мнѣ пришлось почти неотлучно провести съ нимъ болѣе 4-хъ мѣсяцевъ. Онъ былъ совершенно кротокъ и спокоенъ. Начало болѣзни выразилось въ формѣ бреда величія, а потомъ явились обширнѣйшіе проэкты во всѣхъ возможныхъ сферахъ жизни. Разъ меня разбудили въ началѣ ночи, и я долженъ былъ нѣсколько часовъ рисовать ему планъ храма, который онъ намѣревался воздвигнуть на мѣстѣ убіенія покойнаго Государя и который долженъ былъ превзойти красотой всѣ доселѣ существовающіе храмы міра. Онъ понималъ въ живописи и архитектурѣ; между тѣмъ трудно найти человѣка болѣе меня неспособнаго къ рисованію. Больной, у котораго руки дѣйствовали очень плохо,—требовалъ отъ меня, чтобы я на бумагу карандашемъ переносилъ его фантастическія блестящія мысли и планы, чего конечно, я сдѣлать не могъ.

Онъ страшно сердился, глаза его блестяли отъ вдохновенія и отъ злобнаго чувства — и на себя за свое безсиліе, и на меня за полную неспособность перенести на бумагу

его вдохновенныя мысли. Такъ провели мы время до утра. Я проводилъ какія то линіи, согласно его указаніямъ; онъ сердился за то, что параллельныя и угловыя линіи были неправильны и невѣрны, а я, отвлекая его отъ бумаги, чтобы не сердить еще болѣе, старался останавливать его на *словесномъ* развитіи подробностей и красотъ задуманнаго имъ храма «кружевной» архитектуры. Онъ увлекался, развивалъ свою идею, сталъ совсѣмъ добрымъ и, наконецъ, благодарилъ меня и цѣловалъ за то, что если не на бумагѣ, то на словахъ я его понимаю, а затѣмъ, сказавъ, что усталъ, мирно и кротко заснулъ на диванѣ. На другой день и послѣ ни помину, ни разговора о храмѣ не было. Этотъ больной позднѣе умеръ въ одной изъ Московскихъ больницъ.

Одинъ изъ больныхъ моихъ совершенно внезапно заболѣлъ мыслью о томъ, что совершилъ преступленіе. Это былъ добрѣйшій и кротчайшій человѣкъ, неспособный никого даже обидѣть; отъ сознанія будто бы совершеннаго имъ преступленія, онъ говорилъ о Богѣ и Его судѣ, не желая подвергаться суду человѣческому, который во время болѣзни отвергалъ. Цѣлыми днями приходилось оставаться съ нимъ наединѣ и разубѣждать его. Онъ всегда былъ кротокъ; но то горько плакалъ и сокрушался, то критиковалъ разныя философскія теоріи. Иногда онъ приходилъ въ такой экстазъ, что, не отпуская меня, держа за бортъ сюртука, отрывалъ пуговицы; но притомъ всегда кротко выслушивалъ возраженія. Однажды онъ позвалъ меня къ себѣ и, лежа на кровати, потребовалъ шпагу или кинжалъ, чтобы лишить себя жизни.

Когда я сталъ отговаривать его, онъ пришелъ въ ярость, утверждая, что не желаетъ суда людскаго, а предпочитаетъ судъ Божій, который милосердъ, а люди безжалостны, и что хотя онъ знаетъ, что лишеніе себя жизни грѣхъ, но отдастъ себя «въ руки Божіи» и требуетъ оружія.

Сказавъ, что понялъ его и сейчасъ принесу оружіе, я просилъ только погасить свѣчу, чтобы все совершилось въ темнотѣ.

Черезъ нѣсколько времени, рассчитывая на то, что онъ забудется, я вошелъ къ нему на цыпочкахъ; но однако ошибся: чуть только я пріотворилъ дверь, какъ въ темнотѣ услышалъ голосъ: «ну, что, принесли?»—Принесъ, отвѣчалъ я и подаль ему тупую линейку. «Этимъ можете и колоть себя и рѣзать».

Прошло минуты три. «Колю—не больно», сказалъ онъ.— «Попробуйте рѣзаться».

Я слышалъ, какъ онъ, конечно бесплодно и безболѣзненно, водилъ по горлу линейкою.

«Не рѣжетъ», сказалъ онъ.—Потому что Господь, въ котораго вы такъ вѣрите и любите, не желаетъ такого великаго грѣха съ вашей стороны. — «Въ самомъ дѣлѣ, — вы такъ думаете?»—Убѣжденъ.—«Такъ вѣдь, значитъ, чудо совершилось?»—Конечно.—«Ну теперь, я буду покоенъ... Чудо—и надо мною! А то вѣдь въ самомъ дѣлѣ грѣхъ великій!»

На другой день онъ спросилъ: «Итакъ, совершилось?—Совершилось!»—«Смотрите же, никому не говорите».

Дня черезъ два вечеромъ онъ объявилъ, что умираетъ, и просилъ послать за священникомъ, чтобы исповѣдаться и причаститься.

Онъ былъ въ изступленіи, метался, задыхался и кричалъ: «умираю». Я въ самомъ дѣлѣ подумалъ, что онъ чѣмъ-нибудь отравился. Послѣ причастія, когда мы остались вдвоемъ, онъ таинственнымъ шепотомъ объявилъ мнѣ, что умеръ окончательно.

Ну что, хорошо вамъ теперь? спросилъ я его черезъ нѣсколько секундъ. — «Удивительно хорошо, такъ сладко, такъ спокойно... кругомъ наверху, внизу все такое свѣтлое, голубое», отвѣчалъ онъ, лежа навзничъ на спинѣ, скрестивши руки на груди, какъ укладываютъ покойниковъ. — «Да вѣдь это душа моя только... въ голубомъ эфирѣ... а тѣло то здѣсь скоро хоронить будутъ».—Ну, такъ вы и лежите теперь покойно, какъ лежите, чтобы не испортить положенія; только дайте же вамъ подушку подложу, — и съ этими словами я подложилъ ему за затылокъ толстый компрессъ и сталъ тихонько гладить его по головѣ отъ лба къ затылку.

Онъ скоро захрапѣлъ; а на другой день сталъ понемногу поправляться и затѣмъ черезъ нѣсколько времени выздоровѣлъ.

Помню больную, которая въ припадкѣ бреда величія объявила себя царицей міра, требовала одѣть ее въ царскую мантию и затѣмъ, покрытая шалью и съ ледянымъ компреснымъ мѣшкомъ на головѣ въ видѣ корсны, ходила по заламъ ради спасенія отъ заговора Русскаго Царя, окруженная свитою, которая (чего она не замѣчала) вся плакала, не исключая и маленькихъ ея дѣтей.

Страшно вспоминать тѣ минуты, которыя въ теченіе многихъ мѣсяцевъ, какъ я говорилъ, пришлось пережить въ собственномъ домѣ, иногда безъ достаточной подѣ руками помощи, по отношенію къ людямъ близкимъ и дорогимъ. Упомяну только еще о двухъ случаяхъ: разъ, въ *моментъ начала* болѣзни и экстаза, мнѣ пришлось во время вырвать у матери грудного ея ребенка (она кормила сама, такъ какъ до этого момента болѣзни не замѣчалось), когда она, схвативъ его изъ кровати за ноги, размахнулась имъ, желая ударить головою о стѣну и такимъ образомъ принести жертву Богу. Трудно представить себѣ ту борьбу, (такъ какъ мы были одни), которую мнѣ пришлось выдержать, когда, защищая ребенка, я долженъ былъ въ глазахъ матери обратиться въ разбойника, похищающаго его. Она меня уже не узнавала.

Въ другой разъ, чуть забывшись, чтобы отдохнуть, въ 4-мъ часу утра, я въ своей спальнѣ услышалъ неистовые вопли и топотъ босыхъ ногъ. Догадавшись, въ чемъ дѣло, и вскочивъ, какъ безумный, я бросился вслѣдъ за криками по огромнымъ заламъ. Впереди я увидѣлъ стремглавъ несущуюся больную въ одной рубашкѣ. Слава Богу, мнѣ удалось ее догнать, хотя уже на окнѣ (третьяго этажа). Она, очевидно, въ неописуемомъ ужасѣ, хотѣла выкинуться, какъ бы отъ чего-то спасаясь. Двойныя рамы, по моему распоряженію, на всякій случай были вновь вставлены наканунѣ, и раньше, чѣмъ она выбила стекла, я поймалъ ее за рубашку.

Опять началась борьба, борьба жестокая, такъ что у больной руки на другой день были синяя и требовали компрессовъ.

Дѣло было почти на разсвѣтѣ, прислуга была далеко, спала и пока приближала на крики, я уже ослабѣлъ настолько, что больной удалось выбить локтемъ стекло балконной двери, куда она стремилась, очевидно, подъ влияніемъ той же галлюцинаціи, отъ чего-то спасаясь...

На всѣ остальные случаи въ этомъ родѣ, (были и трагическіе, иногда же комическіе, *) подчасъ отвратительные)—опускаю завѣсу.

Теперь, переживъ всѣ эти впечатлѣнія и ощущенія, я вспоминаю, какъ нѣкоторыхъ изъ больныхъ, по необходимости и поневолѣ, приходилось помѣщать въ заведенія для душевно-больныхъ, а потому подъ разными, большею частью обманными, предлогами усаживать въ кареты и отвозить. При этомъ я лично испытывалъ и переживалъ такое чувство, которое понять со стороны возможно, особенно для людей чуткихъ, а тѣмъ болѣе его пережившихъ; но описать его крайне трудно. Это чувство хуже похороннаго, когда вопросъ о жизни человѣка рѣшенъ уже безповоротно. Тутъ же какъ - то раздваиваешься: съ одной стороны является сознаніе, основанное на разумѣ, въ безусловной необходимости покориться требованіямъ науки, а съ другой,—какое то особое внутреннее чувство щемитъ, точно совѣсть тебя упрекаетъ за то, что отдаешь близкаго человѣка въ руки *неизвѣстности*, тѣмъ болѣе, что впередъ тебя предупреж-

---

*) Между прочимъ я помню, какъ одинъ изъ больныхъ, привезенный въ городъ, для помѣщенія въ психіатрическое отдѣленіе больницы, на другой день убѣжалъ изъ гостинницы, куда временно его помѣстили. Онъ явился въ мѣстное полицейское управленіе съ протестомъ противъ принятыхъ относительно его, будто бы, насилій. Въ полицейскомъ управленіи къ его заявленіямъ отнеслись серьезно, не зная, кто онъ и откуда, и когда чиновникъ составлялъ протоколъ, на основаніи казавшихся всѣмъ разумными и послѣдовательными требованій,—больной, для доказательства послѣдовательности своихъ дѣйствій, схватилъ съ другого стола огромную чернильницу и песочницу и, моментально выливъ правую рукою чернила на голову составлявшаго протоколъ, лѣвой посыпалъ ему голову пескомъ. Этотъ больной умеръ въ Тульской больницѣ.

даютъ, что пускать къ нему не будутъ. Кажется, поступаешь по разуму, совѣсти и по совѣтамъ окружающихъ тебя людей, а все-таки внутренно чувствуешь себя какъ бы въ чемъ-то виноватымъ. Въ чемъ, не знаешь, не можешь дать себѣ отчета, а въ сердцѣ шемить, не смотря на пониманіе того, что доставить больному дома тѣ удобства, которыя можетъ дать ему хорошая психіатрическая больница, — невозможно *).

Кромѣ случаевъ съ своими больными, бывшими, такъ сказать, въ постоянномъ общеніи со мною, я въ теченіе 15-ти лѣтней службы предводителемъ дворянства, губернскимъ и уѣзднымъ, имѣлъ возможность видѣть, хотя на краткое время—при освидѣтельствваніяхъ или посѣщеніяхъ нашей губернской земской больницы, всевозможныя маніи, острия и хроническія, стараясь не упустить отъ наблюденія ничего интереснаго.

Больные всѣхъ слоевъ общества относились ко мнѣ вообще довѣрчиво и дѣлились со мною своими мыслями—будь то въ спокойномъ состояніи, или даже во время припадка, если только они меня узнавали.

Однажды больной заперся, грозя револьверомъ. Послѣ объясненія черезъ дверь, онъ узналъ меня по голосу, отперъ, впустилъ и самъ отдалъ мнѣ револьверъ, давъ послѣ того спокойно всѣ необходимыя и требовавшіяся отъ него объясненія.

Не упуская во всѣхъ случаяхъ наблюдать и изучать душевнобольныхъ и привыкнувъ слѣдить за каждымъ изгибомъ ихъ души и мысли, за совершенно невѣроятными ихъ переходами, я не могу, конечно, забыть всѣхъ пережитыхъ впечатлѣній и ощущеній, отчего, иногда даже противъ желанія,

*) Мы желали бы, чтобы это разсужденіе Ө. А. Свѣчина не было истолковано въ пользу предрасудка, что душевнобольного слѣдуетъ какъ можно дольше держать дома; слѣдствіемъ именно этого предрасудка безпрестанно бываетъ, что излѣчимые больные становятся неизлѣчимыми по причинѣ излишней чувствительности ихъ близкихъ.

у меня возникаетъ въ сознаниі тяжелая и чрезвычайно ясная и рѣзкая картина.

На основаніи вышеизложеннаго, я поставилъ себѣ задачею когда-нибудь подѣлиться съ обществомъ всѣмъ выработаннымъ и во мнѣ живущимъ матеріаломъ. Но сознаюсь откровенно, что я до сихъ поръ не приступалъ къ этому, находя, что у меня недостаетъ главнаго, т.-е. субъективно пережитыхъ и испытанныхъ впечатлѣній и ощущеній.

Какъ бы глубоко кто ни изучилъ вопросъ со стороны, какъ бы ни былъ наблюдателемъ, тѣмъ не менѣе онъ могъ бы дать обществу только *копію*, а не настоящую *картину*.

Сколько бы я ни сочувствовалъ больному, которому дѣлаютъ ампутацію, положимъ, хотя бы ноги, сколько бы ампутацій такого рода ни производилъ, какъ бы хорошо ни зналъ ходъ и результаты такихъ операцій, все-таки я могъ бы описать ощущенія больного только со стороны внѣшняго *наблюденія*, и такое описаніе вышло бы слабѣе того, которое могъ бы сдѣлать человѣкъ, субъективно пережившій операцію. Я это понималъ и это меня удерживало что-либо писать о видѣнномъ мною.

Недавно, однако, мнѣ удалось уговорить близкую и дорогую мнѣ родную написать свои записки, коснувшись и той части жизни, которая меня безконечно интересовала, а ею была *лично мученически пережитая*. Она исполнила мою просьбу, и теперъ я получилъ возможность подѣлиться съ обществомъ тѣмъ своеобразнымъ матеріаломъ, которымъ обладаю. Читатели найдутъ его ниже подъ заглавіемъ «изъ дневника бывшей душевнобольной».

Получивъ записки и придавая имъ огромный интересъ, въ виду необычайной правдивости и силы всѣхъ передаваемыхъ и въ дѣйствительности воспринятыхъ, пережитыхъ и выстраданныхъ ощущеній и впечатлѣній, я свято сохранилъ въ нихъ во всей неприкосновенности форму и послѣдовательность мыслей и каждое выраженіе скорби и страданій, прочувствованныхъ больною.

Ө. А. Свѣчинъ.

С. Ситово,
Ефремовскаго уѣзда.

Изъ дневника бывшей душевнобольной.

«Читаю Гюйо: L'irréligion de l'avenir. Интересная, чрезвычайно богатая глубокими идеями книга. Гюйо доказываетъ, что вмѣстѣ съ ростомъ культуры въ человѣчествѣ растетъ и культивируется идеаль Божества. Въ концѣ же концовъ, по его мнѣнію, личнаго Бога нѣтъ и Сына Божьяго нѣтъ. Все это—легенда, происшедшая отъ незнанія человѣчествомъ разныхъ законовъ, которые открыты наукою въ мірахъ астрономическомъ, геологическомъ, минеральномъ и пр. и наконецъ въ исторіи человѣчества и что, въ концѣ концовъ, всѣ это сознаютъ и придуть къ моральной нравственности, чему протестантизмъ и положилъ уже начало.

Выскажу личный взглядъ свой: мнѣ кажется, что люди будутъ всегда имѣть идеаль эстетическій и нравственный, удобопонятный какъ для мужика, такъ и для интеллигентнаго человѣка.

Какое ученіе въ этомъ случаѣ можетъ быть лучше, выше и вмѣстѣ съ тѣмъ проще ученія Христа?

Въ минуты душевной подавленности, при тяжеломъ личномъ горѣ (которое сравниваетъ всѣхъ и сближаетъ людей, какъ ничто другое), въ одной стройности природы и въ философской истинѣ, для пониманія которыхъ нужно извѣстное развитіе, нельзя человѣку найти опоры для поддержанія самого себя и для нравственнаго укрѣпленія духа.

Въ образѣ живомъ, въ живомъ, общепонятномъ и доступномъ словѣ, въ примѣрѣ страданій, въ пониманіи того, что и у великихъ страдальцевъ рода человѣческаго были минуты слабости (не сомнѣнія въ своей идеѣ, а содроганія за нее и скорѣе сомнѣнія въ самомъ себѣ, — какъ *живомъ тѣлѣ*), человѣкъ можетъ только найти то, что ему нужно въ такія минуты.

Служа идеѣ, видя ея поруганіе и торжество пошлости и матеріализма окружающаго, человѣкъ, изнывая нравственно, только въ этихъ образахъ и въ пониманіи и сочувствіи къ

когда-то жившимъ и страдавшимъ душамъ можетъ найти нравственную силу и въ себѣ самомъ.

Самъ Христось въ саду Геосиманскомъ сказалъ: „Душа моя скорбитъ смертельно“. Потомъ: „Отче мой! если не можетъ чаша сія миновать Меня, чтобы Мнѣ не пить ея, то да будетъ воля Твоя“. Затѣмъ, обращаясь къ апостоламъ, сказалъ: „Бдите и молитесь, чтобы не впасть въ искушеніе. Духъ бодръ, плоть же немощна.“ И наконецъ Богочеловѣкъ и на крестѣ, всѣми покинутый, воскликнулъ къ Богу Отцу: „Боже Мой, Боже Мой! вскую Мя еси оставилъ!“

Всѣми этими словами Онъ вѣчно близокъ и понятенъ намъ. Такія же Божественныя слова Его: „Приидите ко мнѣ вси труждающіися и обремененніи и Азь упокою вы“ — вырѣзаны нестираемыми, нескораемыми, вѣчными буквами на скрижаляхъ Новаго Завѣта, на вѣчную память роду человѣческому.

Слова эти заключаютъ въ себѣ вѣчную силу. Это кличъ къ несчастнымъ, страдающимъ, угнетеннымъ, униженнымъ и оскорбленнымъ; а такъ какъ полміра состоитъ изъ такихъ и врядъ ли когда-нибудь въ этомъ мірѣ наступятъ благоденствіе и нерушимое счастье для всѣхъ, то и слова эти во вѣки вѣковъ найдутъ себѣ откликъ и будутъ завоевывать себѣ сердца по крайней мѣрѣ половины рода человѣческаго.

Я выросла въ религіозной средѣ, и на всѣ мои пытливые вопросы: что такое Богъ, жизнь, смерть, зло, добро, — мнѣ отвѣчали извѣстными объясненіями по религіи, закупоривающими мозгъ, по Гюйо и Спенсеру, на пассивность, а не на активность, но мозгъ мой, кажется, не закупорился; голова моя не могла угомониться, остановиться на этихъ объясненіяхъ. Помню: мнѣ семь лѣтъ. Мы съ сестрой сидимъ съ няней, Ольгой Филипповной, на верху, въ дѣтской. Она съ очками на носу, закинувъ какъ-то голову вверхъ и держа близко книгу къ свѣчѣ, по складамъ и въ растяжку читаетъ страданія Спасителя. Мы съ сестрой смотримъ картинку: Христось передъ Пилатомъ, изъ большой раскрашенной

священной исторіи. Мы полны негодованія къ толпѣ, кричащей: „распи“. Пилать проколоть булавкой въ трехъ мѣстахъ; Христа мы такъ любимъ, что хочется тоже страдать за Него, и мы жалѣемъ, что уже нѣтъ такихъ жестокихъ царей, которые мучаютъ и жгутъ за вѣру. „Няня! что такое Богъ?“ спрашиваю наконецъ я. Она отрывается отъ книги: „Богъ есть духъ“, отвѣчаетъ она. „А что такое духъ, няня?“ Няня подула и говоритъ: „вотъ духъ!“ Я окончательно ничего не понимаю — полное недоразумѣніе. „Да зачѣмъ же Онъ во рту?“ — „Да Онъ не во рту, и какіе это ты всегда вопросы задаешь, Соня! много будешь знать, скоро состаришься“, сказала недовольно няня, очень занятая процессомъ чтенія. Я вспомнила, что и мама говорила, что Богъ—духъ, и долго потомъ дула на ладонь, какъ няня, и все думала и не понимала. Вырастая, я не переставала углубляться въ эти вопросы. Не находя отвѣта въ людяхъ, которые въ тотъ моментъ, можетъ-быть, всѣми этими вопросами уже переболѣли, я бросилась къ книгамъ.

Чего, чего, и какихъ только философій не читала я! Хомяковъ, одно время, совсѣмъ меня захватилъ; надъ его предсмертной статьёй о движеніи, кажется, (она не окончена) я даже заболѣла. Мой духовный экстазъ любви къ Спасителю, къ родинѣ и желаніе пострадать за всѣхъ несчастныхъ доходили до внутренней дрожи, до озноба. Я хотѣла испытать всю чашу страданій въ жизни, чтобъ умѣть все понимать, я хотѣла всякое страданіе вкусить, чтобы умѣть все понимать и прощать... испытать горькую чашу до дна; быть кроткой, какъ голубь, и мудрой, какъ змій. Возбужденіе, мало-помалу и постепенно подготавливавшееся, дошло до такой силы, что мнѣ открывались такія идеи, отъ которыхъ я теряла равновѣсіе и только молила Бога: „закрой завѣсу“.

Я поняла тутъ, что невозможно познать Бога личнаго, громаднаго, абсолютнаго. Отъ желанія поднять завѣсу къ Нему теряешь равновѣсіе. Пискаръ не можетъ проглотить карпии,—козьявка, ползущая на моей рукѣ, не можетъ воспринять весь мой образъ, даже одну руку не можетъ. Тутъ я поняла

и увѣровала, что есть Богъ—Начало началъ, но что нечего углубляться въ то, что непонятно и не можетъ быть понято. На это нужно опустить завѣсу. И мнѣ захотѣлось знаній, захотѣлось познать твореніе, меня заинтересовала матеріальный, физическій міръ. Знаніемъ физическаго, реального дойдешь до многого, но теорія эта не отнимала отъ меня религію и Бога, который для меня былъ за этой завѣсой. Для многихъ тамъ „le néant“ (по-русски это выраженіе гораздо у́же и бѣднѣе), но это *ничто*, т.-е. темнота, меня не удовлетворяла и пугала больше всего на свѣтѣ. И я стала учиться. У Конта я нашла программу, съ чего начинать. Помню его классификацію наукъ, или лѣстницу знаній, какъ я называла. Во-первыхъ, математика—три вѣтви ея: 1) наука чисель, геометрія, механика, 2) Астрономія, 3) Физика, 4) Химія, 5) Біологія, 6) Соціологія. — Физика раздѣлена на 5 отдѣловъ: 1) ученіе о тяжести или барологія, 2) ученіе о теплотѣ или термолוגія, 3) акустика, 4) оптика, 5) объ электричествѣ. И вотъ я страстно стала желать одолѣть все это, и какъ я проклинала свое невѣжество! Увы! я въ дѣтствѣ не интересовалась вовсе математикой и очень мало ею занималась, а такъ какъ Контъ считаетъ ее лѣстницей, связывающей одну науку съ другой,—не цѣлью, а средствомъ ко всему добраться,—то мнѣ и пришлось начинать съ азовъ и долго сидѣть надъ учебниками Малинина и Буренина и практиковать свою голову гимнастикой всякихъ задачъ. Великое наслажденіе учиться, когда есть цѣль, когда вычитанная мысль не гуляетъ, какъ по чистому полю, въ головѣ и, не зацѣпившись ни за что, такъ же быстро можетъ вылетѣть,—когда мысли укладываются въ извѣстныя рамки подъ управленіемъ вполнѣ сознательной воли и пониманія, куда что идетъ, и когда надъ всѣмъ царитъ снѣдающее любопытство идти дальше, познавать и овладѣвать знаніемъ. Увы! я только могу сказать, что поскребла подножіе этой лѣстницы, могла только вкусить крохи.

Предыдущая моя подготовка не позволила мнѣ все осилить вполнѣ, да и жизнь захватила своими событіями. Въ этотъ

періодъ я встрѣтила сочувствующую душу, и мы другъ друга поняли и полюбили. Съ этой минуты, когда я поняла, что люблю его, то отдалась ему вся безповоротно, всѣми силами души. Три года мы были помолвлены между собой, женихомъ и невѣстой. Такъ какъ онъ былъ на второмъ медицинскомъ курсѣ и безъ всякихъ средствъ, то мы и ждали окончанія курса, чтобы потомъ начать трудовую жизнь. Онъ поддерживалъ меня въ занятіяхъ, доставлялъ мнѣ книги, и я училась и жила перепиской съ нимъ, почти ежедневной, и съ постоянной думой о немъ. Какъ я любила его, и какъ была счастлива: такая сама была бодрая, энергичная! Хотѣлось дѣятельности, а киснуть и ныть не представлялось надобности: даже сочувствовать грусти не могла. Во мнѣ точно что-то жизнерадостное пѣло... Я слышала въ этой пѣснѣ, что онъ любитъ меня, что онъ мой, а я... его. Я вкусила сладость жизни только своимъ духовнымъ міромъ, и мнѣ она такъ хороша показалась... Я уже не мечтала о будущей загробной жизни... о достиженіи совершенства.

Мнѣ наша жизнь внизу, съ заботами, горемъ, безпокойствомъ, земными радостями казалась такой притягательной, понятной, хорошей, что однѣ радости безъ заботъ, одно добро безъ зла и страданій, безъ сочувствія имъ и помощи, стали какъ то непонятными... Зло дополняетъ добро, чтобы лучше можно было понять и оцѣнить торжество послѣдняго.

Жизнь оттого и есть *движеніе*, что она заключается въ борьбѣ съ трудностями и со зломъ, ради добра.

Угождать дорогому человѣку, услаждать его жизнь,—въ этой рамкѣ заключалось для меня все... Это и поглотило меня окончательно...

Говорять, что въ счастіи люди эгоисты; мнѣ кажется, что и они не интересны для людей остального міра.

Для меня не существовало вопросовъ; жизнь казалась такъ сладка, такъ мила, такимъ раемъ, что... зачѣмъ же другой рай? Зачѣмъ углубляться во вселенную? Тамъ всякій свое найдетъ—и того довольно.

Вселенная была для меня загорожена живымъ идеаломъ, моимъ земнымъ богомъ...

Онъ былъ докторомъ по сложившимся обстоятельствамъ, но пѣвцомъ по призванію;—большой идеалистъ и такой же фантазеръ, какъ и я.

Я любила въ немъ эту вѣчно бьющую струю жизни и вѣчное броженіе. Вѣдь, какъ говорятъ, и основа жизни—одно бродильное начало... Онъ не зналъ преградъ своимъ желаніямъ и цѣлямъ. Увѣренности въ умственныхъ, нравственныхъ силахъ человѣка вообще и энергіи, сдвигающей горы, въ немъ было безъ конца. Онъ, какъ пчела изъ цвѣтка, старался брать изъ жизни и сложныхъ, встрѣчавшихся ему характеровъ все, что они давали, и всегда, при условіи вѣчнаго анализа, преклонялся передъ всѣмъ прекраснымъ и правдивымъ. Онъ рвался видѣть какъ можно больше угловъ картины, именуемой здѣшнимъ міромъ, видѣть наиболѣе прославленные центры жизни, гдѣ наиболѣе выразительно и сладостно для вдумчиваго взгляда, бьютъ и развертываютъ свои силы та невѣдомая, громадная энергія, которая дѣлаетъ все для достиженія и осуществленія своей идеи. Онъ былъ натуралистъ, художникъ и поэтъ...

Прошло нѣсколько лѣтъ... и жизнь пролетѣла.. ураганомъ,—сломала, исковеркала, разбила въ дребезги многое...

Сейчасъ я не въ настроеніи описывать поэзію и счастье нашей жизни... Придетъ, можетъ быть, время вдохновенія и тогда слова найдутся и польются—въ одухотворенныхъ, чистыхъ образахъ... въ картинахъ дышащихъ и трепещущихъ *жизнію*, живыми воспоминаніями...

Есть минуты въ жизни человѣка, когда горе унижаетъ, раздавливаетъ и попираетъ „вся святая святыхъ“ его души... Я не сравню его съ горемъ потери любимаго человѣка—въ смерти... Многіе, вѣроятно, въ такія минуты лѣзутъ въ петлю, кладутъ голову на рельсы или выпиваютъ попавшійся подъ руку ядъ. Тогда у человѣка и мысли нѣтъ думать,—онъ изнемогаетъ не физически, не отъ недостатка въ энергіи дѣйствій и поступковъ;—но самочувствіе, душа его вся

исцарапана, разбита, точно въ ней ничего нѣтъ, кромѣ чувства похожаго на то, будто огромный камень придавилъ ее...

Въ одинъ изъ такихъ моментовъ я механически пошла въ церковь. Молиться конечно не могла, стояла какъ истуканъ и мнѣ не то что легче было, а лучше чѣмъ гдѣ-либо, и уходить я не имѣла силъ. Вышла съ толпой, или скорѣе толпа унесла меня. Я чувствовала совершенно объективно силу, поддерживающую меня, и тогда мнѣ стало ясно, что есть Богъ, и я начала замѣчать такихъ же, какъ я. Помню поздно вечеромъ, почти ночью въ Петербургѣ, поворачивая съ Литейной на Сергіевскую, я увидѣла женщину, стоящую у большой закрытой двери церкви Св. Сергія въ какомъ-то оцѣпенѣннн, неподвижно. „Униженная и оскорбленная, горе страшное на душѣ, къ Богу пришла“, подумала я и сердцемъ хотѣлось мнѣ обнять и слиться со всѣми униженными и оскорбленными. Въ глухихъ деревняхъ, забитыхъ снѣгомъ, по избушкамъ, въ темнотѣ, суевѣрїяхъ, копоти, въ скудости, при скромныхъ до нуля потребностяхъ,—вотъ гдѣ настоящіе наши униженные и оскорбленные! Кто ихъ не запугаетъ, кто не увѣритъ ихъ въ чемъ угодно! А мало еще поборниковъ за ихъ права, мало людей, отдающихъ имъ душу. Эксплуаторовъ куда больше. И выросло предо мной святое дѣло, широкое и живое, но тихое, скромное и кропотливое. Когда увидишь плоды? На внукахъ этихъ отцовъ, можетъ быть. Эти слишкомъ забиты, заросли сами глиной, грязью условій наслѣдственности. Какъ бы не испугаться дѣйствительности и не забыть цѣли? И эти униженные и оскорбленные такъ и идутъ къ Богу; вѣрно это даетъ имъ сладость. Иначе какъ можно такъ жить, такъ терпѣть и такъ гнуть голову покорно на всѣ эти условія, на все?! Скажутъ—забитость, а я скажу „да“, но, съ другой стороны, и сила. Такой народъ и даетъ чудеса силы, выносливости, терпѣнїя.

Однажды одинъ мой знакомый сталъ бранить Иверскую часовню, говоря, что поклоненіе этой иконѣ тамъ на мѣстѣ—то же идолопоклонство. Мнѣ стало больно. Больно отъ

того, что помимо многого формального, рутиннаго, тамъ есть и другая сторона, которую „всякій печальникъ земли Русской“, обожающій народъ, живущій съ нимъ, такъ сказать, однимъ сердцемъ, не можетъ не видѣть: сколько тамъ было пролито святыхъ страдальческихъ слезъ малыхъ сихъ—униженныхъ и оскорбленныхъ. Я думаю, что эта икона свята уже тѣмъ горемъ, тѣми слезами, которыя туда принесены были, и молитвами освящена. Ничто не пропадаетъ на землѣ,—и ни одна эта слеза не пропадетъ. Это все силы души, ээиры, внушенія, невидимые газы—матерія своего рода... Вспоминаю нѣкоторые глаза—молящіяся... Невольно съ уваженіемъ посторонишься,—это точно лучъ, занесенный и свѣтящійся *откуда-то*.

Еще нѣтъ болѣе униженныхъ и оскорбленныхъ, какъ сумасшедшіе и душевнобольные... Никого на свѣтѣ мнѣ такъ не жаль, — особенно тѣхъ, которые въ больницахъ, такъ какъ разъ человѣка помѣстили туда, то ужъ отчасти спустили по наклонной плоскости внизъ, и этому человѣку, нужно быть очень сильнымъ, чтобы выбраться и получить снова права гражданства, активность смѣлой воли, — такъ какъ тамъ она всѣми условіями забивается. Я была въ первоклассной клиникѣ, когда была больна,—съ гуманнѣйшими докторами, кроткими сидѣлками—и то это чувствовала. Что же тамъ, гдѣ порядки плохіе, гдѣ больничныи персоналъ—не гуманные люди, гдѣ сидѣлки бьютъ и душатъ больныхъ?! Недавно было въ газетахъ, что въ Харьковѣ, на Сабуровой дачѣ, обвинялись сидѣлки въ задушеніи больной Адассонъ, — и ихъ оправдали. Моя душа скорбѣла, читая это; всю ночь были тревожные сны и долго не спалось.

Мнѣ вспомнилось, какъ я сидѣла въ буйномъ отдѣленіи психіатрической клиники; помню эту свѣтло-сѣрую комнату, съ тяжелой коричневой дверью безъ ручки и окошкомъ въ коричневой рамѣ высоко надъ поломъ. Я помню, что умудрялась залѣзть, чтобы взглянуть въ окошко и что-нибудь увидать, разрѣшающее мое недоумѣніе: гдѣ я? что я?

А это страшное одиночество и страхъ передъ всѣми ужа-сами галлюцинацій! Тамъ былъ пустой, маленькій дворъ, ого-роженный стереотипнымъ сѣрымъ заборомъ, росла травка, помню даже, какъ она покачивалась. Въ окно виднѣлась во-докачка. Боже! чѣмъ только она мнѣ не представлялась,— а больше всего гильотиной, на которую должны взойти всѣ мною любимые люди, и казалось мнѣ, что они всходятъ и кладутъ головы, и я замирала.. Тогда мнѣ казалось, что я въ Петропавловской крѣпости, или въ тюрьмѣ,— что тутъ сидѣло до меня много большихъ людей и мучениковъ, и я въ умиленіи слѣдила за знаками, пятнышками на стѣнѣ, мнѣ представлялись тѣни декабристовъ и т. д., и я въ уми-леніи цѣловала эти пятна. Высыпь лихорадки стянула мнѣ губы, а я думала, что мнѣ запечатали ротъ.

Помню короткій пустой корридоръ съ тремя высочайши-ми коричневыми дверями, тоже безъ ручекъ (онѣ открывались ключомъ), наглухо запертыми, — единственный желтый дере-вянный диванъ, на которомъ сидѣла дежурная, и часы, кото-рые, по страшной воспріимчивости моего слуха въ то время, оглушали меня, окружали со всѣхъ сторонъ своимъ точно со свистомъ дышащимъ: тикъ—такъ, тикъ—такъ. И эти ночи!.. Помню кожанную кушетку съ моей постелью,— то нево-образимое недоумѣніе, въ какомъ я была: гдѣ я, что я, гдѣ мои дѣти, — всѣ, кого люблю, и кто меня любить? Какая сила оторвала меня отъ всего? Страшная тоска душила, и я все представляла себѣ то то, то другое. Помню и этихъ простодушныхъ сидѣлокъ. Имъ не велѣно много разговари-вать съ больными и говорить съ ними о родныхъ. На всѣ вопросы онѣ молчатъ большею частью (да что же имъ и дѣлать?), игнорируютъ того человѣка, который около нихъ бьется. Господи! да и къ агоніямъ привыкають.

Что такое сумасшедшіе? Сумасшедшій — это человѣкъ, между которымъ и окружающимъ его міромъ и людьми вдругъ легла пропасть! Онъ находится внѣ сознанія времени и про-странства. Его мысли, представленія переносятъ его за ты-сячи милліоновъ сферъ отъ дѣйствительности; связь съ нею

нарушена и равновѣсіе потеряно. Гдѣ граница между здоровымъ и больнымъ состояніемъ? Трудно ее уловить. Галлюцинаціи суть мысли въ образахъ и ощущеніяхъ, настолько кажушіяся реальными и живыми, что пугаютъ и увлекаютъ человѣка со страшною силой внѣ дѣйствительной среды. Измѣненія въ сферѣ всѣхъ чувствъ: зрѣнія, осязанія, обонянія; глазамъ представляются картины съ красками при взглядѣ на гладкую стѣну, лица окружающихъ кажутся измѣненными, въ ушахъ всевозможные звуки,—даже обонянію представляются разные запахи; наконецъ, испуганное и измѣненное обращеніе близкихъ—все это, какъ факты, свидѣтельствуешь для больного объ измѣненіи во всѣхъ отношеніяхъ его самого и всего окружающаго міра,—и вотъ является такая тоска по утраченному и жажда простого, вседневаго, будничнаго и страшно милаго!

А манія величія? Она является отъ сознанія грандіозности галлюцинацій и представленій, охватывающихъ человѣка. Я помню упоеніе величіемъ того, что всѣ страданія я выпила, стало-быть, все могу понимать и знать, чего другіе не знаютъ; все проникла, пронизала, выстрадала,—схватила, такъ сказать, жизнь за хвостъ. Въ этомъ бредѣ есть свое упоеніе. Я чувствовала себя подчасъ, *à la lettre*, царицей міра, но славы не хотѣла, такъ какъ въ славѣ есть нѣчто подавляющее свободу другихъ лицъ, что несовмѣстимо съ идеями братства, свободы и равенства. Этими чувствами была преисполнена тогда душа моя.

Итакъ, у сумасшедшаго сознанія окружающей его дѣйствительности нѣтъ; но самочувствіе, способность страдать есть и даже страшно напряженная и повышенная. Доктора въ томъ *немного* и грѣшатъ, что не всегда это понимаютъ. Они видятъ причину болѣзни только въ физикѣ и часто совершенно забываютъ духовную сторону. „Онъ или она въ безсознаніи“—и на этомъ успокоиваются, и этими словами человѣка точно отрѣзываютъ отъ всего живого. Поправится физически, поправится и духовно, говорятъ они, и на этомъ основаніи нуль вниманія на его мольбы. Под-

часть все это такъ, но не надо забывать, что въ той же медицинѣ доказано, что и настроеніе, и духовныя причины, горе и радости, могутъ вредить здоровью или поправлять его.

Я слышала одинъ разсказъ, жестоко возмутившій меня. Сидѣль въ больницѣ для умалишенныхъ одинъ молодой чело­вѣкъ, прежде очень живой и всѣми любимый. Онъ дол­женъ былъ вѣнчаться съ прекрасной, тоже всѣми любимой дѣвушкой. Все ему улыбалось. Въ лотерею онъ выигралъ большую сумму денегъ.—Пунктъ помѣшательства его былъ богатство, знатность, деньги. Онъ устроилъ вечеръ съ тан­цами, великолѣпнымъ ужиномъ, былъ страшно возбужденъ и когда приказалъ экипажъ ввезти въ залу, тутъ и замѣ­тили, что онъ ненормаленъ и помѣстили его въ больницу, чтобъ онъ выздоровѣлъ. Онъ былъ буйный, временами рвалъ на себѣ въ клочки рубашки, простыни. Въ нѣкото­рыя минуты страшно умолялъ, чтобъ ему позволили увидѣть старуху мать: плакалъ, рыдалъ. Онъ сидѣль уже около года, но доктора продолжали говорить матери, что вредно больнымъ видѣть родныхъ... и даже опасно!! и—чего я ей не прошу, этой старухѣ—она не настояла и не пошла. И что же? онъ все равно умеръ черезъ годъ. А она стара, стара и все жи­ветъ, чужой вѣкъ заживаетъ! Неужели совѣсть ея никогда не шевелится? Старая! и чего боялась? Онъ, можетъ быть, повидавшись съ ней, сталъ бы радостенъ и спокоенъ, а она доставила бы ему, несчастному, хоть кроху счастья... Право изъ-за этого стоило рѣшиться. Я знаю, что мнѣ то же са­мое говорили, когда у меня былъ мой дорогой больной, но я силою недремлющей любви и жалости настояла,—и такъ онъ былъ спокоенъ, счастливъ при свиданіи. А до того пи­салъ громовыя письма, ругательныя телеграммы и призывалъ на меня всякія проклятія за то, что я его забыла и къ нему не являюсь.

Повторяю опять и сдѣлаю можетъ быть слишкомъ смѣ­лый выводъ: у сумасшедшаго сознанія окружающей дѣй­ствительности нѣтъ, но можетъ-быть есть предчувствіе чего-то другого, чего-то, что будетъ послѣ нашей смер-

ти, по ту сторону. Ощущеніями, чувствами, обоняніемъ, слухомъ, осязаніемъ онъ дотронулся, прикоснулся до чего-то внѣ сферы здороваго челоуѣка,—это своего рода длинная агонія, такъ какъ агонія, мнѣ кажется, и есть переходъ, тяжелый переходъ туда, въ другой міръ. Я слѣдила за умирающимъ любимымъ челоуѣкомъ. Онъ былъ безъ сознанія, дышалъ тяжело и поспѣшно, точно поднимался на тяжелую гору. Глаза были широко раскрыты, и въ нихъ я читала то испугъ, то ужасъ, то восторгъ, то созерцаніе, то строгое благоговѣніе. Наканунѣ онъ все тащилъ меня и молилъ: „Пойдемъ, пойдемъ“. Вспомнила я тутъ одну прежнюю свою галлюцинацію, и какъ бы въ отвѣтъ на нее и чтобы помочь ему, крѣпко жала ему руку. Во мнѣ ли то было, или я была въ обморокъ, когда меня оттирали, рѣшительно не знаю. Мой духъ несся гдѣ-то по другую сторону и было очень страшно и очень жутко. Были картины, но такія чужія, что я ихъ не могу назвать и рассказать сейчасъ, когда я здорова. На нихъ и словъ нѣтъ! Было одно ощущеніе челоуѣческое, что кто-то держитъ мнѣ два пальца: указательный и средній, и такъ мнѣ было легко и отрадно присутствіе помощи челоуѣка въ этихъ двухъ пальцахъ, что когда онъ умиралъ, и я также держала его за руку. Для меня и для дѣйствительной жизни онъ былъ безъ сознанія, но самочувствіе само по себѣ у него было. Я такъ это почувствовала, что когда онъ умеръ и я закрыла ему глаза, поцѣловала его въ холодный, бѣлый лобъ, то прошептала: „До свиданія“. Не даромъ Гамлетъ, въ томъ аффектѣ, въ какомъ онъ былъ (конечно онъ былъ нервно-больной), говорилъ: „Есть много, другъ Горацій!..“ Я повторяю тоже: Да, есть много, другъ Горацій, что не снилось никому — и я это ощутила; но теперь недостаточно помню, чтобы рассказать это ясно. Я забыла... Припоминаю только, что въ моихъ бредахъ, снахъ прошли тысячелѣтія.

Чего только я не пережила изъ прошедшаго и изъ будущаго: и конецъ міра, и страшный судъ, и борьбу религій, реформацію, папство и революцію, и борьбу конституціи съ монархіей,

и бунтъ черни, и ея господство, и все это за сѣрымъ заборомъ, о который я билась до изнеможенія, чтобъ уйти туда, гдѣ борьба и всѣ мною любимые люди. Я рвалась на борьбу за правое дѣло и казалось мнѣ, что я должна страдать и что-то дѣлать, чтобы добиться истины, спасенія всему человѣчеству, и я плясала (здоровая я понятія не имѣю о пляскѣ), пѣла и падала въ изнеможеніи. Помню, въ саду я разъ такъ и упала на весеннюю, изъ подъ снѣга открывшуюся землю и стала обнимать и нюхать ее. Я такъ и замерла, обхвативъ землю съ ея живительными запахами, и такъ хорошо себя чувствовала: мнѣ хотѣлось слиться, замереть въ ея объятяхъ. А какой-то голосъ говорилъ во мнѣ: „Слушай, слушай землю, несчастная дочь земли, какъ слушали ее старыя евреи и дѣти Индры, погружаясь въ великую Нирвану. Нынѣшніе люди, вы не умѣете слушать! Слушай—и ухо твое разстелется по всей вселенной и ты услышишь отъ легкаго шелеста падающаго лепестка съ дерева, отъ червяка, выползающаго изъ нѣдръ земли на лучъ солнца, до отзвуковъ верблюдовъ въ раскинутыхъ шатрахъ по ту сторону земного шара, до движенія воздушныхъ эиэировъ и трубъ ангельскихъ въ царствѣ страшнаго Іеговы!“ И я замирала въ слухъ необъятномъ. „Нельзя на землѣ лежать, она холодная, простудитесь“—и сидѣлки стали подымать меня. О Боже! опять мучаютъ,—и кто эти женщины, эти угловатыя куклы, эти сторожихи моего несчастнаго тѣла? Меня оторвали отъ спокойствія безконечнаго и посадили на скамейку. Голова должно быть у меня кружилась, такъ какъ я не могла понять, гдѣ верхъ, гдѣ низъ. Земля, зеленая трава перемѣшались съ голубымъ небомъ и сѣрыми облаками. Мнѣ казалось, что со всѣхъ сторонъ у меня глаза, что черепъ мой раскрытъ сзади и зияетъ на солнцѣ, раскрытые нервы бьются и страдаютъ. И опять голосъ слышался: „Несчастливая, вотъ что значитъ добратъся до древа познанія добра и зла“.

„Да вы спать, матушка, хотите“,—сказали сидѣлки, ласково заглядывая мнѣ въ глаза. „Пойдемте, лягте“—и я легла.

И все недоумѣніе! И все не было разрѣшенія! Помню разъ я придумала, ужъ не призраки ли всѣ мы, и чтобы испробовать это, схватила сидѣлку за щеку и ушибнула ее. Она страшно испугалась. За это, кажется, меня перевели въ буйное отдѣленіе. Что же было бы, еслибъ эти сидѣлки били меня, душили? Какъ это еще болѣе запутало бы мой бѣдный разумокъ! Выкарабкалась ли бы еще я? А этотъ ужасъ леденящій отъ одиночества духа, отъ страха смерти и всѣхъ этихъ картинъ, наплывающихъ дикими обрывками изъ прошедшаго, изъ будущаго уродливыми хлопьями! Иногда были галлюцинаціи дивныя по эстетичности, иногда циничныя, ужасныя по эротичности, все самое святое и дорогое было ужасно! Я помню, что были эти ощущенія, но я ихъ забыла, да и слава Богу.

Я помню, что иногда останавливалась на Вѣтхомъ Завѣтѣ, на древней Священной Исторіи, и тогда мнѣ часто представлялось, что я еврейка, и мнѣ представлялся еврейскій народъ со страшной и несчастной судьбой своей. Мнѣ тогда много думалось о немъ. Мнѣ казалось, что и между нами есть много униженныхъ и оскорбленныхъ. Ужасно сознавать и чувствовать, если душа чутка и развита, что на васъ смотрять какъ на плевелы, какъ на язву, которая если явится, вездѣ кругомъ все разрушаетъ. И главное—тяжело, невыразимо тяжело чувствовать, что масса тебѣ родного и любимаго тобой народа дѣйствительно отравлена ненормальностью положенія и представляетъ нѣчто разлагающееся. Вѣчные космополиты, никому не нужные, заползающіе съ униженіемъ всюду, никѣмъ незванные и непрошеные. Съ больнымъ самолюбіемъ они безсилно, нервно слятся доказать свою даровитость и необходимость человѣчеству. Отъ этой вѣчной незаконности существованія въ странѣ, гдѣ они вѣчные батарды, они въ массѣ развили въ себѣ только инстинктъ самосохраненія своей расы и другъ друга, обожаніе къ металлу до забвенія всего остальнаго, ибо онъ даетъ имъ возможность купить все, что хорошо или подло и мелко, презирать всѣхъ, кромѣ себя, и такимъ обра-

зомъ устроить себѣ нѣчто похожее на жизнь и независимость. Въ моихъ бредахъ о будущемъ евреи мнѣ представлялись опять всплывшими мстительными дѣятелями по разрушенію и созиданію многого. Нѣтъ, этотъ народъ такъ не кончить. Съ такой энергіей къ идеѣ у интеллигентныхъ и выработкой способности бороться за существованіе у массы, они еще повоюютъ. Смѣшно сказать: я воображала ужъ себя живущей въ другой эпохѣ и ловила слѣды милой и дорогой старины.

А Россія, моя дорогая Россія! Какъ я болѣла о ней душой! Въ общемъ переполохѣ существуетъ ли она, или стерта съ лица земли? Вотъ вопросъ, который я себѣ задавала. Помню, какъ страшно я разъ обрадовалась. Проснувшись въ сумеркахъ, я увидѣла около себя сидящую женщину: все въ ней говорило о деревнѣ, о крестьянской избѣ: это была сидѣлка, только-что поступившая въ клинику. Обувь ея пахла кожей, дегтемъ, чѣмъ-то мнѣ роднымъ, русскимъ. Эти подошвы топтали мою родную землю!—я нагнулась и, схвативъ ея башмакъ, жадно прильнула къ нему губами.

„—Ты изъ деревни, ты русская баба? О милая, наивная, простая. Какъ въ тебѣ я люблю всѣхъ васъ!“

„—Сударыня-барыня, что вы дѣлаете?“

Она очень была заинтересована мной и полюбила меня. Мы даже какъ-то поговорили и поняли другъ друга. Долго послѣ она все покровительствовала мнѣ и, издали улыбаясь и кивая головой, говорила: „А моя-то, моя-то! милая моя“.

По корридору бѣгали въ халатахъ другія больныя: одна очень некрасивая, но добрѣйшая нѣмка. Она говорила ломанымъ русскимъ языкомъ очень бойко и все сердилась; другая брюнетка съ обстриженной головой, какъ у мальчика, съ дикимъ пѣніемъ и возгласами. И много было разныхъ страшныхъ и уродливыхъ, особенно въ саду, когда насъ выводили гулять. И думалось мнѣ, что мы—проклятыя, прокаженные, всѣми выброшенные изъ міра.

Въ саду была бесѣдка, напоминавшая мнѣ чѣмъ-то церковь, и я все шла туда и тамъ сидѣла. Но и тамъ мнѣ часто

представлялось, что я призракъ и все призрачно, и что лечу я въ необъятномъ пространствѣ на планету Марсъ. Звонъ и шумъ стоялъ въ головѣ и ушахъ, и мнѣ казалось, что телеграфная проволока проведена черезъ мои уши. Живой души хотѣлось; хотъ чорта съ рогами, да чтобы живымъ духомъ, человѣкомъ пахло. Проснувшись разъ ночью съ дрожью и холоднымъ отъ ужаса потомъ, я стала смотрѣть на деревянную коричневую дверь: огонь въ стекло сверху изъ корридора освѣщаль ее и вдругъ мысль, что дверь деревянная, стало быть, матерія существуетъ, значить и люди, ее дѣлавшіе, тоже существуютъ, осѣнила меня. Стало-быть плотники есть, рабочіе есть, и я на землѣ. Я энергично вскочила, отворила дверь и вышла въ корридоръ. Дежурная, дремавшая на скамьѣ, съ испугомъ стала смотрѣть на меня и уговаривала идти спать. „Я не могу спать и ни за что не уйду“, и я сѣла на скамьѣ съ другой стороны.

„Идите, идите,—я доктора позову“. „Зовите, кого хотите“. И мы сидѣли въ полной тишинѣ. Дежурныя мѣнялись. Пришла старушка сидѣлка, Ольга Павловна. Я ее любила: у нея не было испуганнаго взгляда, какъ у большей части сидѣлокъ; видъ у нея былъ такой добрый, точно она откуда-то пришла, гдѣ очень интересно, и что-то принесла.

„Здравствуйте, голубка, вотъ и я дежурить пришла; сегодня въ отпуску была. Что-жь не спите, милая моя?“—„Мнѣ скучно, мнѣ страшно. Гдѣ мама, гдѣ мои дѣти? мнѣ невыносимо, убейте меня лучше“—и я заплакала.—«Что вы, родная, чего вы? Выздоровѣте,—у насъ всѣ выздоравливаютъ,— всѣхъ увидите, всѣ живы здоровы.» Я насторожила уши: „Какъ? Вы значить видѣли и знаете мою маму?“—«Знаю, что жива, здорова; и дѣти здоровы, и Ѳединька. Всѣ, всѣ здоровы». Все во мнѣ затрепетало.—„И міръ на мѣстѣ?“—«И міръ на мѣстѣ?».—„И все попрежнему?“—И все по прежнему.—„И я маму увижу?“—«Увидите».—„И дѣтей увижу?“—«И дѣтей увидите».—„Душечка, ангель, дорогая, когда я ихъ увижу? Когда вы ихъ видѣли?“ И я схватила ее костлявую руку.—«Ничего больше не скажу, ложитесь спать, а я около васъ посижу».

Она взяла мою руку, когда я улеглась на мое ложе. Надежда, далекимъ лучомъ, едва замѣтнымъ, засвѣтила мнѣ. И опять я скоро улетѣла въ мѣръ грезъ и фантастическихъ сновъ.

Милая старушка! Дай Богъ тебѣ подольше пожить и послужить бѣднымъ страдальцамъ. Ты первая была доброй вѣстницей, горлинкой, принесшей мнѣ масличную вѣтвь.

Утромъ я вышла въ корридоръ и объявила сидѣлкамъ, что я свою комнату ненавижу, что это мышеловка. Сидѣлкамъ, толстенькой и добродушной Дунѣ и строгой, блѣдной Наташѣ, это опредѣленіе очень понравилось. Они смѣялись и говорили: «дѣйствительно мышеловка, это вы вѣрно сказали». Я попросила, чтобы мнѣ кровать принесли въ корридоръ, это и сдѣлали. Слава Богу! Я приняла человѣческій образъ и разговоръ, стала дружить съ сидѣлками, спрашивать объ ихъ мужьяхъ и дѣтяхъ. Они полетѣли съ вѣстью о выздоровленіи. Какое было счастье, когда я со знала, что ничего страшнаго не было и тысячелѣтія не прошли, а что я заболѣла 16-го апрѣля, а это—29-ое апрѣля.

И дѣти живы, и все цѣло, и я живой человѣкъ; только страхъ, гдѣ я сижу, и за свою самостоятельность и свободу былъ ужъ второй сознательной ступенью выздоровленія.

Первое чувство радости, при возвращеніи сознанія, напоминаетъ ощущеніе человѣка послѣ страшной бури и кораблекрушенія, случившагося близъ дикаго и пустыннаго острова. Послѣ страшной радости спасенія наступаетъ реакція: сознаніе того, что второе положеніе твое, гдѣ ничего нѣтъ и все нужно завоевывать, пожалуй даже хуже перваго, такъ какъ иллюзій нѣтъ. Послѣ всѣхъ ощущеній грандіозности оказаться просто въ сумасшедшемъ домѣ, и вмѣсто комнаты великихъ страдальцевъ за идею просто въ комнатѣ для буйныхъ больныхъ! Да, это моментъ опасный въ жизни психически-больныхъ. Сознаніе того, что ты долженъ со всякимъ здоровымъ человѣкомъ, шагъ за шагомъ, отвоевать себѣ взглядъ на тебя, какъ на уже здороваго человѣка, подхватывать подозрительный взглядъ посторонняго,—на это нужна выдержка, философскій взглядъ и си-

ла къ отпору. Чудачества, разнузданный языкъ, оригинальность, неумѣнье управлять своими задерживательными центрами, часто допускаются и въ міру, въ гостиной, но тамъ, гдѣ я находилась, нѣтъ; — за той стѣной ты предметъ наблюденій! Если ты грустенъ, находятъ, что ты нездоровъ, ибо меланхоличень; весель, — находятъ неестественнымъ, ибо въ твоёмъ положеніи быть веселымъ немыслимо. Когда озлобишься и замолчишь отъ усталости сидѣть въ клѣткѣ, или когда кто съ сангвиническимъ характеромъ станетъ драться, — рѣшатъ, что тебѣ опять хуже, и „мочало, мочало, опять сначала“. Опять приходится отвоевывать свое выздоровленіе. Когда, по выходѣ изъ клиники, мы съ мамой пришли благодарить священника церкви Бориса и Глѣба, то и онъ всматривался въ меня пытливо. Я, слава Богу, всё эти тонкости поняла и, послѣ горечи перваго сознанія, стала смѣло глядѣть въ глаза неказистой дѣйствительности.

Не надо забывать, что я была въ первокласной клиникѣ съ гуманнѣйшими докторами, людьми заслуживающими названіе человѣка, въ полномъ смыслѣ этого слова. Они, такъ сказать, шли впереди меня, чутко слѣдя за колебаніями моего разсудка. Что же тамъ, гдѣ доктора вмѣсто психіатровъ заслуживаютъ больше названія мясорѣзовъ и душерѣзовъ? Что же тамъ, гдѣ не чуткіе люди, а карьеристы, манекены, чиновники? Кромѣ того, нужно взять во вниманіе, что изъ той юдоли печали, гдѣ больше всего людей униженныхъ и оскорбленныхъ и въ матеріальномъ отношеніи, выздоровѣвшіе большею частію должны по выходѣ тотчасъ зарабатывать себѣ хлѣбъ. Разбитые, полные воспоминаній своихъ страшныхъ грезъ, со страхомъ заболѣть опять, робкіе отъ долгаго опеканія, они должны сразу вступить на самостоятельный, трудовой путь. И нѣтъ у насъ въ Россіи переходнаго мѣста, въ родѣ колоніи, гдѣ можно было бы уже жить человѣкомъ, но безъ всей тяжести жизни изъ-за куска хлѣба. Тамъ легко было бы окрѣпнуть. Иначе положеніе ужасное. Да и кто возьметъ, зная, что оттуда? Большею

частью этимъ лицамъ негдѣ преклонить голову. Понятно, что докторъ-психіатръ долженъ быть прежде всего добрымъ, гуманнымъ человѣкомъ. Здѣсь-то я особенно и оцѣнила въ клиникѣ нѣкоторыхъ докторовъ, дѣйствительно до трогательности великихъ и безконечно-глубоко добрыхъ. Скромности при этомъ въ этихъ людяхъ нѣтъ конца: у нихъ дѣйствительно правая рука не знаетъ, что дѣлаетъ лѣвая.

Третья ступень моего выздоровленія была скука съ добродушными, милыми сидѣлками и ихъ будничными интересами. Потянуло!.. Затосковала по интеллигентному міру, по мысли, по книгѣ. Меня скоро перевели на верхъ къ нервнымъ больнымъ и тамъ я съ жаромъ принялась возиться со всѣми больными, изучать, спрашивать ихъ, отвоевывать ихъ отъ ихъ брезовъ и галлюцинацій, и меня это очень заняло. Хорошая клиника и мудрый у нея администраторъ! Что именно нравится мнѣ въ ней, это—то, что основой ея служить идея равенства и братства: графиня, княжна, купчиха, крестьянка—всѣ въ одинаковомъ положеніи, разницы не дѣлается. Въ каждой личности прежде всего уважается человѣкъ. Сидѣлки тоже совершенно равны со всѣми; причиной тому служить то, что администрація больницы не позволяетъ бывшимъ больнымъ давать на чай прислугѣ въ руки, и все, что хочешь дать, отдается въ контору и къ Рождеству вся эта сумма поровну раздѣляется между служителями и сидѣлками. Много узнала я въ клиникѣ хорошихъ людей и заглянула во многіе трудовые уголки человѣческихъ жизней. Я считаю, что мое пребываніе тамъ было для того, чтобы понять, что такое „настоящая юдоль печали“. Прежде, когда я горевала, въ острую минуту, я жизнь такъ называла. Нѣтъ, теперь я другого мнѣнія: у насъ свобода, у насъ сила для работы и цѣль. Святое дѣло... А тамъ томятся несчастные, воистину призраки, то подымаясь въ величій, то падая до самага низменнаго человѣческаго состоянія. Ужасное положеніе! Правда говорится: кого Богъ хочетъ наказать, отыметъ разумъ. Мнѣ эта пытка и выне-

сенныя страданія даютъ большую силу для борьбы за правду и за несчастныхъ ближнихъ въ особенности.—Нѣтъ, живѣ еще человѣкъ! И я живу и дѣйствую по мѣрѣ силъ, постоянно вспоминая слова незабвеннаго Кавелина:

„Тоги жизнь въ дѣятельности, — не задумывайся надъ личными вопросами..... А то сердце лопнетъ.... Когда умрешь, останутся для людей мысли, дѣла, труды,—то, что человѣкъ произвелъ умственного, сердечнаго и нравственнаго для другихъ.....

„Этимъ его будутъ поминать, а если и забудется имя, то дѣло останется для другихъ, хотя бы и забылось, отъ кого оно пошло..“

(На этомъ кончаются записки).

Всякія дополненія, комментаріи и собственныя выводы я считаю излишними, такъ какъ „Исповѣдь“ въ своихъ выводахъ заключаетъ въ себѣ все, что я самъ могъ бы и хотѣлъ сказать; но съ моей стороны это были бы только *разсужденія*, а въ „Исповѣди“ мы имѣемъ *факты и оригиналь*.

Ө. А. Свѣчинъ.

Психологическія воззрѣнія Теодора Мейнерта.

Въ маѣ 1892 года, на 58-мъ году своей жизни, скончался профессоръ Вѣнскаго университета Теодоръ Мейнертъ—одинъ изъ наиболѣе выдающихся анатомовъ и психіатровъ нынѣшняго столѣтія,—первый между первыми, какъ его называетъ берлинскій профессоръ Jolly. Теодоръ Мейнертъ не былъ узкимъ специалистомъ, всецѣло замкнувшимся въ тѣсный кругъ лабораторіи и клиники,—наоборотъ, онъ обладалъ широкимъ научнымъ и художественнымъ образованіемъ. Его отецъ, еще нынѣ живущій, Негmann Meupert—извѣстный историкъ и беллетристъ—и его мать—богато одаренная пѣвица—конечно, остались не безъ вліянія въ томъ, что Теодоръ Мейнертъ былъ глубокимъ знатокомъ литературы и философіи, и свой декламаторскій талантъ проявлялъ не только на своихъ въ изящной формѣ излагаемыхъ лекціяхъ, но еще болѣе при передачѣ чаровавшихъ его твореній Шекспира. Существуютъ даже многочисленныя стихотворенія Мейнерта, изъ которыхъ нѣкоторыя появились нѣсколько лѣтъ назадъ въ печати. По отзыву читавшихъ ихъ, они отличаются красотой формы, образностью языка и глубиной мысли.

Эти занятія представляли лишь отдыхъ отъ той главной дѣятельности, которой была посвящена вся жизнь Мейнерта,—отъ изученія строенія мозга какъ человѣка, такъ и животныхъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что едва ли существуетъ какой-либо отдѣлъ головного мозга, знакомство

съ которымъ не было бы обогащено изслѣдованіями и открытіями Мейнерта. На основаніи своихъ чисто анатомическихъ изысканій онъ иногда предугадывалъ тѣ капитальные выводы относительно функцій того или другого отдѣла мозга, которыя впослѣдствіи блестящимъ образомъ подтверждались результатами физиологическихъ экспериментовъ. Достаточно указать хотя бы на тотъ его выводъ, что различные отдѣлы мозговой коры должны функціонировать неодинаково, и въ частности, что нѣкоторые изъ этихъ отдѣловъ должны носить по преимуществу двигательный характеръ,—выводъ, такъ блестяще подтвержденный позднѣйшимъ ученіемъ физиологовъ о локалізаціяхъ въ головномъ мозгу.

Мейнерта однако интересовали не тѣ или другія анатомическія частности и подробности; главною притягательною силой всѣхъ его изслѣдованій, главною ихъ цѣлью было выяснитъ по возможности *общій* планъ строенія всего мозга, и какъ конечная цѣль—хоть нѣсколько приблизиться къ пониманію той вѣчной загадки, которую представляетъ наша душевная дѣятельность.

Общія психологическія построенія Мейнерта уже выходятъ за предѣлы точнаго наблюденія и опыта и носятъ, какъ это вполнѣ понятно, довольно ясно выраженный метафизическій оттѣнокъ. И тѣмъ болѣе странно, что его ученіе, которому во всякомъ случаѣ нельзя отказать въ оригинальности, такъ мало извѣстно психологамъ и философамъ. Отчасти это объясняется однимъ, можетъ-быть преобладающимъ надъ всѣми его остальными достоинствами — качествомъ,—его необыкновенною скромностью и сомнѣніемъ въ цѣнности своихъ изслѣдованій и обобщеній. Извѣстно, что его „Психіатрія“ была написана десятью годами раньше, чѣмъ была напечатана. Много разъ онъ ее пересматривалъ, исправлялъ, высказывалъ сомнѣнія въ ея достоинствахъ и даже хотѣлъ ее уничтожить. Въ силу этого, присущаго ему, качества Мейнертъ не стремился къ популяризаціи своихъ взглядовъ. Свои выводы и обобщенія онъ въ большинствѣ случаевъ представлялъ на судъ спеціальныхъ обществъ и

сѣздовъ—врачей, антропологовъ, натуралистовъ, и если печаталъ, то обыкновенно въ спеціальныхъ журналахъ. Въ наиболѣе полномъ и разработанномъ видѣ его ученіе изложено въ его «Psychiatrie» — спеціальному руководствѣ, назначенномъ для медиковъ.

Главная же причина малаго знакомства философовъ съ взглядами Мейнерта коренится въ другомъ обстоятельствѣ. Въ изложеніи Мейнерта его общія воззрѣнія такъ тѣсно переплетаются съ анатомическими и физиологическими данными, исходною точкою для нихъ являются нерѣдко такія спеціальныя, мелкія подробности, что они трудно усваиваются даже лицами спеціально къ тому подготовленными. Не имѣя возможности совсѣмъ миновать анатомическихъ и физиологическихъ данныхъ, я буду однако касаться ихъ въ самой элементарной формѣ и только при крайней необходимости. Вмѣстѣ съ тѣмъ я, по мѣрѣ возможности, буду пользоваться собственными выраженіями Мейнерта, хотя долженъ отмѣтить, что его языкъ, нерѣдко блестящій и картинный, мѣстами все-таки туманенъ и мало понятенъ.

I.

Вещество головного мозга состоитъ, съ одной стороны, изъ проводниковъ, волоконъ (такъ наз. бѣлаго вещества) и изъ нервныхъ клѣтокъ (т. н. сѣраго вещества). Сѣрое вещество покрываетъ собою со всѣхъ сторонъ мозговья полушарія въ видѣ довольно тонкаго слоя или коры, откуда оно и получило свое названіе мозговой коры, cortex. Но скопленія сѣраго вещества образуютъ—помимо коры—еще отдѣльные узлы, расположенные на основаніи мозга, это т. н. «узлы основанія», или, какъ ихъ называетъ Мейнертъ, подкорковые, субкортикальные центры.

Первая и существенная особенность ученія Мейнерта заключается въ установленіи не только рѣзкаго различія, но даже антагонизма между функціей субкортикальныхъ центровъ и функціей коры, при чемъ корою Мейнертъ называетъ, для большей простоты, весь отдѣлъ мозга, лежа-

щій кпереди отъ субкортикальныхъ центровъ (кпереди, по крайней мѣрѣ, въ періодѣ эмбриональнаго развитія), весь передній мозгъ, т.-е. не одно только сѣрое вещество, но и нервныя волокна, которыя составляютъ лишь продолженіе клѣтокъ коры и, слѣдовательно, могутъ разсматриваться какъ составная часть кортикальнаго органа (а также хвостатое и чечевичное тѣла, такъ какъ условія ихъ дѣятельности идутъ параллельно съ возбужденіемъ коры). Анатомическое изученіе приводитъ Мейнерта къ тому крайне важному заключенію, что *въ субкортикальныхъ центрахъ образуются всѣ наши чувственныя воспріятія (Sinneswahrnemungen); вмѣстѣ съ тѣмъ эти центры служатъ первичнымъ исходнымъ пунктомъ для всѣхъ нашихъ самыхъ сложныхъ движеній.* Эти выводы анатома блестящимъ образомъ подтверждаются экспериментами надъ животными и наблюденіями надъ человѣкомъ. Фактовъ въ этой области такъ много, что здѣсь можетъ быть приведена лишь ничтожная часть ихъ. Животное, лишенное мозговыхъ полушарій, но обладающее еще субкортикальными центрами, не теряетъ собственно, за крайне малыми исключеніями, ни одной функціональной способности. Лишенная полушарій животныя обходятъ поставленныя передъ ними препятствія,—птицы, подброшенныя на воздухъ, держатся такимъ образомъ, какъ будто онѣ въ состояніи своимъ взглядомъ измѣрить разстояніе и направленіе того мѣста, куда онѣ возвращаются,—животныя пролѣзаютъ черезъ отверстіе въ поставленной передъ ними преградѣ; они поворачиваютъ глаза въ сторону, откуда раздается звукъ. Лягушка, лишенная передняго мозга и посаженная на ладонь, при поворачиваніи послѣдней книзу, шагъ за шагомъ, мѣняетъ свое положеніе и переходитъ на тыльную сторону руки. Все это факты, указывающіе, что въ узлахъ основанія мозга мы имѣемъ субкортикальные чувствующие центры, которые, получая чувственныя впечатлѣнія черезъ посредство сѣтчатки глаза, кожи или уха, регулируютъ всевозможныя дѣйствія наиболѣе высшаго порядка. Все это факты, подтверждающіе положеніе Eckhardt'a: «всѣ

наблюденія дѣлають вѣроятнымъ, что въ зрительныхъ буграхъ зрительныя воспріятія достигаютъ извѣстной степени совершенства».

Приведенныя наблюденія принадлежатъ къ числу довольно старыхъ опытовъ, которые всѣ меркнутъ передъ недавними экспериментами страдбургскаго профессора Goltz'a. Ему удалось воспитать собаку, которая, будучи лишена передняго мозга, отличалась отъ обыкновенныхъ собакъ почти исключительно довольно, правда, рѣзкимъ пониженіемъ всѣхъ умственныхъ отправленій, а также нравственныхъ качествъ. Но если въ субкортикальныхъ центрахъ мы имѣемъ такой сложный и совершенный механизмъ, дѣятельность котораго носить въ себѣ столько психическаго, что, по замѣчанію Goltz'a, не можетъ быть признана рефлекторною, а скорѣе должна быть названа „обладающею способностію къ приспособленію (Anpassungsvermögen)“, то спрашивается, что же остается на долю передняго мозга, т.-е. на долю мозговой коры съ ея бѣлыми волокнами?

Безъ преувеличенія можно отвѣтить: *все*, по крайней мѣрѣ все то, чѣмъ мы гордимся и дорожимъ, вся наша душевная дѣятельность, благодаря которой мы воспринимаемъ образъ внѣшняго міра и въ свою очередь воздѣйствуемъ на него.

Прежде чѣмъ перейти къ выясненію отношеній того механизма, устройствомъ и дѣятельностью котораго объясняются душевныя явленія, необходимо указать, что господствующія воззрѣнія то преувеличиваютъ объемъ этой дѣятельности, то, наоборотъ, цѣнятъ его ниже дѣйствительности*). «Мозговая дѣятельность цѣнится ниже дѣйствительности, говоритъ Мейнертъ, тѣмъ реализмомъ, который наивно полагаетъ, что образы вещей въ головномъ мозгу даютъ всю сущность міра и что воспріемлюшій образы мозгъ есть простое зеркало.

«Это воззрѣніе далеко не можетъ сравниться глубиною

---

*) Механика душ. дѣят. Пер. В. Кандинскаго. Москва 1880 г.

съ положеніемъ Демокрита, — положеніемъ, высказаннымъ болѣе двухъ тысячъ лѣтъ тому назадъ: «всякая качественная опредѣленность вещей есть только явленіе, т.-е. продуктъ нашихъ чувствъ; знаніе, полученное изъ чувственного воспріятія, не есть знаніе полное; истинное знаніе получается только путемъ мышленія».

«Преувеличивается мозговая дѣятельность тѣми ходячими возрѣвїями, въ которыхъ матеріаломъ душевной жизни являются не образы воспоминанія, оставшіеся послѣ воспріятій, но какъ бы квинтъ-эссенція этихъ образовъ въ видѣ отвлеченныхъ схемъ или понятій, образующихся и сохраняющихся въ головномъ мозгу.

«Понятіе всегда обозначаетъ вещь невозможную въ представленіи; понятіе не принадлежитъ къ области представленія, но существуетъ, какъ слово, лишь въ языкѣ. Слово же употребляется какъ сокращеніе, или символъ (подобно алгебраическимъ знакамъ) для обозначенія мыслительныхъ актовъ, которые были бы невыполнимы, еслибы въ мышленіе вводились всѣ частности и различія вещей.

«Если понятіе о треугольникѣ требуетъ, чтобы треугольникъ не былъ ни однимъ изъ частныхъ случаевъ этой фигуры, чтобъ онъ не имѣлъ ни опредѣленной величины сторонъ, ни опредѣленныхъ угловъ, не былъ бы ни равностороннимъ, ни разностороннимъ, то, по примѣру епископа Берклея, можно спросить,—когда же собственно происходитъ въ душѣ образованіе понятій? Совершается ли оно во взросломъ человѣкѣ, хотя мы и не замѣчаемъ въ себѣ этого процесса, или отвлеченіе понятій происходитъ въ ребенкѣ въ то время, когда онъ играетъ въ мячикъ и куклы? Нѣчто, соотвѣтствующее понятіямъ, обыкновенно соединяется съ бѣдностью представленія и съ тупостью перцепціи».

«Ребенокъ, съ одинаковымъ рвеніемъ старающійся задуть свѣчку и луну, повидимому, больше придерживается понятія о свѣтящемся тѣлѣ, чѣмъ взрослый человѣкъ, а тѣмъ не менѣе вовсе не замѣтно, чтобы мышленіе у ребенка было

совершеннѣе, чѣмъ у взрослога. Образы, отпечатлѣвшіеся въ мозгу при чувственныхъ воспріятіяхъ, остаются въ немъ, не подвергаясь дальнѣйшимъ измѣненіямъ: это видно, когда содержаніе нашего мозга, такъ сказать, произвольно выливается передъ нами, какъ при галлюцинированіи чувственными предметами.

«Еще большее преувеличеніе мозговой дѣятельности, продолжаетъ Мейнертъ, представляется въ томъ возрѣніи, которое приписываетъ мозгу способность сообщать произвольные импульсы мышленію и тѣлесному движенію. По мѣткому выраженію Фехнера, это значило бы, что *духъ въ состояніи самъ изъ себя увеличивать живую силу во вселенной*, т.-е. увеличивать ее безъ того, чтобы въ тѣлѣ или гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ сила терялась въ соотвѣтственной мѣрѣ. Въ такомъ случаѣ мозгъ дѣйствовалъ бы въ разрѣзъ съ главнымъ міровымъ закономъ, *закономъ сохраненія силы*, по которому существующая сумма энергіи неизмѣнна, хотя сила и можетъ переходить изъ одной формы воспріемлемости въ другую, какъ наприм. движеніе переходитъ въ теплоту.

«Фехнеръ видитъ и въ душевныхъ явленіяхъ непосредственное дѣйствіе закона сохраненія силъ. Наприм. рука, поднятая для работы, опускается, если одновременно начнется рядъ мыслей; очевидно, сила, прежде удерживавшая въ извѣстномъ положеніи руку, теперь идетъ на дѣятельность мысли; въ одной области живая сила исчезаетъ, въ другой—появляется.

«Что мозгъ долженъ подчиняться закону причинности,—слѣдуетъ уже изъ того, что мозгъ можетъ быть представленъ состоящимъ изъ атомовъ, въ понятіи же объ атомахъ и ихъ дѣятельности необходимо предполагается законъ причинности.

«Атомистическое возрѣніе Демокрита и позже—Эпикура, основанное на понятіи о законосообразности всѣхъ явленій, было для древнихъ полно утѣшительности. Оно служило какъ бы гарантіей противъ произвола античныхъ боговъ, предохраненіемъ отъ омрачающаго жизнь суевѣрія, какъ

прекрасно выразился Гомперцъ въ своихъ «Садахъ Эпикура», цитируя Лукреція:

Греческій мужъ возстаетъ передъ нами; онъ первый изъ
смертныхъ

Робкихъ людей ободрилъ и навѣки разсѣялъ ихъ страхи;
.... мощной рукою онъ сдвинулъ затворы,—

Двери природы раскрылись впервые передъ невѣдѣньемъ
нашимъ.

.... возможное отъ невозможнаго ясно тогда отдѣлилось.

Вещи предѣлы для нашего ока открытыми стали;

Связность причинная міра закономъ съ тѣхъ поръ при-
знается.

«Изученіе дѣятельности головного мозга показываетъ, что общая картина міра не просто воспринимается мозгомъ, но прямо создается имъ. Этотъ взглядъ не принадлежитъ исключительно философамъ Кантовской школы, но раздѣляется также и знаменитѣйшими изъ современныхъ естествоиспытателей; такъ онъ выводится Гельмгольцемъ изъ анализа чувственного воспріятія, Рокитанскимъ—изъ началъ естественнаго научнаго мировоззрѣнія».

Говоря о *созданіи* мозгомъ картины міра, Мейнертъ, конечно, безконечно далекъ отъ признанія за мозгомъ какой-либо особой творческой силы. Оставаясь естествоиспытателемъ, онъ совершенно не касается послѣднихъ причинъ, сущности вещей. Признавая, съ одной стороны, существованіе внѣшняго міра, а съ другой—существованіе мозга съ его сложнымъ устройствомъ, и не входя въ обсужденіе чисто-метафизической задачи, дѣйствительно ли то и другое существуетъ, онъ указываетъ лишь, что при данномъ строеніи мозга наши познанія о внѣшнемъ мірѣ могутъ быть лишь условными, основанными на умозаключеніяхъ, т.-е. могутъ далеко не соотвѣтствовать дѣйствительности.

По словамъ Платона, боги создали головной мозгъ по образцу вселенной, придавъ ему самую совершенную форму—шара. Дѣйствительно, главная часть мозгового механизма

состоить изъ двухъ полушарій, прилежащихъ къ обѣимъ половинамъ свода черепа.

Сѣрая кора каждаго полушарія представляетъ часть шарообразной поверхности, открытой снизу. Она состоитъ изъ живыхъ и способныхъ къ сознанию элементовъ, болшею частію находящихся по своему размѣру немного ниже той границы, на которой они могли бы быть видны простымъ глазомъ. Бѣлое мозговое вещество, выполняющее внутреннія части обоихъ полушарій, состоитъ изъ нервныхъ волоконъ, т.-е. изъ продолженій отростковъ мозговыхъ клѣтокъ. Часть этихъ волоконъ представляютъ *чувствующие нервы*—это какъ бы щупальцы сознающихъ существъ, называемыхъ мозговыми клѣтками. Чувственные раздраженія, т.-е. силы, исходящія въ пространствѣ отъ атомовъ, воспринимаются этими щупальцами и, проэцируясь въ сознаниі, даютъ образъ внѣшняго міра. Силы, проявляемыя атомами, превращаются въ мозгу въ явленія тяжести, свѣта, звука, запаха. Мозговія клѣтки простирають отъ себя къ внѣшнему міру не только щупальцы, т.-е. чувствующие нервы, но также и другія волокна, служащія для реакціи на внѣшнія воздѣйствія, именно, волокна двигательныхъ нервовъ, связанныхъ съ органами движенія—мышцами. Эти волокна, въ противоположность щупальцамъ, можно назвать хватательными органами, посредствомъ которыхъ нашъ мозгъ овладѣваетъ вещами. Благодаря этой *проэкціонной системѣ* волоконъ, нашъ передній мозгъ, съ одной стороны, воспринимаетъ образъ внѣшняго міра, съ другой—въ состояніи воздѣйствовать на него. Не забудемъ, что ходъ чувствующихъ нервовъ на своемъ пути къ корѣ головного мозга прерывается вышеупомянутыми сѣрыми узлами основанія или субкортикальными центрами. Таково въ общихъ чертахъ устройство мозгового механизма.

Взаимное отношеніе между дѣятельностью коры и подкорковыхъ центровъ—по Мейнертовской теоріи—выражается въ слѣдующемъ.

Всѣ наши чувственные воспріятія образуются въ субкортикаль-

ныхъ центрахъ, которые поэтому Hagen и называетъ чувственнымъ мозгомъ. Сама мозговая кора глуха, слѣпа, нечувствительна: всѣ извѣстія изъ внѣшняго міра достигаютъ до нея лишь черезъ посредство чувственного мозга, который продолжаетъ ощущать и послѣ удаленія коры. Послѣдняя лишь внимаетъ вѣстнику и вѣритъ даже фальшивымъ извѣстіямъ, какъ, наприм., галлюцинаціямъ. *Въ дѣятельности самой мозговой коры, въ ея созданіяхъ—нѣтъ и тѣни чувственной (sin-nlich) окраски.* Весь ея функціональный матеріалъ состоитъ изъ однихъ образовъ воспоминаній (Erinnerungsbilder), лишенныхъ малѣйшей примѣси тѣлеснаго, чувственного, и которые поэтому правильнѣе было бы называть знаками, или символами воспоминаній (Erinnerungszeichen). Образъ воспоминанія самаго ослѣпительнаго солнечнаго свѣта не сопровождается и билліонною частью силы того свѣтового ощущенія, которое мы получаемъ отъ свѣтящагося жучка, кортикальныя воспоминанія сильнѣйшаго взрыва или громоваго удара не равнозначуци и билліонной части интенсивности звуковаго воспріятія, получаемаго при паденіи волоса въ воду. Корковые образы воспоминаній лишены всякой чувственной окраски и могутъ быть обозначены, какъ чисто-мыслительныя, душевныя явленія, ибо какое слово можетъ лучше выражать явленія, лишенныя всякаго чувственного отпечатка, чѣмъ слово «душевный» (geistig)?

Знаменитый Johann Müller принималъ, что различныя части мозга обладаютъ заранѣе предустановленными различными специфическими энергіями. Эта гипотеза совершенно излишня. Мозговая клѣтка обладаетъ только одною функціональною энергіей, очень простою, хотя ея принципъ и совершенно неизвѣстенъ намъ, т.-е. не болѣе извѣстенъ, чѣмъ всѣ другія фізіологическія силы, именно, *способностью ощущенія (Empfindungsfähigkeit)*. Разнообразіе же дѣйствительныхъ ощущеній обусловливается вліяніемъ въ такой же степени неизвѣстныхъ для насъ проявленій силъ (Kraftentwicklungen) внѣшняго міра, которыя мы можемъ считать очень разнообразными. Разнообразіе дѣйствительныхъ ощу-

щений несомнѣнно находится въ тѣсной зависимости и отъ анатомическаго строенія, но не самаго мозга, а его концевыхъ воспринимающихъ органовъ чувствъ, т.-е. глаза, уха, кожи и т. д. Разнообразіе ощущеній вполне совпадаетъ съ разнообразіемъ этихъ концевыхъ придатковъ мозга, *единственная же специфическая энергія мозговыхъ клетокъ есть способность ощущенія.*

Строеніе коры въ различныхъ ея территоріяхъ далеко не одинаково и уже на основаніи этого можно предположить, что между различными областями коры головного мозга должно существовать раздѣленіе труда. И дѣйствительно, прочно установленныя данныя не только анатоміи, но и экспериментальной физиологіи съ несомнѣнностью доказываютъ, что различныя области мозговой коры обладаютъ и различными функціями. Въмѣстѣ съ тѣмъ эти же данныя опять съ несомнѣнностью доказываютъ, что неодинаковое развитіе тѣхъ или иныхъ психическихъ отправленій находится въ прямой зависимости отъ различія въ степени развитія тѣхъ или иныхъ частей передняго мозга. Уже одни анатомическія данныя разрѣшаютъ вопросъ о локализациі функцій мозговой коры въ утвердительномъ смыслѣ. Опыты физиологовъ, хотя и далеко несогласныхъ между собою въ своихъ конечныхъ выводахъ, въ общемъ однако подтверждаютъ данныя, установленныя анатоміей.

Вопросъ о мозговыхъ локализацияхъ былъ выдвинутъ въ 70-мъ году изслѣдованіями Fritsch'a и Hitzig'a и затѣмъ Nothnagel'я, доказавшихъ, что раздраженіе извѣстныхъ областей поверхности головного мозга вызываетъ строго опредѣленныя движенія на противоположной сторонѣ тѣла. Дальнѣйшія изслѣдованія показали, что, наоборотъ, удаленіе, вырѣзываніе тѣхъ же участковъ мозговой коры (раздраженіе которыхъ вызываетъ движеніе) ведетъ за собою потерю движенія, параличъ. Эти стоящіе внѣ всякаго сомнѣнія факты и заставили признать, что извѣстныя области мозговой коры представляютъ собою центры, завѣдующіе движеніями, т. назыв. психомоторные центры. Дальнѣйшія наблюденія пока-

зали, что помимо двигательныхъ центровъ мозговая кора снабжена также и центрами чувствующими, притомъ для всѣхъ органовъ чувствъ. Такъ, при вырѣзываніи извѣстнаго участка затылочной доли у животнаго наступаютъ явленія, которыя Munk назвалъ «душевною слѣпотою». «Собака при этомъ не ищетъ болѣе пищи въ тѣхъ мѣстахъ комнаты, гдѣ она привыкла находить ее прежде. Если поставить передъ нею чашку съ пищею и сосудъ съ водою, то она проходитъ мимо, какъ бы не замѣчая ихъ. Она остается неподвижною, хотя бы пища находилась передъ самыми ея глазами до тѣхъ поръ, пока она ее не понюхааетъ. Она не мигаетъ, если подносить къ ея глазамъ палецъ или огонь; видъ плети, которая прежде заставляла ее прятаться въ уголъ, не оказываетъ теперь ни малѣйшаго вліянія. Прежде она подавала свою лапу, если передъ нею протягивали руку, теперь можно сколько угодно проводить рукою передъ ея глазами, она остается недвижимою и подаетъ лапу только при соответствующемъ восклицаніи: «лапу» и т. д.».

Вырѣзываніе другой области въ височной долѣ вызываетъ явленія, которыя Munk назвалъ душевною глухотой; онъ описываетъ ихъ слѣдующимъ образомъ: «Собака еще слышитъ, и при всякомъ необычномъ шумѣ наостряетъ уши, но она не понимаетъ того, что слышитъ. Значеніе «псть, сюда, вонъ, хорошо, лапу» и другихъ привычныхъ для нея раньше восклицаній оказывается вполне потеряннымъ, и она не отвѣчаетъ теперь на эти возгласы тѣми движеніями, которыя прежде она выполняла совершенно машинально».

Какъ при слѣпотѣ, такъ и при глухотѣ,—если вырѣзанный участокъ не особенно великъ, собака черезъ нѣсколько времени (4—5 недѣль послѣ операціи) снова выучивается видѣть или слышать, какъ и прежде. Если же удалить болѣе шую область, то способность зрѣнія или слуха уже болѣе не восстанавливается.

Аналогичныя явленія указаны для чувства осязанія, мышечнаго чувства и т. д., явленія, точно также говорящія въ

пользу строго опредѣленной локализациі различныхъ чувствующихъ центровъ въ корѣ головного мозга. Но, повидимому, въ полномъ противорѣчій съ этими фактами стоятъ опыты Goltz'a, — опыты, не допускающіе и тѣни сомнѣнія относительно ихъ точности и правильности. Goltz давно уже возражалъ противъ теоріи локализациі и представилъ много болѣе или менѣе убѣдительныхъ доводовъ, подтверждающихъ его взгляды и доказывающихъ, что тѣ функции, которыя приписываются различнымъ центрамъ полушарій, сохраняются и по удаленіи этихъ центровъ. Наиболѣе важное значеніе имѣетъ его послѣдній опытъ, который онъ самъ считаетъ рѣшающимъ и о которомъ я уже упоминалъ. Goltz'у удалось въ теченіе полутора года сохранить въ живыхъ собаку, у которой былъ удаленъ весь большой мозгъ, а отчасти захвачены и зрительные бугры, т.-е. уже подкорковые центры. Это пока единственная изъ существовавшихъ когда-либо собакъ: обыкновенно такую операцію собаки не переносятъ и очень скоро погибаютъ. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ приходилось прибѣгать къ искусственному кормленію, такъ какъ первое время она не умѣла глотать, легко могла поперхнуться и такимъ образомъ умереть или отъ истощенія, или отъ пневмоніи. Но съ теченіемъ времени собака стала сама ѣсть—фактъ, способный вызвать не малое удивленіе. Оставаясь долго безъ корма, она начинала беспокоиться, возилась въ клѣткѣ, высовывала языкъ, иногда облизывалась и дѣлала такія движенія, какъ бы жевала; когда ей подставляли тарелку съ молокомъ, она начинала хлѣбать; кусокъ мяса тоже немедленно пережевывался и проглатывался, и если куски были достаточно велики, она пережевывала ихъ по частямъ, удерживая остальное между губами. По мѣрѣ насыщенія, она ѣла съ меньшею жадностью и затѣмъ совсѣмъ переставала ѣсть; ни разу не удалось заставить ее съѣсть что-либо неудобоваримое. Послѣ ѣды она укладывалась спать, причемъ ея сонъ не сопровождался никакими видимыми признаками сновидѣній, которыя нерѣдки у нормальныхъ собакъ. Ее можно

было разбудить, хотя и труднѣе, чѣмъ обыкновенную собаку, слуховыми, осязательными и болевыми раздраженіями. Вообще на большую часть раздраженій она отвѣчала ворчаньемъ, а всякій разъ, когда ее брали изъ клѣтки, она громко лаяла и кусалась нисколько не хуже всякой другой собаки. Мышечное чувство—въ широкомъ смыслѣ—было вполне сохранено: неловкія положенія различныхъ частей тѣла, которыя ей придавались искусственно, немедленно ею исправлялись, нерѣдко съ проявленіями гнѣва и неудовольствія. Она хорошо сохраняла равновѣсіе, даже когда, при существованіи раны на одной ногѣ, она пользовалась добровольно только тремя ногами. Обоняніе ея не могло сохраниться, такъ какъ были удалены всѣ связанная съ нимъ области мозга. Зрѣніе также, по анатомическимъ условіямъ самой операціи, должно было пострадать, но она не была совершенно слѣпа: она даже закрывала глаза и отворачивалась при внезапномъ яркомъ освѣщеніи. Вкусъ, напротивъ, былъ вполне сохраненъ и она была очень разборчива по отношенію къ пищѣ: вкусную она проглатывала съ особенною жадностью, тогда какъ кусокъ мяса, смоченный въ растворѣ хинина, она сейчасъ же выплевывала и дѣлала неодобрительную гримасу. Осязаніе и слухъ были также вполне сохранены.

У нея оставался цѣлый рядъ сложныхъ рефлексовъ: прикосновеніе къ ея спинѣ заставляло ее встряхиваться всѣмъ тѣломъ, какъ послѣ купанья. Если ей почесывали какой-либо бокъ, то задняя лапа той же стороны поднималась и продѣлывала въ воздухѣ движенія, какъ при чесаніи. Но не было недостатка и въ самостоятельныхъ движеніяхъ. Она двигалась даже больше, чѣмъ обыкновенная собака; почти постоянно ходила въ своей клѣткѣ, большею частью въ одномъ и томъ же направленіи, но иногда мѣняла его безъ какой-либо видимой причины. Но, конечно, отъ «собаки безъ большого мозга» было бы странно требовать большого ума, и недостатокъ его сказывался во многомъ. Такъ, по отношенію къ движеніямъ можно было отмѣтить отсутствіе ме-

тодики, по выраженію Goltz'a, или отсутствіе выбора наиболѣе цѣлесообразныхъ движеній. Напр. при ѣдѣ она никогда не помогала себѣ передними лапами. Когда она была мокрою, она не догадывалась, какъ ей осушиться: не отыскивала болѣе теплаго мѣста, не облизывала себя, какъ это дѣлають другія собаки, хотя въ другое время она лизала себя безъ всякаго видимаго повода. Ея большая глупость, отсутствіе пониманія и памяти рѣзко выступали и въ другихъ отношеніяхъ: хотя и осязаніе, и слухъ были сохранены, она не выражала никакого, даже малѣйшаго удовольствія, когда ее гладили, и одинаково не обращала никакого вниманія ни на ласковыя слова, ни на угрозы. Она ворчала и лаяла не только, когда ее схватывали, но и всякій разъ, когда она натыкалась на какое-либо препятствіе. Благодарность была ей совершенно недоступна. Каждый день почти въ одни и тѣ же часы ее вынимали изъ клѣтки для кормленія: всякая другая собака очень скоро свыклась бы въ виду слѣдующихъ за тѣмъ жизненныхъ благъ съ причиняемымъ ей безпокойствомъ, между тѣмъ какъ собака безъ полушарій въ теченіе всего времени каждый разъ лаяла и кусала руку сторожа.

Въ общемъ итогъ, у этой собаки не было ни параличей, ни какихъ-либо разстройствъ мышечнаго чувства, и хотя всѣ «чувствующіе центры» были удалены, она несомнѣнно слышала и реагировала, по крайней мѣрѣ, на сильныя свѣтотовыя раздраженія. При этомъ надо имѣть въ виду, что собака еще болѣе походила бы на обыкновенную, еслибы помимо полушарій не пострадала и часть подкорковыхъ центровъ.

Казалось бы, что эта единственная собака или представляетъ какой-то чудесный феномень, или же она совершенно рушитъ прежніе, повидимому тоже незыблемые, факты и совершенно переворачиваетъ всѣ наши воззрѣнія. Но физиологія не особенно склоняется въ пользу чудеснаго; ей также несвойственно отвергать цѣлыя группы несомнѣнно установленныхъ данныхъ, если при ея дальнѣйшемъ разви-

тѣи встрѣчается фактъ, повидимому рѣзко имъ противорѣчащій. Всѣ опытные данныя, всѣ факты одинаково цѣнны и одинаково имѣютъ право существовать и быть признанными. Если же нами въ этихъ фактахъ усматривается рѣзкое и непримиримое противорѣчіе, то это не относится до самыхъ фактовъ, а лишь до ихъ объясненія.

И это видимое противорѣчіе вполне устраняется возрѣніями Мейнерта на дѣятельность коры полушарій. Ключевымъ элементомъ мозговой коры присуща лишь одна специфическая основная функція—способность ощущенія; при этомъ образы, отпечатлѣвающіеся въ корѣ, лишены всякаго чувственнаго оттѣнка, это лишь воспоминанія объ образахъ, ихъ отвлеченные знаки. Теорія локализаций находитъ себѣ съ этой точки зрѣнія очень простое объясненіе. Собака, пораженная душевною слѣпотою, въ сущности нисколько не слѣпа; она лишь утратила тѣ образы воспоминанія, которые были пріобрѣтены ею раньше. Возстановленіе не зрѣнія собственно, а способности узнавать то, что доставляется зрѣніемъ, у оперированной собаки зависитъ отъ того, что зрительная область мозговой коры занимаетъ гораздо большее протяженіе, чѣмъ вырѣзанное мѣсто; до операціи не вся эта область была занята зрительными образами, а лишь ея средняя часть; если вырѣзана эта послѣдняя, которая до сего времени только и функціонировала, то оставшійся цѣлымъ периферическій кругъ, хотя и связанный съ сѣтчаткой, но доселѣ не функціонировавшій, становится мѣстомъ для накопленія вновь пріобрѣтаемыхъ впечатлѣній, и собака снова выучивается видѣть. Если же удалить и этотъ периферическій кругъ, то функція коры, связанная съ образованіемъ зрительныхъ воспоминаній, исчезаетъ навсегда. Если, наоборотъ, вырѣзать только этотъ периферическій поясъ, оставивъ нетронутою среднюю концентрическую область, то это не повлечетъ за собою никакихъ послѣдствій, такъ какъ этотъ поясъ еще не былъ занятъ различными воспоминаніями. Тѣ же самыя отношенія существуютъ и для слуха. Гораздо труднѣе, повидимому, объяс-

нить расстройства движений, наступающія вслѣдъ за вырѣзываніемъ такъ наз. психомоторныхъ центровъ, которые и послужили исходнымъ пунктомъ для теоріи локализациі. Однако и здѣсь наступающее расстройство сводится къ утратѣ лишь образныхъ воспоминаній. Именно, еще въ 1869 году Мейнертъ высказалъ, что иннервационные процессы, исходящіе изъ полушарій и называемые волевыми актами, суть не что иное, какъ образныя воспоминанія иннервационныхъ ощущеній. Эти иннервационныя ощущенія, сопровождая всѣ безъ исключенія рефлекторныя движенія, доносятся до мозговой коры и служатъ первичною основой для тѣхъ уже вторичныхъ движеній, которыя возникаютъ изъ полушарій, какъ движенія сознательныя. Къ этому воззрѣнію присоединился и Munk, признающій, что для объясненія сознательныхъ двигательныхъ актовъ—«воли» психологовъ—совершенно достаточно принятія иннервационныхъ ощущеній. Поэтому, совершенно аналогично душевной слѣпотѣ или глухотѣ, при разрушеніи психомоторныхъ центровъ развивается не настоящій параличъ, а *душевнѣй* параличъ, который можетъ исчезнуть, если разрушена не очень большая область, или останется неизлѣчимымъ, если уничтожена вся территорія;—при этомъ утрачиваются лишь образныя воспоминанія, которыя пріобрѣтены были раньше. На первомъ планѣ и здѣсь является утрата пониманія, утрата разума, который, какъ замѣчаетъ Munk, локализуется во всей вообще корѣ головного мозга и нигдѣ въ особенности. Соответственно этому и Goltz у своей собаки на первомъ планѣ ставитъ отсутствіе всякихъ проявленій интеллекта, отсутствіе пониманія и памяти. И въ этомъ отношеніи всѣ физиологи согласны въ томъ, что интеллектъ животнаго исчезнетъ вслѣдъ за удаленіемъ передняго мозга. Такъ было уже давно извѣстно, наприм., что животныя и послѣ удаленія полушарій обнаруживаютъ при глотаніи коллоквинта всѣ тѣ проявленія неудовольствія, которыя обусловливаются его дурнымъ и горькимъ вкусомъ. Позднѣе Schiff обратилъ вниманіе, что у оперированной кошки можно повторять безконечно сма-

званіе языка такими веществами, которыя для нея крайне непріятны, безъ того, чтобы она принимала какія-либо мѣры для своей охраны. Нѣтъ недостатка въ чувственномъ воспріятіи, но вполнѣ отсутствуютъ воспоминанія о перенесенной боли, о готовящихся приготовленіяхъ, о такъ называемыхъ «волевыхъ» движеніяхъ, которыя помогли бы ей удариться въ бѣгство.

Такимъ образомъ главное разстройство, наблюдаемое у животныхъ, лишенныхъ передняго мозга, сводится къ потерѣ способности узнавать пріобрѣтенныя ранѣ впечатлѣнія. Это неузнаваніе означаетъ собою утрату памяти, притомъ специально памяти передняго мозга, какъ кортикальной функціи *).

Мейнертъ еще въ 1867 году указалъ на возможность слѣдующаго объясненія для пригодности мозговой коры, какъ органа памяти. Коровый слой заключаетъ болѣе милліарда нервныхъ клѣтокъ, въ силу чего образующіяся послѣдовательно впечатлѣнія находятъ для себя всегда достаточное количество функціональных носильщиковъ, при помощи которыхъ они и укладываются другъ подлѣ друга на неопредѣленно долгое время. Приведенные выше эксперименты Мунк'а, показавшіе, что зрительный и слуховой центры животнаго окружены поясомъ клѣтокъ, еще свободныхъ въ функціональномъ отношеніи, вполнѣ подтверждаютъ это предположеніе. Изъ этого вытекаетъ и вполнѣ естественное слѣдствіе, что при физиологическомъ развитіи ребенка постепенно происходитъ все большее и большее захватываніе клѣточныхъ элементовъ образами воспоминаній, благодаря чему и является возможнымъ дальнѣйшее развитіе дѣтскаго кругозора, коренящееся въ увеличеніи количества образовъ воспоминаній. Вмѣстѣ съ тѣмъ весьма вѣроятно, что для памяти существуетъ предѣлъ въ зависимости отъ числа клѣтокъ.

---

*) Нельзя отрицать, что память присуща и спинному мозгу, который измѣняетъ цѣлесообразно рефлекторныя движенія, смотря по виду и свойству раздраженія.

Память представляет собою основное свойство мозговой клѣтки; въ ней, вслѣдствіе подѣйствовавшаго раздраженія, остается на долгое время состояніе молекулярнаго измѣненія, сущность котораго, конечно, намъ неизвѣстна, какъ неизвѣстна и сущность подобнаго же измѣненія, которое приобрѣтается желѣзомъ отъ натиранія магнитомъ.

Память составляетъ основу всей нашей интеллектуальной дѣятельности. При ея посредствѣ, еслибы даже нашъ мозговой аппаратъ состоялъ изъ ощущающихъ полушарій, снабженныхъ только проэкціонными волокнами, все-таки въ корѣ мозга могъ бы создаться образъ міра, и опредѣленные составныя части этого образа могли бы удерживаться и по прекращеніи раздраженія. Но изображенный до сихъ поръ мозговой механизмъ остается лишеннымъ способности размѣщать вещи во времени и въ пространствѣ; кромѣ того онъ не даетъ еще причинной связи вещей, тогда какъ приведеніе вещей въ такую связь есть существенная черта нашей умственной организаціи.

В. Сербскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Вопросъ о безсмертіи души *).

I.

Допустимъ на минуту, что вѣра въ безсмертіе оставила бы совсѣмъ человѣчество. Допустимъ, что люди узнали бы съ несомнѣнностію, что они смертны, что съ послѣднимъ вздохомъ ихъ земного бытія кончается и ихъ бытіе вообще, съ послѣднимъ судорожнымъ движеніемъ тѣла прекращается и послѣднее ощущеніе духа. Съ глубокой древности находились лица, которыя учили о преходимости, тлѣнности и конечности человѣческаго духа, но, во 1-хъ, этихъ лицъ было въ сущности очень мало по сравненію съ остальной безконечно-большою массою человѣчества; во 2-хъ, кто знаетъ, можетъ-быть въ глубинѣ своей души они носили смутную надежду, что ихъ воззрѣнія ошибочны, и что послѣ ихъ земной смерти для нихъ начнется новая не бесная жизнь. Но допустимъ, что въ будущемъ не отдѣльныя лица, а все человѣчество придетъ—и не къ сомнительной вѣрѣ, а къ несомнѣнному убѣжденію, что не существуетъ безсмертія, что все, что составляетъ человѣка, преходяще. Спросимъ себя: измѣнитъ ли тогда свой характеръ жизнь человѣчества на землѣ, или она будетъ продолжать свое движеніе по тому же пути, по которому движется въ теченіе тысячелѣтій? Смыслъ нашего вопроса заключается въ томъ: вѣра въ безсмертіе имѣетъ

*) Изъ чтеній по „Введенію въ Богословіе“.

ли на самомъ дѣлѣ важное практическое значеніе для человѣчества, или это только аксессуаръ въ его жизни?

На этотъ вопросъ я отвѣчу можетъ-быть совершенно неожиданнымъ образомъ. Вѣра въ безсмертіе не была доселѣ важнымъ рычагомъ, управлявшимъ жизнію человѣчества, и въ жизни большинства людей она не имѣетъ почти никакого практическаго значенія. Человѣческій родъ приникъ къ землѣ, и заботами объ земныхъ интересахъ исчерпывается весь смыслъ его существованія. Спросите самихъ себя, посмотрите на окружающихъ васъ людей,—я имѣю въ виду исключительно только вѣрующихъ,—и вы увидите, что они всецѣло поглощены земными интересами. Даже умирая, они думаютъ гораздо болѣе о покидаемой ими землѣ, чѣмъ объ ожидающемъ ихъ небѣ. Это они обыкновенно выражаютъ въ своихъ духовныхъ завѣщаніяхъ. Въ священныя предсмертныя минуты судьба ихъ близкихъ и родственниковъ, видно, интересуется ихъ болѣе, чѣмъ будущая судьба ихъ самихъ. Даже люди высокой духовной жизни повидимому неохотно покидали и покидаютъ землю. Если мы отъ единичныхъ примѣровъ обратимся къ исторіи цѣлыхъ народовъ, то увидимъ, что и тамъ вѣра въ безсмертіе имѣетъ болѣе важное значеніе въ церемоніяхъ и на словахъ, чѣмъ въ практической жизни. Торжественныя похороны, устрояемыя людьми живущими умершимъ, служатъ вѣдь болѣе выраженіемъ естественнаго уваженія къ умершимъ и естественной скорби о вѣчной разлукѣ съ ними, чѣмъ вѣрою въ то, что они живы. Еслибы послѣдняя вѣра была сильна и дѣйствительна, то тогда скорбь объ умершихъ должна была бы стать слабѣе и торжественное почитаніе ихъ памяти должно бы было уступить мѣсто молитвамъ объ улучшеніи ихъ загробной участи. Точно также въ той заботливости, которую обнаруживаютъ всѣ къ тому, что будутъ говорить о нихъ послѣ ихъ смерти, мнѣ кажется, совершенно напрасно усматриваютъ отзвукъ вѣры въ безсмертіе. Кто твердо вѣритъ въ такое безсмертіе, тотъ вѣритъ также, что разнорѣчивыя мнѣнія о его лицѣ въ концѣ концовъ должны уступить мѣсто истинному знанію о его дѣлахъ, словахъ и помышленіяхъ, что, когда наступитъ послѣдній день, его совѣсть сдѣлается открытою книгой, и что тогда вопросы: «что будутъ думать?» и «что скажутъ?»—не будутъ имѣть никакого значенія. Тамъ, гдѣ культура на землѣ явилась всего ранѣе, мысль о безсмертіи—если

и существовала—всегда стояла на заднемъ планѣ. Особенно рѣзко это можно видѣть у евреевъ. Посмотрите: наиболѣе благочестивые изъ нихъ въ награду за свои добродѣтели требуютъ или просятъ себѣ земного благополучія и, когда умираютъ, то молятъ не о себѣ, а о своемъ народѣ и о своихъ потомкахъ. Я не хочу этимъ сказать, что евреи не вѣрили въ безсмертіе, я только думаю, что эта вѣра имѣла очень ничтожное вліяніе на ихъ практическую жизнь. То же самое приходится сказать объ Ассиро-вавилонянахъ. Въ Китаѣ и Индіи ученіе о безсмертіи очень рано даже официально было отодвинуто на задній планъ. У народовъ некультурныхъ, воззрѣнія которыхъ носятъ анимистическій характеръ, развита вѣра въ безсмертіе, но она отражается только на ихъ похоронныхъ церемоніяхъ и на нѣкоторыхъ суевѣрныхъ обрядахъ, но не на ихъ жизни: они живутъ интересами минуты. Такъ въ сущности было всегда и вездѣ. Различіе состоитъ только въ томъ, что дикаря всецѣло поглощаютъ интересы минуты, а культурнаго человѣка, имѣющаго болѣе широкой кругозоръ, поглощаютъ заботы о болѣе продолжительномъ періодѣ времени. Такъ вообще всегда и вездѣ мы встрѣчаемъ два ряда повидимому трудно согласимыхъ между собою фактовъ: во 1-хъ, широкое—если хотите, всеобщее—распространеніе вѣры въ безсмертіе человѣческой души и, во 2-хъ, весьма слабое вліяніе этой вѣры на практическую жизнь. Однако, если мы задумаемся въ это совмѣстное существованіе двухъ повидимому противоположныхъ родовъ фактовъ, то оно, кажется, явится для насъ вполне понятнымъ, хотя и должно быть признано ненормальнымъ. Различнаго рода факторы произвели въ человѣкѣ вѣру въ безсмертіе души. Факторами этими могли быть психологическія наблюденія, логическія умозаключенія, откровеніе свыше, но другого рода факторы сдѣлали для человѣка пріятною земную жизнь, и онъ подчинился практическому вліянію этихъ послѣднихъ, имѣя теоретическія представленія, выработанныя подъ воздѣйствіемъ факторовъ перваго рода. Этотъ разладъ теоріи съ практикой, вѣрованной съ жизнію мы вѣдь наблюдали и наблюдаемъ постоянно на себѣ и на другихъ, и этотъ дуализмъ, кажется, объяснимъ только съ точки зрѣнія христіанскаго ученія.

Сказать человѣку, что все бытіе его ограничивается земнымъ существованіемъ, значитъ отнять смыслъ у этого существованія.

Если земная жизнь не есть приготовленіе къ жизни небесной, то для нея нельзя установить никакихъ обязательныхъ нормъ, нельзя предложить никакой обязательной теоріи. На самомъ дѣлѣ, если бы намъ выяснили, что для насъ все кончается смертью, то какую задачу по отношенію къ жизни мы могли бы признать разумною и намѣтить себѣ? Безъ сомнѣнія, задачу извлечь наиболѣе пріятныхъ ощущеній изъ жизни. Въ чемъ должно полагать пріятное, это зависитъ отъ темперамента и привычекъ. Одни любятъ вино, другіе—женщинъ, третьи—спортъ, т.-е. состязаніе того или иного рода: бѣга, карты, политику, охоту, войну. Когда-то давно, и не помню гдѣ, мнѣ пришлось читать нравственный катехизисъ одного откровеннаго матеріалиста; можетъ быть я не вполне точно передамъ его слова, но я ручаюсь, что не искажу ихъ смысла. «Хорошо опьяненіе, хорошо наслажденіе, хороша любовь,—говоритъ онъ,—хороша вѣрность, когда она цѣнится выше преступленія, но хорошо также и преступленіе, когда оно цѣнится выше вѣрности. Хорошъ бракъ, когда онъ доставляетъ наслажденія, но хорошо также прелюбодѣяніе для того, кому наскучилъ бракъ и кто любитъ замужнюю особу. Хороши обманы, воровство, клятвopеступленіе и убійство, когда они доставляютъ пользу и наслажденіе. Хороша жизнь, пока она составляетъ загадку, но хороша также и смерть для того, кому наскучила жизнь и кто разгадалъ эту загадку. А такъ какъ высшій пунктъ всякаго наслажденія есть разочарованіе и проза, то поэтому истинно-мудрымъ можетъ быть названъ лишь тотъ, кто принимаетъ синильную кислоту и умираетъ мгновенно». Въ этомъ катехизисѣ краски не сгущены намѣренно. Если у васъ нѣтъ принциповъ и нѣтъ надеждъ, говоритъ онъ, то берите отъ жизни то, что она можетъ дать вамъ, дѣлайте наиболѣе пріятное для себя: если вамъ доставляетъ удовольствіе дѣлать добро ближнимъ, дѣлайте;—если вамъ нравится обманывать ихъ,—обманывайте. Человѣкъ, не вѣрящій въ безсмертіе и сознательно относящійся къ окружающимъ явленіямъ, долженъ признать безусловную правду изложеннаго катехизиса. Особенно справедливымъ должно быть признано его заключеніе, что наиболѣе мудрые люди суть самоубійцы. На самомъ дѣлѣ, погоня за наслажденіями рѣдко, вѣдь, бываетъ удачною, да и за получаемыя наслажденія приходится платиться дорогою цѣной. Послѣ однихъ наслажденій приходится испытывать физическія страданія.

Они являются неизбѣжнымъ слѣдствіемъ употребленія вина, гашиша, морфія и другихъ наркотиковъ. Послѣ другихъ наслажденій приходится испытывать жгучій нравственный стыдъ, а дать безсрочный отпускъ своей совѣсти не легко и для человѣка не вѣрующаго въ безсмертіе. Наслажденія эстетическія не даютъ послѣ себя такого горькаго мучительнаго осадка, какъ наслажденія чувственныя; но чтобы возвыситься до возможности пользоваться ими, нужно много трудиться надъ своимъ собственнымъ развитіемъ. Затѣмъ, всѣмъ эстетикамъ приходится часто испытывать чувство эстетической неудовлетворенности: имъ нужны постоянно новыя возбужденія, новыя произведенія искусства, а имъ предлагаются суррогаты, создаваемые бездарностями. Являются чувства неудовлетворенности, тоски и скуки. Подкладкою, лежащею въ основаніи самыхъ разнообразныхъ стремленій къ наслажденію, является стремленіе къ забвенію. Ученый въ алгебраическихъ вычисленіяхъ, въ изслѣдованіи археологическихъ памятниковъ уходящій отъ окружающей дѣйствительности и создающій свой собственный міръ,—эстетикъ, уносимый сонатою Бетховена въ міръ грёзъ и фантазій,—потребитель гашиша, наслаждающійся блаженствами рая,—всѣ они живутъ иллюзіей и хотятъ отдѣлаться отъ дѣйствительности. Но самое лучшее средство избавиться отъ впечатлѣнія гнетущей дѣйствительности это, конечно, ядъ или пуля. Безмятежный покой можно найти только въ могилѣ. Для человѣка, служащаго интересамъ разума и не вѣрящаго въ безсмертіе духа, этотъ выводъ долженъ представляться неизбѣжнымъ, потому что при отрицаніи безсмертія дѣятельность научная, художественная теряютъ свою *raison d'être*,—и человѣкъ и человѣчество нѣкогда погибнуть безслѣдно. Для чего же вся эта масса труда, горя, страданій, неразрывно соединенная со всякою дѣятельностью? Все это суета, какъ предположилъ нѣкогда ветхозавѣтный мудрецъ, суета и произволеніе духа. Одинъ итальянскій пессимистъ, отрицавшій безсмертіе и всматривавшійся въ человѣческія страданія, кощунственно представилъ себѣ Высшее Существо въ видѣ какого-то сладострастно-жестокаго тиранна, создавшаго маленькія, безпомощныя, слабыя и однако способныя страдать и сострадать твари, чтобы наслаждаться картиною ихъ мученій. Такъ, отрицаніе жизни загробной ведетъ къ признанію, что и жизнь земная есть явленіе злое и неразумное.

Съ этимъ выводомъ не можетъ примириться естественное человѣческое чувство, и вотъ человѣчество въ лицѣ большинства своихъ членовъ включило ученіе о безсмертіи въ одинъ изъ параграфовъ своихъ вѣрованій; но включивши его въ число признаваемыхъ имъ истинъ, оно по-прежнему оставалось поглощеннымъ интересами минуты, по-прежнему стремилось и стремится къ полученію наибольшей суммы земныхъ благъ, не ратуя о приобрѣтеніи благъ небесныхъ. Нельзя сказать, чтобы человѣчество, руководясь въ данномъ случаѣ правилами одной грубоватой, но мѣткой русской пословицы, дѣйствовало совсѣмъ безсознательно. Съ одной стороны, человѣчество пришло къ заключенію, что вѣра въ безсмертіе должна быть необходимымъ постулатомъ, необходимымъ предположеніемъ для того, чтобы сообщить разумный характеръ жизни; съ другой стороны, человѣчество сознавало, что оно не только не можетъ доказать факта этого безсмертія, но не можетъ и представить его. Попытки изобразить загробную жизнь всегда выходили блѣдными и неудачными. Отъ царства тѣней, гдѣ живутъ умершіе, вѣетъ духомъ небытія, и вслѣдствіе этого слагались умозаключенія древнихъ, что живому рабу лучше, чѣмъ мертвому царю, и что участь живого пса болѣе завидна, чѣмъ участь мертваго льва. Такъ, если у людей, отрицавшихъ и отрицающихъ безсмертіе, можно подозрѣвать существованіе нѣкоторой надежды на то, что они безсмертны, то и наоборотъ, у людей, признающихъ безсмертіе, можно подозрѣвать существованіе смутнаго опасенія, что можетъ-быть безсмертія нѣтъ, что нѣтъ никакого ни рая, ни ада, и что пусто какъ вверху надъ звѣздами, такъ и внизу подъ землею. Если этико-логическія требованія приводили человѣка къ предположенію, что его духъ безсмертенъ, то, съ другой стороны, иныя размышленія и психологическія наблюденія и вообще факты часто должны были склонять его къ мысли, что онъ безусловно смертенъ. На самомъ дѣлѣ, человѣкъ могъ размышлять такимъ образомъ: все то, что возникаетъ, должно и уничтожаться; все возникающее возникаетъ изъ чего-нибудь и, слѣдовательно, опять можетъ распасться на тѣ элементы, изъ которыхъ оно возникло. Если я не существовалъ назадъ тому 30 лѣтъ, то очень можетъ быть, что и черезъ 30 лѣтъ я тоже не буду существовать. Если въ теченіе милліоновъ вѣковъ вселенная существовала безъ меня, то неужели теперь она поставлена въ печальную необходимость

милліоны вѣковъ влечить свое существованіе, включая и меня въ свой составъ, какъ неизбѣжную, хотя и ничтожную единицу, отъ которой она не можетъ отдѣлаться?... Да и не заключаетъ ли въ себѣ нѣчто ужасное самая мысль о томъ, что вѣдь и я никогда не могу отдѣлаться отъ своего я? Помните, въ одной поэмѣ падшій небесный духъ хочетъ уничтожить самого себя, но всѣ попытки, предпринимаемыя имъ, оказываются безуспѣшными. Его не мучать и не преслѣдуютъ, онъ можетъ дѣлать что хочетъ и какъ хочетъ, онъ не можетъ только перестать существовать. И, вѣдь, въ этомъ сознаніи своего безсилія поступить съ собою какъ угодно можетъ заключаться источникъ жгучаго страданія. Когда вы не можете отдѣлаться отъ какой-либо мысли или представленія, вамъ непріятныхъ, то вы уже испытываете нѣкоторое страданіе; но какъ должно усилиться это страданіе, до какихъ колоссальныхъ размѣровъ должно разростись оно, когда вы увидите, что не можете отдѣлаться ни отъ одной мысли, ни отъ одного представленія, ни отъ одного чувства, вами пережитыхъ и испытанныхъ?! Въ длинномъ ряду воспоминаній всегда найдется много такихъ, которыя было бы нежелательно выдвигать въ поле сознанія, но разъ ваше «я» со всѣмъ, что оно испытало въ теченіе пережитыхъ вами годовъ, будетъ все и постоянно ясно представлять вашему сознанію, эти воспоминанія будутъ грызть васъ, какъ фурии, и вы не найдете никакого анестезирующаго или потемняющаго сознаніе средства которое притупило бы испытываемую вами жгучую боль. Всякая боль усиливается при представленіи, что она будетъ продолжаться долго; но какъ должна усилиться она, когда соединится съ представленіемъ, что она будетъ продолжаться вѣчно, что она неотдѣлима отъ меня, что я не могу уничтожить ее въ себѣ точно такъ же, какъ и вселенная не можетъ отдѣлаться отъ моей личности?! Согласитесь, что это ужасно!

Но должно-ли и будетъ-ли существовать это ужасное? Изучая явленія душевной жизни, человѣкъ могъ накопить много наблюдений, приводящихъ къ отрицательному отвѣту на этотъ вопросъ. Прежде всего передъ нимъ всюду, какъ несомнѣнный, являлся тотъ фактъ, что духъ существуетъ совмѣстно съ тѣломъ, что безъ тѣла не являются ни мысли, ни чувства, ни желанія. Между тѣмъ несомнѣнно, что тѣло разруσιμο... Отсюда естественно заключать, что и духъ угасаетъ вмѣстѣ съ тѣломъ. Человѣкъ

видитъ, что духъ развивается совмѣстно съ тѣломъ. У новорожденнаго ребенка нѣтъ сознанія своей личности: крѣпнетъ тѣло,—крѣпнетъ и духъ; ослабляется тѣло,—ослабляются и проявленія душевной жизни. Maximum развитія душевной жизни совпадаетъ съ maximum'омъ тѣлеснаго развитія. Между minimum'ами того и другого существуетъ тотъ же параллелизмъ. Изслѣдованія физиологическія и психофизиологическія показываютъ, что развитіе тѣхъ или иныхъ душевныхъ способностей находится въ строжайшемъ соотвѣтствіи съ развитіемъ тѣхъ или иныхъ тѣлесныхъ органовъ. Многіе законы локализациі способностей уже открыты. Можно иногда заранѣе предсказать, разъ мы замѣчаемъ у извѣстнаго субъекта какое-либо психическое расстройство, поврежденность у него такой-то части мозга. И наоборотъ, если въ анатомическомъ театрѣ при вскрытіи мозга мы видѣли поврежденность той или иной его части, мы имѣемъ полное право заключать, что владѣлецъ этого мозга страдалъ такимъ-то психическимъ расстройствомъ. Правда, у старыхъ психологовъ и въ нѣкоторыхъ новыхъ апологетико-психологическихъ изслѣдованіяхъ вы можете найти повѣствованія о такихъ фактахъ, что при вскрытіи нѣкоторыхъ субъектовъ оказывалось, что ихъ мозгъ былъ совсѣмъ или почти совсѣмъ разрушенъ, между тѣмъ какъ при жизни они отличались ясностью мысли и свѣтлымъ умомъ и никогда не обнаруживали признаковъ душевнаго расстройства. Можете найти, далѣе, рассказы о томъ, какъ люди, страдавшіе душевными болѣзнями и имѣвшіе мозгъ уже совершенно разстроеннымъ, предъ концомъ жизни обнаруживали просвѣтлѣніе сознанія. Какъ отнестись къ этимъ фактамъ? Мы думаемъ, что всякій имѣетъ право объявить ихъ незаслуживающими довѣрія. Дѣло въ томъ, что всѣ эти рассказы о совмѣстномъ существованіи нормальной душевной дѣятельности и ненормальнаго устройства мозга, всѣ эти рассказы страдаютъ нѣкоторою неясностью и отсутствіемъ научной точности. Обыкновенно лица, передающія ихъ, не указываютъ вамъ, гдѣ и когда произошли тѣ удивительныя явленія, о которыхъ они говорятъ. Обыкновенно эти рассказы начинаются такъ: «одинъ пасторъ рассказывалъ»... или «одинъ извѣстный докторъ (причемъ имя этого извѣстнаго доктора обыкновенно не приводится) говоритъ, что въ его практикѣ было много такихъ случаевъ»... Всюду въ этихъ изложеніяхъ, если, напримѣръ, они пи-

шутся по-французски или по-нѣмецки или по-англійски, слишкомъ часто фигурируетъ неопредѣленный членъ. Между тѣмъ въ такихъ случаяхъ,—а ихъ безчисленное множество, — когда приходится членъ неопредѣленный замѣнять членомъ опредѣленнымъ, не оказывается ничего подобнаго. Вотъ потому мы думаемъ, что ко всѣмъ такимъ рассказамъ каждый имѣетъ право отнестись скептически. Но если это такъ, то значить положеніе, что каждое душевное состояніе обусловлено опредѣленнымъ эквивалентнымъ тѣлеснымъ состояніемъ, нисколько не поколеблено. Находя себѣ постоянное подтвержденіе и въ жизни отдѣльныхъ личностей, и въ жизни народовъ, это положеніе заставляетъ опредѣлять отношеніе души къ тѣлу такъ, какъ еще въ древности считали возможнымъ опредѣлять ихъ: душа относится къ тѣлу какъ гармонія къ лирѣ (см. въ Федонѣ Платона). Хорошо настроена лира,—она издаетъ гармоническіе звуки. Если она настроена плохо, тогда изъ нея извлекаются звуки, лишенные мелодіи. Разрушается лира,—исчезаетъ и гармонія. Такъ и душа съ тѣломъ. *In corpore sano mens sana*: болѣетъ тѣло,—болѣетъ и духъ; разрушается тѣло,—исчезаетъ и духъ.

Какъ разобратся намъ среди этихъ противорѣчивыхъ возможностей?

Съ одной стороны, безсмертіе крайне желательно, съ другой—въ мысли о немъ заключается нѣчто страшное. Фактическихъ доказательствъ безсмертія мы не имѣемъ. Сказанія о воскрешеніяхъ, о явленіяхъ умершихъ духовъ отдѣлены отъ насъ громаднымъ пространствомъ и временемъ. А тамъ, гдѣ они стоятъ къ намъ близко, они имѣютъ подозрительное происхожденіе.

Почитайте бюллетени о спиритическихъ явленіяхъ; съ одной стороны самый характеръ сообщеній таковъ, что въ большинствѣ случаевъ можно предположить возможность обмана, самообмана и неправильнаго истолкованія фактовъ; съ другой стороны—крайне страннымъ представляется то, что являющіеся духи отличаются дѣтскою наивностью, говорятъ неосновательно и очень неправдиво.

Вотъ почему мы и считаемъ себя вправѣ не вѣрить имъ. Но чему же вѣрить и что отвѣчать на вѣчно старый и вѣчно новый вопросъ: будемъ или не будемъ мы жить послѣ смерти?

У Тургенева въ ряду его «*Senilia*» есть отвѣчающій на этотъ вопросъ слѣдующій рассказъ: невѣрующій писатель и его вѣру-

ющій другъ часто спорили между собой о загробной жизни. Вѣрующій сказалъ однажды: ты надо всѣмъ смѣешься; но если я умру прежде тебя, то я приду къ тебѣ съ того свѣта... Увидимъ, засмѣешься ли ты тогда. И онъ умеръ въ молодыхъ лѣтахъ, и прошли годы, и писатель забылъ объ его обѣщаніи и объ его угрозѣ. И вотъ, однажды ночью, когда писатель лежалъ на кровати и въ комнатѣ царилъ сѣдой полумракъ, ему почудилось, что между двухъ оконъ стоитъ его соперникъ и тихо и печально качаетъ сверху внизъ головою... Послѣ долгаго наблюденія писатель спросилъ: «что, ты торжествуешь или жалѣешь? что это—предостереженіе или упрекъ? Или ты хочешь дать мнѣ понять, что ты былъ не правъ, что мы оба были не правы? Что ты испытываешь, муки ли ада, блаженство ли рая, — промолви хоть слово?» Но соперникъ не издалъ ни одного звука и только по прежнему печально и покорно качалъ головою сверху внизъ. Я, говоритъ авторъ, засмѣялся... онъ исчезъ. Въ этомъ разказѣ, мнѣ кажется, заключается гораздо болѣе правды, чѣмъ въ повѣствованіяхъ о спиритическихъ явленіяхъ. Я наблюдалъ на себѣ и имѣлъ случай провѣрять на другихъ, что, когда умершіе близкіе являются намъ во снѣ, отъ нихъ всегда вѣетъ духомъ небытія. Но не будемъ спѣшить съ выводами изъ подобнаго рода фактовъ. Постараемся найти иной рядъ фактовъ, который явился бы вѣрнымъ ключомъ для рѣшенія занимающаго насъ великаго вопроса. И если уже безспорное научное рѣшеніе этого вопроса невозможно по существу, то, по крайней мѣрѣ, пусть эти факты опредѣляютъ намъ степень вѣроятности того или иного его рѣшенія.

II

Въ III-емъ вѣкѣ въ христіанской церкви возникла своеобразная ересь психопанихитовъ.

Психопанихиты учили, что душа человѣка умираетъ вмѣстѣ съ тѣломъ и вмѣстѣ съ тѣломъ воскресаетъ въ день послѣдняго суда. Если я не ошибаюсь, объ этой ереси и ея происхожденіи имѣется мало свѣдѣній. Но можно съ несомнѣнностью полагать, что она возникла главнымъ образомъ подъ вліяніемъ психологическихъ и метафизическихъ спекуляцій ея авторовъ и только отчасти подъ вліяніемъ неправильнаго толкованія имѣвшихся у еретиковъ источниковъ вѣроученія. Эту ересь очень энергично

обличалъ Оригенъ, и она исчезла вскорѣ послѣ того, какъ возникла. Въ исторіи развитія психологическихъ воззрѣній она явилась компромиссомъ между матеріализмомъ, утверждающимъ, что душа не можетъ существовать безъ тѣла, и спиритуализмомъ, утверждающимъ духовность и безсмертность души, и, какъ и большинство компромиссовъ, эта теорія не удовлетворила никого. Однако было бы ошибочно думать, что послѣ неудачныхъ попытокъ прошедшаго—въ вопросѣ о безсмертіи духа существуютъ только утвердительная и отрицательная теоріи и нѣтъ между ними промежуточныхъ ученій, представляющихъ компромиссы между тою и другою теоріей. Нѣтъ, такія промежуточныя теоріи имѣются, и онѣ настолько осложнили вопросъ о безсмертіи, что самый этотъ вопросъ въ его древнѣйшей и простой постановкѣ можно признать логически неправильнымъ. На вопросъ: безсмертна или смертна душа, многіе въ настоящее время отвѣчаютъ такъ: частью смертна, частью безсмертна.—личность смертна, а тѣ элементы, изъ которыхъ она слагается, безсмертны; или говорятъ, что душа есть случайное проявленіе вѣчнаго начала, или можетъ-быть скажутъ что-нибудь еще иное. Ставя вопросъ о безсмертіи духа, мы соединяли съ нимъ традиціонный смыслъ, который всегда соединяла съ нимъ религія и обыкновенное челоуѣческое сознаніе: *безсмертны ли мы, какъ индивидуумы съ извѣстными определенными прошлымъ, за которое мы ответственны передъ другими, или другіе ответственны передъ нами?* Вопросъ такъ поставленный можетъ быть правильно рѣшенъ лишь тогда, когда мы выяснимъ, что такое наша душа и наша личность. Къ выясненію этого мы теперь и обратимся.

Въ ряду имѣющихся въ психологіи настоящаго времени теорій о сущности души я выбираю 4, которыя мнѣ представляются наиболѣе характерными и изъ критическаго разбора которыхъ, кажется, можно вывести съ вѣроятностію положительное рѣшеніе занимающаго насъ вопроса. Я называю эти теоріи слѣдующими именами: 1) теорія матеріализма, 2) теорія психическаго атомизма, 3) теорія пантеизма и 4) теорія психическаго индивидуализма.

1) По теоріи матеріализма—душа есть функція тѣла. Поэтическое выраженіе этой теоріи мы дали выше въ словахъ, взятыхъ изъ Платона, что душа относится къ тѣлу какъ гармонія къ лирѣ.

Основаніемъ для этой теоріи служитъ механическое міровоз-

зрѣніе. Всѣ явленія природы, вся ея жизнь представляютъ собою рядъ превращеній вещества и энергіи: алмазь превращается въ уголь, водородъ и кислородъ — въ воду, свѣтъ — въ теплоту, электричество и т. д. Однимъ изъ видовъ превращенія энергіи является и человѣческая душа. Она есть временный *modus* вещественной міровой энергіи. Извѣстныя количества матеріи и силъ даютъ плодомъ своего соединенія душу; всѣ измѣненія въ количествѣ матеріи и силъ влекутъ за собою измѣненія въ душѣ; вся душевная дѣятельность есть трата вещества и энергіи, которыя отдаются человѣкомъ природѣ и подвергаются въ ней новымъ превращеніямъ. Душа съ этой точки зрѣнія есть такое же временное и случайное явленіе, какъ радуга или сѣверное сіяніе. Должно признать, что въ ряду различныхъ ученій о душѣ изложенное представляетъ собою такое, которое можетъ быть легче всего опровергнуто. Душу — съ точки зрѣнія этой, излагаемой нами, матеріалистической теоріи — характеризуетъ способность ощущеній; матерія характеризуется отсутствіемъ этой способности. Спрашивается: какимъ образомъ ощущенія могли возникнуть изъ неоощущеній? Матеріалисты отвѣчаютъ намъ на это теоріей превращеній вещества и энергіи; но какъ ни покажется это парадоксальнымъ, однако можно сказать, что съ точки зрѣнія современнаго естествознанія въ природѣ не происходитъ никакихъ превращеній энергіи или вещества. Весь процессъ міровой жизни, согласно механико-атомистическому міровоззрѣнію, состоитъ въ томъ, что во вселенной движется по всевозможнымъ направленіямъ со всевозможными скоростями безчисленное количество атомовъ. Сталкиваясь между собою, эти атомы измѣняютъ взаимоотношенія, направленія и скорости. Атомы не подвергаются никакимъ превращеніямъ, движеніе тоже ни во что не превращается, но остается движеніемъ, только различныя сочетанія атомовъ и различныя скорости движенія являются для насъ различными видами матеріи и различными видами физическихъ силъ. Еслибы наши органы чувствъ были совершенными, то тогда вмѣсто воды мы увидали бы своеобразныя комбинаціи водорода и кислорода и вмѣсто лучей свѣта — атомы эѳира, колеблющіеся со скоростью 280 тысячъ верстъ въ секунду. Такимъ образомъ всѣ превращенія въ физической природѣ имѣютъ въ сущности субъективный характеръ. Нѣтъ нужды спорить, что иначе происходитъ дѣло въ явленіяхъ растительной и животной фізіоло-

ги. Но совсѣмъ другое дѣло — психическія явленія. Мы не можемъ мыслить ощущеніе, какъ родъ движенія, и не можемъ представить себѣ никакой геометрической комбинаціи матеріальныхъ атомовъ, функціей которыхъ могло бы явиться ощущающее начало. Мы съ несомнѣнностію можемъ утверждать, что ощущеніе никакимъ образомъ не можетъ явиться результатомъ или функціей тѣхъ свойствъ, которыя открыли и изслѣдуютъ въ матеріи — физика, химія и минералогія. Съ другой стороны, мы ничего въ сущности не можемъ возразить противъ того, что всѣ существа и предметы, которые мы видимъ и наблюдаемъ, суть исключительно продукты матеріи и движенія, потому что все, что открывается непосредственно нашему наблюденію, есть не болѣе какъ движущаяся матерія. Звуки голоса представляютъ собою, вѣдь, не болѣе какъ движущійся воздухъ. Житейскій опытъ научилъ насъ не вполнѣ довѣрять имъ, когда въ нихъ слышится безумная страсть, безавѣтная преданность, любовь или ненависть, тоска или счастье; мы знаемъ, что эти звуки могутъ насъ обманывать, и стараемся не поддаваться ихъ обаянію. Но, размышляя, мы приходимъ къ тому, что эти звуки не только могутъ невѣрно отражать психическое состояніе того, кто ихъ производитъ, но могутъ быть и не связаны ни съ какимъ психическимъ состояніемъ, могутъ быть только дрожаніемъ воздуха, производимымъ тѣмъ или инымъ аппаратомъ. Правда, въ насъ самихъ они всегда оказываются связанными съ рядами ощущеній, но только по аналогіи мы можемъ заключать, что и въ другихъ подобныхъ намъ созданіяхъ между ощущеніями и ими существуетъ такая же связь. За всѣмъ тѣмъ ощущенія вездѣ являются необъяснимымъ придаткомъ къ явленію, невыводимымъ ни изъ какихъ извѣстныхъ намъ условій. Естественнаучный анализъ показываетъ намъ, что всѣ явленія міра матеріальнаго суть въ сущности явленія движенія; явленія психическія, — очень можетъ быть, всегда сопровождающіяся опредѣленными движеніями матеріальныхъ атомовъ, — однако не суть ни ихъ движеніе, ни результатъ ихъ движенія. Эти факты заставляютъ насъ признать безусловно несостоятельною матеріалистическую теорію сущности души и обратиться къ разсмотрѣнію другихъ ученій объ этой сущности.

Лица, держащіяся изложенной и разобранной нами теоріи, всегда удовлетворяютъ 2-мъ условіямъ: во 1-хъ, они плохо знакомы съ науками о матеріи и, во 2-хъ, они совсѣмъ не знакомы съ на-

уюко о душѣ. Достаточно выяснитъ имъ основанія первыхъ и заставить познакомиться съ элементами второй, чтобъ они отреклись отъ своего ученія и увидѣли его полную несостоятельность. Въ ряду представителей современной научной мысли послѣдователей этого вульгарнаго матеріализма уже и не имѣется, ихъ скорѣе можно находить въ пивныхъ, среди разнаго рода недоучекъ и неудачниковъ, нахватавшихся на лету разнаго рода обрывковъ мыслей и фактовъ и серьезно думающихъ, что Ньютонъ былъ послѣдователемъ позитивной философіи Конта (мнѣ пришлось однажды слышать это предположеніе, впрочемъ, отъ лица отрекомендовавшагося мнѣ оставленнымъ при университетѣ для подготовленія къ кафедрѣ зоологіи). Уже давно сторонники той философіи, которая стремится объяснять все изъ относительныхъ свойствъ матеріи, увидѣли себя принужденными внести нѣкоторыя поправки и дополненія въ ученіе о матеріи. Именно они начали учить, что матеріи, кромѣ физическихъ, присущи и психическія свойства. Это ученіе и явилось основаніемъ для той теоріи, которую я называлъ теоріей психическаго атомизма. Сущность этой теоріи заключается въ слѣдующемъ. Каждому атому, кромѣ физическихъ, принадлежатъ и психическія свойства, и какъ размѣры атома имѣютъ очень малую экстенсивность, такъ его психическія свойства имѣютъ очень малую интенсивность. Экстенсивность матеріи увеличивается чрезъ простое суммированіе атомовъ, интенсивность ея психическихъ свойствъ не можетъ увеличиться такимъ простымъ способомъ. Сознаніе присуще солнцу въ такой же малой степени, какъ и молекулѣ воды. Для того, чтобы психическія свойства матеріи могли обнаружиться и усилиться, нужно, чтобъ ея атомы вступили въ своеобразную органическую связь. Изучая организмы, мы видимъ, что психическое начало обладаетъ въ нихъ тѣмъ высшими свойствами, чѣмъ сложнѣе въ нихъ связь между атомами и чѣмъ болѣе централизована эта связь. Такъ называемые низшіе организмы характеризуются простотою ихъ организациіи и слабою централизацией органовъ. Сомнѣваются, чтобы низшія животныя владѣли сознаніемъ единства своего организма. Разрѣжьте прѣсноводную гидру на нѣсколько кусковъ, и изъ каждаго куска образуется новая гидра. Спрашивается: какая изъ новыхъ гидръ явилась преемницей въ психическомъ отношеніи материнской гидры, если таковая владѣла единствомъ сознанія?

Возникающія психологическія трудности при рѣшеніи этого вопроса могутъ быть устранены лишь при допущеніи неправильности и ошибочности предположеннаго «если», т.-е. при допущеніи, что никакая гидра никогда не владѣетъ сознаниемъ единства своего организма. По мѣрѣ того, какъ мы поднимаемся по биологической лѣстницѣ, мы встрѣчаемъ организмы все болѣе и болѣе централизованные и видимъ въ нихъ проявленіе все высшихъ и высшихъ свойствъ; съ другой стороны, мы видимъ, что эти организмы характеризуются все болѣе и болѣе сложнымъ устройствомъ нервной системы. Послѣднимъ и высшимъ звеномъ въ этой лѣстницѣ является человѣкъ, какъ самосознающая личность. Съ точки зрѣнія изложенной теоріи, его *самосознаніе есть равнодѣйствующая сознаний тѣхъ атомовъ, изъ которыхъ онъ составленъ*. Представляющееся возраженіе, что атомы, изъ которыхъ слагается человѣкъ, постоянно смѣняются одни другими, самосознаніе же его остается неизмѣннымъ, устраняютъ такимъ образомъ. Психическія, какъ и физическія свойства всѣхъ атомовъ, тождественны; поэтому сущность самосознанія опредѣляется не тѣми или иными атомами, а ихъ группировкою и взаимоотношеніями. Когда на мѣсто атома А въ тѣлѣ становится тождественный съ нимъ атомъ В, а атомъ А выходитъ изъ тѣла, то въ содержаніи самосознанія человѣка не происходитъ никакой перемѣны; другое дѣло, еслибъ отношенія атома А къ прочимъ атомамъ измѣнились, тогда и въ содержаніи самосознанія произошло бы измѣненіе,—конечно, настолько ничтожное, насколько ничтожна происшедшая тѣлесная перемѣна. Съ точки зрѣнія этой теоріи, понятно, личность человѣка не можетъ быть названа тождественною во все время жизни, но этой тождественности, говорятъ, и не существуетъ на самомъ дѣлѣ: духъ человѣка остается настолько же тождественнымъ въ различные періоды жизни, насколько остается тождественнымъ его тѣло. Если же человѣкъ считаетъ свою личность неизмѣнною, то причина этому та, что измѣненія личности происходятъ съ крайнею постепенностью, причемъ измѣняющейся личности ея прошлыя психическія состоянія продолжаютъ представляться какъ ея собственныя, вслѣдствіе чего она и себя мыслить какъ ту же, которая существовала прежде, хотя на самомъ дѣлѣ она стала иною. Понятно, какъ рѣшается вопросъ о безсмертіи человѣческой души—съ точки зрѣнія изложенной теоріи. Безсмертна ду-

ша атомовъ, но смертна душа человѣка. Въмѣстѣ съ тѣлесною смертью, уничтожающею связь и централизацію между атомами, уничтожается и личность человѣка. Атомы вступаютъ въ новыя соединенія и образуютъ или не образуютъ новыя души, но сами вѣчно остаются неизмѣнными.

2) Теорія психическаго атомизма, безъ сомнѣнія, стоитъ неизмѣримо выше вулгарнаго ученія материалистовъ. По крайней мѣрѣ легко можно видѣть, что противъ нея не имѣютъ никакой силы тѣ возраженія, которыя мы направляли противъ материализма. Мало этого, она повидимому имѣетъ серьезныя основанія и за себя. Она опирается на два ряда фактовъ. Изученіе свойствъ матеріи привело къ безусловному господству въ наукѣ естественнаго атомизма. Изученіе органической жизни нигдѣ не обнаружило, чтобы при возникновеніи организмовъ изъ матеріи въ нихъ вводилось новое психическое начало. Изъ этихъ 2-хъ рядовъ фактовъ слѣдуетъ выводъ, что психическое начало находится въ матеріи—въ атомахъ. Таковы основанія въ пользу теоріи. Ея защитники въ настоящее время пытаются показать, что она съ успѣхомъ можетъ быть прилагаема къ объясненію самыхъ разнообразныхъ душевныхъ явленій, какъ обычныхъ, такъ и патологическихъ—явленій гипнотизма, раздвоенія сознанія и т. д. Однако мы думаемъ, что несостоятельность этой теоріи такъ же легко обнаружить, какъ и несостоятельность теоріи атомистической. Теорія эта въ сущности строго метафизическая и возбуждаетъ всѣ тѣ недоумѣнія, какія возбуждали старыя дуалистическія теоріи метафизиковъ. Духъ и матерія являются по этой теоріи отдѣльными субстанціями, локализованными въ атомѣ. Вопросъ объ ихъ взаимодействіи и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, очевидно, будетъ тождественъ со старымъ вопросомъ объ отношеніи между душою и тѣломъ, на который метафизики отвѣчали теорією окказіонализма, предустановленной гармоніи и т. п. Несомнѣнно, что удовлетворительное рѣшеніе этого вопроса возможно лишь при сведеніи дуализма къ монизму, т.-е. при предположеніи, что мы имѣемъ дѣло не съ 2-мя субстанціями, но съ одною; и такъ какъ разборъ материалистическаго ученія уже показалъ намъ, что духомъ нельзя жертвовать для тѣла, то, слѣдовательно, остается только другая возможность—пожертвовать тѣломъ для духа, признать, что наши проблематическіе атомы суть исключительно атомы психическіе, и что ихъ *физическія свойства суть не что*

иное, какъ наше субъективное воспріятіе ихъ психической дѣятельности. Очень можетъ быть, что сторонники—по крайней мѣрѣ, многіе изъ сторонниковъ—теоріи психическаго атомизма согласятся съ этимъ воззрѣніемъ. Это упроститъ дѣло и представитъ теорію въ болѣе ясномъ видѣ, но не спасетъ ея. Духовно-разумныя существа, по теоріи психическаго атомизма, образуются путемъ интеграціи психофизическихъ или психическихъ атомовъ. Безконечно малыя психическія силы, суммируясь въ громадномъ количествѣ, даютъ геній Ньютона и Лейбница. Но эта теорія стоитъ прежде всего въ противорѣчій съ тѣмъ несомнѣннымъ фактомъ, что сумма равныхъ психическихъ единицъ никогда не можетъ дать собою больше, чѣмъ каждая изъ единицъ въ отдѣльности. Въ этомъ отношеніи, вѣдь, нельзя проводить аналогіи между явленіями духовнаго и матеріальнаго порядка. Если вы имѣете машину въ одну лошадиную силу и соедините 100 такихъ машинъ, то вы будете располагать 100 силами; если вы возьмете предметъ, оказывающій давленіе въ 1 пудъ на поверхность и соедините 100 такихъ предметовъ, то вы произведете давленіе на вашу поверхность въ 100 пудовъ; но представьте себѣ 100 индивидуумовъ, обладающихъ тождественными знаніями, можете ли вы сказать, что всѣ въ совокупности они знаютъ во 100 разъ больше, чѣмъ сколько каждый знаетъ въ отдѣльности? Нѣтъ, всѣ въ совокупности они знаютъ столько же, сколько каждый изъ нихъ: вопреки основнымъ теоремамъ ариметики, сумма здѣсь равна каждому изъ своихъ слагаемыхъ. Равнымъ образомъ, если мы представимъ себѣ 100 индивидуумовъ, обладающихъ равными мыслительными силами, то должны будемъ признать, что каждый изъ нихъ въ отдѣльности способенъ обсудить извѣстный вопросъ такъ же, какъ и 100 вмѣстѣ. На практикѣ такого абсолютнаго равенства между лицами, конечно, мы встрѣтить не можемъ, но значительное приближеніе можно наблюдать къ нему, напримѣръ, въ школахъ, въ нѣкоторыхъ общественныхъ слояхъ. Если ученики, въ извѣстной школѣ, въ отдѣльности всѣ не могутъ рѣшить данной алгебраической задачи, то они не рѣшатъ ея и всѣ вмѣстѣ. Въ дѣйствительности, конечно, индивидуумы, поставленные въ одинаковыя условія, различаются между собою въ нѣкоторой степени и суммою познаній, и силою мышленія; отсюда возникаютъ нѣкоторыя варіаціи, такъ что въ суммѣ индивидуумовъ знаній оказывается больше,

чѣмъ въ каждомъ изъ индивидуумовъ въ отдѣльности, но въ изслѣдуемой нами теоріи индивидуумы, т.-е. атомы, тождественны и неизмѣнны, отсюда и въ суммѣ ихъ не можетъ заключаться больше, чѣмъ въ каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности.) Слѣдовательно, если атомъ заключаетъ въ себѣ бесконечно малую сумму психическихъ силъ, то столь же бесконечно малою будетъ сумма психическихъ силъ и у бесконечно большого числа атомовъ. Противъ нашихъ соображеній сторонники теоріи психическаго атомизма могутъ выдвинуть слѣдующія возраженія. Они скажутъ намъ, что повышеніе сознанія и вообще душевныхъ силъ зависитъ собственно не отъ количества атомовъ, а отъ ихъ взаимоотношенія, отъ ихъ группировки. Гималайскія горы заключаютъ въ себѣ неизмѣримо большее количество атомовъ, чѣмъ мозгъ Менделѣева или Гельмгольца; и однако Гималайскія горы мертвы, а мозгъ названныхъ ученыхъ далъ много замѣчательныхъ открытій. Но въ основѣ этого разсужденія лежитъ грубая фальшь. Взаимоотношеніе силъ имѣетъ важное значеніе въ физическомъ мірѣ, гдѣ величина дѣйствующихъ силъ въ одномъ направленіи равна ихъ суммѣ, величина дѣйствующихъ силъ подъ углами менѣе суммы и величина силъ дѣйствующихъ въ прямопротивоположномъ направленіи равна ихъ разности. Но въ мірѣ психическомъ, гдѣ силы равны и, можно сказать, дѣйствуютъ въ тождественномъ направленіи, не можетъ имѣть никакого значенія распредѣленіе ихъ въ пространствѣ. Предположеніе о значеніи такого размѣщенія здѣсь такъ же неудачно, какъ предположеніе о значеніи размѣщенія въ извѣстномъ «квартетѣ» Крылова. Пространственное взаимоотношеніе есть явленіе чисто формальнаго характера, и выводить изъ него личность еще менѣе разумно, чѣмъ выводить личность изъ движеній матеріи.

Но коренное заблужденіе излагаемой теоріи состоитъ въ томъ, что она допускаетъ возможность сліянія въ одно общее сознаніе нѣсколькихъ единичныхъ сознаній. Допускать это все равно, что допускать, что если соединятся вмѣстѣ Иванъ, Пѣтръ, Александръ и Василій, то изъ совокупности ихъ сознаній образуется новое сознаніе нѣкогого Николая, болѣе полное, высшее и совершенное. Разумѣется, мы можемъ представить себѣ, что если Иванъ и Пѣтръ дѣлали совмѣстно какую-либо работу, то вмѣсто нихъ можно представить себѣ дѣйствовавшимъ одно лицо, совершившимъ то же, что и они. Представить это можно, но за

всѣмъ тѣмъ тотъ фактъ, что Иванъ и Петръ во все время своей совмѣстной работы чувствовали каждый себя какъ отдѣльную единицу и что ихъ два «я» никакимъ образомъ не могутъ слиться въ одно общее и высшее «я», этотъ фактъ навсегда останется несомнѣннымъ. Сторонники теоріи психическаго атомизма излагаютъ теорію образованія общаго и высшаго «я» изъ многихъ маленькихъ «я» по аналогіи образованія въ механикѣ равнодѣйствующей силы изъ силъ составляющихъ. Еслибъ они вдумались въ эту аналогію, то увидѣли бы въ ней не опору, а опроверженіе своей теоріи. На самомъ дѣлѣ что называется въ механикѣ равнодѣйствующею силой? Это сила, которая, замѣнивъ собою дѣйствующія на извѣстное тѣло силы, произвела бы такой же результатъ, какъ и эти силы. Если на тѣло А дѣйствуютъ подъ различными углами силы P, Q, S, T и т. д. и заставляютъ тѣло двигаться по линіи M N, то всегда мы можемъ представить себѣ нѣкую силу R, которая, замѣнивъ силы P, Q, S, T, заставила бы тѣло А двигаться по линіи M N (исключеніе представляетъ случай съ такъ-называемыми парами силъ). Но, говоря о возможности такой замѣны, мы отлично понимаемъ, что когда силы P, Q, S, T дѣйствовали, то онѣ дѣйствовали каждая самостоятельно и отдѣльно и вовсе не сливались въ какую-то новую, высшую и общую силу. Точно также если мы имѣемъ психическіе атомы a, b, c, d, e, f, дѣйствующіе совмѣстно, то оставляя въ сторонѣ вопросъ о результатѣ ихъ дѣятельности, мы необходимо мыслимъ каждый изъ атомовъ какъ обособленный, и для насъ ясно, что сознанія таковыхъ атомовъ, если у нихъ есть сознаніе, — никакимъ образомъ не могутъ слиться ни во что общее. Вообще, обособленные единицы могутъ сливаться въ одно цѣлое только въ субъективномъ представленіи, а не въ объективной дѣйствительности. Млечный путь *кажется*, но не есть одно цѣлое. Но такъ какъ наше самосознаніе есть дѣйствительность, а не явленіе, то мы и не можемъ допустить его образованія путемъ суммированія психическихъ атомовъ, не можемъ мы, слѣдовательно, и принять теоріи психическаго атомизма и выводовъ изъ этой теоріи относительно безсмертія души. Поэтому для рѣшенія занимающаго насъ вопроса о безсмертіи мы должны обратиться къ разсмотрѣнію иныхъ теорій сущности души. Обратимся къ теоріи пантеизма.

(Окончаніе слѣдуетъ).

С. Глаголевъ.

Послѣднія тѣни прошлаго *).

(По поводу книги проф. Александра Введенскаго: О предѣлахъ и признакахъ одушевленія. Новый психофизиологическій законъ въ связи съ вопросамъ о возможности метафизики. С.-Петербургъ 1892 г.).

Мысль односторонняя и въ этой односторонности очевидно ложная, но развитая въ строгой логической послѣдовательности до своихъ крайнихъ выводовъ, ни предъ какою парадоксальностью ихъ не отступающая и тѣмъ именно и выясняющаяся воочію и вполнѣ, въ своемъ истинномъ значеніи, — всегда обладаетъ извѣстною поучительностью и имѣетъ цѣну для интересовъ умственной жизни. Она всегда и поучительнѣе и несравненно важнѣе въ общемъ теченіи умственнаго развитія человѣчества, чѣмъ лишь на половину довѣряющіе себѣ и на половину искренніе взгляды, робко остерегающіеся обнаружить во всей ихъ опредѣленности и свои послѣднія основанія и крайніе, вытекающіе изъ нихъ, выводы, избѣгающіе боязливо всякой рѣзкой крайности, вполнѣ односторонней и послѣдовательной опредѣленности. Подобные болѣе осторожные, чѣмъ глубокіе взгляды и теоріи, создаваемые разными благими примирительными, эклектическими стремленіями мысли, никогда еще никого ничему дѣйствительно не научали. Они ни одного изъ жизненныхъ вопросовъ мысли не приближали къ его дѣйствительному рѣшенію, ни одного серьезно-недоумѣвающего ума изъ его недоумѣнія не выводили. Только на время и поверхностно маскируя и затемняя неотвязные и мучительные вопросы мысли, не разрѣшая, а лишь

---

*) Рефератъ, читанный въ Моск. Психолог. Обществѣ.

отдаляя ихъ, во всей ихъ безопадной суровости, отъ яснаго ихъ пониманія и серьезнаго къ нимъ отношенія мысли,—эти примирительныя, половинныя, всѣмъ слегка угождающія построенія мысли проходятъ для умственной жизни человѣчества не только бесплодно, но и не безвредно. Свидѣтельствуя о присутствіи въ ихъ создателяхъ лишь тѣхъ «добрыхъ намѣреній», которыми, по выраженію поэта, «вымощенъ адъ»,—въ мысли человѣчества они лишь увѣковѣчиваютъ и плодятъ безъ конца въ новыхъ формахъ старыя, невыясненныя недоумѣнія. Они только тормозятъ надолго дѣло неутомимаго и неискоренимаго исканія истины. Въ области этого вѣчнаго дѣла добрая сознательная ссора всегда почтеннѣе и плодотворнѣе худого недоумѣвающего мира. И за одностороннимъ, но послѣдовательнымъ и законченнымъ, хотя бы и ошибочнымъ, рѣшеніемъ основныхъ вопросовъ міровоззрѣнія заслуга передъ человѣчествомъ должна быть признана несравненно большая, чѣмъ за всякими несмѣлыми примирительными и эклектическими полурѣшеніями ихъ.

Такую именно заслугу — и заслугу крупную — приходится безспорно признать за вышедшимъ недавно въ свѣтъ послѣднимъ трудомъ проф. А. Введенскаго «О предѣлахъ и признакахъ одушевленія». Въ этомъ небольшомъ, но замѣчательно ясномъ, образцовомъ по строгости логическаго развитія основной мысли и по прямо-художественной стройности изслѣдованіи авторъ рѣшаетъ вопросъ о метафизикѣ. Изъ рѣшенія гносеологическаго вопроса объ основаніяхъ нашей неопровержимой увѣренности въ существованіи душевной жизни въ существахъ, *находящихся вѣ насъ*, онъ приходитъ здѣсь къ рѣшенію общаго вопроса объ основаніяхъ нашей увѣренности въ *метафизическихъ* истинахъ вообще (бытія Бога, души, внутренно-осмысленнаго, цѣлесообразнаго міра и т. д.). Найдя, что душевная жизнь, непосредственно вѣдомая каждому только въ его собственномъ индивидуальномъ внутреннемъ опытѣ, но никогда недоступная прямому наблюденію его въ другихъ, можетъ быть признаваема или отрицаема каждымъ изъ насъ въ этихъ другихъ не на основаніи внутренняго опыта (внутренній опытъ каждому говоритъ лишь о его собственной душевной жизни) или внѣшняго (внѣшнему опыту душевная жизнь вовсе не дана, не подлежитъ),—авторъ ищетъ иного, *неэмпирическаго* основанія нашей непреложной увѣренности въ одушевленности другихъ людей, животныхъ

и т. п. «Отрицаніе чужой душевной жизни нисколько не противорѣчитъ даннымъ опыта,—говоритъ онъ,—и никакими *теоретическими* доводами скептика *здѣсь* опровергнуть нельзя» (с. 29). «Если кто станетъ отрицать существованіе чужой душевной жизни, то его нельзя опровергнуть, хотя онъ навѣрное неправъ, ибо и я и всякій другой непосредственно сознаемъ ее въ себѣ» (с. 50).

Но если реальность чужой душевной жизни не есть истина теоретическая, доказуемая опытомъ и умомъ, та какая же это истина? и что заставляетъ признать ее? Авторъ находитъ исходъ въ указаніи на предполагаемое «метафизическое чувство, которое есть лишь выраженіе или неотдѣлимая сторона чувства нравственнаго» (стр. 118—119). Недоказуемая теоретически, реальность чужой душевной жизни есть *необходимый постулатъ* (требованіе) нравственнаго чувства, ибо безъ нея невозможна вовсе нравственная жизнь и дѣятельность,—нравственное же чувство безспорно и никакихъ доказательствъ себѣ не требуетъ *). Такова же и реальность всѣхъ другихъ, теоретически недоказуемыхъ, хотя и неотрицаемыхъ истинъ метафизики, какъ бытіе Бога или внутренняго смысла мірозданія и т. д. Все это истины — не для теоретическаго разума, но какъ постулаты нравственнаго чувства. Поэтому и метафизика есть не система теоретическихъ истинъ, но система постулатовъ нравственнаго чувства (практическаго разума, нравственной воли), которому принадлежитъ приматъ, первенство передъ познающимъ разумомъ. «Въ виду невозможности чисто-теоретической метафизики, — заключаетъ г. Введенскій (стр. 118—119), — не остается никакого другого средства для провѣрки идеи чужого одушевленія, авмѣстѣ съ тѣмъ и для рѣшенія другихъ метафизическихъ вопросовъ, кромѣ изученія нравственнаго чувства и его постулатовъ» **).

*) Каково бы ни было происхожденіе нравственнаго чувства, утверждаетъ г. Введенскій, мы не рѣшаемся оспаривать его приговоромъ (с. 119). Кто эти мы въ наше время? Гартманъ, Гюйо, Летурно, Баррессъ, Ницше? Всѣ они развѣ *согласны* и насчетъ содержанія приговоромъ нравственнаго чувства и насчетъ ихъ неоспоримости?!

**) Нашъ авторъ здѣсь упускаетъ изъ виду то обстоятельство, что первый же шагъ въ изученіи *нравственнаго чувства* убѣждаетъ насъ въ томъ, что нравственное чувство, какъ такое, и его требованія *никогда ни одной* теоретической истины установить не могутъ. Теоретическая истина всегда утверждаетъ лишь, что нѣчто *есть* или что нѣчто необходимо или возможно, развѣ признано, что что-либо другое *есть*. Она всегда основаніе имѣетъ въ признаніи

Такимъ путемъ авторъ отъ частнаго вопроса о предѣлахъ и признакахъ одушевленія въ познаваемомъ мірѣ приходитъ къ восстановленію Кантова понятія о метафизикѣ, какъ рѣшающей вопросы, навѣки изъятые будто бы, по свойствамъ нашей познавательной способности, изъ области теоретическаго познанія, приговоромъ нравственнаго чувства (практическаго разума). Это—метафизика, для которой всякая реальность—и «вещь въ себѣ», и «міръ», и Богъ, и душа—обращается въ *постулатъ* практическаго разума, оставаясь теоретически непознаваемою. Этотъ путь не составляетъ открытія, исключительно принадлежащаго нашему автору. «Принципомъ всѣхъ построеній метэмпирики,—замѣчаетъ онъ (у Клиффорда, Баррата, Льюиса),—служить только-что высказанное нами: опытъ, въ строгомъ смыслѣ слова, относится только къ *нашимъ* состояніямъ сознанія, но отнюдь не къ чужимъ, слѣдовательно утвержденіе существованія другихъ сознаній трансцендентно, и всякій, кто вѣритъ въ существованіе подобныхъ ему людей, тѣмъ самымъ, нисколько не подозрѣвая того, закладываетъ фундаментъ метафизики». Подобный же высказанному авторомъ, Кантовскій взглядъ на метафизику, какъ систему постулатовъ нравственнаго чувства или практическаго разума, изгоняющій изъ области теоретически познаваемаго міра всякую, обращенную въ такой постулатъ реальность, принадлежитъ и всѣмъ многочисленнымъ новоkantianцамъ нашего времени, допускающимъ, въ смыслѣ теоретическихъ наукъ, лишь «психологію безъ души», «космологію безъ міра» и «теологію безъ Бога». (ср. *А. Ланге* «Исторія матеріализма» т. II). Но, не впервые открывши этотъ путь обращенія всякой реальности въ нравственный постулатъ, проф. Введенскій съ особенной ясностью и послѣ-

---

чего-либо *сущаго*, даннаго мысли и опредѣляющаго ея утвержденія или отрицанія въ этой своей данности. Нравственное же чувство и его требованія могутъ говорить мнѣ лишь о томъ, какъ я *долженъ* относиться къ тому, что есть, что признано сущимъ, даннымъ, но не о томъ, что нѣчто вообще есть или не есть,—дано или не дано. Содержаніе нравственныхъ постулатовъ—не то, что есть или не есть, но то, что должно быть или желательно. Они ни исходятъ изъ признанія или непризнанія чего-либо существующимъ, ни приводятъ къ такому признанію или непризнанію *логически* не могутъ. Они опредѣляютъ наше поведеніе, но не содержаніе теоретической истины, и то, что само по себѣ было въ области послѣдней только неprovѣреннымъ предположеніемъ, не возводится на степень знанія однимъ тѣмъ, что это предположеніе представляется необходимымъ съ точки зрѣнія нравственнаго чувства.

довательностью прошелъ этотъ путь до конца, отмѣтивъ всѣ его трудности и принявъ всѣ его логически обязательныя послѣдствія. Онъ поставилъ точку надъ і.

Въ этомъ—его несомнѣнная, повторяемъ, заслуга передъ философствующими умами современности. Основная мысль критицизма, послѣдовательно доведенная имъ до конца, лишается послѣднихъ призрачныхъ основъ своихъ, долго казавшихся столь солидными. Своимъ яснымъ, точнымъ, никогда не прибѣгающимъ къ недомолвкамъ и «заметающимъ слѣды» оговоркамъ, изложеніемъ того пути, на которомъ философская мысль, оставляя для теоретическаго знанія лишь область опытныхъ явленій, субъективныхъ, хотя и общегодныхъ построений чувственности и разума, изъемлетъ всякую *реальность* изъ области знанія о сущемъ и обращаетъ въ нравственный постулатъ,—авторъ даетъ своему читателю возможность вполне оцѣнить и всѣ достоинства этого пути критической философіи, и всѣ его неразрѣшимыя трудности и непоправимыя ошибки. Читателю становится вполне ясно внутренняя необходимость, приводящая послѣдователей этой философіи къ всеобщему *иллюзионизму* и феноменизму въ области теоретическаго познанія,—къ обращенію всего познаваемаго міра въ міръ какихъ-то призраковъ, явленій явленій, въ тѣни тѣней. Становятся ясными и всѣ размѣры тѣхъ требованій, которыя ставятся мысли признаніемъ того, что не призрачное явленіе, а дѣйствительная непреложная для нея *реальность* есть недоказуемый и непроверяемый теоретически постулатъ нравственнаго чувства. Отъ приговоровъ послѣдняго здѣсь ставится въ зависимость самое *бытіе или небытіе* какой бы то ни было реальности въ мірѣ и жизни. И ставится въ зависимость отъ нравственнаго чувства прежде всего бытіе, реальность *самого сознанія*, самого исходнаго пункта всякаго критицизма, всякаго мышленія.

Это возведеніе требованій нравственнаго чувства, практическаго разума, въ высшее начало не только мышленія, но и бытія, всегда придавало характеръ особенной нравственной высоты и благородства ученію Кантова критицизма въ его первоначальной чистотѣ и у его ближайшихъ послѣдователей, какъ наприм. у Фихте старшаго. Оно всегда и наиболѣе подкупало серьезные умы въ пользу этого ученія, не взирая на его иллюзионизмъ въ теоріи. У большинства новыхъ представителей критицизма, конечно, уже ничего не осталось отъ этой нравственной высоты и благо-

родства первообраза ученія. Нравственное чувство [практической разумъ, воля *)] изъ верховнаго метафизическаго и безусловнаго начала бытія и мышленія обратилось у нихъ въ одно изъ многихъ явленій субъективнаго психическаго развитія, въ очень условное служебное орудіе разныхъ эмпирическихъ житейскихъ нуждъ и потребностей человѣка. Безусловная мораль Канта обратилась въ рукахъ его современныхъ послѣдователей въ условную и утилитарную, естественную мораль позитивизма, эволюціонизма, «свободнаго идеала» и т. п., нравственная жизнь сведена на одно изъ явленій въ ряду другихъ явленій, на одинъ изъ многихъ привычныхъ призраковъ въ призрачномъ вообще мірѣ. Иллюзіонизмъ въ этихъ новѣйшихъ формахъ кантіанства, критицизма, распространился такимъ образомъ и на область нравственной жизни: для метафизики уже не остается и этого послѣдняго убѣжища, построеннаго для нея Кантомъ.

Критицизмъ проф. А. Введенскаго очень далекъ отъ этого глубокаго паденія нравственной мысли Канта, особенно рѣзко и характерно выразившагося въ ученіяхъ большинства послѣднихъ неокантіанцевъ и позитивистовъ. Нашъ авторъ вполне остается на той высотѣ нравственнаго ученія, которая яснѣе всего обнаружилась въ ученіяхъ самого Канта и Фихте старшаго. «Мы дѣйствуемъ — повторяетъ онъ слова послѣдняго,—не потому что мы познаемъ, но мы потому и познаемъ, что назначены къ дѣятельности. Практической разумъ есть источникъ всякаго разума, для разумныхъ существъ законы дѣятельности извѣстны непосредственно; а потому что они извѣстны, извѣстенъ имъ и ихъ міръ. Мы не можемъ отказаться отъ первыхъ безъ того, чтобы не погрузились въ абсолютное ничто и нашъ міръ, а съ нимъ и мы сами. Мы возвышаемся надъ этимъ ничто и поддерживаемъ себя надъ нимъ только посредствомъ нашей нравственности» (стр. 116). Вопросъ именно въ томъ, возможно ли для мысли удержаться на этой соблазнительной высотѣ,—не оказывается ли она сама призрачной и разрушительной для всего, что не призракъ?

Но именно вслѣдствіе этой-то серьезности нравственнаго и метафизическаго построенія проф. Введенскаго, рѣзко выдѣляющей его изъ толпы современныхъ, болѣе поверхностныхъ ново-

*) Отъ которыхъ, замѣтимъ, уже въ завершившемъ эволюцію идеализма панлогизмъ Гегеля ровно ничего не осталось.

кантіанцевъ и представляется особенно интереснымъ, *sine ira et studio*, провѣрить логическую безупречность того критическаго пути, который привелъ его къ признанію всѣхъ метафизическихъ истинъ (т.-е. имѣющихъ предметомъ не простое явленіе, но самое реальное) за систему постулатовъ нравственнаго чувства. Неизбѣженъ ли этотъ выводъ? Вполнѣ ли и окончательно онъ обоснованъ, такъ что для мысли дѣйствительно нѣтъ иного выхода, какъ въ направленіи критицизма и отрицанія *теоретической*, доказательной метафизики, т.-е. ученія объ истинно-сущемъ?

Основные посылки разсужденія проф. Введенскаго дѣйствительно совершенно неопровержимы. Но выводъ свой изъ нихъ онъ дѣлаетъ лишь при помощи допущенія *скрытыхъ предположеній* и притомъ—предположеній не только не доказанныхъ, но и прямо невѣрныхъ.

Невозможно оспаривать нашего ученаго автора, пока онъ ограничивается лишь утвержденіемъ того очевиднаго положенія, что не существуетъ такихъ *объективныхъ*, доступныхъ внѣшнему наблюденію признаковъ, изъ которыхъ мы могли бы съ полной *) достовѣрностью заключить о какой-либо чужой душевной жизни. Душевная жизнь каждому дана непререкаемо и непосредственно исключительно во внутреннемъ опытѣ, и прямому наблюденію отвнѣ навѣки и совершенно недоступна. То, что дано нашему внѣшнему наблюденію, и чему мы привыкли приписывать значеніе несомнѣнныхъ признаковъ душевной жизни,—рѣчь, мимика, поступки окружающихъ людей,—само по себѣ представляетъ лишь болѣе или менѣе сложныя группы матеріальныхъ движеній. Если мы эти движенія истолковываемъ какъ внѣшніе признаки чужой и самой по себѣ недоступной намъ душевной жизни окружающихъ людей, животныхъ и т. п., то только потому, что уже заранѣе, какимъ-то независимымъ отъ внѣшняго опыта путемъ предположили въ нихъ существованіе душевной жизни. Безъ этого же предположенія невозможно и психическое истолкованіе чужой рѣчи, жеста, поступка, но все это остается чисто матеріальными движеніями. «Можно видѣть и нельзя отрицать, существуетъ ли душевная жизнь у меня самого,

*) Вѣдь, повторимъ слова кн. С. Трубецкаго («Вопросы философіи и Психологии» кн. XVI, стр. 108) —искать объективныхъ признаковъ сознанія безъ и внѣ сознанія, разумѣется, остается невозможною задачей, самая постановка которой едва ли имѣетъ серьезное значеніе.

но нельзя навѣрное знать, существуетъ ли она и у другихъ людей» (стр. 9). Для насъ недоступно даже и представить-то себѣ чужую душевную жизнь, какъ чужую (36). Мы представляемъ себѣ (въ этомъ случаѣ) лишь свою *собственную* душевную жизнь въ томъ видѣ, какъ она *протекала* бы, еслибы была сполна поставлена въ условія душевной жизни того лица, о которомъ идетъ рѣчь (37). «Сама чужая душевная жизнь остается непредставимой» (38). Представимы только производимые окружающими существами звуки, жесты, движенія, то-есть чисто матеріальные процессы, сами по себѣ ничего о вызывающей ихъ какой-либо душевной жизни не говоряшіе.

Но «всякое матеріальное явленіе, гдѣ бы оно ни наблюдалось—въ организмахъ или въ неорганизованныхъ тѣлахъ, и чѣмъ бы на самомъ дѣлѣ ни вызывалось (хотя бы и душой) всегда совершается по законамъ матеріальной природы и можетъ быть объяснено одними ими безъ всякой помощи души» (32). Эта-то возможность объяснять всякое тѣлесное явленіе, какъ такое, безъ всякаго предположенія души и даетъ скептику неотъемлемое право сомнѣваться въ дѣйствительности душевной жизни у внѣшнихъ ему существъ, одни тѣлесныя явленія движенія которыхъ онъ изъ внѣшняго опыта знаетъ. Нельзя сомнѣваться въ дѣйствительности лишь своей собственной душевной жизни, но чужая—достовѣрныхъ объективныхъ признаковъ не имѣетъ *).

*) Г. Введенскаго упрекали въ смѣшеніи понятій одушевленности и сознательности души, — которая будто бы можетъ быть понимаема и какъ сама по себѣ безсознательная. Съ гносеологической точки зрѣнія упрекъ этотъ совершенно несправедливъ, и г. Введенскаго не упрекать слѣдуетъ за то, что онъ допускаетъ предположеніе души лишь въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ допущено предположеніе сознанія, но похвалить за ясность и точность мысли, не сбиваемой съ толку никакими холячими привычными недоумѣніями. Вѣдь если поводъ говорить и думать о «душѣ» вообще даютъ единственно явленія сознательной жизни, безъ нихъ же никогда не зашло бы и рѣчи о жизни душевной, то для отдѣленія души отъ сознанія, какъ чего то самого по себѣ безсознательнаго, логическія основанія отсутствуютъ. И если существуетъ дѣйствительно много мнящихъ себя спиритуалистами и утверждающихъ въ то же время самостоятельное бытіе какой то безсознательной по своей природѣ души,—то изъ существованія этихъ многихъ, неясно и непослѣдовательно мыслящихъ, умовъ вовсе не вытекаетъ и для г. Введенскаго обязанности мыслить столь же не ясно и не послѣдовательно, какъ они. Мнѣніе, само по себѣ, логически-нелѣпное не станетъ логически-правильнымъ отъ того, что больше или меньше добрыхъ людей пробавлялись этимъ не-

Поэтому «безъ всякаго противорѣчія съ данными опыта и безъ всякаго опасенія быть теоретически опровергнутымъ, я могу повсюду (кромѣ себя конечно!) отрицать душевную жизнь и повсюду ее допускать. Тамъ, гдѣ душевная жизнь дѣйствительно существуетъ (во мнѣ самомъ), ходъ и взаимная зависимость тѣлесныхъ явленій другъ отъ друга нисколько не измѣняются отъ ея присутствія и совершаются такъ, какъ бы ея и не было» (стр. 60).

Этотъ любимый выводъ современной психофизиологіи представляется нашему автору теоретически - неопровержимымъ въ силу того уже, что *объективныхъ* признаковъ у душевной жизни не существуетъ (что безспорно). Поэтому, такъ какъ мы равно вправѣ и отрицать всюду (кромѣ самихъ себя) и признавать всюду душевную жизнь, — ея признаніе въ окружающихъ существахъ и не есть истина эмпирическая, доказуемая научно. «Если признать убѣжденіе въ существованіи чужой душевной жизни за достовѣрную истину, и притомъ такую истину, которая не просто принята на вѣру, а проверена нами, то надо допустить, что сверхъ внѣшнихъ чувствъ и обсуждающаго ихъ показанія ума, у насъ есть еще особый органъ, доставляющій намъ свѣдѣнія о томъ, что находится внѣ насъ» (с. 4). Этотъ то органъ, утверждающій для насъ реальность чужой душевной жизни, нашъ авторъ и называетъ метафизическимъ чувствомъ, составляющимъ неотдѣлимую сторону нравственнаго.

Во всемъ выводѣ автора, на всѣхъ его ступеняхъ повторяется постоянно только одна ошибка, но ошибка, съ начала до конца разрушающая все повидимому столь прочное и стройное логическое построеніе.

Несомнѣнно, что душевная жизнь не имѣетъ *объективныхъ* признаковъ. Но значитъ ли это, что она недоступна теоретическому познанію ни по какимъ признакамъ вообще. Конечно, нѣтъ.

лѣпымъ мнѣніемъ большее или меньшее число лѣтъ, — какъ склоненъ, повидимому, думать кн. С. Н. Трубецкой, упрекающій г. Введенскаго въ неисторическомъ смѣшеніи сознательности съ душевностью. Оригинальный упрекъ въ *смѣшеніи* такихъ вещей, которыя прямо *тождественны!* О «душѣ» вообще говорить и могутъ говорить лишь какъ о носителницѣ сознанія, и тамъ гдѣ не предполагается *никакого* сознанія, нѣтъ и повода предполагать «душу». Несомнѣнный *фактъ* — одно сознаніе, а «душа» лишь примышляется умомъ къ факту для его объясненія. Правильно ли это примышленіе или нѣтъ, но единственную логическую основу его составляетъ фактъ сознанія.

Каждый въ своемъ собственномъ внутреннемъ опытѣ очень хорошо знаетъ свою душевную жизнь и никакъ не можетъ отрицать ея дѣйствительности. Имѣетъ ли даже это знаніе каждымъ дѣйствительности своей душевной жизни для него самого значеніе неоспоримой *теоретической* истины знанія о подлинномъ фактѣ, а не нравственнаго только постулата? — Конечно, — да: каждый *знаетъ* свою душевную жизнь какъ несомнѣннѣйшую дѣйствительность, а не какъ постулатъ, не постулируетъ ее только.

Но если такъ, то одно отсутствіе объективныхъ признаковъ душевной жизни, безъ помощи какихъ-либо другихъ, не высказанныхъ еще предположеній, нисколько не оправдываетъ ни одного изъ главныхъ будто бы критическихъ выводовъ нашего автора.

Не оправдываетъ оно его утвержденія, будто *равно-допустимы*, *равно-недопустимы*, *равно-недоказуемы* и *неопровержимы* и признаніе и отрицаніе повсюду (кромѣ самого себя) присутствія дѣйствительной душевной жизни. Эти два «предположенія» далеко не равнозначущи логически. Тогда какъ отрицаніе душевной жизни есть предположеніе и *не всеобщее* (въ себѣ, а слѣд. и въ сужденіяхъ мысли никто отрицать ее не можетъ) и въ одномъ случаѣ (для каждаго лично и для его сужденія) *невырное*, — противоположное предположеніе признанія душевной жизни можетъ быть по существу и *всеобщимъ*, и въ одномъ случаѣ (во внутреннемъ опытѣ каждаго и во всякомъ актѣ его мысли) обращающимся въ несомнѣнную *непререкаемую истину*. Но если эти два предположенія логически неравнозначущи, то они и приняты не въ одинаковой мѣрѣ могутъ быть лишь въ силу какихъ-либо нетеоретическихъ постулатовъ. Постулата требуетъ безусловно лишь *никогда теоретически не подтверждаемое отрицаніе* душевной жизни, но никакъ *не признаніе* ея, въ одномъ и важнѣйшемъ случаѣ безспорно подтверждаемое, безъ всякихъ постулатовъ, внутреннимъ опытомъ каждаго. Неоправданнымъ является поэтому и утвержденіе проф. Введенскаго, будто при *одинаковой* бездоказательности (она, какъ видимъ, вовсе не одинакова) чисто-психологической, какъ и чисто-физиологической точекъ зрѣнія, мы равно вправѣ пользоваться тою точкой зрѣнія, при помощи которой намъ удобнѣе расширить свое познаніе данныхъ опыта (71). Чисто-психологическая и чисто-физиологическая точка зрѣнія далеко не суть только методологическіе приемы, которымъ нельзя придавать

никакого теоретически-достовернаго значенія (74), какъ учить современная «теорія двухъ точекъ зрѣнія». Онѣ имѣютъ и очень различную *теоретическую достоверность*, ибо внутренній опытъ, подтверждая одну, отрицаетъ другую. Сравнять ихъ по ихъ теоретической достоверности возможно—*лишь допустивъ то предположеніе, что внутренній опытъ, противоположно къ нимъ относящійся, самъ никакого теоретическаго значенія достоверности для мысли не имѣетъ.*

Это и есть дѣйствительно то скрытое предположеніе, которое лежитъ въ основѣ и кантіанства, и позитивизма, и новокантіанства, и всякаго феноменизма. Нельзя считать за познаваемое одни *явленія*, всякую же реальность за выходящій за границы достовернаго знанія постулатъ, — не отрицая достоверности внутренняго опыта, въ которомъ дана намъ несомнѣнная реальность нашей душевной жизни. Нельзя признать внутренняго опыта и его показаній за простыя *явленія*, не свидѣтельствующія достоверно о какой-либо реальности, не отрицая самаго существа внутренняго опыта. Онъ не можетъ быть явленіемъ, ибо явленіе только вѣдомо *кому-нибудь*, но само себя не знаетъ, существо же внутренняго опыта, сознанія, усилія воли именно въ томъ и состоитъ, что они знаютъ о внутреннемъ опытѣ, сознаніи и усиліи, т.-е. о себѣ. Нельзя признать метафизику, науку объ истинно-сущемъ, за неимѣющую теоретической достоверности систему нравственныхъ постулатовъ, не отрицая внутренняго опыта. При признаніи достоверности послѣдняго пришлось бы или допустить для каждаго *два* метафизики рядомъ: одну, относящуюся къ внѣшнему міру «систему постулатовъ» и другую, теоретически достоверную, относящуюся къ его собственной реальности; или пришлось бы поискать въ этой послѣдней, теоретической метафизикѣ *субъекта*, какихъ-либо путей къ познанію и внѣшней ему реальности, т.-е. къ метафизикѣ теоретической, а не однихъ только нравственныхъ постулатовъ *). Но такое исканіе невозможно тамъ, гдѣ достоверность и метафизическое значеніе отрицаются у внутренняго опыта.

Это отрицаніе составляетъ существенную черту «критической» (только не въ данномъ случаѣ) философіи Канта и всякаго, при-

*) Пришлось бы въ самомъ внутреннемъ опытѣ искать просвѣта въ трансцендентный, лежащій за его предѣлами міръ, какъ и дѣлаю я въ сочиненіи „Вѣра и знаніе въ единствѣ мировоззрѣнія“.

мыкающаго къ ней феноменизма, сводящаго метафизику на «систему нравственныхъ постулатовъ». Отрицаніе это тѣмъ некритичнѣе и ненаучнѣе, но и тѣмъ труднѣе одолимо, что оно вездѣ болѣе или менѣе *скрыто*, замаскировано. И это по очень понятнымъ причинамъ. Вѣдь открыто отрицать теоретическую достовѣрность внутренняго опыта, сознанія,—въ которомъ намъ дано *все*,—значило бы открыто отрицать *всякую* вообще и гдѣ бы то ни было достовѣрность! Открыто признать сознаніе, внутренній опытъ, за простое *явленіе*, индивидуальную особенность *) значило бы откровенно сознаться, что *все безъ изъятія есть иллюзія*, не исключая и «нравственнаго чувства», которое вѣдь тоже дано *только* во внутреннемъ опытѣ. Но тогда пришлось бы отказать и отъ метафизики, какъ системы нравственныхъ постулатовъ. Поэтому отрицаніе внутренняго опыта въ критической философіи выражается лишь въ томъ, что о немъ *вовсе не говорятъ*, приравнивая его, какъ нѣчто само собою разумѣющееся, къ опыту внѣшнему, его знаніе къ знанію явленій и т. п. Любопытно, что уже у основателя критицизма, Канта, такъ подробно изслѣдовавшаго условія познанія *объектовъ*, во всей массѣ его произведеній внутреннему опыту посвящено лишь 16—17 страницекъ разбросанныхъ въ «Антропологию» и «Критикѣ чистаго разума». Особой критики внутренняго опыта, изученія особыхъ условій *познанія субъекта*, какъ будто вовсе и не требуется. Но до тѣхъ поръ, пока этой критики нѣтъ, пока еще не доказано, что внутренній опытъ не есть достовѣрная основа метафизическаго знанія, что онъ не выводитъ мысль за предѣлы внѣшняго опыта и не можетъ быть только субъективнымъ (а это *доказывали* многіе,—не одинъ Мэнъ-де-Биранъ **),—до тѣхъ поръ весь феноменизмъ и ученіе о метафизикѣ, какъ системѣ нравственныхъ

*) Признаніе у г. Введенскаго возможности считать сознаніе за мою *индивидуальную особенность*, образовавшуюся въ особенныхъ условіяхъ моего индивидуальнаго развитія, такъ странно, что мы ее не можемъ серьезно разбирать, видя въ ней лишь *lapsus linguae*. Признавъ свое сознаніе за «индивидуальную особенность», вродѣ случайнаго прыща, конечно, я лишаюсь права говорить не только объ объективныхъ метафизическихъ истинахъ, но и просто объ общегодныхъ, имѣющихъ только *логическое* значеніе сужденійхъ. Я при этомъ признаніи не могу быть уже не только догматикомъ, но даже и критикомъ и скептикомъ, долженъ перестать говорить и начать мычать и т. п.

***) Стараюсь доказывать и я въ моей послѣдней книгѣ „Вѣра и знаніе въ единствѣ міровоззрѣнія“.

постулатовъ, построены на чисто-произвольномъ предположеніи, суть лишь праздныя «слова, слова»!...

Совершенно тщетна и надежда нашего автора сохранить за метафизикою жизненное значеніе, признавъ ее системою нравственныхъ постулатовъ,—надежда, обманувшая уже разъ и праотца критицизма—Канта.

Никогда, какъ мы уже говорили, одно требованіе моимъ чувствомъ чего бы то ни было, какъ безусловно желательнаго или долженствующаго быть, не можетъ служить основаніемъ для логическаго вывода, что это нѣчто *есть*. Изъ нравственныхъ постулатовъ никогда, никакимъ углубленіемъ и уясненіемъ ихъ содержанія не получимъ мы ни одной самомалѣйшей метафизической истины. Это прежде всего; затѣмъ остаются еще два вопроса, выводящіе насъ неизбѣжно за сферу нравственныхъ постулатовъ, не позволяющіе намъ въ нихъ видѣть прочное основаніе для какихъ бы то ни было выводовъ нашихъ о мірѣ сушаго, но требующіе для нихъ самихъ обоснованія, оправданія не одною ихъ наличностью въ моемъ сознаніи.

Вѣдь, во первыхъ, нравственное чувство можетъ постулировать лишь такую реальность, которая не находится съ нимъ самимъ въ явномъ, кричащемъ противорѣчій. А такова ли—постулируемая имъ будто бы реальность нашего міра, какъ поприща нашей дѣятельности, и реальность психическихъ существъ, составляющихъ наше общество, среду этой дѣятельности? Или мало въ нихъ всякой лжи, зла, безобразія и нелѣпости? И какъ же при этомъ постулировать нашему нравственному чувству эту реальность? Пессимизмъ всѣхъ вѣковъ даетъ ясный отвѣтъ на это.

Въ наше время менѣе чѣмъ когда либо возможно не замѣчать очень прискорбнаго, но неустранимаго факта господствующихъ въ огромной части человѣчества пессимистическихъ ученій. А этотъ фактъ слишкомъ ясно и громко свидѣтельствуетъ противъ утвержденной г. Введенскимъ мнимой безспорности, самоочевидности требованій «нравственнаго чувства», постулирующаго одушевленный міръ и многое другое! Вѣдь нравственное чувство пессимиста постулируетъ не иное только, чѣмъ наличное, не высшее и лучшее бытіе, но *небытіе*! И въ наличномъ бытіи самымъ нелѣпымъ, нежелательнымъ, чѣмъ скорѣе уничтожимымъ, тѣмъ лучше, признаетъ оно именно *сознаніе*, одушевленность, ибо въ нихъ—вѣчный источникъ всего осуждающаго бытіе міра

страданія: чѣмъ больше души, сознанія, тѣмъ неизмѣримѣе и непоправимѣе страданіе! Нравственные постулаты здѣсь очевидно не ведутъ къ метафизикѣ нашего автора.

Во-вторыхъ же, самыя требованія нравственнаго чувства не только далеко не такъ неоспоримы, такъ самоочевидны, но и нуждаются въ собственномъ своемъ обоснованіи и оправданіи болѣе, чѣмъ полагаетъ г. Введенскій,—чтобы изъ нихъ обосновывать *всякую* реальность и міра, и души, и Бога. Особенно странно говорить объ этой самоочевидности и самообосновности въ наше время,—время повсюдной проповѣди «естественной» эволюціонной «морали» и свободнаго идеала,—время такихъ «моралистовъ», какъ Баррэсъ или Ницше! Нѣтъ; дѣло изысканія основаній и оправданій нравственныхъ предписаній есть и вообще, и въ особенности въ наше время, и не невозможное, и не праздно дѣло! Не праздно оно уже потому, что отъ признанія *того или другого* основанія системы нравственныхъ предписаній измѣняется и все ихъ значеніе и даже содержаніе, получается или мораль жизненныхъ цѣлей, или мораль принциповъ, началъ, или условная мораль цѣлесообразности, или безусловная мораль долга и т. п. А это, конечно, далеко не безразлично и для «нравственныхъ постулатовъ», которые, сами нуждаясь въ обоснованіи, не могутъ уже служить послѣднимъ основаніемъ признанія всякой реальности и началомъ метафизики...

Въ заключеніе еще одно замѣчаніе: проф. Введенскій не разъ высказываетъ, что то неокантіанское, критическое направленіе философіи, къ которому онъ принадлежитъ, представляется въ наше время господствующимъ, что кличъ: «назадъ къ Канту!»—является какъ бы общимъ философскимъ лозунгомъ. Это не совсѣмъ вѣрно и для западной Европы (особенно, напр., для Франціи, гдѣ вліяніе Мэнъ-де-Бирана и его спиритуализма едва ли слабѣе вліянія Канта и его критицизма), и для Россіи въ особенности. У насъ философовъ вообще немного, но и изъ этихъ немногихъ лишь незначительное меньшинство — новокантіанцы. За исключеніемъ самого А. Введенскаго и частію Н. Ланге, едва ли у насъ найдутся серьезные представители неокантіанства. Наиболѣе многочисленная группа нашихъ современныхъ философовъ своимъ лозунгомъ избрала не кличъ «назадъ къ Канту» и къ критицизму, но скорѣе «назадъ къ Лейбницу» и спиритуализму. Къ ихъ числу принадлежитъ и пишущій эти строки. Періодъ новокантіанства и позитивизма у насъ, повидимому, уже

пережить, хотя и не такъ еще рѣшительно и безповоротно, какъ пережито гегелианство, а симпатіи къ спиритуализму высказываются съ каждымъ днемъ все яснѣе и опредѣленнѣе.

Оживить вновь, одушевить великіе призраки пережитого уже человѣчествомъ односторонняго и дѣланнаго нѣмецкаго идеализма, какъ пытается сдѣлать это г. Введенскій съ тѣнями Канта и Фихте, едва ли въ наши дни возможно. *Justo judicio judicati sunt, justo judicio condemnati sunt.* Не будемъ желать нашему талантливому и искреннему автору, какъ дѣлаетъ это кн. С. Трубецкой, перейти отъ Фихте къ Шеллингу, а тамъ къ Гегелю (и къ чему же дальше??). Это значило бы — пожелать ему топтаться безвыходно и томительно на мѣстѣ, уже совершенно вытоптанномъ, навѣки бесплодномъ и никакого выхода не оставляющемъ открытымъ. Пожелаемъ ему скорѣе, примыкая къ мысли Э. Радлова («Вѣстникъ Европы» 1893, 1, статья «Неудачный метафизикъ») поискать выхода въ критикѣ психологическаго субъективизма Милля и «панлогизма» Гегеля, а выражая эту мысль по-моему, — въ критикѣ *внутренняго опыта*.

П. Е. Астафьевъ.

Къ физиологіи музыкальнаго таланта.

(Читано въ сѣномъ, публичномъ засѣданіи Московскаго Психологическаго Общества 21-го февраля 1893 г.)

Извѣстная ритмичность въ душевной жизни человѣка, въ смыслѣ попеременнаго преобладанія двухъ, одинаково сильныхъ элементовъ — ума и чувства, какъ выраженіе стремленія природы вносить во всѣ явленія принципъ равновѣсія, есть результатъ физиологическихъ законовъ и въ то же время представляетъ необходимое условіе для правильнаго теченія мозговыхъ процессовъ. Не только въ индивидуальной, но и въ общественной жизни подобная смѣна сказывается съ не меньшею ясностью, хотя бы въ томъ, что массы, живущія духовными интересами, устремляютъ свое вниманіе съ извѣстною періодичностью то въ сторону научныхъ и общественныхъ вопросовъ, то въ сторону вопросовъ эстетическихъ. Мы, кажется, не впадемъ въ особенно грубую ошибку, если отмѣтимъ, что въ сферѣ сознанія нашего общества въ настоящее время не послѣднюю роль играетъ интересъ къ искусству въ различныхъ его проявленіяхъ. Въ зависимости отъ чего—мы здѣсь не беремся рѣшить, но одинъ изъ видовъ искусства—искусство самое отвлеченное, отвлекающее дальше, чѣмъ другія, отъ всякихъ внѣшнихъ конкретныхъ образовъ—музыка, настолько занимаетъ теперь наше общество, что рѣдко кто не старается извѣстную часть своего времени посвящать домашнимъ занятіямъ музыкою, концертамъ или оперѣ, и стремленіе къ высшему музыкальному развитію дѣлаетъ все новые шаги впередъ. А разъ это такъ, то совершенно естественно и то, что вышеуказанное явленіе должно было привлечь къ себѣ вниманіе мыслителей и представить для ихъ изысканій цѣнный

матеріалъ: этимъ только можемъ мы объяснить себѣ то, что въ послѣднее время въ литературѣ антропологической и медицинско-й появляется рядъ изслѣдованій, имѣющихъ цѣлью пролить свѣтъ на свойства и на нѣкоторыя болѣзненные разстройства музыкальныхъ способностей.

Новѣйшая исторія науки, занимающейся вопросами изъ области духа, и различные фазисы ея развитія уже съ достаточною наглядностью доказали, что наиболѣе правильный путь для пониманія явленій, для ихъ опредѣленія и объясненія—есть тотъ, который проходитъ по твердой почвѣ рациональныхъ изысканій. Духъ есть та же природа, и къ нему примѣнимы лишь тѣ законы, которые управляютъ окружающими насъ явленіями: социологія, антропологія, сравнительная психологія, физиологія и, наконецъ, ученіе о разстройствахъ дѣятельности мозга, какъ органа душевной жизни,—вотъ тѣ науки, отъ которыхъ и можно только ожидать какихъ-либо положительныхъ выводовъ о сущности душевныхъ процессовъ. Когда будетъ окончательно изученъ человѣческій мозгъ по функциямъ отдѣльныхъ его частей, когда будетъ въ точности установлено взаимодѣйствіе между отдѣльными мозговыми процессами и ихъ гармоническая кооперація, тогда сами собою получатся отвѣты на многіе вопросы, которые для иныхъ наукъ представлялись во всѣ времена неразрѣшимыми *).

Неизвѣстно, близко ли, далеко ли это время, но во всякомъ случаѣ рациональною наукою сдѣлано уже многое, и это достаточно извѣстно тѣмъ, кто, изучая психологическіе вопросы, охватываетъ ихъ съ разныхъ сторонъ, не придерживаясь одной спеціальной точки зрѣнія.

Наиболѣе важнымъ, конечно, открытіемъ въ этомъ направленіи должно считать опредѣленіе въ различныхъ отдѣлахъ мозговой коры центровъ сознательной дѣятельности; открытіе мозговыхъ центровъ для произвольныхъ движеній, для сознательнаго воспріятія чувствительныхъ представленій составляетъ тотъ краеугольный камень, тотъ элементарный факторъ, который ложится

---

*) Хотя авторъ, повидимому, слишкомъ преувеличиваетъ значеніе физиологическаго изученія мозга въ рѣшеніи чисто психологическихъ вопросовъ, но какъ голосъ спеціалиста физиолога въ области одного изъ интереснѣйшихъ и еще очень мало разработанныхъ вопросовъ, стоящихъ на границѣ физиологіи и психологіи, его этюдъ можно рекомендовать вниманію и чистыхъ психологовъ.

въ основу локализаціи болѣе сложныхъ мозговыхъ процессовъ. Отсюда одинъ только шагъ (который уже и сдѣланъ) до констатированія органа, предназначеннаго для такихъ сложныхъ сознательныхъ процессовъ, какъ рѣчь, словесныя представленія, письменные акты; дальше еще одинъ шагъ — и мы сталкиваемся съ такимъ мѣстомъ въ головномъ мозгу, функція котораго сводится къ регулированію самыхъ разнообразныхъ поступковъ.

Для научной психологіи должны представить особенный интересъ тѣ проявленія душевной жизни, которыя, по своему спеціальному характеру, по изолированности, въ общей совокупности душевныхъ процессовъ, являются какъ бы обособленными и которыя относятся къ разряду такъ называемыхъ спеціальныхъ способностей. Сюда мы относимъ и музыкальную способность. Эта способность тѣмъ болѣе интересна, что присуща, въ большей или меньшей степени, не только большинству людей, но и очень многимъ низшимъ представителямъ животнаго царства; это есть то взаимодействіе мозговыхъ центровъ слуха съ проэктированными двигательными актами, которые представляютъ наиболѣе могущественное средство для выраженія ощущеній и другихъ душевныхъ состояній. Безконечнаго ряда степеней развитія этой способности у животныхъ, одаренныхъ голосомъ, вполне достаточно для того, чтобы замѣнить рѣчь. Такъ же точно у ребенка, идіота и глухонѣмого различныя модуляціи голоса служатъ для той же цѣли; но это все есть, конечно, только лишь рудиментъ музыкальной способности, хотя и представляетъ въ то же время главный ея элементъ. Я говорю «рудиментъ» потому, что понятіе о музыкѣ, въ тѣсномъ смыслѣ слова, сводится къ 4 элементарнымъ ея составнымъ частямъ: тѣмбру, ритму, мелодіи и гармоніи. При всемъ томъ однако у множества животныхъ, въ особенности у птицъ, можно констатировать ту или другую степень музыкальности, какъ въ смыслѣ реакціи на музыкальныя внѣшнія впечатлѣнія, такъ и въ смыслѣ музыкальныхъ свойствъ и соотношеній издаваемыхъ ими звуковъ. Что музыкальное выраженіе у человѣка составляетъ одно изъ основныхъ проявленій его душевной дѣятельности, достаточно видно изъ того, что у дѣтей обыкновенно способность музыкальнаго выраженія обнаруживается гораздо раньше членораздѣльной рѣчи, что у нѣкоторыхъ идіотовъ, не произносившихъ отъ рожденія ни одного слова, замѣчается не только небезучастное отношеніе къ

музыкальнымъ выраженіямъ, но и способность выражать свои душевныя состоянія въ какой-нибудь музыкальной формѣ. Жизнь чувства обнаруживается раньше мысли, и потому понятно, что музыкальное выраженіе, служащее цѣлью для реакціи на чувства и для проекии настроенія, должно представить не только болѣе элементарное, но и болѣе постоянное свойство души. Извѣстно не мало случаевъ, когда люди, утратившіе послѣ душевной болѣзни свои умственныя способности, сохраняли еще музыкальныя способности; такъ Легранъ дю Солль упоминаетъ объ одной больной Мореля, которая, до заболѣванія тяжкою истеріей, обнаруживала блестящія музыкальныя способности; впоследствии больная перешла въ состояніе глубокаго слабоумія, при чемъ потеряла всякій образъ и подобіе человѣческое; тѣмъ не менѣе однако, когда ее однажды подвели къ роялю и раскрыли передъ ней ноты, она сыграла безукоризненно указанную ей пьесу.

Но музыкальная способность не могла избѣгнуть общей участи всѣхъ тѣхъ свойствъ животнаго существа, которыя, въ силу законовъ эволюціи, должны уступать мѣсто другимъ болѣе полезнымъ свойствамъ въ борьбѣ за существованіе, и этимъ только и можно объяснить то, что музыкальная способность, хотя и присутствующая всему человѣчеству, все-таки у иныхъ людей слабо развита, а у другихъ и вовсе отсутствуетъ. Эта атавистичность музыкальной способности получаетъ особенное подтвержденіе со стороны изслѣдованій антропологовъ и психіатровъ, особенно недавнихъ, изъ которыхъ видно, что мало-мальски выдающаяся степень музыкальной способности, а тѣмъ болѣе высокая музыкальная талантливость больше, чѣмъ какой-либо другой видъ таланта, идетъ рука объ руку съ такъ-называемымъ психическимъ вырожденіемъ, что для существованія талантливости вообще, а въ частности музыкальной, необходима бѣлая или меньшая степень психической неуравновѣшенности. И дѣйствительно, стоить только припомнить исторію большинства извѣстныхъ музыкантовъ, начиная съ самаго дѣтскаго возраста и до послѣднихъ ихъ дней, стоить только обратить вниманіе на окружающихъ насъ людей, болѣе чѣмъ обыкновенно музыкальныхъ, и изучить ихъ психическія свойства, чтобы убѣдиться, что чѣмъ выше степень музыкальности, тѣмъ рѣзче выражены признаки психическаго вырожденія. За примѣрами нечего намъ далеко ходить, и они всѣмъ хорошо извѣстны: достаточно прочитать бі-

ографіи Моцарта, Бетховена, Шопена, Берліоза, Шумана и большинства другихъ музыкальныхъ геніевъ, о личности которыхъ до насъ дошли свѣдѣнія, чтобы не усомниться ни на одну минуту въ томъ, что это были люди, страдавшіе глубокими душевными разстройствами и представлявшіе всѣ признаки психической дегенерации *). Для подтвержденія того, какъ велико зна-

*) Не можемъ не выразить сожалѣнія, что почтенный авторъ не провелъ никакой границы между случаями, въ которыхъ высшая степень музыкальности сопровождалась съ самого начала явными признаками психической дегенерации,—тѣми, въ которыхъ признаки вырожденія являлись лишь впоследствии, можетъ быть, какъ показатели нервного и психическаго переутомленія и истощенія и, наконецъ, тѣми, въ которыхъ высокая степень музыкальности *нисколько* не была связана съ признаками нервной и психической ненормальности. Нельзя же утверждать, что всѣ музыканты—нервно и психически больные субъекты. Это было бы конечно подтвержденіемъ Ломброзовскихъ теорій, но эти послѣднія оказались уже достаточно несостоятельными при изученіи другихъ областей талантливости и геніальности. Притомъ странно было бы считать высшія музыкальныя способности однимъ изъ симптомовъ *вырожденія*, когда самъ авторъ ниже доказываетъ, что на самихъ музыкальныхъ способностяхъ отражается вырожденіе и онѣ претерпѣваютъ рядъ болѣзненныхъ извращеній въ процессъ психической дегенерации.

Редакція.

Отвѣтъ автора.

Позволимъ себѣ поставить на видъ уважаемой Редакціи, что для психіатровъ не существуетъ разницы между дегенераціею, обнаружившеюся въ раннемъ возрастѣ и такой, признаки которой выступили позднѣе, ибо при „вырожденіи“ предполагается прирожденная наклонность къ уклоненію отъ „нормы“.

О такъ сказать „абсолютно здоровыхъ“ музыкальныхъ талантахъ мы не упомянули потому, что если они и существуютъ, то въ ихъ обыкновенныхъ, не психіатрическихъ біографіяхъ, быть можетъ случайно, опущены указанія на то, наблюдались-ли какіе-либо дегенеративные признаки или нѣтъ, и потому подобныя жизнеописанія для насъ особеннаго значенія имѣть не могутъ. Притомъ, нерѣдко случается, что публика считаетъ здоровыми такихъ субъектовъ, которые для врача несомнѣнно люди больные.

Далѣе, доказывая, что для существованія выдающихся музыкальныхъ способностей, конечно, въ смыслъ творчества, необходима дегенеративная почва, мы не думаемъ утверждать, чтобы всѣ музыканты были нервно или душевно больные, такъ какъ мы, къ сожаленію, знаемъ, что музыкантовъ во много много разъ больше, чѣмъ истинныхъ музыкальныхъ *талантовъ*.

Что-же касается приводимыхъ ниже случаевъ разстройства музыкальныхъ процессовъ, то они служатъ только для доказательства анатомо-физиологической организациі мозгового аппарата музыкальной способности и, какъ чисто случайныя органическія заболѣванія головного мозга, не имѣютъ никакого, спеціальнаго отношенія къ вопросу о вырожденіи.

Г. Р.

ченіе этой послѣдней, въ смыслѣ фактора, обостряющаго музыкальную способность, я позволю себѣ привести одинъ примѣръ, изъ моихъ личныхъ наблюденій. Рѣчь идетъ о недавно умершей, молодой женщинѣ, г-жѣ М., обнаружившей, съ самаго ранняго дѣтства, а тѣмъ болѣе во время занятій, хотя, впрочемъ, крайне беспорядочныхъ, въ петербургской и московской консерваторіяхъ—высокую степень музыкальной даровитости; она жила только въ мірѣ музыкальных звуковъ и всякое душевное состояніе сводилось у нея къ музыкальной формѣ выраженія; на сколько ей позволяла ея недостаточная подготовка,—она была творцомъ; на-ряду съ этимъ она не только представляла всѣ анатомическіе и психическіе признаки дегенерации, но и была подвержена тяжкому вліянію наслѣдственности: отецъ ея, нашъ выдающійся писатель, своими трудами приобрѣлъ извѣстность высокоталантливаго человѣка, но въ то же время былъ субъектъ въ высшей степени странный, необузданный и безпокойный до того, что временами онъ могъ быть терпимъ развѣ лишь въ буйномъ отдѣленіи дома для умалишенныхъ. Одновременно онъ былъ неизлѣчимымъ алкоголикомъ, благодаря чему литература наша и лишилась прежде времени одного изъ выдающихся талантовъ. Среди братьевъ его и представителей вышнихъ поколѣній было достаточное число душевнобольныхъ и одинъ самоубійца; въ числѣ же братьевъ и сестеръ г-жи М. имѣются—эпилептикъ, съ приступами остраго помѣшательства, истеро-эпилептики и меланхолики, и въ то же время мужская половина этой семьи представляла различные виды таланливости, за исключеніемъ музыкальной, которой нельзя было констатировать ни у одного изъ родственниковъ отца нашей больной. Интереснымъ, въ виду сказаннаго, является тотъ фактъ, что мать больной, сама музыкальная и происходящая изъ музыкальной семьи, передала свои способности дочери, наиболѣе неуравновѣшенной изъ всѣхъ остальныхъ дѣтей и въ степени, необычной для субъекта женскаго пола. Послѣднее обстоятельство, т.-е. передача музыкальной способности, но уже съ характеромъ настоящаго таланта, субъекту женскаго пола, особенно интересно тѣмъ, что для этого потребовалась крайняя степень неуравновѣшенности, такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію тотъ фактъ, что въ силу ли унаслѣдованія отъ низшихъ видовъ, у которыхъ музыкальностью одарены преимущественно особи мужскаго пола, или по другимъ какимъ-либо причинамъ, у мужчинъ музыкальныя способности

встрѣчаются чаще и достигаютъ высшаго развитія, нежели у женщинъ.

Такимъ образомъ, на основаніи совпаденія повышенной музыкальной способности съ другими признаками психическаго вырожденія можно заключить, что у людей неуравновѣшенныхъ всякая талантливость представляетъ несоразмѣрное, въ сравненіи съ другими частями, развитіе тѣхъ элементовъ мозга, которые служатъ органами для процессовъ творчества въ той или другой формѣ, и что при существованіи у людей неуравновѣшенныхъ склонности къ импульсивнымъ поступкамъ и навязчивымъ ощущеніямъ, въ моментъ творческаго транса вся возбужденная энергія мозговыхъ центровъ сводится къ преобладающему функціонированію наиболѣе развитою центрального аппарата. Стоитъ только вспомнить для этого всѣ случаи изъ истории многихъ великихъ творцовъ, которые, для достиженія наибольшей продуктивности, прибѣгали къ мѣрамъ, приводившимъ въ возбужденное состояніе мозговую дѣятельность. Вино, горячіе компрессы на голову, горячія ножныя ванны, кофе, чай и другія возбуждающія нервныя центры средства—у художника вызываютъ яркія картины, просящіяся на полотно, у музыканта—звуковыя представленія, у поэта—особенное вдохновеніе и т. п.

Извѣстную аналогію съ вышесказаннымъ представляютъ тѣ явленія, которыя мы наблюдали у собакъ, при нашихъ изслѣдованіяхъ надъ происхожденіемъ различныхъ импульсивныхъ движеній и навязчивыхъ ощущеній *). Такъ, на примѣръ, когда мы у собаки удаляли опредѣленные участки коры головного мозга на одной сторонѣ и выжидали прекращенія разстройствъ, вызванныхъ самою операціей, то стоило ввести животному въ кровь небольшое количество раствора кокаина, который, какъ извѣстно, дѣйствуетъ возбуждающимъ образомъ на мозговую кору, для того, чтобы развилась полная картина неуравновѣшенности, съ преобладаніемъ дѣятельности нетронутыхъ частей головного мозга надъ функціею поврежденныхъ,—другими словами: при возбужденіи дисгармоническаго въ анатомическомъ отношеніи головного мозга, рѣзче всего проявляется функція болѣе развитыхъ отдѣловъ его. Что въ отношеніи развитія у человѣка отдѣльныхъ спо-

---

*) *G. Rossolimo: Zur experimentellen Methodik der Grosshirnphysiologie. Neurologisches Centralblatt 1892, № 20.*

способностей или талантовъ играютъ роль соотвѣтствующія анатомическія условія строенія головного мозга, видно изъ тѣхъ примѣровъ, хотя и весьма рѣдкихъ, въ которыхъ грубое поврежденіе мозга давало въ результатѣ усиленное развитіе одной какой-нибудь способности. Подобный случай намъ самимъ пришлось наблюдать. Случай этотъ настолько интересенъ, особенно въ виду его прямого отношенія къ занимающему насъ вопросу, что мы считаемъ не лишнимъ остановиться на немъ нѣсколько подробнѣе, тѣмъ болѣе, что въ дальнѣйшемъ изложеніи мы еще вернемся къ нему.

Намъ пришлось видѣть субъекта Э. 3 года тому назадъ, когда ему было 13 лѣтъ. Родители его, братья и сестры—люди самые заурядные, и лишь у одного младшаго брата въ незначительной степени выражена музыкальная способность; не было въ семьѣ талантовъ, не было и нервныхъ и душевныхъ больныхъ,—другими словами, не было поводовъ сомнѣваться въ уравновѣшенности всѣхъ членовъ данной семьи. Мальчикъ, о которомъ идетъ рѣчь, родился уже съ полной картиной разстройствъ нервной системы, а именно съ параличами въ лѣвой рукѣ, въ лѣвой ногѣ, въ лѣвой половинѣ лица и языка, которые указывали на глубокое поврежденіе, повидимому, воспалительнымъ процессомъ во время внутриутробной жизни, значительной части праваго полушарія головного мозга, а именно въ области нервныхъ центровъ и путей для лѣвыхъ конечностей, лѣвой половины языка и лица, а также лѣваго уха, такъ какъ слухъ на лѣвой сторонѣ сильнѣе, чѣмъ на правой. Когда мы изслѣдовали мальчика, мы имѣли на-лицо въ значительной степени выраженными всѣ вышеупомянутыя разстройства. Въ отношеніи умственнаго и нравственнаго развитія, субъектъ нашъ представлялъ глубокую степень слабоумія: крайне ограниченный кругъ представлений, низшая степень соображенія и отсутствіе многихъ основныхъ элементовъ нравственности.

Но одновременно съ этимъ нашъ мальчикъ представлялъ феноменальное развитіе двухъ способностей: математической и музыкальной, причемъ первая выражалась въ необыкновенной способности припомнить 15-ти и 20-ти значные ряды цифръ, рѣшать въ умѣ, въ какой день недѣли должно прійтись то или другое число любого мѣсяца и любого года,—однимъ словомъ, представлялъ изъ себя нѣчто въ родѣ прогрессившаго недавно во всей Европѣ Жака Иноди.

Наиболѣе интереснымъ намъ показалось то, что этотъ мальчикъ, котораго музыкальное образованіе сводилось всего лишь къ знанію названій нотъ, а слышать ему пришлось только оперу «Демонъ», обнаружилъ рѣзко выраженную музыкальную способность. Прійдя къ намъ въ первый разъ и увидя въ залѣ музыкальные инструменты, онъ съ жадностью набросился на нихъ, въ особенности на фисгармонію, и тотчасъ же началъ импровизовать различныя весьма складныя мелодіи, сопровождая ихъ совершенно правильнымъ, хотя и не замысловатымъ акомпаниментомъ лѣвою рукой, насколько ему позволяла слабость и судорожное состояніе этой конечности.

Въ отношеніи ритма, исполненіе нашего паціента не представляло никакихъ погрѣшностей. При изслѣдованіи его музыкальнаго слуха мы могли отмѣтить еще болѣе интересный фактъ, заключающійся въ томъ, что онъ не только безошибочно отличалъ неправильный аккордъ отъ гармоничнаго, но и угадывалъ точно и немедленно всякую ноту, въ какомъ бы регистрѣ ее ни брали; когда на рояли брался одновременно большой рядъ нотъ, въ какомъ бы ни было, гармоническомъ или негармоническомъ, сочетаніи, онъ тотчасъ же называлъ подъ-рядъ всѣ ноты, начиная сверху или снизу и не ошибаясь даже на полтона. Этого, хотя и поверхностнаго испытанія музыкальныхъ способностей, одновременно съ констатированіемъ у него неопределимаго влеченія къ музыкѣ, по нашему мнѣнію, достаточно, чтобы доказать, что нашъ субъектъ — музыкантъ, хотя и не образованный, но въ то же время несомнѣнно талантливый, и что въ свою очередь эта высокая степень музыкальной способности находилась въ нѣкоторой и, быть-можетъ, даже очень большой зависимости отъ разрушенія еще въ зародышевой жизни значительнаго отдѣла мозга.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ описанномъ случаѣ, для сохраненія, а тѣмъ болѣе въ усиленной степени, музыкальной способности, была необходима цѣлость тѣхъ отдѣловъ мозга, въ которыхъ могли бы происходить процессы музыкальнаго воспріятія и творчества. Такъ, по крайней мѣрѣ, бываетъ относительно всѣхъ другихъ извѣстныхъ процессовъ, съ опредѣленною мозговою локализацией; напримѣръ у нашего же больного, страдающаго параличомъ, хотя и не полнымъ, лѣвыхъ конечностей и мышцъ лѣвой половины лица и языка, вслѣдствіе поврежде-

нія праваго полушарія головного мозга, сохранены двигательныя способности правой половины тѣла и, что особенно важно, нормальное состояніе акта рѣчи, такъ какъ извѣстно, что центры для мышцъ правой стороны и органъ рѣчи помѣщаются въ лѣвомъ полушаріи головного мозга, которое у нашего больного осталось не поврежденнымъ. Предполагая такимъ образомъ у нашего пациента сохраненіе въ цѣлости центрального органа въ мозгу, завѣдывающаго музыкальными процессами, мы шли тѣмъ же путемъ, которымъ шли невропатологи при выясненіи функцій различныхъ отдѣловъ мозга, и намъ остается теперь искать подтвержденія нашего предположенія въ такого рода случаяхъ, въ которыхъ разрушеніе того или другого отдѣла подозрѣваемаго нами лѣваго полушарія мозга влекло бы за собой разстройство музыкальной способности. Оказывается, что подобные случаи наблюдались и даже не въ самое послѣднее время. Первые наблюденія были сдѣланы надъ субъектами, страдавшими разстройствомъ рѣчи, и это-то обстоятельство и наталкивало врачей на изученіе одновременнаго разстройства музыкальнаго выраженія, причемъ однако не было прежде и помину о чистыхъ разстройствахъ одной только музыкальной способности, а тѣмъ болѣе—о попыткахъ къ объясненію этихъ крайне интересныхъ разстройствъ.

Во всякомъ случаѣ въ большинствѣ прежнихъ наблюденій подобнаго рода на первый планъ выступали разстройства рѣчи—такъ называемыя *афазисы*, которыя, съ своей стороны, представляютъ такую аналогію съ музыкальными разстройствами и уже настолько изучены, что мы скажемъ о нихъ предварительно нѣсколько словъ.

Дѣло въ томъ, что у всѣхъ людей, у которыхъ правыя конечности функционируютъ лучше и, слѣдовательно, лѣвое полушаріе мозга развито больше, чѣмъ правое, т.-е. у такъ-называемыхъ *правшей*, всякій процессъ, нарушающій питаніе или цѣлость третьей лобной извилины и подлежащаго бѣлаго вещества, а также сосѣднихъ частей лѣваго полушарія мозга,—влечетъ за собою тотъ или другой видъ разстройства рѣчи, при которыхъ можетъ быть поражена память слова,—способность произносить слова, понимать слова, называть вещи настоящими словами, а не какими-либо другими, а также способность читать и писать; въ однихъ случаяхъ возможно одно изъ названныхъ разстройствъ.

въ чистомъ видѣ, въ другихъ же — различныя ихъ комбинаціи.

Какъ мы сказали, много схожаго съ этими разстройствами представляютъ разстройства музыкальныхъ способностей, но прежде, нежели перейти къ систематическому разбору и къ опредѣленію сущности этихъ такъ-называемыхъ «амузій» (по аналогіи съ «афазіями» — болѣзнями рѣчи), мы приведемъ описаніе нѣкоторыхъ интересныхъ случаевъ изъ существующей по этому вопросу литературы.

Такъ, французскій врачъ Бейе (Behier) ¹⁾ описалъ болѣзнь субъекта, у котораго рѣчь была глубоко разстроена; изъ всего запаса словъ и слоговъ у него остался лишь одинъ слогъ «tan», но въ то же время онъ свободно пѣлъ Марсельезу и «Parisienne», замѣняя, однако, необходимыя слова своимъ единственнымъ слогомъ «tan».

А. Я. Кожевниковъ ²⁾, Грассе ³⁾, Гауерсъ ⁴⁾, Кноблаухъ ⁵⁾, Броунъ-Секаръ ⁶⁾ упоминаютъ о больныхъ съ полною афазіей, которые могли однако пѣть разныя пѣсни и съ полнымъ текстомъ.

У Лязега ⁷⁾ находился подъ наблюденіемъ одинъ музыкантъ, который не могъ ни говорить, ни писать, но свободно пѣлъ и записывалъ различныя мелодіи, а также другая больная съ теоретическою музыкальною подготовкою, которая не могла ни говорить, ни пѣть, но могла только писать ноты.

Финкельбургъ ⁸⁾, описывая болѣзнь одного скрипача, указываетъ на то, что субъектъ этотъ потерялъ память словъ, а также способность читать письмо и играть по нотамъ, но играть по слуху ему удавалось довольно легко.

Буильо ⁹⁾ приводитъ одинъ случай, когда больной забылъ

¹⁾ См. въ статьѣ *Falret: Aphasie*. Dict. encycl. d. Sciences med. t. V, p. 620.

²⁾ *А. Я. Кожевниковъ. Объ Афазіи*. Москва, 1874.

³⁾ *Grasset. Montpellier médical*. 1878, I. 40.

⁴⁾ *Gowers. Лекціи по діагностикѣ болѣзней головн. мозга*. Русск. пер. Харьковъ, 1887.

⁵⁾ *Knoblauch. Ueber Störungen der musikal. Leistungsfäh. infolge v. Gehirn-läsionen*. Deutsches Arch. f. Klin. Med, Bd. 43. 1888.

⁶⁾ *Brown-Séguard. Comptes rendus de la soc. d. Biologie* 1884.

⁷⁾ *Lasègue* см. у Proust. Arch. générales de Médec. 1872.

⁸⁾ *Finkelburg. Niederrhein. Gesellsch. zu Bonn. Sitz. 21 März*. 1870.

⁹⁾ *Bouillaud. Bullet. de l'Acad. d. Médecine*. Vol. XXX, 1864, p. 753.

почти всѣ слова, и могъ лишь немного читать и писать, но въ то же время удачно скомпонировалъ цѣлую арію, самъ сыгралъ ее на рояли и вполнѣ точно спѣлъ. Далѣе изъ 16 случаевъ подобнаго рода, описанныхъ Оппенгейм'омъ ¹⁾, въ 11 было разстройство воспріятія словесныхъ образовъ при сохраненіи способности музыкальнаго пониманія и исполненія, въ 5 же остальныхъ было одновременное разстройство какъ рѣчи, такъ и музыкальныхъ способностей. Тотъ же авторъ описалъ еще одного хорошаго скрипача, утратившаго почти совсѣмъ память и пониманіе словъ, но сохранившаго однако способность пѣть, хотя иной разъ ему послѣднее не вполнѣ удавалось: тогда онъ давалъ понять, что онъ себѣ ясно представляетъ мелодію, чувствуетъ ее какъ бы въ головѣ. Музыкальныя пьесы онъ узнавалъ только тогда, когда онѣ при немъ исполнялись,—названій же ихъ не понималъ. Начатую мелодію онъ продолжалъ пѣть безъ ошибокъ, тоже бывало и со знакомыми ему скрипичными пьесами, даже концертами, которые онъ продолжалъ свободно играть, лишь изрѣдка терялъ нить,—тогда уже ему бывало невозможно продолжать. Музыкальное пониманіе, чтеніе и письмо нотъ, какъ самостоятельное, такъ и подъ диктовку были не затронуты, между тѣмъ какъ читать слова онъ почти не могъ, писать же не могъ ни одной буквы.

Весьма поучительный случай, нѣсколько напоминающій только что приведенный, описываетъ Антонъ ²⁾; рѣчь идетъ объ одномъ хорошемъ скрипачѣ, сынѣ извѣстнаго музыканта, внезапно утратившемъ способность понимать слова, припоминать названіе вещей, значеніе которыхъ было ему понятно; онъ повторялъ слова и писалъ подъ диктовку почти вѣрно, но читалъ только по складамъ, при чемъ ничего не понималъ. Въ то же время онъ могъ повторять голосомъ всякую пропѣтую ему мелодію, хотя безъ словъ, игралъ на скрипкѣ съ блестящею техникою даже трудныя концертныя вещи, но названій пьесъ, именъ композиторовъ и музыкальныхъ терминовъ не понималъ вовсе; исполненныя же при немъ музыкальныя вещи понималъ безошибочно. Когда пѣлъ пѣсни, то всегда безъ словъ и охотно замѣнялъ ихъ названіями нотъ, такъ напримѣръ вмѣсто первыхъ словъ извѣ-

¹⁾ *Oppenheim*. См. у *Frankl-Hochwart*. Deutsch. Zeitschr. fr. Nervenheilkunde.

²⁾ *Anton*. Ueb. ein. Fall v. Worttaubheit. Wien. Klin. Wochenschr., 1888, № 38.

стной пѣсни «So leb' denn wohl, du stilles Haus»... онъ пѣлъ: d, cis, d, c, d, c, fis, g... и т. д. Кромѣ того этотъ больной вѣрно опредѣлялъ тонъ любого музыкальнаго произведенія, узнавалъ ноты, пѣлъ и игралъ по нимъ совершенно свободно.

Калеръ и Пикъ ¹⁾, Лихтгеймъ ²⁾, Бернгардтъ ³⁾ приводятъ случаи, гдѣ одновременно съ непониманіемъ словъ, такъ называемой словесной глухотой, наблюдалась и неспособность узнавать музыкальное значеніе звуковъ.

Съ другой стороны Кастъ ⁴⁾ упоминаетъ объ одномъ больномъ, который послѣ удара по головѣ совершенно утратилъ произвольную рѣчь, а также способность пѣть не только мелодіи, но и простые интервалы, при чемъ осталась невредимою перцептивная музыкальная способность, а также сознательное отношеніе къ неправильнымъ музыкальнымъ построеніямъ.

У другого даровитаго и образованнаго музыканта, потерявшаго рѣчь и письмо, исчезла одновременно и способность не только исполнять мелодіи и гаммы, но и брать голосомъ простые музыкальные звуки и въ то же время повторять голосомъ или на скрипкѣ сыгранныя при немъ простыя вещи. Однако этотъ субъектъ прекрасно узнавалъ тоны и интервалы и крайне огорчался, сознавая не только, что поетъ и играетъ невѣрно, но и то, въ чемъ заключается фальшь. «Скрипка въ моихъ рукахъ,—говорилъ онъ,—превратилась теперь въ кусокъ дерева». Больной этотъ, должно замѣтить, соблюдалъ, однако, ритмъ и свободно читалъ ноты.

По поводу послѣдняго обстоятельства можемъ напомнить еще о случаѣ Валашека ⁵⁾, въ которомъ при разстроенной способности пѣть былъ сохраненъ ритмъ. Наибольшій интересъ, конечно, представляютъ тѣ случаи, гдѣ разстройство музыкальныхъ способностей наблюдалось независимо отъ разстройствъ рѣчи, и мы ихъ приведемъ вкратцѣ для того, чтобы закончить рядъ наиболѣе поучительныхъ изъ относящихся къ нашему вопросу наблюденій.

¹⁾ *Kahler* и *Pick*. Prager Vierteljahrschr. 1879.

²⁾ *Lichtheim*. Deutsch. Arch. f. klin. Med. Bd. XXXVI.

³⁾ *Bernhardt*. Neurolog. Centralbl. 1882, № 11.

⁴⁾ *Kast*. Aertzl. Intelligenzblatt 1885, стр. 624.

⁵⁾ См. у *Brazier* (ср. ниже).

Такъ Шарпантье ¹⁾ описываетъ ребенка, утратившаго, послѣ тяжкаго ушиба головы, одни лишь музыкальныя свѣдѣнія. У Бразье ²⁾ мы читаемъ объ одномъ музыкантѣ, который лишился способности узнавать музыкальную вещь по исполненію, и въ то же время по нотамъ узнавалъ все свободно.

Тотъ же авторъ рассказываетъ о несчастномъ случаѣ съ извѣстнымъ теноромъ изъ *Opéra Comique*, Барре, который однажды на сценѣ внезапно потерялъ музыкальную память и пересталъ въ то же время понимать то, что другіе пѣли и что игралъ оркестръ; въ остальномъ онъ остался здоровымъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, однако, все прошло безслѣдно.

Нѣсколько менѣе счастливымъ былъ исходъ болѣзни піаниста Прюданъ, лишившагося, при сохраненіи всѣхъ прочихъ способностей, своихъ музыкальныхъ знаній во время публичнаго исполненія своего фортепіаннаго концерта: онъ остановился, не будучи въ состояніи припомнить что бы то ни было, а также играть по нотамъ; звуки оркестра казались ему простымъ шумомъ. Хотя онъ значительно поправился, но могъ играть уже только по нотамъ.

У другого больного, бывшаго подъ наблюденіемъ Бразье, внезапно развилась неспособность понимать музыкальное значеніе звуковъ: такъ, когда до него доносились звуки военнаго оркестра, онъ слышалъ только шумъ, зналъ, что онъ происходитъ отъ духовыхъ инструментовъ, но не могъ разобрать, играли ли Марсельезу, или что другое.

Одна дама, 36 лѣтъ, образованная музыкантша, у которой музыкальныя представленія слагались изъ развитыхъ въ одинаковой степени слуховыхъ, зрительныхъ и двигательныхъ образовъ, внезапно утратила одну лишь способность читать ноты и играть по нотамъ; она могла играть какъ по слуху, такъ и на память, и понимала музыку, какъ и всегда. Черезъ 3 дня ей стало лучше, но несовсѣмъ возстановилась утраченная способность: она стала понимать значеніе круглыхъ нотъ, черныхъ, осьмыхъ, шестнадцатыхъ и т. д., но не могла еще дать себѣ отчета о тональномъ значеніи нотъ. Вскорѣ однако все возстановилось вполнѣ.

¹⁾ См. у *Fr. Hochwart'a* l. c.

²⁾ *Brazier*: Du trouble des facultés musicales dans l'Aphasie. *Revue Philosophique*, 1892, № X.

Нѣчто въ этомъ родѣ представляетъ случай, описанный Дежериномъ, въ которомъ одновременно со словесною слѣпотю наступила и нотная слѣпота; способность же играть на память и по слуху были не затронуты. Подобный случай описалъ и Шарко.

Наконецъ, упомянемъ объ одномъ наблюденіи послѣдняго автора, касающемся субъекта, который, послѣ апоплексическаго удара не въ состояніи уже былъ играть на своемъ инструментѣ — на тромбонѣ, хотя въ остальномъ и былъ совсѣмъ здоровъ.

Итакъ, предположеніе наше находить со стороны только-что приведеннаго ряда наблюденій достаточное подтвержденіе: поврежденіе извѣстнаго отдѣла человѣческаго мозга можетъ вести за собой самыя разнообразныя формы разстройствъ музыкальной способности, весьма напоминающія вышеупомянутое разстройство рѣчи. Тутъ есть и разстройство слухового воспріятія музыкальныхъ формъ, непониманіе значенія музыкальныхъ звуковъ, тембра, интерваловъ, мелодій и разстройства зрительнаго воспріятія музыкальныхъ образовъ—неспособность читать ноты, играть по нотамъ, непониманіе полное или частичное музыкальныхъ письменныхъ знаковъ; есть тутъ и случаи разстройства всевозможныхъ видовъ музыкальнаго исполненія—пѣнія, игры на рояли, на скрипкѣ, на тромбонѣ, есть, наконецъ, и такія наблюденія, гдѣ было общее разстройство всѣхъ элементовъ музыкальныхъ способностей. Другими словами, возможны такія же разстройства музыкальнаго воспріятія и выраженія, какія отмѣчены и по отношенію къ акту рѣчи, и можно ихъ подраздѣлить на 2 большія группы: I) *На общія амюзіи* и II) *Частныя амюзіи*, при чемъ вторая группа, съ своею очередь, можетъ представлять двухъ родовъ разстройства: А) *Сенсорная амюзія*, т.-е. такая, при которой разстроены: 1) слуховое воспріятіе музыкальныхъ образовъ и 2) зрительное. В) *Моторная* (двигательная) амюзія, а именно: 1) неспособность къ тому или другому способу музыкальнаго выраженія; къ послѣдней должно отнести и тѣ случаи болѣзни, при которыхъ субъектъ, сознавая свои музыкальныя ошибки, тѣмъ не менѣе исполняетъ одно вмѣсто другого. А также 2) еще пока не описанная, но вполне возможная письменная амюзія, т.-е. потеря способности писать ноты.

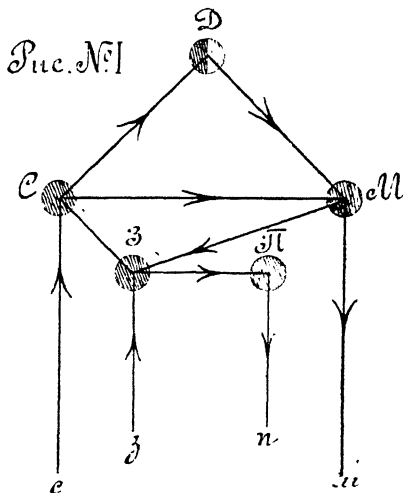
Всѣ эти различныя виды разстройства музыкальныхъ способностей станутъ для насъ понятнѣе, если мы постараемся представить себѣ весь процессъ музыкальнаго воспріятія и передачи,

какъ онъ происходитъ при нормальныхъ условіяхъ; это намъ удастся безъ особеннаго труда, если мы вспомнимъ, что, какъ и всякій другой психическій актъ, онъ сводится при своемъ первоначальномъ состояніи къ простому рефлексу, претерпѣвающему въ дальнѣйшемъ періодѣ развитія музыкальной способности все новыя осложненія. Въ основѣ этого рефлекса лежитъ воспріятіе музыкальнаго впечатлѣнія по слуховому пути къ соотвѣтствующему центру, отсюда на двигательный центръ, изъ котораго въ свою очередь центробѣжное раздраженіе идетъ къ тому или другому двигательному органу — вначалѣ, конечно, голосовому аппарату. Дальнѣйшее развѣтвленіе этого первичнаго рефлекса зависитъ, отъ физиологическихъ свойствъ четырехъ основныхъ элементовъ музыки: тембра, ритма, мелодіи и гармоніи; такъ, для воспріятія перваго главную роль играютъ слуховые мозговые пути и центры одновременно съ центромъ воспріятія мышечныхъ ощущеній, относящихся къ мускулу, натягивающему барабанную перепонку; элементъ ритма обязанъ своимъ происхожденіемъ ассоцірованію съ двигательными представленіями; мелодія слагается изъ слуховыхъ представленій и двигательныхъ, и, наконецъ, гармонія—изъ слуховыхъ и зрительныхъ. Поэтому процессы музыкальнаго воспріятія и передачи должны сводиться не только къ центростремительнымъ актамъ къ слуховому центру, и къ центробѣжнымъ — по двигательному периферическому, но также ко взаимодействию между центрами слуховымъ, зрительнымъ и двигательнымъ,—въ зависимости отъ того, участвуютъ-ли въ актѣ музыкальной проэкціи конечности или голосовой аппаратъ.

Для большей наглядности можно воспользоваться схемой, изображенной на рисункѣ № I: здѣсь буквою *Д* обозначенъ центръ сознанія, буквою *С*—слуховой центръ музыкальнаго воспріятія, буквою *М*—двигательный музыкальный центръ, *З*—зрительный музыкальный (нотный) центръ и буквою *П*—центръ музыкальнаго письма; прямыя линіи обозначаютъ различныя нервныя проводящія пути. Такимъ образомъ, для воспріятія слухового музыкальнаго впечатлѣнія существуетъ путь *сС*; дальше это впечатлѣніе можетъ идти до центра *Д* и привести къ сознательному воспріятію, или же отъ буквы *С* къ буквѣ *М* и отсюда, по пути *Мм*, проэцироваться въ формѣ музыкальнаго исполненія, но уже помимо сознанія. Для воспріятія зрительныхъ музыкальныхъ впечатлѣній существуетъ путь *зЗ* и зрительный центръ *З*, который

соединенъ со слуховымъ центромъ *С*, съ двигательнымъ — *М*, для музыкальнаго исполненія по пути *Мн*, а также и съ письменнымъ музыкальнымъ центромъ — *П*.

Такъ, напримѣръ, произвольное музыкальное исполненіе по памяти, или импровизація, начинаясь въ центрѣ *Д*, совершается по пути *ДМн*, а при одновременной справкѣ со слуховыми музыкальными образами въ *С* — по пути *ДСМ*; или возьмемъ сознательную игру по нотамъ: при этомъ процессъ начинается со зрительнаго акта, идущаго по пути *зЗ*, далѣе, послѣ ассоціаціи со слуховыми образами въ *С*, импульсъ идетъ съ одной стороны до центра сознанія *Д*, съ другой — по пути *СМ* до двигательнаго центра музыкальнаго исполненія — *М* и наконецъ, по соответствующему периферическому пути *Мн*.

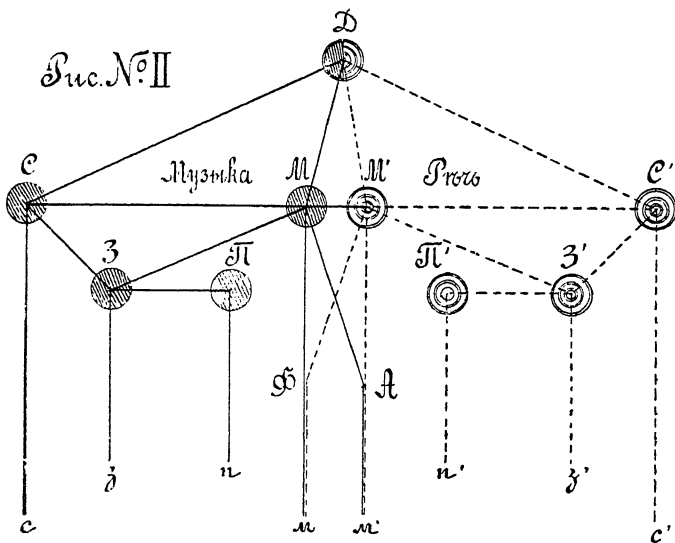

Такимъ образомъ, наша схема даетъ намъ возможность ясно представить себѣ ходъ музыкальныхъ процессовъ въ мозгу, за исключеніемъ только того, который соответствуетъ хотя и болѣе элементарному по натурѣ своей, но за то болѣе сложному по комбинаціи съ другими побочными мозговыми процессами, а именно за исключеніемъ пѣнія со словами.

Совершенно естественно, что для этого послѣдняго мало уже центровъ и путей мозговыхъ, функционирующихъ при чистыхъ музыкальныхъ актахъ, и что требуется еще участіе аппарата рѣчи, который, въ виду участія въ немъ аналогичныхъ съ музыкальными физиологическихъ элементовъ, можетъ быть представленъ въ точно такой же схемѣ, какую мы привели выше для музыки, съ тою только поправкой, что двигательный путь *Мн*, служащій для проэкціи звуковыхъ словесныхъ образовъ, долженъ расщепиться на 2 вѣтви (рис. № II), изъ которыхъ одна *М'Фн* служитъ для голоса, а другая, которой бываетъ достаточно при шепотѣ, — *Мам'*. Теперь стоитъ намъ соединить поставленные

рядомъ обѣ схемы и, соотвѣтственно тому, какъ и въ аппаратѣ рѣчи, раздѣлить путь звуковой музыкальной проекціи на 2 вѣтви—*МФм* и *Мам'*, для того, чтобы представить себѣ вполнѣ наглядно ходъ мозговыхъ процессовъ при такомъ сложномъ психологическомъ актѣ, какъ пѣніе со словами.

Мы не станемъ здѣсь вдаваться въ детальное приложеніе къ нашимъ схемамъ всѣхъ отдѣльныхъ видовъ, какъ общихъ, такъ и частныхъ разстройствъ музыкальной способности,—это бы заняло слишкомъ много времени, да и было бы излишне, при наглядности нашихъ схематическихъ таблицъ. Достаточно будетъ,

если мы вкратцѣ приведемъ перечень результатовъ поврежденія отдѣльныхъ центровъ и путей, соотвѣтственно указаніямъ на нашихъ физиологическихъ схемахъ:

I. Послѣ поврежденія двигательнаго слухового центра *М* наблюдается:

Потеря способности произвольнаго музыкальнаго исполненія, музыкальнаго повторенія, пѣнія по нотамъ, произвольнаго письма нотъ и письма нотъ подъ музыкальную диктовку.

Сохранено: пониманіе музыкальныхъ звуковъ, пониманіе нотъ и способность списывать ноты.

II. При разрушеніи слухового центра *С* будетъ:

Потеря пониманія музыкальныхъ звуковъ, пониманія нотъ, му-

зыкальнаго повторенія по слуху, письма подъ музыкальную диктовку и исполненія по нотамъ.

Сохранено: произвольное письмо нотъ, переписка нотъ и произвольное музыкальное исполненіе.

III. Перерывъ пути между слуховымъ (С) и двигательнымъ (М) музыкальными центрами даетъ въ результатъ:

Сохраненіе музыкальнаго пониманія, пониманія нотъ и списыванія нотъ.

При этомъ замѣчается *неправильное музыкальное исполненіе* (парамузія) при произвольномъ исполненіи, музыкальномъ повтореніи и при исполненіи по нотамъ. Такъ же точно и неправильное письмо нотъ (нотная параграфія) при произвольномъ письмѣ и при письмѣ подъ музыкальную диктовку.

IV. При нарушеніи проводимости пути ДМ, соединяющаго центръ сознанія Д съ двигательнымъ музыкальнымъ центромъ М, должна наблюдаться:

Утрата способности произвольнаго исполненія нотнаго письма, при *сохраненіи* пониманія тоновъ и нотъ, способности списыванія нотъ, музыкальнаго повторенія, письма подъ музыкальную диктовку и исполненія по нотамъ.

V. При поврежденіи пути Мм, служащаго для звуковой музыкальной проеціи безъ словъ, должна наблюдаться *потеря* способности произвольнаго исполненія, музыкальнаго повторенія и исполненія по нотамъ—*при одновременномъ сохраненіи* пониманія нотъ, пониманія музыки, списыванія нотъ, произвольнаго письма нотъ и письма нотъ подъ музыкальную диктовку.

Что касается пѣнія со словами, то для потери способности произносить слова, при сохраненіи пѣнія мелодіи, требуется нарушеніе пути МАм', служащаго для артикуляціи словъ (ср. рисунокъ № II).

VI. При нарушеніи пути СД—отъ слуховаго музыкальнаго центра къ центру сознанія, должна наступить:

Потеря музыкальнаго пониманія и пониманія нотъ, съ *сохраненіемъ* произвольнаго, хотя и неправильнаго исполненія, произвольнаго, но также неправильнаго письма нотъ, музыкальнаго повторенія, исполненія по нотамъ, письма нотъ подъ музыкальную диктовку и списыванія нотъ.

VII. При прекращеніи проводимости чувствительнаго пути сС должно быть *потеряно* пониманіе музыки, способности: музыкальнаго повторенія, письма нотъ подъ музыкальную диктовку, въ то

время, какъ будетъ *сохранено* произвольное исполненіе, произвольное письмо нотъ, исполненіе по нотахъ, пониманіе и списываніе нотъ и наконецъ,

VIII. При прекращеніи сообщенія между зрительнымъ, нотнымъ центромъ *З* и слуховымъ музыкальнымъ центромъ *С* (*ЗС*) получится: *потеря* способности понимать ноты и исполнять по нотахъ. И одновременно съ этимъ—*сохранится* способность произвольнаго письма нотъ, списыванія ихъ, писанія нотъ подъ музыкальную диктовку, музыкальнаго пониманія, произвольнаго исполненія и музыкальнаго повторенія.

Вотъ каковы могутъ быть различныя комбинаціи разстройствъ музыкальной способности, если послѣдовательно вводить въ нашу схему условіе прекращенія функціи каждаго изъ мозговыхъ центровъ или путей въ отдѣльности. Подобная математическая точность выводовъ, построенныхъ на мертвыхъ линіяхъ, можетъ подать кому-нибудь поводъ къ предположенію, что всѣ наши правильно классифицированные выводы—одни пустые звуки, но, какъ оказывается изъ приложенія ихъ къ дѣйствительности, представленной нами въ видѣ цѣлаго ряда наблюденій надъ конкретными явленіями, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію то, что если здѣсь что и есть, такъ это именно звуки, но не пустые, а музыкальные, или вѣрнѣе—наглядное изображеніе того, путемъ какихъ психическихъ процессовъ человѣкъ достигаетъ возможности воспринимать волнующія его музыкальныя впечатлѣнія и сообщать другимъ, посредствомъ сочетанія такихъ же музыкальныхъ звуковъ, о переживаемыхъ имъ настроеніяхъ, а также и того, какимъ образомъ у человѣка могутъ нарушаться музыкальныя способности, начиная съ самыхъ низшихъ и кончая высшими степенями, т.-е. полною потерей этой способности.

Намъ теперь остается только разсмотрѣть, въ какомъ именно мѣстѣ у человѣка скрывается тотъ завѣтный органъ, который, какъ преданный посланникъ, является лучшимъ посредникомъ между внѣшнимъ міромъ и душою, со всѣми ея горестями и радостями, при всѣхъ ея скитаніяхъ по жизненному пути,—какому отдѣлу мозга мы обязаны тѣми высочайшими, чуть ли не единственными наслажденіями, которыя даетъ намъ музыка.

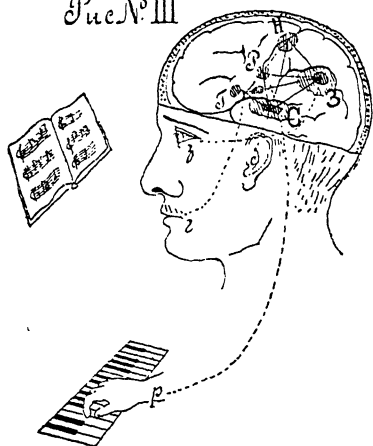
Что такой органъ существуетъ,—это уже достаточно доказывается тѣмъ, что при разрушеніи тою или другою болѣзнью извѣстной части мозга прекращается извѣстная его функція,—

музыкальная способность, при поврежденіи же всѣхъ другихъ частей способность эта остается; слѣдовательно, органъ этотъ долженъ занимать совершенно опредѣленное мѣсто въ головномъ мозгу человѣка и именно такое, которое находится, во всякомъ случаѣ, не въ правомъ полушаріи мозга, по крайней мѣрѣ у большинства людей, потому что въ случаяхъ разрушенія этого полушарія никогда не наблюдалось разстройствъ музыкальныхъ способностей, какъ, напримѣръ, это видно было у нашего молодого субъекта, мальчика Э., у котораго двигательная область и прилежащія части праваго полушарія были почти совсѣмъ уничтожены, а между тѣмъ музыкальныя способности не только не отсутствовали, но и были даже рѣзко повышены.

Стало-быть, искать его необходимо въ лѣвомъ полушаріи головного мозга. И въ самомъ дѣлѣ, всѣ описанныя до сихъ поръ наблюденія надъ частичнымъ или общимъ разстройствомъ музыкальныхъ способностей относились къ такимъ случаямъ, въ которыхъ все указывало на пораженіе именно лѣваго полушарія головного мозга: и разстройство рѣчи, и параличи правой половины тѣла, получающей нервы отъ лѣвой половины мозга. Но, помимо этого, уже априорное разсужденіе приводитъ насъ къ подобному же предположенію, — разсужденіе, основанное на томъ, что процессъ рѣчи, въ составъ котораго входятъ нѣкоторые ингредиенты музыкальной природы, какъ-то: голосъ, интонація, — долженъ возникать въ такомъ отдѣлѣ мозга, который тѣсно связанъ и близко расположенъ возлѣ органа музыкальной способности, имѣя съ нею нѣкоторые общіе элементы анатомо-физиологическаго субстрата. Но изъ этого, конечно, отнюдь не слѣдуетъ, чтобы центръ рѣчи и мозговой органъ музыкальной способности представляли одно и то же; противъ этого достаточно ясно говорятъ, съ одной стороны, случаи разстройства рѣчи у больныхъ съ сохраненіемъ музыкальной способности, а съ другой — тѣ наблюденія, въ которыхъ было одно лишь разстройство послѣдней съ полнымъ сохраненіемъ всего словаря. Во всякомъ случаѣ оба эти органа лежатъ весьма близко одинъ отъ другого, такъ какъ, во-первыхъ, при нѣкоторыхъ ограниченныхъ пораженіяхъ человѣческаго мозга наблюдались изрѣдка разстройства рѣчи и музыкальной способности одновременно, и, во-вторыхъ, сложныя физиологическія функціи въ обоихъ случаяхъ основаны на нѣкоторыхъ общихъ элементарныхъ физиологическихъ процессахъ,

для которых имѣются на поверхности мозга опредѣленные анатомическія территоріи — спеціальныя центры для различныхъ сознательныхъ чувствительныхъ воспріятій и двигательныхъ актовъ, принимающихъ участіе какъ въ актѣ рѣчи, такъ и въ процессахъ музыкальнаго воспріятія и выраженія, причѣмъ для послѣднихъ необходимо участіе двухъ группъ корковыхъ мозговыхъ центровъ, изъ которыхъ первая — это 1) группа центровъ чувствительности (рис. № III): слухового С, зрительнаго З, и 2) группа двигательныхъ центровъ: голосового (Г) и смежнаго съ нимъ центра словеснаго, центра для руки (Р) и для ноги (Н), причѣмъ въ составъ функціи каждаго изъ этихъ двигательныхъ центровъ должна входить и способность ихъ запечатлѣвать въ себѣ слѣды работы отдѣльныхъ мышцъ, т.-е. мышечное чувство.

Рис. № III

Центры эти въ свою очередь должны быть соединены между собою нервными ассоціаціонными путями, служащими для сочетанія простыхъ

физиологическихъ сознательныхъ процессовъ въ болѣе сложные музыкальные акты. Изъ того, что для воспріятія и для выраженія въ музыкальномъ смыслѣ, а именно — для воспріятія музыкальныхъ впечатлѣній, для чтенія нотъ и для игры на разныхъ инструментахъ требуется участіе многихъ органовъ, какъ-то: обоихъ ушей, обоихъ глазъ, обѣихъ рукъ и обѣихъ ногъ, — слѣдуетъ, что не въ одномъ только лѣвомъ полушаріи головного мозга находятся соотвѣтствующіе органы, но и въ правомъ, и тогда можно думать, что наибольшая часть головного мозга должна играть роль органа музыкальной способности. Это, конечно, справедливо, но только до извѣстной степени; вѣдь тотъ сложный нервный механизмъ, который составляютъ мозговья полушарія, такъ устроенъ, что связь между его отдѣльными частями облегчена до крайности, и что въ случаѣ необходимости распространенія какого-либо мозгового процесса нѣтъ такого участка мозга, который отказался бы явиться на помощь другому, начавшему функционировать и почув-

ствовавшему необходимость въ помощи сосѣда. Такъ и въ отношеніи мозговыхъ процессовъ, составляющихъ сущность музыкальныхъ психическихъ явленій: въ одномъ случаѣ требуется участіе рукъ, въ другомъ—ногъ, въ третьемъ—зрѣнія, въ четвертомъ — ритмическое киваніе головы. Но это все не болѣе какъ сопутствующія явленія, которыя, являясь на помощь функционирующему музыкальному органу, въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова, тѣмъ самымъ служатъ къ его распространенію въ массѣ взаимопереплетающихся, въ смыслѣ функций, мозговыхъ центровъ, обогашающихъ его содержаніемъ и этимъ самымъ доводятъ его до высшей степени анатомо-физиологическаго развитія. Элементарная форма музыкальнаго мозгового процесса должна представлять результатъ взаимодействія двухъ основныхъ центровъ—слухового и голосового, такъ какъ голосъ есть единственный данный для этого природою музыкальный инструментъ, и изъ сочетанія слуховыхъ воспріятій съ голосовымъ выраженіемъ слагаются первые элементы музыки. Вотъ почему соотвѣтствующій этому мѣсту участокъ мозга, лежащій подъ третьею лобною извилиною лѣваго полушарія, и составляетъ не только функциональный музыкальный центръ, но и анатомическій: отъ него отходятъ и къ нему приходятъ пути сообщенія со слуховыми центрами праваго полушарія, зрительными, двигательными центрами рукъ и ногъ, обѣихъ половинъ мозга, подобно тому, какъ въ оркестрѣ основу всего, т.-е. гармоническое и инструментальное ядро, составляетъ квартетъ: онъ даетъ тонъ всему, остальные же инструменты служатъ ему лишь въ интересахъ полноты звукового впечатлѣнія. Но хотя основной органъ музыкальной жизни и заключается въ голосовомъ аппаратѣ, со всѣми его способностями всесторонняго развитія, тѣмъ не менѣе однако, при необходимости для этого развитія сочетанія голосовыхъ функций со слуховыми, первыя оказываются далеко не въ состояніи удовлетворить всѣмъ потребностямъ послѣднихъ: слуховыя способности настолько превосходятъ голосовыя средства, какъ въ смыслѣ тѣмбра, силы и діапазона, такъ и въ смыслѣ гармоническихъ сочетаній, что является необходимость въ замѣнѣ и дополненіи голоса инструментами, а отсюда—и соотвѣтствующее участіе другихъ двигательныхъ способностей, смотря по характеру инструмента.

Такимъ образомъ, изъ сдѣланнаго нами краткаго описанія мозгового органа музыкальнаго таланта, въ его здоровомъ и больномъ состояніи, мы можемъ съ нѣкоторымъ правомъ за-

ключить, что это есть совершенно самостоятельный, какъ по строенію, такъ и по физиологическимъ отправлениямъ, аппаратъ; что, въ виду его способности къ высокой степени функціональнаго развитія, онъ представляетъ у человѣка богатое средство къ выраженію душевныхъ состояній, не нуждаясь въ поддержкѣ со стороны другихъ мозговыхъ способностей, когда рѣчь идетъ о натурѣ, несомнѣнно одаренной музыкальнымъ талантомъ. Отсюда и понятно, почему, съ точки зрѣнія чисто-музыкальнаго интереса, всякаго рода дополненія въ родѣ словъ (а особенно такихъ, которыя либо принадлежатъ незвучному нарѣчію, либо по смыслу недостаточно подходятъ къ характеру музыкальной мысли), съ цѣлью украшенія музыки зрительными образами или другими впечатлѣніями, такъ мало удовлетворяютъ одареннаго музыканта, для котораго міръ звуковъ настолько богатъ и необъятенъ, что онъ не только не ищетъ музыкальнаго удовольствія въ сферѣ не музыкальныхъ впечатлѣній, но, напротивъ того, бѣжитъ отъ нихъ, лишь только зазвучатъ музыкальныя струны его души. Съ другой стороны, понятно и то, что для человѣка со слабо развитымъ музыкальнымъ органомъ, недостаточно однѣхъ музыкальныхъ ассоціацій для возбужденія настроенія; онъ призываетъ на помощь слова, словесную программу, зрительныя и тому подобныя, не относящіяся къ музыкѣ, впечатлѣнія, и тогда, хотя и путемъ сложной мозговой работы, но цѣль достигнута,—за то наслажденіе получается уже не вполне музыкальное и не въ примѣръ менѣе интенсивное.

Мы ставимъ точку, не желая выходить изъ рамокъ намѣченнаго нами вопроса, тѣмъ болѣе, что мы даже не имѣли въ виду разсмотрѣнія музыкальнаго таланта со всѣхъ сторонъ; есть еще много вопросовъ изъ области его здороваго и больного состоянія, которыхъ мы и не коснулись въ виду ихъ богатства матеріалами, достаточными для цѣлаго другаго сообщенія.

Подводя итоги всему вышесказанному, мы должны прійти къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Въ головномъ мозгу человѣка существуетъ опредѣленный отдѣлъ, завѣдующій воспріятіемъ, переработкою и проэекціею музыкальныхъ звуковъ,—органъ музыкальной способности.

2) Онъ расположенъ невдалекѣ отъ третьей лобной извилины лѣваго полушарія головного мозга, по крайней мѣрѣ у *правшей* и подъ нею, вблизи отъ центра рѣчи.

3) Онъ не зависитъ отъ аппарата рѣчи, — скорѣе послѣдній есть составная часть его.

4) Въ составъ его входятъ прежде всего центры голосовой и слуховой съ соединительными нервными путями, кромѣ того зрительный и двигательные центры для конечностей, со всею массой перекрестныхъ ассоціаціонныхъ волоконъ.

5) Музыкальные процессы въ здоровомъ и поврежденномъ аппаратѣ развиваются и протекаютъ на подобіе акта рѣчи.

6) Музыкальный талантъ есть результатъ анатомическаго и фізіологическаго совершенства органа музыкальной способности.

7) Музыкальное творчество, въ высокомъ смыслѣ слова, есть результатъ импульсивныхъ процессовъ въ спеціальномъ музыкальномъ аппаратѣ головного мозга.

И наконецъ 8) въ виду анатомической и функціональной автономности музыкальнаго аппарата и полной независимости его отъ органа рѣчи, а также въ виду способности его непосредственно воспринимать и передавать настроенія, которыя рѣчь въ состояніи только описать, должно думать вмѣстѣ съ великимъ артистомъ, А. Г. Рубинштейномъ, что «музыка начинается только съ прекращеніемъ словъ».

Г. Россолимо.

Новый психофизиологическій законъ г. Введенскаго.

(Замѣтка по поводу его «Вторичнаго вызова на споръ о законѣ одушевленія»).

Въ засѣданіи Московскаго Психологическаго Общества, происходившемъ 12 декабря 1892 г. и посвященномъ разбору положеній А. И. Введенскаго о предѣлахъ и признакахъ одушевленія, я высказалъ рядъ замѣчаній, въ которыхъ старался выяснить мотивы своего несогласія съ окончательными выводами почтеннаго автора. Эти замѣчанія были изложены мною устно и не попали въ печатный протоколъ упомянутаго засѣданія. Между тѣмъ послѣ того по поводу брошюры г. Введенскаго «О предѣлахъ и признакахъ одушевленія» возгорѣлась цѣлая полемика. А. И. Введенскій не удовлетворился возраженіями своихъ противниковъ (П. Е. Астафьева, Э. Л. Радлова, Н. Я. Грота, кн. С. Н. Трубецкаго) и, признавъ свой законъ не опровергнутымъ ихъ аргументами, сдѣлалъ въ кн. 18 «Вопросовъ Философіи и Психологіи» вторичный вызовъ на споръ относительно выведеннаго имъ закона. Въ виду принципиальной важности затронутой г. Введенскимъ проблемы, рѣшаюсь предать печати замѣчанія, сдѣланныя мною въ Психологическомъ Обществѣ, дополнивъ ихъ нѣкоторыми соображеніями, вызванными отвѣтомъ г. Введенскаго на разсужденія его критиковъ.

Брошюра г. Введенскаго несомнѣнно представляетъ очень интересное и замѣтное явленіе въ современной философской литературѣ, и понятно общее вниманіе, съ которымъ отнеслись къ ней. Г. Введенскій коснулся самаго кореннаго и жгучаго вопроса

въ философскомъ міросозерцаніи текущаго столѣтія: это вопросъ о существованіи духовной причинности въ реальномъ мірѣ. Наша воля, наша мысль, наши желанія обнаруживаютъ ли какое-нибудь вліяніе на физическія дѣйствія хотя бы нашего собственнаго тѣла или совѣмъ не обнаруживаютъ, и всѣ физическія движенія на свѣтѣ,—и въ насъ, и внѣ насъ,—совершаются автоматически, какъ въ машинахъ? На огромныя послѣдствія того или иного рѣшенія мнѣ уже приходилось неоднократно указывать. Вопросъ можетъ быть выраженъ и въ другой формѣ: существуютъ ли какіе-нибудь объективные признаки душевной жизни внѣ насъ или ихъ нѣтъ? Вѣдь если въ людяхъ все происходитъ машинообразно, тогда у насъ не будетъ ровно никакихъ основаній предполагать, что эти машинальныя дѣйствія непременно сопровождаются психическими явленіями: сопровождаются они ими или нѣтъ, въ ходѣ этихъ дѣйствій отъ того ничего не должно измѣниться. Напротивъ, если механическая послѣдовательность автоматическихъ движеній какъ-нибудь нарушается или направляется психическими воздѣйствіями, въ самыхъ этихъ нарушеніяхъ мы будемъ имѣть совершенно объективный признакъ существованія нѣкоторыхъ нематеріальныхъ двигателей жизни, а характеръ нарушеній можетъ доставить болѣе или менѣе вѣроятное свидѣтельство однородности ихъ источника съ нашею собственною душевною дѣятельностью.

Мнѣ кажется, г. Введенскій на 6 стр. своей брошюры даетъ вполне вѣрную характеристику своей проповѣди: онъ «договорилъ до конца уже давно высказанныя положенія», онъ «поставилъ точку надъ і». Дѣйствительно, онъ защищаетъ дѣло, имѣвшее горячихъ защитниковъ задолго до него: онъ утверждаетъ то, что утверждалъ Декартъ (по крайней мѣрѣ, относительно міра животныхъ), что Спиноза выразилъ въ ученіи о строгомъ параллелизмѣ модусовъ протяженія и мышленія, что Лейбницъ облекъ въ свою поразительно искусственную теорію предустановленной гармоніи. Теперь старыя метафизическія формулы брошены, но не исчезло возрѣніе, которое когда-то въ нихъ вылилось. Напротивъ, въ наше время больше чѣмъ когда-нибудь это возрѣніе нужно считать господствующимъ, и не только среди матеріалистовъ, реалистовъ, новокантіанцевъ и позитивистовъ, но даже, какъ ни странно это, въ значительной степени и среди философовъ спиритуалистическаго направленія. Созна-

ніе только «эпифеноменъ», только сопровождающее обстоятельство физическихъ процессовъ, строго обусловленное ими въ своемъ содержаніи, но ихъ, съ своей стороны, никакъ не обуславливающее, — вотъ взглядъ, который, въ виду его общепризнанности, излагаютъ даже въ учебникахъ. Однако до сихъ поръ этотъ взглядъ не покидалъ почвы убѣжденій метафизическаго порядка: онъ являлся выводомъ изъ умозрительныхъ посылокъ, но его не рѣшались выставить какъ строго эмпирическое обобщеніе. Г. Введенскій отважился на этотъ шагъ. *Эпифеноменизмъ* сознанія онъ провозгласилъ «новымъ психофизиологическимъ закономъ». «Матеріальные процессы *во всякъ* безъ исключенія тѣлахъ протекаютъ *всегда* такъ, какъ еслибы нигдѣ и никогда не было душевной жизни» *), «тѣлесная жизнь, насколько она доступна эмпирическому познанію, всегда бываетъ такой, что все равно, сопровождается ли она душевной жизнью или нѣтъ» **), — вотъ къ чему сводится «законъ отсутствія объективныхъ признаковъ одушевленія» или просто „законъ одушевленія“ ***), по г. Введенскому. И этотъ законъ въ его глазахъ не есть только метафизическая теорема: отъ всякихъ метафизическихъ предположеній г. Введенскій отрекается; въ своемъ законѣ онъ видитъ лишь обобщеніе фактовъ опыта ****), — не больше и не меньше.

Что сказать о стремленіи г. Введенскаго подвергнуть разрѣшаемую имъ проблему приёмамъ эмпирическаго изслѣдованія? Конечно, ему нельзя не сочувствовать отъ всей души. Если почтенный авторъ достигъ своей цѣли, если ему въ самомъ дѣлѣ удалось открыть «новый психофизиологическій законъ», человѣческая мысль можетъ только поздравить себя съ прекращеніемъ спора, давно раздѣляющаго философовъ на два враждебные лагеря, — спора, въ которомъ однако же до сихъ поръ оружіемъ для обѣихъ сторонъ служила лишь изощренность отвлеченной диалектики. Съ доказанными истинами опыта борьба невозможна. Пускай выводы, вытекающіе изъ «закона одушевленія» безотрадны, пускай они глубоко расходятся съ внушеніями общечеловѣческаго здраваго смысла, — признаніе истины для философа должно

*) 3 положеніе г. Введенскаго («Вопр. Филос. и Псих.» кн. 16, стр. 116).

**) О предѣлахъ и признакахъ одушевленія, стр. 30.

***) «Вопр. Фил. и Псих.», кн. 18, стр. 122.

****) О пред. и призн. од., стр. 31—32.

перевѣшивать всѣ другія соображенія. Однако, чѣмъ важнѣе результаты, къ какимъ приводитъ «законъ одушевленія», тѣмъ болѣе строгой критической оцѣнкѣ должны подлежать основанія, на которыхъ онъ устанавливается. Вѣдь сразу легко замѣтить, какъ много самыхъ сложныхъ, разнообразныхъ и широко распространенныхъ процессовъ жизни онъ въ себѣ захватываетъ, категорически приводя ихъ къ совершенно опредѣленному, хотя и отрицательному, общему выраженію. *Автоматизмъ всякой живой дѣятельности*—таковъ ясный и простой смыслъ «новаго психофизиологическаго закона». Какими же аргументами обосновываетъ г. Введенскій его эмпирическую достовѣрность?

И вотъ здѣсь мы приходимъ къ наиболѣе слабому пункту брошюры г. Введенскаго. Доказательства уважаемаго автора довольно подробны и длинны, иногда даже трудно не согласиться съ нимъ, что они «утомительно длинны». Тѣмъ не менѣе, въ концѣ концовъ, читатель выноситъ изъ нихъ какое-то странное и неловкое впечатлѣніе. Чѣмъ больше въ нихъ вчитываешься, тѣмъ рѣшительнѣе убѣждаешься, что авторъ, при ихъ построеніи, впалъ въ одну изъ двухъ логическихъ ошибокъ, а можетъ-быть и въ обѣ вмѣстѣ, такъ какъ онъ, повидимому, не всегда даетъ себѣ полный отчетъ въ приемахъ своей аргументаціи. Въ самомъ дѣлѣ, ходъ мысли у г. Введенскаго не совсѣмъ ясенъ, — можно толковать его на-двое; но совершенно ясно, что при одномъ толкованіи его разсужденій они представляютъ прямое нарушеніе правила: *a posse ad esse non valet consequentia* (отъ простой возможности нельзя заключать къ дѣйствительности факта); при другомъ толкованіи соображенія автора являютъ несомнѣнный *circulus in demonstrando* (доказательство новаго вывода имѣетъ же самимъ, черезъ его заранѣе допущенное признаніе). А какое-нибудь еще третье толкованіе движенія мысли въ доказательствѣ «закона одушевленія» едва ли возможно придумать.

Дѣйствительно, какъ онъ доказывается? Авторъ изображаетъ споръ между догматикомъ и скептикомъ. Догматика онъ заставляетъ доказывать *необходимость* или *неизбѣжность* предположенія душевной жизни въ другихъ людяхъ*). «Напротивъ, скептикъ утверждаетъ **), что «всякое *наблюдаемое* въ другихъ людяхъ

*) О предѣлахъ и признакахъ одушевленія, стр. 11.

**) Ibid. стр. 10.

явленіе будетъ тѣлеснымъ и всегда *можетъ быть* объяснено безъ помощи душевной жизни, какъ результатъ чисто-матеріальныхъ процессовъ», «что факты, которые онъ наблюдаетъ въ людяхъ при помощи внѣшнихъ чувствъ *могутъ* быть объяснены и безъ всякаго участія душевной жизни» *). Въ результатѣ довольно продолжительнаго состязанія, въ которомъ каждая изъ спорящихъ сторонъ отстаиваетъ свою точку зрѣнія на отдѣльныхъ примѣрахъ человѣческихъ дѣйствій, получается признаніе «закона отсутствія объективныхъ признаковъ одушевленія» за доказанную истину. Однако слишкомъ ясно, что смыслъ всей аргументаціи скептика всецѣло зависитъ отъ того, какъ понимать эти слова: *можетъ* и *могутъ*? Хотѣлъ ли скептикъ сказать, что мы такъ мало знаемъ о механизмѣ мозга и нервной системы, что для нашихъ предположеній о немъ открыты всякія возможности, и поэтому не будетъ логическаго противорѣчія, если мы вообразимъ, что все въ немъ совершается автоматически, безъ малѣйшихъ вліяній какихъ бы то ни было психическихъ двигателей? Или онъ думалъ сказать гораздо большее: что въ нашемъ мозгѣ и на дѣлѣ всѣ процессы автоматичны, подчиняются только механическимъ, физическимъ, химическимъ законамъ и никакимъ другимъ, и что поэтому мы *обязаны* видѣть во всѣхъ человѣческихъ дѣйствіяхъ лишь порожденіе причинъ матеріальныхъ? Изъ этихъ двухъ толкованій — какое болѣе отвѣчаетъ мысли автора? Повидимому, первое: вѣдь не даромъ же доказывать положительнымъ образомъ свой тезисъ онъ принуждаетъ только догматика; для скептика онъ признаетъ достаточнымъ сослаться на мыслимость чисто-механическихъ объясненій всякаго человѣческаго поступка. Но спрашивается, этимъ способомъ можно ли получить «законъ одушевленія» въ смыслѣ г. Введенскаго, какъ безспорное и фактически несомнѣнное обобщеніе?

Представимъ себѣ такой случай: положимъ, убить человѣкъ, и пріѣхалъ судебный слѣдователь, чтобы открыть виновниковъ преступленія. Родные и знакомые убитаго настойчиво увѣряютъ, что онъ дѣйствительно злодѣйски умерщвленъ и высказываютъ даже свои догадки о личности убійцы. Но слѣдователь только что пріѣхалъ, онъ совсѣмъ еще не знаетъ обстоятельствъ дѣла, а утвержденія родственниковъ и близкихъ кажутся ему, съ пер-

*) Ibid. стр. 11. Курсивъ вездѣ — подлинника.

ваго взгляда, голословными или во всякомъ случаѣ не рѣшающими вопроса съ абсолютною достовѣрностью. И вотъ, вмѣсто того, чтобы приступить къ подробному разслѣдованію, онъ вдругъ объявляетъ: «Друзья мои! Вы не доказали съ *необходимостью* и *неизбѣжностью*, что этотъ человѣкъ убить кѣмъ-нибудь постороннимъ, не доказали и того, что виновникомъ злодѣяства было именно то лицо, которое вы подозреваете. Итакъ, будемъ думать, что умершій убилъ самъ себя; дѣло прекратимъ, а духовной власти предоставимъ лишить покойника, какъ самоубійцу, церковнаго погребенія». Не правда ли, такого слѣдователя мы назовемъ человѣкомъ опрометчивымъ и своего назначенія не исполнившимъ?

Между тѣмъ г. Введенскій поступаетъ совершенно такъ, какъ этотъ воображаемый слѣдователь: вліяніе душевной жизни на тѣлесную не доказано съ необходимостью и неизбѣжностью, — итакъ, его абсолютно *нѣтъ*; всѣ дѣйствія всѣхъ живыхъ тварей автоматически вызываются матеріальными причинами, какъ будто бы сознаніе въ мірѣ совсѣмъ отсутствовало; «матеріальные процессы во всѣхъ безъ исключенія тѣлахъ протекаютъ всегда такъ, какъ если бы нигдѣ и никогда не было душевной жизни», — это законъ природы. Вытекаетъ ли однако сколько-нибудь одно изъ другого? Вѣдь изъ невозможности безспорно доказать вліяніе сознанія на дѣйствія людей и животныхъ слѣдуетъ только возможность *сомнѣваться* въ этомъ вліяніи, но какъ же, *только на этомъ основаніи*, безъ дальнѣйшихъ околичностей утверждать, что такого вліянія совсѣмъ не существуетъ, что это нужно признать непоколебимымъ закономъ положительной науки? Развѣ изъ недоказанности въ данный моментъ какой-нибудь гипотезы можно выводить непремѣнную истинность гипотезы противоположной? Усвоивъ такую методу разсужденія, скоро порѣшили бы мы всѣ философскія и научныя трудности! Единственно, что имѣлъ право допустить г. Введенскій, это *возможность* своего предположенія рядомъ съ предположеніемъ его противниковъ. Хотя нужно добавить, что такая субъективная возможность предположенія не представляетъ даже ручательства за его логическую мыслимость. Кажущаяся равноправность самыхъ противорѣчивыхъ предположеній въ вопросахъ объ отношеніи между душевными и тѣлесными явлениями не служитъ ли просто яркимъ свидѣтельствомъ нашего глубокаго невѣжества въ этой области? Когда намъ что-нибудь

совсѣмъ неизвѣстно, мы уже не въ состояніи дѣлать различія между болѣе или менѣе вѣроятными предположеніями, для насъ всѣ они одинаково хороши, какъ въ сумерки всѣ кошки сѣры. Во всякомъ случаѣ, какъ отъ возможности что-либо предполагать заключать къ вѣрности даннаго предположенія?

Или, можетъ быть, я неправильно понялъ смыслъ аргументовъ скептика въ брошюрѣ г. Введенскаго? Быть можетъ, его скептикъ съ самаго начала за безспорное утверждаетъ, что всѣ человѣческіе поступки возникаютъ чисто механическимъ путемъ, совершенно независимо отъ присутствія или отсутствія въ человѣческомъ организмѣ душевныхъ явленій? Но такое заранѣе сдѣланное признаніе не есть ли уже ясно выраженный «законъ одушевленія», какъ его понимаетъ г. Введенскій? Что же выходитъ? Общій выводъ, устанавливаемый въ брошюрѣ, послѣ цѣлаго ряда соображеній, лишь на 30 стр., оказывается допущеннымъ съ первыхъ шаговъ разсужденія, какъ нѣчто непререкаемо достоверное, и положеннымъ въ основаніе всѣхъ соображеній, его же доказывающихъ. Не имѣемъ ли мы здѣсь одинъ изъ очень типичныхъ случаевъ того логическаго промаха, который именуется *circulus in demonstrando*? И чѣмъ оправдать такое возведеніе чистаго автоматизма жизненныхъ процессовъ въ человѣкѣ въ достоинство непоколебимой аксіомы? Умозрительные философы въ своихъ сужденіяхъ объ этомъ предметѣ весьма расходятся между собою, да г. Введенскій и не ищетъ метафизическаго рѣшенія интересующей его проблемы. А какихъ-нибудь эмпирическихъ основаній для строяемаго имъ «новаго психофизиологическаго закона» г. Введенскій вовсе не приводитъ, и едва ли было бы возможно указать ихъ, особенно при современномъ состояніи знанія.

И г. Введенскій такъ увлеченъ страннымъ ходомъ своей мысли, что онъ пропускаетъ соображенія, которыя, казалось бы, прежде всего должны были представиться при защитѣ его окончательныхъ заключеній. При первомъ знакомствѣ съ его брошюрою я былъ крайне удивленъ отсутствіемъ въ его разсужденіяхъ единственнаго аргумента, о которомъ можетъ быть серьезный разговоръ и который обыкновенно выдвигаютъ впередъ всѣ сторонники механическаго взгляда на человѣческую жизнь: я разумѣю ссылку на законъ *сохраненія энергии* и на несовмѣстимость съ этимъ закономъ воздѣйствій сознанія на матеріальные процессы человѣческаго организма. Я не считаю это доказательство

убѣдительнымъ и подробно объяснилъ мотивы такой оцѣнки въ моихъ «Положительныхъ задачахъ философіи»; но все-таки должно признать, что изъ всѣхъ доказательствъ въ пользу механическаго міровоззрѣнія это одно имѣеть дѣйствительно внушительный видъ. И г. Введенскій имъ пренебрегъ. Въ своемъ «Вторичномъ вызовѣ» *) онъ объяснилъ, почему поступилъ такъ: онъ сознается, что именно предположеніе о томъ, что законъ сохраненія энергіи распространяется на всѣ явленія не только мертвой, но и живой природы, привело его къ «закону одушевленія»; тѣмъ не менѣе онъ считаетъ себя не вправѣ опираться на это предположеніе, такъ какъ оно «далеко не доказано». Нельзя не отнестись съ глубокимъ сочувствіемъ къ заявленію, столь ясно свидѣтельствующему о философской искренности уважаемаго автора. Но какъ же не видитъ онъ, что онъ отнимаетъ имъ всякую научную почву у своего «психофизиологическаго закона» **)? Въ самомъ дѣлѣ, въ распоряженіи г. Введенскаго остается только одинъ аргументъ: каждое душевное явленіе сопровождается какимъ-нибудь матеріальнымъ процессомъ

*) Стр. 127.

**) Въ виду нѣкоторыхъ неясностей въ изложеніи „закона одушевленія“ у г. Введенскаго, я, пожалуй, могу ждать одного возраженія. Можетъ-быть, г. Введенскій скажетъ, что въ предшествующихъ замѣчаніяхъ смыслъ выведеннаго имъ закона переданъ не вѣрно, что онъ вовсе не хотѣлъ присвоивать ему того категорическаго значенія, которое я ему приписываю, и что все содержаніе этого закона сводится къ слѣдующему: мы можемъ, если намъ это угодно, при разсмотрѣніи дѣятельности живыхъ существъ, совсѣмъ игнорировать происходяшіе въ нихъ психическіе процессы и останавливаться только на физическихъ причинахъ движеній, совершаемыхъ этими существами, хотя бы въ дѣйствительности жизнь совнанія вовсе и не была лишена реального вліянія на ихъ тѣлесныя дѣйствія. Однако, такое ни къ чему не обязывающее, чисто-методологическое правило, возможно ли назвать, безъ явнаго злоупотребленія терминами, „новымъ психофизиологическимъ закономъ“? Въ дѣлахъ природы мы называемъ не тѣ условныя, — иногда произвольныя, иногда завѣдомо-ложныя и одностороннія, — предположенія, которыя мы дозволяемъ себѣ въ цѣляхъ удобства и схематической простоты изслѣдованія, а достовѣрныя обобщенія объективныхъ фактовъ въ ихъ реальной послѣдовательности и связи. Поэтому если „законъ одушевленія“ справедливъ, никакіе акты сознанія не могутъ оказать ни малѣйшаго дѣйствія на какія бы то ни было тѣлесныя движенія въ насъ или внѣ насъ; напротивъ, если душевная жизнь гдѣ-нибудь видоизмѣняетъ своимъ вліаніемъ послѣдовательность явленій матеріальныхъ; тогда „законъ одушевленія“ есть все, что угодно, но только не законъ науки. Я уже не говорю о томъ, что далеко не всегда удобно практически прилагать

въ нашемъ тѣлѣ; итакъ, при объясненіи человѣческихъ поступковъ, мы всегда можемъ подставить эти матеріальные процессы на мѣсто отвѣчающихъ имъ психическихъ состояній и, стало-быть, предполагать еще существованіе этихъ послѣднихъ не будетъ никакой нужды *). Но развѣ, если два ряда явленій сопровождаютъ другъ друга, это непременно значить, что они развились бы въ томъ же самомъ порядкѣ и въ томъ случаѣ, если бы мы ихъ разобщили? Когда, наприм., я ѣду верхомъ, каждое мое движеніе сопровождается движеніемъ лошади и наоборотъ; но слѣдуетъ ли изъ этого, что лошадь шла бы совершенно такъ же и тогда, еслибъ я не сидѣлъ на ней?

Замѣчаніе сходное съ тѣмъ, какое вызываютъ положительныя доказательства «закона одушевленія» у г. Введенскаго, можно сдѣлать и объ отвѣтахъ, которые онъ даетъ на возможныя возраженія противъ его взглядовъ. Онъ подробно и внимательно останавливается на тѣхъ возраженіяхъ, которыя менѣе всего приходятъ въ голову читателю, потому что они, если только законъ г. Введенскаго истиненъ, устраняются сами собой. Но онъ или

приведенное выше методологическое правило: вѣдь самъ г. Введенскій настаиваетъ, что въ иныхъ случаяхъ неизмѣримо легче провести *психологическую* точку зрѣнія, а въ другихъ *физиологическую* (О пред. и призн. одуш., стр. 71).

Наконецъ, г. Введенскій, быть-можетъ, захочетъ подчеркнуть чисто-гносеологическій характеръ своего закона, предложивъ такое его толкованіе: возможно, что состоянія сознанія обнаруживаютъ нѣкоторое направляющее дѣйствіе на матеріальные процессы нашего организма; но эти видоизмѣняющія вліянія сказываются въ такихъ ограниченныхъ предѣлахъ, что они навсегда останутся недоступными для наблюденія; итакъ, для человѣческаго познанія этихъ вліяній какъ бы совсѣмъ не существуетъ. Едва ли однако трудно замѣтить недостатки этого объясненія: прежде всего, откуда г. Введенскій можетъ знать о такой ограниченности взаимодействія между психическими и физическими явленіями, которая никогда не позволитъ уловить фактъ этого взаимодействія прямымъ или косвеннымъ наблюденіемъ? И далѣе, если онъ дѣйствительно знаетъ, что отношеніе душевной и тѣлесной сферы именно таково, тогда онъ долженъ согласиться, что наше существованіе подчинено не его психофизиологическому закону, а нѣкоторому другому и даже прямо противоположному: душевная жизнь оказываетъ совершенно реальное вліяніе на тѣлесную жизнь, хотя въ очень тѣсныхъ границахъ. Поэтому не будетъ несправедливымъ утверждать, что „законъ одушевленія“ не доказанъ, какъ законъ психофизиологическій; онъ одинаково не доказанъ, какъ законъ гносеологическій; онъ имѣетъ очень условную и гадательную цѣну, какъ методологическое правило.

*) О пред. и призн. одуш., стр. 28.

совѣмъ умалчиваетъ, или упоминаетъ только вскользь о сообщеніяхъ, которыя представляются уму прежде всего и которыя подвергаютъ серьезному сомнѣнію самое существо выведеннаго г. Введенскимъ закона *). Я остановлюсь на самомъ важномъ между ними, потому что въ немъ, какъ мнѣ думается, всего скорѣе слѣдуетъ искать ключа къ тому, существованіе чего г. Введенскій такъ рѣшительно отвергаетъ, — къ *объективнымъ признакамъ чужою одушевленія*.

Странное дѣло! Непосредственно и прямо мы наблюдаемъ, конечно, лишь физическія явленія внѣшняго міра. Чужая душевная жизнь отъ насъ скрыта, какъ справедливо настаиваетъ г. Введенскій, — ея содержаніе мы можемъ только угадывать. Если даже признать факты непосредственнаго воспріятія чужихъ мыслей и чувствъ, или того, что называютъ *умственнымъ внушеніемъ*, нельзя не согласиться, что эти факты, въ сколько-нибудь ясной и отчетливой формѣ, встрѣчаются рѣдко. И тѣмъ не менѣе независимое существованіе матеріальнаго, физическаго міра отвергается сравнительно легко. Можно представить цѣлый списокъ великихъ именъ, ознаменовавшихъ себя смѣлымъ отрицаніемъ вещественной дѣйствительности. Берклей, Кантъ, Фихте, Шопен-

---

*) Наприм., уважаемый авторъ очень подробно объясняетъ (стр. 53), почему мы, однажды подставивъ себя на мѣсто другихъ существъ, начинаемъ предугадывать ихъ *кажущуюся* душевную жизнь, но онъ почти совѣмъ обходитъ слѣдующіе вопросы: почему въ иныхъ случаяхъ намъ гораздо удобнѣе предположить душевную жизнь, чѣмъ въ другихъ? Почему, предположивъ чужое сознаніе, мы получаемъ несомнѣнную способность предугадывать *внѣшнее* поведеніе окружающихъ лицъ? Почему, наконецъ, въ зависимости отъ сдѣланныхъ психологическихъ предположеній, мы можемъ предугадывать это поведеніе ложно или вѣрно? Вѣдь, казалось бы, если душевная жизнь никакого вліянія на тѣлесные процессы не обнаруживаетъ, мы не только могли бы съ одинаковымъ правомъ признавать и отвергать, гдѣ хотимъ, *одушевленіе вообще* (на чемъ настаиваетъ г. Введенскій), но являлось бы совѣмъ безразличнымъ и то, какое именно одушевленіе мы приписываемъ тому или другому существу. Конечно, г. Введенскій на это отвѣтитъ, что каждый феноменъ сознанія сопровождается особымъ физиологическимъ процессомъ, что поэтому, приписавъ какому-нибудь лицу опредѣленный характеръ, мы eo ipso предположили въ немъ опредѣленный физиологическій строй, который и позволяетъ намъ предугадать будущіе поступки этого лица. Однако вся бѣда въ томъ, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ мы не имѣемъ ровно никакого понятія о физиологическихъ процессахъ, сопровождающихъ наши сложныя душевныя состоянія. Дѣйствія нашихъ ближнихъ мы предсказываемъ *только на*

гауэръ въ этомъ отношеніи единодушны, а вѣдь они—создатели настоящихъ эпохъ въ развитіи философіи. Въ переживаемое нами время, при широкомъ господствѣ различныхъ развѣтвленій феноменизма, позитивизма и новокантіанства, едва ли найдется много философовъ, которые смотрѣли бы на внѣшнюю природу тѣми же глазами, какими глядитъ на нее обыкновенный человѣческій умъ, — при существующихъ условіяхъ философскаго анализа она очень быстро превращается въ субъективный миражъ нашей чувственности. Совсѣмъ другая судьба вѣры въ независимое бытіе, рядомъ съ нами, подобныхъ намъ одушевленныхъ существъ. Самые отважные умы не рѣшаются въ немъ серьезно сомнѣваться, несмотря на то, что ихъ общія философскія воззрѣнія, казалось бы, нерѣдко еще болѣе говорили въ пользу сомнѣнія въ этомъ бытіи, нежели въ реальности матеріальнаго міра.

Отъ чего это зависитъ? Чѣмъ диктуется эта непобѣдимая вѣра въ существованіе другихъ я, кромѣ нашего? Вырастаетъ ли она всецѣло изъ слѣпого инстинкта и непосредственнаго чувства? Или въ ея возникновеніи играютъ роль и чисто-логическія побужденія, притомъ настолько могущественныя и очевидныя, что ихъ не въ силахъ затмить никакая софистика одностороннихъ мета-

основаніи приписанныхъ имъ душевныхъ явленій, а о физиологіи при этомъ обыкновенно не думаемъ вовсе. Не вытекаетъ ли изъ этого, что психическія явленія *сами по себѣ* служатъ показателями или признаками нѣкоторыхъ опредѣленныхъ рядовъ внѣшнихъ дѣйствій, ими обусловленныхъ? А не становится ли тогда неизбежнымъ и обратный выводъ, что наблюдаемые ряды внѣшнихъ дѣйствій являются вѣроятными *объективными признаками* нѣкоторыхъ опредѣленныхъ психическихъ состояній? (Наприм., когда мы видимъ, что какой-нибудь человекъ, ничѣмъ къ тому не понуждаемый, помогаетъ другому человеку, мы скорѣе предположимъ въ немъ милосердіе, чѣмъ злобу.) Г. Введенскій, съ своей точки зрѣнія, долженъ отвѣтить на это (стр. 107), что разъ мы допустили чужое одушевленіе, мы тѣмъ самымъ вынуждаемся давать различное психологическое толкованіе различнымъ, по характеру, дѣйствіямъ, но что самага чужого одушевленія мы могли бы и не предполагать. Однако такое раздѣленіе представляется и схоластическимъ, и темнымъ. Я, по крайней мѣрѣ, не вижу основаній, почему признаніе извѣстныхъ психическихъ мотивовъ, при объясненіи тѣхъ или иныхъ поступковъ нашихъ ближнихъ, должно непременно потерять въ своей вѣроятности (разъ оно ее вообще имѣетъ), если мы, не сосредоточиваясь исключительно на измѣреніи возможностей иныхъ психическихъ мотивовъ, вмѣсто предположенныхъ (наприм., злобы вмѣсто милосердія), облечемъ вопросъ въ болѣе общую и простую форму: существуетъ ли въ данномъ случаѣ извѣстный психическій мотивъ или его совсѣмъ нѣтъ?

физическихъ гипотезъ? Отвѣтъ г. Введенскаго на эти вопросы ясно высказанъ въ его брошюрѣ *): признать бытіе другихъ одушевленныхъ существъ заставляетъ насъ сознание нашего нравственнаго долга. Но въ своемъ «Вторичномъ вызовѣ» онъ, подавленный сильными возраженіями своихъ противниковъ, уже отказывается отъ такого объясненія **): онъ полагаетъ, что не нравственное чувство служитъ психологическимъ источникомъ общей вѣры въ чужое одушевленіе,—оно будетъ этимъ источникомъ только впоследствии, для будущихъ поколѣній, когда они наконецъ убѣдятся, что «законъ одушевленія» есть истина, и поймутъ, что кромѣ нравственныхъ мотивовъ нѣтъ другихъ основаній вѣрить въ существованіе нашихъ ближнихъ. Мнѣ представляется, что г. Введенскій сдѣлалъ бы еще лучше, еслибы допустилъ гораздо большія оговорки. Я не буду долго останавливаться на томъ очевидномъ соображеніи, что нравственное чувство не есть способность объективнаго познанія, что оно внушаетъ намъ обязанности въ отношеніи подобныхъ намъ одушевленныхъ существъ, когда мы убѣждены въ реальности послѣднихъ, но что само по себѣ оно вовсе не заставляетъ насъ принимать одушевленность даже и тамъ, гдѣ для того нѣтъ разумныхъ поводовъ. Святые отшельники, удалявшіеся въ пустыню, обладали очень высокимъ нравственнымъ настроеніемъ; однако ихъ возвышенная святость не побуждала ихъ обращаться съ окружающими ихъ камнями и скалами, какъ съ людьми. Между тѣмъ праведникъ, повѣрившій въ «законъ одушевленія», вынужденъ будетъ и къ людямъ относиться, какъ къ камнямъ. Существуютъ и болѣе общія основанія, чтобы не сводить нашу увѣренность въ чужомъ одушевленіи только къ голосу чувства или какому-бы то ни было инстинкта. Вѣдь съ одинаково непоколебимымъ убѣжденіемъ мы признаемъ сознательную дѣятельность подобныхъ намъ существъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ объ отдаленномъ, давно исчезнувшемъ прошломъ, и когда не можетъ быть рѣчи о непосредственномъ воспріятіи или какихъ-нибудь нравственныхъ обязанностяхъ. Если, употребляя извѣстный примѣръ Фенелона, мы найдемъ на необитаемомъ островѣ прекрасную мраморную статую, мы заключимъ, что на этомъ островѣ

*) Стр. 100—106.

**) Стр. 138—139.

когда-то были люди, и что найденная статуя есть созданіе талантливаго художника, и наша увѣренность въ этомъ нисколько не уменьшилась бы, еслибы намъ по разнымъ признакамъ доказали, что эта статуя находится на островѣ съ незапамятныхъ временъ и, стало-быть, ея творца давно нѣтъ на свѣтѣ. Мы повѣримъ въ прошлое существованіе художника единственно потому, что мы знаемъ, что эта статуя не *могла бы* возникнуть безъ технического умѣнья и творческаго генія. И еслибы намъ было съ полною очевидностью доказано, что на нашемъ островѣ, раньше насъ, дѣйствительно никогда никакихъ людей не было, мы скорѣе подумали бы о чудѣ, чѣмъ приписали происхожденіе статуи простой игрѣ случая. Между тѣмъ, что такое *чудо*? По наиболѣе общему опредѣленію, чудо представляетъ чрезвычайное вмѣшательство высшей разумной силы въ стихійный ходъ процессовъ природы. Что же, въ приведенномъ примѣрѣ, заставило насъ прибѣгнуть даже къ идеѣ такого чрезвычайнаго вмѣшательства? Отвѣтъ, кажется, можетъ быть только одинъ: *объясняя непосредственно наблюдаемую дѣйствительность, во многихъ случаяхъ мы совершенно не можемъ обойтись безъ предположенія интеллигенціи, отличной отъ нашей, или, — говоря просто, — не можемъ обойтись безъ мысли о чужомъ умѣ, отъ насъ независимомъ.*

Въ этомъ, какъ думаю, и заключается разгадка *логической* силы нашего убѣжденія въ существованіи чужой одушевленности. Мы не можемъ мыслить безъ противорѣчія свою жизнь, если не предположимъ чужое сознаніе или чужой разумъ, представляющіе изъ себя что-то очень сходное съ нашимъ собственнымъ сознаніемъ и разумомъ. Поэтому я долженъ примкнуть къ мнѣнію г. Введенскаго, что наша увѣренность въ чужомъ одушевленіи во все не есть плодъ умозаключенія по аналогіи (отъ сходства внѣшнихъ свойствъ къ существованію сходныхъ внутреннихъ свойствъ), хотя я и не могу согласиться съ аргументаціей почтеннаго автора. Нашъ выводъ къ существованію сознанія внѣ насъ не простая аналогія, — онъ представляетъ несравненно болѣе строгій логическій процессъ, — онъ основывается на дѣйствительной немислимости противнаго. Аналогія всегда есть доказательство шаткое, — оно оказывается тѣмъ болѣе шаткимъ въ разсматриваемомъ случаѣ, какъ я уже старался показать въ другомъ мѣстѣ *).

*) См. мои „Положительныя задачи философіи“, ч. I, стр. 62—66.

жизни нашихъ ближнихъ насъ убѣждала только аналогія отъ нашего собственнаго я къ присутствію внутренняго я во всѣхъ другихъ людяхъ, выходило бы, что мы, отъ одного только случая сопровожденія явленій физическихъ явленіями психическими въ нашемъ тѣлѣ, умозаключаемъ къ безконечному множеству такихъ случаевъ во всѣхъ человѣкообразныхъ тѣлахъ. Громадность логическаго скачка въ такомъ обобщеніи едва ли нуждается въ поясненіяхъ. Оттого физическія явленія, въ нашемъ собственномъ опытѣ соединенныя съ нѣкоторыми опредѣленными психическими состояніями, обладаютъ далеко не одинаковымъ достоинствомъ въ смыслѣ доказательствъ чужого одушевленія, хотя они должны были бы представляться равноцѣнными, еслибы нашими заключеніями къ существованію чужого одушевленія руководила только аналогія. Наприм., еслибы у насъ явился серьезный поводъ сомнѣваться, видимъ ли мы предъ собою настоящаго человѣка или очень искусно устроенный и похожій на человѣка автоматъ, мы еще не считали бы дѣла рѣшеннымъ, еслибы замѣтили, что лицо предполагаемаго автомата очень живо выражаетъ горе или радость, хотя бы изъ внутренняго опыта мы очень хорошо знали, что въ насъ это выраженіе всегда сопровождается какимъ-нибудь изъ названныхъ чувствъ; но если этотъ автоматъ вдругъ заговоритъ и станетъ осмысленно отвѣчать на наши вопросы, всѣ наши недоумѣнія сразу окончатся,—мы поймемъ, что передъ нами разумный человѣкъ, а не машина. Что же убѣдило насъ въ данномъ случаѣ? Мы руководствуемся простою увѣренностью, что нельзя устроить машину, которая, сама ничего не думая, однако обнаруживаетъ въ своихъ актахъ постоянное размышленіе.

Телеологическій аргументъ *), въ его наиболѣе ясной, простой, эмпирически наглядной формѣ,—вотъ что, въ послѣднемъ основаніи, никогда не позволитъ намъ отказаться отъ предположенія дѣятельной мысли внѣ насъ. Механическимъ, физическимъ и химическимъ процессамъ мы не можемъ приписать того, что не лежитъ въ ихъ существѣ; сложныхъ цѣлесообразныхъ дѣйствій мы не можемъ признать понятнымъ свойствомъ сочетаній элементовъ, которые никакихъ цѣлей не ищутъ. Когда мы видимъ постоянное, сложное, многостороннее совпаденіе, полное идеаль-

---

*) Доказательство отъ цѣлесообразности и осмысленности дѣйствій.

наго смысла, такихъ процессовъ, которые, по своей природѣ, къ этому смыслу (а стало-быть и непремѣнному совпаденію) вовсе не стремятся и въ немъ не заинтересованы,—оно представляется намъ безусловно *невѣроятнымъ* (и въ тѣсномъ, и въ широкомъ значеніи этого слова) безъ направляющей дѣятельности нѣкоторой въ себѣ разумной силы *). Поэтому всеобщій абсолютный автоматизмъ всего, что происходитъ въ окружающихъ насъ людяхъ и животныхъ, а также и въ нашихъ собственныхъ внѣшнихъ дѣйствіяхъ, есть невѣроятнѣйшее изъ предположеній чело-вѣческой фантазіи: о немъ можно остроумно спорить, но его нельзя ясно и серьезно мыслить. Итакъ, несправедливо утверждать, что только аналогія влечетъ насъ къ вѣрѣ, что люди дѣйствительно думаютъ, когда они осмысленно говорятъ и разумно дѣйствуютъ. Въ пользу существованія разума внѣ насъ мы имѣемъ доказательство, которое по очевидности и строгости приближается къ доказательствамъ математики. Какъ при выведеніи математическихъ истинъ **), и оно получается чрезъ аналитическое сопоставленіе идей въ ихъ необходимыхъ взаимныхъ отношеніяхъ между собою: это—идеи *совпаденія, случая, разума*. Откуда бы ни брались эти идеи, и въ частности идея разума, въ нашемъ сознаніи, — пускай даже о внутренней природѣ разума, какъ утверждаетъ г. Введенскій, мы знаемъ только изъ своего единоличнаго внутренняго опыта,—логическая необходимость въ соотношеніяхъ этихъ идей нисколько отъ того не измѣняется. Непрерывно повторяющаяся случайность сложнаго совпаденія явленій въ виду извѣстнаго, опредѣленнаго результата, къ которому однако въ этихъ явленіяхъ, самихъ по себѣ взятыхъ, никакой тенденции не заложено,—лучше сказать, въ виду *многихъ* результатовъ, которые физически весьма различны и тѣмъ не менѣе всѣ объединены нѣкоторымъ общимъ идеальнымъ значеніемъ,***),—вполнѣ невѣроятна,—она противорѣчитъ себѣ. Итакъ, вліяніе идеальнаго смысла окончательныхъ дѣйствій на вызываю-

*) Ср. «Полож. задачи философіи», ч. II, стр. 352—353.

**) Ibid., стр. 54 и дал.

***) Такъ отдѣльные дѣйствія, которыми мы выражаемъ или наше чувство самосохраненія, или наши высшія нравственныя побужденія или, наконецъ, работу нашей познающей мысли, могутъ очень различаться по своему физико-химическому составу и все же одинаково хорошо служить своей общей задачѣ.

щіе ихъ процессы, при такихъ совпаденіяхъ есть то, что *единственно вѣроятно*, — другими словами, вѣроятность этого вліянія равняется *достоверности*. Вотъ критерій, съ которымъ мы приступаемъ къ сужденію не только о подобныхъ намъ существахъ, но и о продуктахъ ихъ дѣятельности, хотя бы самыхъ отдаленныхъ. Представимъ себѣ, что мы, войдя въ запертую комнату, въ которой мы оставили набросанныя беспорядочной кучей подвижныя буквы, вдругъ видимъ эти буквы правильно расположившимися такъ, что изъ ихъ сочетаній выходитъ цѣлый рассказъ или рядъ назидательныхъ размышленій, — это будетъ для насъ совершенно непоколебимымъ доказательствомъ того, что въ наше отсутствіе въ комнатѣ находилось живое, разумное и притомъ грамотное существо. И еслибы даже мы имѣли самое безспорное основаніе думать, что въ запертую комнату безъ насъ никто проникнуть не могъ, мы готовы были бы, въ объясненіе происшедшаго предположить все, что угодно, но не случайное стеченіе чисто физическихъ причинъ. Мнѣ кажется, даже самъ г. Введенскій, очутившись въ подобныхъ обстоятельствахъ, несмотря на свой законъ, скорѣе прибѣгнулъ бы къ темнымъ догадкамъ о шуткахъ спиритическихъ духовъ, нежели успокоился на мысли, что все тутъ произошло само собою.

Если мы такъ судимъ объ отдѣльныхъ дѣйствіяхъ чужого сознанія, то тѣмъ болѣе убѣдительными являются наши заключенія по отношенію къ существамъ, которымъ сознаніе принадлежитъ, какъ постоянное свойство: вѣдь у нихъ эти дѣйствія, безъ участія разума совѣмъ невѣроятныя, совершаются въ неисчерпаемомъ обилии въ каждую минуту ихъ существованія *). И объ осмысленности этихъ дѣйствій мы не только абстрактно умозаключаемъ, сплошь и рядомъ мы ее *испытываемъ непосредственно*. Огромное большинство нашихъ представленій и понятій о вещахъ не нами прямо изъ нихъ извлечены и созданы, мы получаемъ ихъ, только научаясь отъ другихъ людей черезъ разнообразныя внѣшніе знаки. Едва ознакомившись съ своимъ роднымъ языкомъ, мы уже воспринимаемъ каждое его-слово нераздѣльно съ обозначаемымъ имъ понятіемъ; мы знаемъ, что высказываемое намъ словами есть *мысль*, т.-е. достояніе разума, и въ то же время со всею очевидностью знаемъ, что эта мысль *не наша*, не нами придумана,

*) Я, конечно, разумѣю здѣсь моменты бодрственной и дѣятельной жизни.

т.-е. что она достояніе *не нашею*,—*чужого* разума. Это сознание возвращается къ намъ въ каждое мгновеніе нашего общенія съ ближними, начиная отъ выслушиванія самой пустой фразы и кончая усвоеніемъ литературныхъ созданій величайшихъ представителей человѣчества. Мы живемъ въ атмосферѣ мысли, и въ наибольшей своей долѣ эта мысль чужая. Здѣсь мы имѣемъ пунктъ, гдѣ *умозаключеніе къ разумности* переходитъ въ прямое *усмотрѣніе* или *переживаніе разумности чужихъ дѣйствій* *).

Но, можетъ быть, возражать, что телеологическій аргументъ только и доказываетъ существованіе нѣкоторой интеллигенціи, отличной отъ нашей, но не идетъ дальше этого? Между тѣмъ для обоснованія бытія сходныхъ съ нами одушевленныхъ существъ нужно нѣчто гораздо большее: для этого нужно показать, что ихъ умъ подобенъ нашему по своимъ свойствамъ и стремленіямъ, что въ каждомъ изъ нихъ онъ облекается въ индивидуальную форму, что, кромѣ процессовъ мышленія и руководимой этими процессами дѣятельности воли, въ ихъ сознаніи протекають ощущенія, чувствованія, эмоціи, сходныя съ нашими. Развѣ нельзя, подобно Декарту, предположить, что вселенная управляется злымъ демономъ, преслѣдующимъ только одну цѣль,—насъ обманывать? Въ этомъ взглядѣ не будетъ прямого логическаго противорѣчія,—между тѣмъ, съ этой точки зрѣнія, вполне возможна гипотеза, что наши ближніе, съ кажущеюся самостоятельностью ихъ жизни, суть призрачныя маски, за которыми скрывается единая злая воля всемірнаго духа. Или чѣмъ можно дѣйствительно опровергнуть воззрѣніе чистаго солипсизма? Развѣ нельзя отвлеченно представить себѣ, что, кромѣ меня самого и моихъ ощущеній, нѣтъ никого на свѣтѣ, что весь міръ, а стало-быть и всѣ живыя твари въ немъ, лишь мое собственное обманчивое произведеніе, и что всѣ наблюдаемая мною человѣческія дѣйствія вызываються безсознательною работою моего собственного разума? И наконецъ, самая эта идея *безсознательнаго разума* развѣ не лежитъ непобѣдимымъ препятствіемъ для нашего права приписывать своимъ ближнимъ сознательную жизнь? Быть можетъ, живущій въ нихъ разумъ не отражается ни въ

*) Впрочемъ, я долженъ сдѣлать оговорку, что никакъ не намѣренъ касаться вопроса о *психологическомъ* происхожденіи нашей вѣры въ одушевленіе нашихъ ближнихъ. Я останавливаюсь лишь на тѣхъ ея элементахъ, которые допускають дѣйствительное *логическое* оправданіе.

чьемъ сознаниі, и они разсуждаютъ, думаютъ, разсчитанно поступаютъ, не сознавая при этомъ ничего?

На это отвѣчу: дѣйствительно, только существованіе чужого разума и реализующей его силы (чужой воли) есть вполнѣ достоверная теоретическая истина. Отъ нея нельзя *отречься* даже при самыхъ необузданныхъ предположеніяхъ скептицизма. Допустимъ, что вся наша жизнь есть только сонъ, а всѣ поступки окружающихъ насъ людей—лишь выраженіе бессознательнаго творчества нашей собственной мысли: вѣдь тогда мы все-таки должны будемъ признать реальность этой бессознательной мысли и какой-то силы, воплощающей ея содержаніе въ нашихъ невольныхъ грезахъ. Эту мысль, эту дѣятельную мощь мы не знаемъ, какъ *свои*,—по отношенію къ нашему сознательному я—это *чужой* умъ и *чужая* воля. Послѣдовательно проводя такую точку зрѣнія, мы должны прійти къ Фихтевскому различію *я эмпирическаго* и *я абсолютнаго*. Постараемся на минуту повѣрить, что всѣ человѣческія движенія въ самомъ дѣлѣ происходятъ чисто-автоматическимъ путемъ: въ сколько-нибудь отчетливомъ видѣ этого можно достигнуть лишь цѣной признанія *предустановленной гармоніи* между явленіями тѣла и рѣшеніями нашего сознания; а предустановленная гармонія, какъ извѣстно, предполагаетъ разумаго Творца, съ величайшею мудростью устроившаго механизмъ вселенной. Итакъ, безъ предположенія чужой интеллигенціи, выраженной въ той или иной формѣ, обойтись невозможно.

Въ нѣсколько иномъ положеніи находится вопросъ о внутренней однородности душевной жизни нашихъ ближнихъ съ нашею собственною: утверждая такую однородность, мы имѣемъ дѣло съ выводомъ только *въ высокой степени вѣроятнымъ*, но не болѣе. Мы не только наблюдаемъ общій фактъ существованія разумности внѣ насъ, — нераздѣльно съ этимъ мы воспринимаемъ и способы, которыми она проявляется. Испытывая обнаруженія умственной дѣятельности нашихъ ближнихъ, мы замѣчаемъ, что она движется тѣми же стремленіями, какъ и наша, что она подчинена такимъ же внутреннимъ законамъ, что для нея положены тѣ же неизбѣжныя границы, что она обращается съ тѣми же непосредственными данными и т. д. Точно также мы усматриваемъ и въ умственныхъ дѣйствіяхъ ближнихъ, и въ ихъ поступкахъ вліяніе тѣхъ же самыхъ аффектовъ и чувствъ, какія на-

блюдаемъ въ себѣ, и убѣждаемся, что эти душевныя состоянія возникаютъ у нихъ при тѣхъ же условіяхъ, какъ и у насъ. Такимъ образомъ, и путемъ косвенныхъ выводовъ, и путемъ прямого усмотрѣнія и переживанія, о которомъ я говорилъ выше, мы приходимъ къ увѣренности, что наше собственное сознаніе и сознаніе другихъ людей имѣютъ одинаковую природу. И мы признаемъ это не только относительно умственной сферы, въ тѣсномъ смыслѣ слова, но и относительно воли, сердца, способности чувственныхъ воспріятій. Эта увѣренность есть ли иллюзія? Конечно, въ отдѣльныхъ случаяхъ мы можемъ очень ошибаться, воображая чужую душевную жизнь. Особенно область внутреннихъ побужденій и чувствъ представляетъ изъ себя загадку, часто неразрѣшимую даже для того, кто ихъ переживаетъ, а не только для посторонняго наблюдателя. Именно въ этихъ явленіяхъ души мы имѣемъ то, что въ ней есть наиболѣе неуловимаго и непередаваемаго, даже при искреннемъ желаніи быть откровеннымъ; нечего и говорить о безчисленныхъ примѣрахъ ложной оцѣнки, внушаемой сознательнымъ притворствомъ. Однако совершенно очевидно, что заблужденія этой категоріи не могутъ служить никакимъ аргументомъ противъ единства психической природы въ человѣчествѣ: вѣдь въ этомъ случаѣ и мы находимся къ ближнимъ въ томъ самомъ отношеніи, въ какомъ они находятся къ намъ.

Поэтому единственнымъ возраженіемъ противъ нашей вѣры въ однородность нашего сознанія съ сознаніемъ, дѣйствующимъ въ другихъ людяхъ, все же остаются лишь гипотезы о міроуправляющемъ зломъ духѣ, о мірѣ, какъ о нашей собственной субъективной грезѣ и т. д. Въ отвлеченномъ философскомъ разсужденіи приходится имѣть дѣло даже и съ такими предположеніями, разъ въ нихъ нѣтъ явнаго логическаго противорѣчія, несмотря на ихъ очевидную ребяческую несообразность и произвольность. Тѣмъ не менѣе не будетъ никакой натяжки сказать, что существованіе чужого одушевленія, подобнаго нашему, имѣетъ ровно настолько теоретической вѣроятности, насколько невѣроятно, чтобы міръ подчинялся злomu божеству, у котораго одна задача вводить въ обманъ свое единственное разумное твореніе, наше я, или чтобы вся жизнь была только нашимъ субъективнымъ призракомъ, неизвѣстно какъ возникшимъ. Не думаю, чтобы такую вѣроятность одушевленности нашихъ ближнихъ можно

было цѣнить низко: вѣдь надо помнить, что ни одно обобщеніе о фактахъ опыта не обладаетъ полною, *абсолютною* достоверностью, а всегда только *вѣроятно* въ большей или меньшей степени. Во всякомъ случаѣ, конечно, не г. Введенскому ссылаться на гипотезы злого духа и чистой призрачности жизни: для этого онѣ слишкомъ носятъ печать самой разнузданной и мечтательной метафизики, а г. Введенскій отъ всякой метафизики отказался. Что касается до предположенія совершенно безсознательнаго духа, о которомъ было говорено выше, то оно, не смотря на свою популярность, полученную имъ благодаря стараніямъ нѣмецкихъ философовъ, прежде всего нуждается въ обоснованіи даже простой своей *мыслимости*. Абсолютная *безсознательность*, если не употреблять этотъ терминъ въ какомъ-нибудь совѣтѣ необычномъ смыслѣ, обозначаетъ рѣшительное отсутствіе всего, чѣмъ характеризуется психическая жизнь. Безсознательный духъ—это существо, которое думаетъ, ничего не понимая, хочетъ, ничего не желая, ощущаетъ, ничего не чувствуя. Нужны огромныя усилія самой тонкой діалектики, чтобы придать этому понятію хотя бы настолько приличный видъ, чтобы оно не казалось пустымъ наборомъ словъ, уничтожающихъ другъ друга.

Итакъ, существуютъ ли объективно признаки чужого одушевленія? Да, *они существуютъ*, но ихъ слѣдуетъ искать не тамъ, гдѣ ихъ не нашель г. Введенскій,—не въ отдѣльныхъ явленіяхъ нашей тѣлесной жизни, врозь взятыхъ, и не въ ихъ физическомъ составѣ,—а въ ихъ порядкѣ, въ ихъ связи, послѣдовательности и смыслѣ. Постоянное и бесконечно разнообразное совпаденіе, во всѣхъ дѣйствіяхъ подобныхъ намъ тварей на землѣ, чисто-механическихъ двигателей съ ясно наблюдаемыми цѣлями этихъ дѣйствій есть величайшій абсурдъ *). Поэтому существованіе независимаго отъ насъ, *объективнаго* разума въ основѣ воспринимаемой нами цѣлесообразности чужихъ дѣйствій теоретически несомнѣнно; и съ другой стороны, сходная съ нашею одушевленностью другихъ людей и животныхъ есть предположеніе теоретически вѣроятное въ такой высокой степени, какъ только можетъ быть вѣроятно какое-нибудь эмпирическое обобщеніе. Таковы заключенія, которыя вытекаютъ изъ *теле-*

*) См. объ этомъ „Полож. задачи философіи“, ч. II, стр. 365—367 и 380—386.

ологическаго доказательства чужого одушевленія. И вотъ г. Введенскій совсѣмъ не коснулся этого доказательства.

По этому поводу невольно задумаешься надъ печальною судьбой телеологіи въ исторіи человѣческой мысли. Было время, когда главную задачу науки полагали въ опредѣленіи высшихъ цѣлей, ради которыхъ существуютъ вещи; при этомъ телеологическимъ принципомъ злоупотребляли съ непостижимою безцеремонностью, и самыя наивныя нелѣпости выставляли серьезнымъ объясненіемъ феноменовъ природы. Теперь, напротивъ, считается вполне дозволеннымъ не упоминать о телеологіи даже и тогда, когда рѣчь идетъ о проблемахъ, приложимость къ которымъ телеологическихъ соображеній, казалось бы, не допускала спора, и при разрѣшеніи которыхъ безъ телеологіи нельзя сдѣлать ни одного шага. Не характеренъ ли, въ самомъ дѣлѣ, фактъ, что авторъ цѣлой книги о предѣлахъ одушевленія не обмолвился о телеологическомъ аргументѣ въ пользу существованія одушевленной жизни внѣ насъ ни единымъ словомъ, — хотя бы для его опроверженія!

Между тѣмъ г. Введенскій имѣлъ меньше права на такое умолчаніе, чѣмъ кто-нибудь другой. Если единственнымъ основаніемъ для выведеннаго имъ «закона одушевленія» служитъ отвлеченная возможность мыслить, что всѣ человѣческія дѣйствія возникаютъ автоматическимъ путемъ, то вѣдь именно *телеологическія* соображенія обращаютъ эту возможность въ *мнимую*: про отдѣльныя звенья нашей дѣятельности, оторванныя отъ остальныхъ, мы дѣйствительно можемъ безъ противорѣчія предполагать ихъ автоматическое происхожденіе, но этого никакъ нельзя сказать о нашей дѣятельности, въ ея живомъ, осмысленномъ единствѣ; въ этомъ пунктѣ всѣ механическія объясненія разбиваются о логическую несообразность и немыслимость. Почѣму же г. Введенскій уклонился отъ возраженій наиболѣе опасныхъ для его взгляда? Никакого отвѣта мы у него не находимъ. Единственная фраза, въ которой говорится о телеологіи *), относить, повидимому, всѣ телеологическія сужденія въ область метафизики: «не забудемъ, — говоритъ онъ, — что метафизическія соображенія о смыслѣ и конечной цѣли существованія такихъ или другихъ (одушевленныхъ или неодушевленныхъ) тѣлъ для насъ недопустимы: вся

*) О предѣл. и призн. одушев., стр. 14—15.

наша задача состоитъ въ томъ, чтобы сполна разсмотрѣть, что именно откроется предъ нами послѣ отказа отъ всякой метафизики». Однако слишкомъ ясно, что въ телеологическихъ соображеніяхъ, о которыхъ велась рѣчь выше, нѣтъ никакого вопроса о «конечной цѣли существованія». Въ нихъ говорится объ утвержденіяхъ, безъ которыхъ не обходится жизнь людей, даже наименѣе наклонныхъ къ умозрительнымъ занятіямъ: я ложусь спать, чтобы отдохнуть; я строю домъ, чтобы въ немъ жить; я иду на рынокъ, чтобы купить хлѣба,—неужели все это *метафизическія* сужденія? Если такъ, то г. Введенскому слѣдовало бы установить болѣе точное различіе между *метафизическимъ* и *эмпирическимъ*. Вѣдь существуетъ точка зрѣнія (и, по моему, она единственно истинная), по которой метафизическіе элементы такъ тѣсно и многообразно вплетаются въ каждое дѣйствіе нашего ума, что ихъ рѣшительно невозможно удалить изъ этихъ дѣйствій. Но тогда самая попытка рѣшать какой бы то ни было содержательный вопросъ знанія, при абсолютномъ устраненіи всего метафизическаго, не будетъ ли предпріятіемъ не только празднымъ, но и противорѣчающимъ себѣ?

Въ заключеніе, я позволяю себѣ, въ соотвѣтствіе съ вызовомъ самого г. Введенскаго, поставить ему слѣдующіе два вопроса: 1) Абстрактная возможность мыслить всякую жизнь и дѣятельность, какъ автоматическій процессъ, есть ли единственное основаніе его «закона одушевленія», или онъ можетъ указать для этого закона еще какія-нибудь другія основанія? 2) Какимъ образомъ онъ утверждаетъ эту возможность, не смотря на существованіе весьма серьезныхъ возраженій противъ нея, и чѣмъ устраняетъ онъ эти возраженія?

Л. Лопатинъ.

КРИТИКА И БИБЛОГРАФІЯ.

I. Обзоръ журналовъ.

Revue Philosophique 1893 г. № 1 и 2.

Гуръ. Метафизическая увѣренность (№ 1). Это— продолженіе статей, помѣщенныхъ въ *Revue Phil.* въ 1890 и 91 гг. («Мораль и метафизика», «Роль воли въ увѣренности»).— Истина логическая—не вся истина; *свободная* воля простирается на область *невѣдомаго* и рождаетъ *метафизическую увѣренность*, различныя степени которой и проявляются въ простомъ сужденіи, въ сужденіи прочномъ (*constant*) и въ сужденіи истинномъ. Теоретически же мы никогда не выходимъ изъ явленій: то, что внѣ явленій, — тѣмъ самымъ внѣ сознанія. Въ области сознанія факты наиболѣе прочныя и яркіе — суть наше «я», а наиболѣе слабыя — то, что мы метафизически «выдѣляемъ изъ сознанія» (*déconsciencions*), какъ внѣшній міръ, независимый отъ нашего сознанія. Въ признаніи одушевленности другихъ людей мы вновь «принимаемъ въ сознаніе» (*reconsciencions*) слабыя факты сознанія, выдѣленные ранѣе какъ внѣшніе, — когда мы утверждаемъ, что *другіе* люди обладаютъ столь же *живымъ* сознаніемъ, какъ мы сами; такимъ образомъ, здѣсь роль *свободной* воли еще больше. Далѣе, авторъ слѣдитъ за метафизическимъ процессомъ въ религиозныхъ вѣрованіяхъ. По его мнѣнію, есть двѣ философіи: теоретическая, — разлагая міръ на явленія сознанія, удаляется отъ обычныхъ представленій людей необразованныхъ; практическая же — позволяетъ вернуться къ вѣрованіямъ вульгарной метафизики; первая даетъ знаніе и оправдываетъ вторую, вторая — расширяетъ горизонты первой.

Кутюра. Пластическая красота. (№ 1).

Авторъ возражаетъ на ст. Навилля (въ № 8 за 92 г.) объ «Органической красотѣ». Ни въ воспріятіи внѣшнихъ предметовъ, ни въ самосознаніи, какъ таковомъ, нѣтъ красоты; она содержится «въ обнаруженіи состояній сознанія посредствомъ матеріальныхъ явленій»; значитъ, нѣтъ красоты «ощущеній», нѣтъ и красоты «нравственной», если держаться настоящаго смысла терминовъ. Красота органическая входитъ въ «экспрессивную», которая должна быть за то расчленена; должны быть особые термины для «красоты» въ литературѣ, въ музыкѣ и въ пластикѣ, причемъ терминъ «красивый» (beau) лучше всего оставить за послѣднимъ видомъ. Поэтому должны быть отдѣльныя эстетики: литературная, музыкальная и изящныхъ искусствъ (beaux-arts). Далѣе авторъ анализируетъ выразительность, экспрессию въ красотѣ.

Комбарьё. Выраженіе объективнаго въ музыкѣ (№ 2). Хотя музыка имѣетъ свое особое значеніе, какъ система звуковъ, независимо отъ всякихъ «программъ», все же ей присуща и «описательная» функція. Можно описывать или самыя предметы, или чувства ими возбуждаемыя. Хотя музыка и не содержитъ элемента пространственнаго, но она своими особыми приёмами (авторъ ихъ перечисляетъ) можетъ воспроизводить:

- 1) направленіе движенія, его скорость, форму, ритмъ, продолжительность;
- 2) неопредѣленное количество естественныхъ или искусственно производимыхъ во внѣшнемъ мірѣ шумовъ со всѣми ихъ отѣнками;
- 3) относительное положеніе въ пространствѣ двухъ неподвижныхъ или двигающихся предметовъ и измѣненія раздѣляющаго ихъ разстоянія;
- 4) степень яркости цвѣтовъ и извѣстное количество ихъ специфическихъ качествъ;
- 5) величину или малый размѣръ предметовъ (указывая аналогію, пропорціональность).

Въ виду того, что музыка можетъ передавать лишь самыя общіе признаки внѣшнихъ предметовъ, терминъ «описательная» лучше замѣнить терминомъ «объективная» музыка. Такимъ образомъ, музыка имѣетъ дѣло не только съ временемъ, но и съ пространствомъ, не только съ ритмомъ, но и съ симметріей, и должна

занимать (какъ и орхестика) мѣсто не во второмъ, а между двумя главными порядками искусствъ, классифицированныхъ въ древности такимъ образомъ:

I. Пластическія искусства: (изображаютъ пространство и неподвижность).		II. Музыкальныя искусства: (изображаютъ продолженіе и движеніе).
---	--	---

А. Искусства субъективныя:

Архитектура.		Музыка.
--------------	--	---------

Б. Искусства субъективно-объективныя:

Живопись.		Поэзія.
-----------	--	---------

В. Искусства объективныя:

Скульптура.		Орхестика.
-------------	--	------------

Главный формальный законъ: Повтореніе	
повтореніе дѣлений пространственныхъ (симметрия);	повтореніе дѣлений временныхъ (ритмъ).

Поль Жанэ. Единство философіи (№ 2).

По мнѣнію автора, внѣ собственно *положительныхъ* наукъ лежатъ два факта: 1) сознание и 2) идеи высшей общности и первыхъ причинъ и началъ. Отсюда двѣ стороны философіи, которую въ цѣломъ можно опредѣлить, какъ «мышленіе о мышленіи» (*pensée de la pensée*). Части философіи: психологія, логика (ученіе о нормативныхъ законахъ мышленія), эстетика, мораль и метафизика, ученіе о единствѣ объективнаго и субъективнаго, наука «о мышленіи, создаваемая посредствомъ мышленія» (*science de la pensée par la pensée*); она «мыслить мысль о мірѣ». Сообразно съ этимъ, вотъ іерархическая лѣстница философскихъ системъ: 1) низшая ступень — *материализмъ*; 2) *позитивизмъ*; 3) *субъективный феноменизмъ*, представителями котораго служатъ Юмъ, Милль, Тэнъ; этотъ феноменизмъ—есть «мысль объ ощущеніи», такъ что онъ возвышается надъ своимъ основаніемъ (ощущеніемъ); но все-таки это—настоящая философія, такъ какъ онъ признаетъ сознание, какъ таковое, а не игнорируетъ его, какъ материализмъ, не сводитъ къ функціи мозга, какъ позитивизмъ; 4) *критицизмъ*, «мысль о мысли»; но здѣсь «чистая мысль» только форма, матеріалъ же—тѣ же ощущенія, что и въ феноменизмѣ; 5) *идеализмъ*, считающій мысль не только формой ощущеній, но

и адекватной бытію, единствомъ субъекта и объекта. Идеализмъ имѣетъ двѣ формы: пантеизмъ (абсолютная мысль есть субстанція, субстратъ конечной и въ ней одной проявляется; объектъ доминируетъ надъ субъектомъ, Богъ безличный) и спиритуализмъ (абсолютная мысль—существуетъ сама въ себѣ, внѣ и надъ конечной; субъектъ выше объекта, Богъ личный). Спиритуализмъ высшая форма философіи.

Марилье. Психологія В. Джемса. (1892 г. № 11 и 12; 1893 г. № 1 и 2).

Обширная статья, посвященная разбору вышедшаго въ 1890 г. двутомнаго соч. Джемса «Основанія психологіи» и однотомнаго ихъ сокращенія, отчасти дополненнаго и переработаннаго, вышедшаго въ 1892 г.

Вл. Ивановскій.

Mind. New Series. №№ 5, 6. Январь-апрѣль 1893 г.

A. Bain.—Биографическая замѣтка о Джорджѣ Крумъ Робертсонѣ.

Краткая біографія и характеристика перваго редактора журнала Mind. Робертсонъ родился въ 1842 г., умеръ въ 1892.

Henry Rutgers Marshall.—Гедонистическая эстетика.

Показавши въ предыдущихъ статьяхъ, что эстетика должна быть гедонистическою, что прекрасное есть пріятное, обладающее относительнымъ постоянствомъ при оживаніи,—авторъ переходитъ къ вопросу о томъ, при помощи какихъ техническихъ приѣмовъ художникъ достигаетъ желаемаго результата: возбуждаетъ чувство прекраснаго. Здѣсь прежде всего слѣдуетъ отмѣтить *принципъ удовлетворенія ожиданій*. Но одного удовлетворенія ожиданій еще не достаточно. Художникъ долженъ устранить все, возбуждающее страданіе, и, образовавши обширную область, лишенную страданія, долженъ скомбинировать значительное количество пріятныхъ элементовъ. Затѣмъ онъ долженъ такъ направлять вниманіе людей, наслаждающихся его произведеніемъ, чтобы, лишь только одно какое-либо впечатлѣніе перестанетъ доставлять имъ удовольствіе, немедленно же путемъ естественной связи возникало другое пріятное впечатлѣніе. Наконецъ, эти впечатлѣнія при всемъ ихъ разнообразіи должны обнаруживать извѣстное единство.

A. Bain.—Сферы дѣятельности и взаимная помощь самонаблюдения и психо-физического опыта въ психологіи.

Самонаблюдение всегда было и всегда будетъ главнымъ методомъ психологическаго изслѣдованія. При изученіи основныхъ философскихъ вопросовъ (Мышленіе и Реальность, Познаніе и Бытіе, Пространство, Время и Причина) необходимо прибѣгать къ самонаблюденію. Хотя при качественномъ анализѣ нашихъ душевныхъ способностей психо-физика и можетъ въ извѣстныхъ случаяхъ дать цѣнные указанія, однако главнымъ методомъ при подобнаго рода изслѣдованіяхъ все-таки будетъ самонаблюдение. Наоборотъ, при количественномъ анализѣ психическихъ явленій самонаблюдение, хотя и можетъ имѣть извѣстное значеніе, должно, однако, играть второстепенную роль сравнительно съ другими методами изслѣдованія, среди которыхъ психо-физика занимаетъ первое мѣсто.

J. Ward.—«Современная» психологія.

Этой «современной» психологіи всего три-четыре года. Родилась она въ психо-физиологической лабораторіи Вундта, хотя самъ Вундтъ вынужденъ былъ бороться съ нею, какъ съ психо-физическимъ матеріализмомъ. Если одно изъ болѣе старыхъ психологическихъ ученій было названо «психологіей безъ души», то «современную» психологію можно назвать «психологіей безъ сознанія». Это психологическое ученіе можно назвать презентационизмомъ и показать его родство съ ассоціационизмомъ и сенсуализмомъ. Авторъ допускаетъ, что презентационизмъ объясняетъ девять десятыхъ изъ психологическихъ фактовъ, или, лучше сказать, девять десятыхъ каждаго психологическаго факта. Вся ошибка «современныхъ» психологовъ заключается въ томъ, что они или поспѣшно принимаютъ эти девять десятыхъ за цѣлое, или, еще хуже, подобно Мюнстербергу, вводятъ кое-что изъ неизслѣдованной десятой подъ общую рубрику: представленіе, а все остальное изгоняютъ вовсе изъ области познаемаго.

Alfred Sidgwick.—Замѣтки о реформѣ въ логикѣ.

Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что техническіе термины, употребляемые теперь въ логикѣ, суть въ значительной мѣрѣ остатки старыхъ философскихъ системъ. Авторъ рѣшается пересмотрѣть эти термины, изслѣдуя ихъ съ точки зрѣнія вопроса о томъ,

въ какой мѣрѣ они въ настоящее время помогаютъ уразумѣнню процесса доказательства.

Henry Jones.—Природа и цѣль философіи.

Философовъ обыкновенно упрекаютъ за то, что ни одна ихъ система не получила окончательнаго признанія, что даже между различными системами, исторически слѣдовавшими другъ за другомъ, нѣтъ строгой преемственной связи. Но тѣ, которые дѣлаютъ подобный упрекъ, очевидно не понимаютъ, что неизмѣнная, окончательная философская система по самой своей природѣ невозможна. Философія есть скорѣе процессъ, чѣмъ догма,— процессъ, при помощи котораго человѣкъ воспроизводитъ въ мысли и вновь переживаетъ результаты своей теоретической и практической дѣятельности. Задача философіи—истолковывать человѣческой опытъ. Философская система гибнетъ вмѣстѣ съ жизнію, которую она истолковываетъ; но она гибнетъ *такимъ же образомъ*, какъ и эта жизнь, т.-е. вливаясь въ болѣе широкую жизнь слѣдующаго поколѣнія. Въ этомъ отношеніи судьба философіи аналогична судьбѣ искусства.

H. Sidgwick.—Неразумное дѣйствіе.

Подъ именемъ неразумнаго дѣйствія авторъ понимаетъ такое сознательное и произвольное дѣйствіе, которое совершается человѣкомъ вопреки собственному рѣшенію поступить иначе.

Авторъ оставляетъ безъ разсмотрѣнія какъ случаи чисто-импульсивныхъ дѣйствій, такъ и случаи «болѣзни воли». Разсматриваемые имъ случаи онъ дѣлитъ на двѣ категоріи: 1) случаи, когда, подъ влияніемъ напора чувствъ, человѣкъ не видитъ, что его дѣйствіе противорѣчитъ его рѣшенію; 2) случаи, когда онъ болѣе или менѣе смутно сознаетъ, что противорѣчитъ самъ себѣ, но умышленно обманываетъ себя разными софистическими ображеніями.

Въ тѣхъ же №№ помѣщена еще статья: W. Caldwell.—Теорія познанія у Эд. Гартмана.

П. Моніевскій.

Перечень самостоятельныхъ статей въ послѣднихъ книжкахъ иностранныхъ философскихъ журналовъ 1893 года:

Mind. Июль.—Jones. Idealism and Epistemology.—Granger. Aristotle's theory of reason.—Henri Laurie. Methods of inductive inquiry.—E. T. Dixon. On the distinction between real and

verbal propositions.—Dr. James Ward. Assimilation and association (I).

Вierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie. Zweites Heft.—Petzoldt. Einiges zur Grundlegung der Sittenlehre.—Barth. Kritik der Grundanschauungen der Sociologie H. Spencer's.—Ehrenfels. Werththeorie und Ethik (2 Art.).—**Drittes Heft.**—Achelis. Die Philosophische Bedeutung der Ethnologie.—Hitschmann. Der Blinde und die Kunst.—Ehrenfels. Werthth. u. Ethik (3 Art.).—Schuppe. Die Bestätigung des naiven Realismus.

Archiv für Geschichte der Philosophie. Band VI, Heft 4.—Külpe. Anfänge und Aussichten der experimentellen Psychologie.—Tannery. Sur un point de la méthode d'Aristote.—Döring. Die eschatologischen Mythen Platos.—Espinosa. La philosophie de l'action au V siècle av. J. Ch.—Dilthey. Das natürliche System der Geisteswissenschaften im siebzehnten Jahrhundert.—L. Stein. Jahresbericht über d. deutsche Litter. zur Philosophie der Renaissance.

Philosophische Monatshefte. Band XXIX. Heft 1 и 2.—K. Lasswitz. Die moderne Energetik in ihrer Bedeutung für die Erkenntniskritik.—F. Staudinger. Die sittliche Frage eine sociale Frage.—E. von Hartmann. Religionsphilosophische Thesen.—Heft 3 и 4.—Die älteste Fassung von Melanchthons Ethik, hrsgegeben von H. Heineck.—Lasswitz—idem.—Staudinger—idem.—B. Erdmann. Johann Eduard Erdmann.—Heft 5 и 6.—Paul Carus. Die Religion der Wissenschaft (очеркъ изъ философ. жизни Сѣв. Америки).—R. Hoar. Ein unaufgeklärtes Moment in der kantischen Philosophie.—F. Tönnies. Werke zur Philosophie der Geschichte und des socialen Lebens. (G. Tarde. Les lois de l'imitation).

Revue Philosophique. Май (№ 5).—L. Dauriac. Psychologie du musicien. I. L'évolution des aptitudes musicales.—Houssay. La sociabilité et la morale chez les animaux.—Marchesini. Sur les idées générales.—**Июнь** (№ 6).—Delage. La nouvelle theorie de l'hérédité de Weismann.—J. M. Charcot et A. Binet. Un calculateur du type visuel.—Dauriac—idem. II. L'oreille musicale.—**Июль** (№ 7).—Egger. Jugement et ressemblance.—Soury. Origine et nature du mouvement organique.—Mouret. Le problème de l'infini. I. Relativité.—**Августъ** (№ 8).—Penjon. Le rire et la liberté.—Mouret—idem. Egger—idem.

II. Обзоръ книгъ.

Веніаминъ Снегиревъ. Психологія. Харьковъ. 1893 г. XXV+700 стр. Цѣна 5 руб.

Эта книга представляетъ собою курсъ, читанный студентамъ казанской духовной академіи умершимъ въ 1889 г. профессоромъ ея Снегиревымъ и теперь изданный по его собственнымъ запискамъ его братомъ. Книга важна, какъ одно изъ немногихъ самостоятельныхъ русскихъ руководствъ по психологіи, и потому заслуживаетъ разбора.

Въ общемъ, авторъ является сторонникомъ англійской психологіи, не совѣмъ точно называемой «эмпирической». Вотъ отзывъ автора объ англійской психологической литературѣ текущаго столѣтія: «богатство наблюденій надъ фактами душевной жизни, тонкость анализа самыхъ сложныхъ процессовъ, отсутствіе предзанятыхъ философскихъ воззрѣній и широкихъ обобщеній, простота и наглядность объясненій—все это дѣлаетъ англійскія произведенія первыми въ мірѣ и лучшими». Въстѣ съ тѣмъ Снегиревъ рѣшительно критикуетъ и отвергаетъ нѣмецкую метафизическую психологію, особенно школы Гегеля (стр. 102—104); а въ приложенномъ къ книгѣ біографическомъ очеркѣ одинъ изъ бывшихъ слушателей автора приписываетъ ему даже «положительное отвращеніе ко всей нѣмецкой философіи вообще». «Кантъ, по словамъ проф. Снегирева, — окончательно запуталъ и безъ того не блиставшіе особенной ясностью нѣмецкіе умы и тѣмъ самымъ очень много содѣйствовалъ окончательному пораженію нѣмецкой философіи. Его вещь въ себя—продуктъ метафизическаго недоразумѣнія, его трансцендентальныя формы воспріятія и категоріи разсудка плоды совершеннаго незнанія имъ психофизиологіи,

его критика доказательствъ бытія Божія и безсмертнаго духа человѣческаго—слѣдствіе подтасовки понятій совершенно различныхъ порядковъ, и вся его критика метафизики метафизичнѣ всякой метафизики. «Критика чистаго разума» была безысходнымъ философскимъ болотомъ, изъ котораго не могъ выбраться даже такой сильный мыслитель, какъ Шопенгауеръ». Оставляемъ эти отзывы, конечно, на совѣсти передаващаго ихъ. Впрочемъ, проф. Снегиревъ въ цѣломъ рядѣ важныхъ пунктовъ дѣлаетъ дополненія и поправки къ ученіямъ англійской психологіи, часть которыхъ имѣетъ за себя болѣе или менѣе вѣскія основанія, часть же вызываетъ серьезныя возраженія.

Вотъ какъ авторъ понимаетъ объемъ и составъ психологіи: «существуютъ три отдѣльныя, спеціальныя и самостоятельныя области науки о душѣ: психологія субъективная, психологія физиологическая и третья,—синтезъ даннаго въ двухъ первыхъ, изображеніе возникновенія и развитія жизни души изъ одного основнаго начала въ двухъ направленіяхъ, или формахъ, и самое опредѣленіе природы этого начала на основаніи чисто научнаго матеріала»; эта послѣдняя отрасль психологіи наименѣе установлена, наиболѣе же разработана «субъективная психологія, которая и является основною наукою о душѣ». Въ общемъ, психологія такъ растетъ и дробится, что становится равною наукѣ о веществѣ, и такимъ образомъ возникаетъ система наукъ психологическихъ, наукъ духа.

Авторъ высказывается (Введеніе, глава III) за субстанціальность души: «духъ и матерія—два отдѣльныя, самостоятельныя начала; оба несомнѣнно существуютъ, но оба непостижимы въ своей сущности для человѣческаго ума». Такимъ образомъ, авторъ является въ метафизикѣ дуалистомъ; но не въ этомъ главное содержаніе и интересъ его труда. «Феноменологія является,—по мнѣнію автора,—средоточіемъ и основою всей науки о душѣ, а самонаблюденіе—основнымъ приѣмомъ изслѣдованія». Заканчивается «Введеніе» обзоромъ литературы по психологіи какъ иностранной, такъ и русской.

Первая часть сочиненія излагаетъ «основныя состоянія и процессы душевные»; здѣсь описаны основныя *состоянія*: ощущеніе, чувствованіе (волненіе), стремленіе и идея; и основныя *процессы*: сознаніе—различеніе, ассоцірованіе и воспроизведеніе, творчество, вниманіе и память. По нашему мнѣнію, та-

кое выдѣленіе «основныхъ» состояній и процессовъ имѣеть за себя нѣкоторыя основанія, такъ какъ до извѣстной степени устраняетъ упреки, дѣлаемые эмпирической психологіи въ томъ, что она будто бы единственной реальностью признаетъ одно голое ощущеніе.

Основой жизни духа проф. Снегиревъ считаетъ ощущеніе, критически разбирая и отвергая теоріи, кладущія въ основу психическихъ явленій какъ волю, такъ и неясное первичное волненіе. Чувствованіе авторъ опредѣляетъ какъ «впечатлѣніе, производимое на душу ея собственными состояніями и измѣненіями, связанное съ общимъ возбужденіемъ нервной системы и имѣющее результатомъ непосредственную оцѣнку всего этого для блага индивидуума и свою послѣднюю основу въ сознаніи движенія всего состава души, подъ вліяніемъ ея измѣненій единичныхъ и частныхъ».

«Стремленіе, по всей вѣроятности, возникаетъ вслѣдъ за волненіемъ. Въ своемъ существѣ оно есть сознаніе недостатка, нужды, потребности въ чемъ-нибудь и тѣсно связано съ двигательнымъ импульсомъ, а въ самомъ началѣ душевной жизни обыкновенно прямо переходитъ въ инстинктивное движеніе». Затѣмъ авторъ объясняетъ происхожденіе идей изъ ощущений и постепенное ихъ усложненіе. Въ главѣ о сознаніи авторъ возстаетъ противъ ученія о сознаніи, какъ объ особомъ агентѣ, существующемъ рядомъ съ явленіями, освѣщающемъ ихъ и приводящемъ къ бытію»; «явленія душевныя, говоритъ онъ, свѣтятъ своимъ, а не заимствованнымъ свѣтомъ, т. е. сами производятъ сознаніе, которое въ существѣ своемъ есть не что иное, какъ непосредственное постоянное различеніе» (стр. 184—6).

Въ главѣ объ ассоціаціи авторъ высказывается противъ физиологической ея теоріи; особый отдѣлъ (стр. 203 — 227) посвященъ «творческой ассоціаціи», «воспроизведенію и сочетанію душевныхъ явленій не въ томъ порядкѣ и формѣ, въ какихъ они возникаютъ подъ прямымъ вліяніемъ внѣшнихъ возбужденій». Авторъ слѣдитъ за участіемъ творческихъ соединеній въ произведеніи новыхъ, оригинальныхъ ощущенийъ, въ воспріятіи дѣйствительныхъ предметовъ и явленій, въ образованіи общихъ идей, въ усвоеніи и передачѣ чужого опыта, въ составленіи научныхъ построеній, въ сферѣ эмоций и воли (построеніе идеала); — перечисляетъ условія, благопріятствующія творческому процессу:

такими онъ считаетъ подавленіе сознанія окружающаго, воли и критической способности. «Часто впрочемъ процессъ творчества возникаетъ и произвольно, направляясь къ извѣстной, опредѣленной цѣли; но намѣренность творчества является только въ началѣ его, какъ поводъ къ нему, самый же процессъ идетъ непроизвольно въ лучшихъ и совершеннѣйшихъ творческихъ произведеніяхъ» (стр. 212 и сл.) Эти творческіе образы строятся «увеличеніемъ или уменьшеніемъ данныхъ въ опытѣ внутреннихъ состояній, увеличеніемъ или уменьшеніемъ сложности готовыхъ образовъ, новымъ размѣщеніемъ ихъ частей, замѣной нѣкоторыхъ частей другими и т. п., аналогіей, т.-е. перенесеніемъ цѣликомъ или въ измѣненномъ видѣ свойствъ одного предмета на другой» и т. д.

Вторая часть сочиненія посвящена «сложнымъ, высшимъ дѣятельностямъ души». Въ вопросѣ о личности авторъ держится средняго мнѣнія: несомнѣнно, что идея личности, «я», развивается постепенно, слагается изъ многихъ представленій о ея состояніяхъ и подвергается разнаго рода разложеніямъ и превращеніямъ, нормальнымъ и болѣзненнымъ, но все же «въ основѣ всѣхъ измѣненій внутренней жизни человѣка лежитъ нѣчто единое, всегда себѣ равное по существу, такъ какъ логичность, внутренняя связность и единство поразительны даже въ самыхъ нелѣпыхъ, болѣзненныхъ формахъ самосознанія», «хотя ученіе объ основномъ и первоначальномъ происхожденіи идеи «я» представляетъ лишь гипотезу, истинность которой съ очевидностью, теперь по крайней мѣрѣ, доказана быть не можетъ».

Въ ученіи о происхожденіи идей времени и пространства авторъ слѣдуетъ, въ общемъ, обычнымъ ученіямъ англійской психологій.

Болѣе самостоятельно и цѣльно обработанъ отдѣлъ объ эмоціяхъ («Сердце», стр. 360—611). Выше мы уже привели данное проф. Снегиревымъ описаніе эмоціи. Указавъ на самостоятельное ихъ значеніе въ душевной жизни, на важность ихъ культуры для воспитанія и улучшенія природы человѣка, изложивъ «законы организациі сложныхъ чувствованій» и явленія «симпатіи», авторъ переходитъ къ классификаціи. Перечисливъ главныя классификаціи (изъ новыхъ: Вундта, Горвича, Спенсера, Бэна, Владиславлева, Ушинскаго, Н. Я. Грота, Нагловскаго) авторъ даетъ свою въ слѣдующемъ видѣ: 1) *удовольствіе и неудовольствіе* — во множествѣ

формъ, въ связи со всѣми явленіями ощущенія, мышленія, воли и чувствованія; 2) волненія *формальныя* (*дѣятельности*): упражненія и скуки, силы и безсилія, свободы и стѣсненія; 3) волненія *интеллектуальныя*: открытіе сходства и различій и др.; 4) *аффекты*: любовь и отвращеніе, страхъ и гнѣвъ, радость и горе; 5) волненія *моральныя*, или *высшія*: эстетическое, нравственное, религиозное. Такимъ образомъ, въ противность большинству писателей авторъ удовольствіе и неудовольствіе не считаетъ характернымъ признакомъ *всякаго* волненія, а выдѣляетъ въ особую группу; но тогда у него остаются внѣ этой группы — *радость и горе*, волненія, очень близко къ ней подходящія. Затѣмъ, онъ не дѣлитъ волненій по ихъ отношенію къ субъекту, не выдѣляетъ въ отдѣльную рубрику (какъ, наприм., Бэнъ) волненій, связанныхъ съ самосознаніемъ, съ «я», разнося ихъ въ соотвѣтствующія ихъ объективному содержанію группы. Въ объясненіи и характеристикѣ «удовольствія и неудовольствія» авторъ слѣдуетъ Дюмону и Гроту.

Не будемъ останавливаться на подробномъ описаніи видовъ каждой эмоціи, дѣлаемомъ авторомъ; переходимъ къ ученію о волѣ (стр. 612—689).

Ученіе о волѣ обработано не вполне: многихъ частей не нашлось въ запискахъ автора; изложены лишь довольно кратко отношеніе движеній къ волѣ и ихъ виды—по степени ихъ сознательности и произвольности и главные моменты волевого процесса: потребность—стремленіе, желаніе, мотивы и ихъ борьба.

Таково въ главныхъ чертахъ содержаніе книги проф. Снегирева; она заслуживаетъ вниманія и по богатству матеріала, и по солидности взглядовъ автора; къ сожалѣнію, внѣшняя сторона изданія слаба: много опечатокъ, пропусковъ словъ, искаженій именъ (Ларошизиеръ вм. Ларомигье; Гартвигъ вм. Горвичъ, Мэнъ-де-Биронъ вм. Мэнъ-де-Биранъ и т. д.); во многихъ мѣстахъ языкъ не вполне отдѣланъ: видно, что сочиненіе не обработано окончательно авторомъ для печати и издано другимъ лицомъ; кое-гдѣ цѣлый рядъ мыслей и фактовъ намѣченъ лишь однимъ-двумя словами въ скобкахъ, очевидно, лишь для памяти. Все это дѣлаетъ книгу нѣсколько несистематичной, затрудняя пользованіе ею.

Въ началѣ приложена біографія покойнаго профессора и неудурной портретъ его.

В. Ивановскій.

De Roberty, E. *La Recherche de l'unité* (Bibliothèque de la Philosophie contemporaine). Paris, 1893.

Новый томикъ г. де Роберти посвященъ одному изъ важнѣйшихъ и труднѣйшихъ онтологическихъ вопросовъ философіи, — вопросу о единствѣ. Философія, — говоритъ г. де Роберти въ началѣ своего разсужденія, — стремится дать однородное (homogène) понятіе о вселенной, наука — однородное понятіе о частичномъ порядкѣ фактовъ. Наука достигаетъ цѣли, констатируя широкая единообразія существованія, называемыя законами; научное единство никогда не переходитъ за предѣлы, отдѣляющіе одинъ классъ явленій отъ другихъ, сосѣднихъ классовъ. Философія же стремится къ цѣли гораздо болѣе сложной; она стремится сдѣлать по отношенію къ цѣлости вселенной то, что наука, при огромныхъ усиліяхъ, дѣлаетъ по отношенію къ нѣкоторымъ частнымъ группамъ. Философскій монизмъ хочетъ обнять въ одной формулѣ всю серію опытныхъ ассимиляцій. Г. де Роберти думаетъ, что въ вопросѣ о монизмѣ философія во всѣ времена блуждала, не имѣя вѣрнаго критерія, и приходила къ самымъ различнымъ и даже противоположнымъ выводамъ, потому что не замѣтила чисто психологической основы этого вопроса. Человѣческая мысль всегда колеблется между плюрализмомъ и монизмомъ, этими двумя полюсами, которые она вѣчно противопоставляетъ другъ другу. Она и въ самомъ дѣлѣ, — думаетъ онъ, — не въ состояніи ничего другого сдѣлать, потому что если въ конечномъ анализѣ самый сложный психическій актъ сводится къ элементарной перцепціи, то самый высокій разумъ въ своихъ различныхъ проявленіяхъ управляется, въ своемъ конечномъ выводѣ, принципомъ тождества. Но чему отвѣчаютъ эти понятія множественности и единства? Что представляютъ они объективно? За чѣмъ эта психическая полярность? Откуда она? Куда она ведетъ насъ? Какому закону отвѣчаетъ это основное противорѣчіе? Въ отвѣтѣ на эти вопросы, по мнѣнію г. де Роберти, заключается вся монистическая проблема, тѣсно связанная съ экстеріорностью сознанія. Отсюда ясно, что, съ точки зрѣнія г. де Роберти, она принадлежитъ не къ онтологіи, какъ думаетъ большинство философовъ различныхъ школъ, а къ вопросамъ высшей психологіи; это — одна изъ самыхъ спеціальныхъ проблемъ, и менѣе всего созрѣвшая изъ всѣхъ тѣхъ вопросовъ, которые будутъ рѣшены со временемъ этой, еще находящеюся въ младен-

чествѣ, наукой. Для ея разрѣшенія намъ недостаетъ еще много необходимыхъ элементовъ, но все-таки мы имѣемъ право надѣяться, что со временемъ она будетъ удовлетворительно разрѣшена. Необходимо дать время психологіи развиться, сравняться съ ея предшественницами,—науками о явленіяхъ менѣе сложныхъ. Проблема психической полярности сама по себѣ не представляетъ ничего абсурднаго; но необходимо прежде всего очистить ее отъ паралогизмовъ, которые самымъ естественнымъ образомъ проскользнули въ нее, вслѣдъ за безплодными усиліями человѣческаго ума побѣдить самую сложную экспериментальную затрудненія, не имѣя для этого другого орудія, кромѣ огромнаго желанія проникнуть въ тайну. Выяснить этотъ вопросъ во всей его теоретической сложности и было цѣлью г. де Роберти.

Какъ и слѣдовало ожидать, г. де Роберти относится довольно рѣзко къ своимъ собратіямъ по философіи. Онъ думаетъ, что метафизики, эмпирики, также какъ и критицисты и поклонники абсолютнаго сомнѣнія,—совершенно иначе понимали монистическую задачу, чѣмъ онъ ее понимаетъ. Они, говоритъ г. де Роберти, надѣялись если не раскрыть передъ нашими удивленными взорами первичную основу міра, то по крайней мѣрѣ довести изслѣдованіе до послѣднихъ границъ, доступныхъ нашему сознанію и, такъ сказать, прижать насъ къ крайнему рубежу всякаго знанія, всякаго пониманія. Но въ дѣйствительности они наблюдали только пѣну вещей (*écume des choses*), ихъ преходящую видимость. Они вертели и переворачивали богатую матерію явлений. Съ одной стороны, они сравнивали между собой узоры, начертанные живыми и многообразными красками, капризные арабески, а съ другой,—основу или изнанку, которая, вслѣдствіе контраста, казалась имъ сѣрой и однообразной. И на этомъ контрастѣ они построили наивную антиномію, къ тому же и безотрадную, потому что она осуждаетъ насъ на вѣчное невѣдѣніе. «Но кто осмѣлится въ настоящее время приписывать метафизику серьезное знаніе этой первичной матеріи и ея ослѣпительной ткани? Они, конечно, и сами вѣрили въ то, что въ достаточной мѣрѣ выясняли себѣ многіе вопросы, касающіеся психической дѣятельности и основныхъ нормъ сознанія. Къ несчастію, горы по-прежнему остаются неподвижными, и вѣра, которая еще такъ недавно хвасталась тѣмъ, что можетъ ихъ сдвинуть, быстро уле

тучилась». Методъ, которому слѣдовали философы, думаетъ далѣе г. де Роберти, былъ очень баналенъ. Частная проблема, психическая или логическая, превратилась въ ихъ рукахъ въ проблему космическую или онтологическую. Поэтому, теперь прежде всего слѣдуетъ отказаться отъ философствованія по центральному предмету старой онтологіи, потому что чѣмъ важнѣе кажется вопросъ, тѣмъ необходимѣе становится его строго-научное изученіе. Предоставить общему умозрѣнію проблему, считающуюся въ наукѣ неразрѣшимой, есть нелѣпость, которая, однако, почти не замѣчается, — до того часто теперь ее дѣлаютъ. Такимъ образомъ возникаетъ путаница, отъ которой можно освободиться только различеніемъ научнаго труда отъ работы философа, съ помощью нѣкоторыхъ признаковъ легко схватываемыхъ, гармонирующихъ съ тѣмъ, что мы уже знаемъ о дѣятельности нашихъ способностей. Эти признаки резюмируются въ слѣдующемъ двойномъ опредѣленіи. Наука работаетъ надъ *проблемами* съ цѣлью рѣшить ихъ окончательно или временно; философія же работаетъ надъ *выводами*, полными или приблизительными, съ цѣлью извлечь изъ нихъ способъ на сколько возможно *однороднаю* пониманія природы и человѣка. «Конечно, не на точномъ языкѣ еще можно будетъ говорить о проблемѣ или проблемахъ философіи, о цѣли или цѣляхъ, къ которымъ стремится метафизикъ, а также и о выводахъ, къ которымъ онъ приходитъ. Но неужели же скучная болтовня, неопредѣленный языкъ, столь любезный нашимъ философамъ, благодаря которому разцвѣтаетъ все самое яркое изъ всей этой оффиціальной премудрости, — неужели вся эта хрупкая декорация не потеряла еще своего прежняго обаянія?» (стр. 172).

Читатель видитъ, что, приступая къ реформѣ вопроса о монизмѣ, г. де Роберти не шадитъ философвъ другихъ направленій; къ сожалѣнію, онъ и самъ въ достаточной мѣрѣ не выяснилъ своей основной точки зрѣнія. Въ его книгѣ попадаютъ очень мѣткія замѣчанія объ отрицательныхъ понятіяхъ въ монистическихъ теоріяхъ, объ единствѣ науки, о законѣ тождества, о движеніи и всемірномъ механизмѣ и пр., но въ общемъ г. де Роберти не даетъ яснаго представленія о томъ, какую роль понятіе единства играетъ въ психологіи или логикѣ и какое возможно въ будущемъ рѣшеніе этой важной проблемы, когда она будетъ пере-

несена (по мысли г. де Роберти) на почву чисто-психологическую.

В. Чуйно.

Биографическая библіотека Ф. Павленкова (Аристотель, Бэконъ, Локкъ, Юмъ, Милль и др.). Спб. 1891—92 гг. Цѣна 25 коп. за книжку (отъ 80—100 стр.) Съ портретами.

Съ осени 1890 г. издается задуманная г. Павленковымъ биографическая библіотека, подъ заглавіемъ «Жизнь замѣчательныхъ людей», изданіе въ высшей степени полезное для распространенія свѣдѣній въ широкихъ слояхъ читающей публики; нельзя не пожелать предпріятію полного успѣха, а съ другой стороны тѣмъ болѣе слѣдуетъ отмѣтить допущенные въ изданіи промахи.

Между прочимъ, уже теперь издано около 20 биографій замѣчательныхъ личностей, такъ или иначе имѣющихъ отношеніе къ философіи. Сейчасъ мы скажемъ лишь о пяти изъ числа вышедшихъ биографій философовъ, именно — о жизнеописаніяхъ Аристотеля и крупнѣйшихъ представителей эмпирическаго направленія философіи: Бэкона, Локка, Юма и Милля.

Къ сожалѣнію, эта часть серіи биографій далеко не однородна по своему достоинству; рядомъ съ удовлетворительною биографіей Юма и хорошей—Милля стоятъ никуда негодныя биографіи Аристотеля, Бэкона и Локка, написанныя г-жею Литвиновой. Ей, повидимому, не суждены писательскіе лавры: часто проглядываетъ у нея просто недостатокъ подготовки и знанія; но кромѣ того, самое построеніе и планъ очерковъ, слогъ и выборъ выраженій, — что очень важно въ популярномъ изданіи, — далеко не удовлетворительны: это—какое-то прыганье мысли, а не рассказъ; г-жѣ Литвиновой ни почему самые удивительные переходы мысли, самые ошеломляющіе скачки въ изложеніи.

Захочетъ г-жа Литвинова подѣйствовать на фантазію или чувство читателя,—выходитъ самая плоская реторика (см. биогр. Аристотеля, стр. 10—11, описаніе Академіи); попытается поразить глубокомысліемъ,—выходитъ вотъ что: «Самъ Платонъ былъ всегда погруженъ въ глубокую меланхолію. Мощныя плечи его были опущены, точно подъ тяжестью думъ; *это бываетъ иногда у мыслителей*» (стр. 11), или разсужденіе о смыслѣ статуй Демосѣена и Аристотеля (стр. 11—12).

Вотъ еще обрачикъ историческихъ экскурсовъ автора: «Сознавая, что отечество въ опасности, Демосф(ѳ?)енъ вмѣстѣ съ

другими демонами безперемонно хваталь всякаго за шиворотъ, заставляя почувствовать эту опасность и спасать». «Демосѣенъ былъ палачомъ всего свободнаго индивидуальнаго въ человѣкѣ» (28).

Послѣдовательность изложенія очень слаба у автора:

«Аристотель развилъ у Александра вкусъ къ изслѣдованіямъ природы. Извѣстно, что Александръ впослѣдствіи лѣчилъ своихъ приближенныхъ; Александръ росъ и развивался не по днямъ, а по часамъ, и по смерти отца своего вступилъ на престолъ двадцати лѣтъ отъ роду» (стр. 32—33). И такіе курьезы на каждомъ шагу; исчерпать ихъ нельзя.

А вотъ образцы философскихъ и научныхъ свѣдѣній, даваемыхъ авторомъ: «Наведеніе,—по мнѣнію г-жи Литвиновой,—состоитъ въ восхожденіи отъ частнаго къ общему, отъ извѣстнаго намъ (курсивъ автора) къ извѣстному всѣмъ и каждому,—однимъ словомъ, къ началу» (?!). Итакъ, наведеніе приходитъ къ «началу», къ извѣстному всѣмъ и каждому. Автора не останавливаетъ даже то элементарное логическое соображеніе, что совсѣмъ излишне и непроизводительно трудиться, *восходя* къ тому, что и безъ того извѣстно *всѣмъ и каждому*.—Или: «силлогизмъ есть такое общее *предложеніе*, которое, послѣ установленія извѣстныхъ частныхъ предложеній, *выводитъ* заключеніе, отличное отъ этихъ предложеній, но не содержащее никакой не заключающейся въ нихъ идеи» и т. п. Смѣемъ увѣрить, что произведенія г-жи Литвиновой *никогда ничему* не научатъ. При слѣдующихъ изданіяхъ (желательно, чтобы таковыя были) написанныя г-жей Литвиновой біографіи должны быть самымъ радикальнымъ образомъ переработаны, т. е. написаны вновь болѣе умѣлыми руками.

Біографія Ф. Бэкона такъ же плоха, какъ и Аристотеля: тѣ же недостатки стиля; совсѣмъ не къ дѣлу приплетено разсужденіе о гипотезѣ, приписывающей Бэкону драмы Шекспира. Невразумительно разсказано и о политическомъ положеніи Англіи въ эпоху Іакова I, о борьбѣ его съ парламентомъ, существенно ухудшившей судьбу Бэкона. Плохо изложены и ученія Бэкона,—его великія заслуги въ наукѣ совсѣмъ не ясны; многія изъ утвержденій автора прямо невѣрны: «аристотелевскій опытъ и индукція, по мнѣнію г-жи Литвиновой, совершенно *простодушный и дѣтскій* способъ, состоящій въ одномъ *перечисленіи* отдѣльныхъ случаевъ, изъ котораго нельзя вывести основательнаго заключенія». Какъ вамъ нравится такое опредѣленіе индук-

ции—per enumerationem simplicem? Дальше еще лучше: «Онъ (аристот. опытъ) *не открываетъ* (курсивъ автора) общихъ законовъ, а восходитъ къ нимъ, какъ бы взлетая, а не идя шагъ за шагомъ». Это—индукція черезъ простое перечисленіе-то! *Idola specus* г-жа Литвинова переводитъ: «идолы случайные» (вм. «личные») и т. д. Надо отмѣтить еще примитивную транскрипцію англійскихъ именъ, практикуемую авторомъ: лордъ Бюрлейгъ, Урингтонъ (вмѣсто Рингтонъ, Wrington) и т. д.

Биографія Локка вышла у г-жи Литвиновой чуть-чуть покладнѣе. Но и тутъ попадаются перлы: «Блестящіе успѣхи знанія не исцѣляли однако нравственныхъ недуговъ (говоритъ авторъ о временахъ реставраціи): всюду слышался сильный и горькій вопль труда противъ капитала. Мужья благороднаго званія не стыдились бить своихъ женъ. Во время судебныхъ засѣданій тошіе и желтые колодники приносили съ собой изъ тюремныхъ конуръ въ судебную залу смрадную и заразительную атмосферу. На всѣ эти бѣдствія общество смотрѣло съ глубокимъ равнодушіемъ. И *все это* привело къ извѣстной революціи 1688 г., къ изгнанію династіи Стюартовъ и воцаренію Вильгельма Оранскаго на престолѣ Англій. Вотъ краткій очеркъ положенія Англій въ періодъ жизни Локка до его 56-лѣтняго возраста». Такъ понимаетъ авторъ англійскую исторію конца XVII в. Ученіе Локка изложено несистематично, — не выяснено историческое значеніе его научныхъ заслугъ, его положеніе въ ряду другихъ философовъ, какъ предшествовавшихъ, такъ и послѣдующихъ.

Отъ произведеній г-жи Литвиновой переходимъ къ біографіямъ Юма (г-жи Сабаниной) и Д. С. Милля (г. Туганъ-Барановскаго). Біографія Юма изложена г-жей Сабаниной сравнительно порядочно. На нашъ взглядъ, излишня и рискованна параллель, проводимая авторомъ во «Введеніи» между древними скептиками и новымъ—Юмомъ; ее прямо надо выкинуть. Ученіе Юма изложено слабѣе; авторъ невѣрно понимаетъ Локкову рефлексію, какъ «внутреннее наблюденіе надъ испытанными нами впечатлѣніями» (*внѣшними*, какъ видно изъ изложенія автора). Локкова рефлексія обнимаетъ собою *весь* внутренній опытъ, т.-е. состоитъ не только изъ *идей* внѣшнихъ ощущеній, но и изъ *идей* дѣйствій и состояній самого нашего духа (эмоцій, актовъ воли и т. д.). Юмъ призналъ внутренній опытъ какъ одинъ изъ источниковъ познанія; слѣдовательно, нельзя сказать, какъ говоритъ

авторъ, что Юмъ отвергъ Локкову рефлексію. Невѣрно также авторъ «гипотеза» переводить — «выдумка»; смѣемъ увѣрить, что это — не одно и то же (стр. 62); Джона С. Милля и Бэна — едва-ли можно назвать «сенсуалистами» и т. д.

Гораздо лучше написана г. Туганъ-Барановскимъ біографія Д. С. Милля: хорошій, отчетливый планъ, ясный и легкій слогъ, основательное знаніе предмета—позволяютъ рекомендовать эту книжку, особенно для желающихъ приступить къ изученію, наприм., логики, такъ какъ здѣсь кратко, но понятно и вѣрно изложены главные взгляды и положенія Милля, величайшаго изъ логиковъ послѣдняго времени.

Довольно хорошо составлены также разными лицами біографіи натуралистовъ, имѣвшихъ вліяніе на философію: Гарвея, Дарвина, Коперника, Кеплера, Ньютона и др.

Пожелаемъ исправленія допущенныхъ «Біографическою бібліотекой» промаховъ и широкаго распространенія этого полезнаго изданія. О біографіяхъ философовъ-раціоналистовъ и метафизиковъ (Дж. Бруно, Лейбницъ, Паскаль, Гегель и др.) отчетъ дадимъ въ другой разъ.

В. Ивановскій.

Schopenhauer-Briefe. Sammlung meist ungedruckter od. schwer zugängl. Briefe v., an u. üb. Schopenhauer. Mit Anmerkungen u. biograph. Analekten hrsg. v. Ludw. Schemann. XXXII + 566 S. Leipzig. F. A. Brockhaus. M. 12. 1893.

Если что побуждаетъ вторгаться съ любопытствомъ въ сферу личной и нравственной жизни выдающихся продуктивныхъ умовъ, то это—убѣжденіе въ органичности сочетанія и взаимнаго отношенія идеальныхъ силъ и способностей человѣка,—убѣжденіе въ томъ, что наличность одной силы предполагаетъ дѣйствительность или отсутствіе другой, — словомъ, *взглядъ на духъ человѣческой какъ на нѣкій организмъ.*

Однакоже взглядъ этотъ ошибоченъ, что и теоретически доказывается, и постоянно подтверждается жизнью и исторіей. Знаменательно, что терминъ «личность»—(persona) — первоначально означаетъ маску. Въ этомъ заключенъ намекъ на одинъ изъ основныхъ психическихъ фактовъ, именно,—на фактъ скрытія индивидуумомъ, какъ личностью, корня своей воли и своего сознанія. Незамѣтно для себя мы скрываемъ основы воли, свое внутреннее я, выдвигая наружу невольное, безсознательное, именуемое инди-

видуальнымъ характеромъ. Этотъ фактъ такъ всеобщъ, что имѣеть значеніе какъ бы нѣкотораго закона.

Оголеніе, обнаженіе челоѣка, какъ личности, есть внѣшнее отрицаніе этого закона. Но удивительно, что противуестественное отрицаніе это культивируется именно той цивилизаціей, которая сама и живетъ только этимъ «закономъ». Ясно, что отношеніе это не можетъ быть немотивированнымъ, а необходимо должно быть обусловлено извѣстными принципами, которые по силѣ представляются даже значительнѣе этическихъ требованій, всосанныхъ съ молокомъ матери. Такимъ принципомъ и является ложное теоретическое убѣжденіе въ органичности челоѣческихъ силъ и способностей. Но все же есть нѣкоторая сфера въ субъективномъ бытіи выдающагося продуктивнаго ума, которая естественно является цѣльною. Это сфера творческаго процесса, составляющаго нѣчто единое съ создаваемой имъ формой; это—совокупность вообще всѣхъ отношеній продуктивной личности своему внѣшнему проявленію. Творецъ, творчество и внѣшнее проявленіе ихъ въ произведеніи—все это какъ бы одно цѣлое. И живой интересъ къ одному полагаетъ интересъ и къ другому.

На эти размышленія навели насъ письма Шопенгауера. Въ нихъ имѣютъ значеніе лишь нѣкоторыя признанія мыслителя, въ которыхъ опредѣляется или внутренній творческій процессъ, или отношеніе мыслителя къ продукту своего творчества, или же то настроеніе, которое въ немъ возбуждается творчествомъ. Приведемъ нѣсколько интересныхъ строкъ.

«Меня особенно радуетъ то, — пишетъ Шопенгауеръ Гете, — что со свойственной вамъ вообще прозорливостью и тутъ вы открываете наиболѣе существенное, выдвигая на первый планъ честное и добросовѣстное отношеніе мое къ работѣ. Оно скажется и въ послѣдующихъ трудахъ. Собственно практическія качества эти обращены у меня на теоретическое, отвлеченное; я не удовлетворюсь, не успокоюсь, пока не найду, что предметы умственнаго созерцанія вижу вполне ясно, совершенно отчетливо.

«Основаніе, начало произведенію всегда кладетъ какая-нибудь удачная идея; въ ней и все сладострастіе воспріятія; но роды, — я хочу сказать: процессъ исполненія, — по крайней мѣрѣ, у меня достаточно мучительны. Я тутъ уже немилосердный судья собственнаго созданія, допрашивающій, пытающій его, пока не остается ничего проблематичнаго.

«Исключительно въ недостаткѣ искренности и добросовѣстности причины заблужденій и несообразностей, коими, какъ знаете, преисполнено большинство теорій и философскихъ системъ. Истину должно прежде всего искать, дабы отыскать. А развѣ открывая свои предвзятая убѣжденія, въ которыхъ именно втайнѣ и жаждешь убѣдиться, развѣ дрожа передъ неизбежностью отречься отъ какой-нибудь излюбленной идеи, — словомъ, развѣ, кривя душою, ищешь ее?

«Нѣтъ, философа составляетъ только мужество не оставить на душѣ никакого вопроса. Философская безбоязненность то же, что искренность и честность изслѣдованія вообще; это мужество, которое вы признали за мною; оно вытекаетъ не изъ рефлексіи, никакими благими тенденціями оно не можетъ быть добыто; оно прирожденное, коренное направленіе ума» (81, 82).

А слѣдующія строки—не драгоцѣнны ли онѣ?

«Я жилъ—пишетъ Шопенгауеръ Озанну, — съ тѣмъ, чтобы написать этотъ трудъ. Слѣдовательно ⁹⁹/₁₀₀ изъ всего желаннаго и должнаго мною осуществлено, — мнѣ опасаться нечего. Все прочее: тутъ и личность автора, и ея дальнѣйшая судьба—имѣетъ второстепенное значеніе.

«Моя книга еще не обратила на себя вниманія; но ее не долго будутъ игнорировать. Такіе экземпляры, какъ мы съ нею, — въ рѣдкость на здѣшней планетѣ. Повѣрьте: ихъ испытаютъ и сохранять» (125, 126).

Строки эти писаны въ 1822 г. И мнѣ кажется, что въ нихъ Шопенгауеръ не менѣе значителенъ, нежели въ своихъ лучшихъ философскихъ идеяхъ. Между конкретнымъ чувствомъ вѣры въ себя, сопутствующимъ таланту, и абстрактною самонадѣянностью бездарности какая огромная разница! Да —

Въ комъ сила есть...

Въ комъ духъ огнемъ восторженнымъ кипитъ,

Тотъ о своемъ загадочномъ призваньи

Свободно, смѣло говорить!

Всѣ эти интересныя признанія разбросаны въ перепискѣ Шопенгауера съ Гёте, съ Озанномъ, съ Эрдманомъ, Бэрмомъ. Составить изъ нихъ небольшой сборникъ значитъ освѣтить личность Шопенгауера съ той стороны, съ которой она представляется и очень выдающеюся, и наиболѣе привлекательною.

Ө. Шперкъ.

П о л е м и к а.

По поводу „Замѣчаній“ Вл. С. Соловьева *).

Къ остроумнымъ «замѣчаніямъ» Вл. С. Соловьева на мою лекцію о «разложеніи славянофильства» я позволю себѣ, съ разрѣшенія редактора «Вопросовъ Психологіи», сдѣлать нѣсколько разъясненій. Почтенный философъ журитъ меня прежде всего за то, что я изъ него, Соловьева, создалъ цѣлую «фракцію» славянофильства, между тѣмъ какъ на дѣлѣ фракція эта «и состоитъ только» изъ одного В. С. Соловьева. Владиміръ Сергѣевичъ утверждаетъ, что у него нѣтъ единомышленниковъ и послѣдователей,—и мнѣ остается этому повѣрить. Правда, у меня говорилось кое-что о *предшественникахъ* В. С. Соловьева по реставраціи всемірно - исторической тенденціи славянофильства, но я охотно соглашусь, что построеніе, придуманное имъ «въ пустотѣ отвлеченной мысли» для этой реставраціи, — было его предшественникамъ совершенно чуждо. Итакъ, я готовъ признать свою ошибку, согласиться, что В. С. Соловьевъ — философъ первый и единственный въ своемъ родѣ, и сдѣлать въ своей лекціи соотвѣтственныя корректурныя поправки. Но вотъ съ чѣмъ я не могу согласиться: В. С. Соловьевъ, заставивъ меня признать, что «лѣвая фракція славянофильства—это онъ одинъ, хочеть затѣмъ получить отъ меня и другое признаніе, что этой «лѣвой фракціи славянофильства», т.-е. его, В. С. Соловьева, «вовсе нѣтъ въ дѣйствительности». Можетъ-быть и это вѣрно, и все дѣло зависитъ отъ моего неумѣнья «смотреть въ корень», но я никакъ не могу представить себѣ В. С. Соловьева несущемъ

---

*) См. кн. 18 «Вопр. Фил. и Псих.».

ствующимъ, а потому не могу согласиться и съ его дальнѣйшимъ выводомъ, что если нѣтъ въ дѣйствительности лѣвой фракціи, то, значить, нѣтъ и правой, и что «слѣдовательно» группа нашихъ націоналистовъ, называемая мною «правой», — не есть фракція славянофильства, а «что-нибудь другое». Въ дальнѣйшихъ «замѣчаніяхъ» В. С. Соловьевъ и хочетъ, повидимому, показать мнѣ, что националисты — не славянофилы, но ведетъ это доказательство, какъ мнѣ кажется, тоже нѣсколько страннымъ образомъ. «Генетической связи» націоналистическихъ взглядовъ съ «нѣкоторыми основными элементами стараго славянофильства» онъ не только не отрицаетъ, но совершенно справедливо напоминаетъ, что связь эта имъ же самимъ «указана и разъяснена». Въ чемъ же дѣло? Дѣло въ томъ, что, по мнѣнію В. С. Соловьева, эту связь имѣютъ право находить онъ и авторъ статьи «Разочарованный славянофилъ», но не имѣю права я. Для того, чтобъ усмотрѣть эту связь, нужно, по словамъ В. С. Соловьева, «смотреть въ корень», «а такое занятіе присвоено однимъ метафизикамъ, для позитивистовъ же всѣ корни, равно какъ и вершины, сокрыты въ безднѣ непознаваемого». Однако же, авторъ «Национальнаго вопроса», также какъ и его единомышленникъ, нашелъ возможность не только познать это непознаваемое, но и передать его весьма вразумительно на языкѣ обыкновенныхъ смертныхъ. Можетъ-быть «корень» не лежитъ уже въ этомъ случаѣ такъ глубоко, чтобъ за его разысканіемъ приходилось выходить изъ предѣловъ міра феноменальнаго, познаніе котораго доступно и «позитивистамъ». Правда, В. С. Соловьевъ оставляетъ за «позитивистами» только право «изучать генезисъ фактовъ», а филиацію идей отводитъ въ міръ «самостоятельной идеальной причинности»; но съ такимъ насильственнымъ ограниченіемъ «позитивнаго» кругозора «позитивисты» врядъ ли согласятся. Разъяснить почтенному философу, что міръ явленій включаетъ и «духъ» и «матерію», я не считаю себя вправѣ. Точно также было бы излишне въ данномъ случаѣ возражать по поводу отнесенія меня В. С. Соловьевымъ въ рубрику «историковъ-позитивистовъ».

Еще одно замѣчаніе. «Приговоръ» по поводу «выдуманности» теорій В. С. Соловьева произнесенъ не мной, а И. С. Аксаковымъ. Въ какомъ смыслѣ я согласился съ этимъ приговоромъ, видно, какъ кажется, изъ самаго текста моей лекціи. Но ни у Аксакова, ни у меня этотъ приговоръ не относится къ той

«сущности» мыслей Соловьева, къ тому «требованію, чтобы христіанство было осуществлено въ общественной и политической жизни», — которыя были бы общи В. С. Соловьеву со многими и многими мыслителями, — а къ тому, что въ его системѣ представляется—и другимъ, и ему самому—первымъ и единственнымъ въ своемъ родѣ. Само собой разумѣется, что ни Аксаковскій, ни мой приговоръ нѣтъ надобности считать окончательнымъ, но я опасаясь, что по вопросу, куда подлежить обжалованіе этого приговора, мы сильно разойдемся въ инстанціяхъ.

П. Милуковъ.

2. Отвѣтъ проф. А. И. Введенскому.

Интересная статья А. И. Введенскаго, озаглавленная «Вторичный вызовъ на споръ о законѣ одушевленія и отвѣтъ противникамъ», помѣщенная въ 18-й книжкѣ «Вопросовъ Философіи», только частью своего содержанія касается моей замѣтки на книгу почтеннаго профессора, помѣщенной въ февральскомъ номерѣ «Вѣстника Европы» за 1893-й годъ. Серьезность возраженій г. Введенскаго вынуждаетъ меня на отвѣтъ.

Г. Введенскій весьма отчетливо выставляетъ три положенія, которыя онъ защищалъ въ своей книгѣ «о признакахъ одушевленія»; а именно: 1) нѣтъ объективныхъ признаковъ чужого одушевленія и признаніе его есть трансцендентно - метафизическое положеніе, поэтому отрицать существованіе душевной жизни можно всюду, кромѣ самого себя; 2) единственнымъ средствомъ для оправданія положенія о чужомъ одушевленіи служить нравственное чувство; 3) Кантовъ методъ критическихъ постулатовъ рекомендуется для построенія трансцендентной метафизики, какъ единственно-надежный.

Съ первымъ положеніемъ г. Введенскаго я совершенно согласенъ, т.-е. думаю, что только собственное одушевленіе несомнѣнно, что объективныхъ признаковъ чужого одушевленія нѣтъ и быть не можетъ, ибо весь міръ для насъ есть не что иное, какъ наше представленіе, а посему мы, конечно, *можемъ* съ одинаковымъ правомъ какъ отрицать одушевленіе, такъ и признавать его всюду внѣ собственнаго сознанія; однако признаніе чужого одушевленія внѣ насъ вѣроятнѣе, чѣмъ отрицаніе его. Во-вторыхъ, постулатъ нравственнаго чувства я считаю непригоднымъ для оправданія по-

ложенія о чужомъ одушевленіи и, въ-третьихъ, Кантовъ критическій методъ нравственныхъ постулатовъ я не могу признать пригоднымъ для построенія трансцендентной метафизики. Такимъ образомъ я согласенъ съ отрицательною стороною анализа г. Введенскаго, и несогласенъ съ положительною стороною его разсужденія.

Обращаюсь теперь къ отдѣльнымъ возраженіямъ г. Введенскаго. Противъ моего замѣчанія о вѣроятности чужого одушевленія г. Введенскій говоритъ: «Конечно, допущеніе чужого одушевленія ближе къ достовѣрности, чѣмъ его отрицаніе,—этого нельзя оспаривать». Находя мои слова: «вѣроятность, теоретическое предрасположеніе»—неудачными, заключающими въ себѣ двусмысленность, г. Введенскій слово вѣроятность предлагаетъ замѣнить правдивостью. Такой оборотъ противорѣчитъ духу русскаго языка. Читатель, видя что рѣчь идетъ о правдивомъ одушевленіи, навѣрное подумаетъ, что споръ касается театральнаго искусства, а не метафизики. Самая мысль г. Введенскаго о непримѣнимости къ подлежащему вопросу теории вѣроятности, безъ сомнѣнія, вѣрна, но никто примѣнимости и не утверждалъ. Говорилось лишь о томъ, что, взвѣсивая шансы за и противъ одушевленія, придется сказать, что шансовъ за признаніе больше, чѣмъ противъ. Аббатъ Галиани, кажется, вычислялъ вѣроятность существованія Бога, но это было имъ сдѣлано въ шутку, серьезно же можно говорить лишь о томъ, что шансы за признаніе существованія Бога или чужого одушевленія больше, чѣмъ противъ того и другого. Говоря о большей вѣроятности чужого одушевленія, я имѣю въ виду возможность слѣдующаго разсужденія: мое существованіе для меня несомнѣнно; весь остальной міръ, будь онъ матеріаленъ или духовенъ, познается мною, т.-е. моимъ сознаниемъ, (слѣдовательно не только духовный, но и матеріальный міръ не имѣетъ первоначально объективныхъ признаковъ). Въ себя однако я признаю нѣчто объективное, хотя, можетъ-быть, для такого признанія и не имѣю логическаго основанія. Въ этомъ объективномъ мірѣ я различаю духовное и матеріальное; но въ пользу признанія перваго, духовно-объективнаго міра внѣ меня, я имѣю одной аналогіей, однимъ шансомъ больше, ибо непосредственно убѣжденъ въ существованіи своего я, которое называю духовнымъ, и этотъ признакъ духовности распространяю и на внѣшній міръ. Только въ этомъ смыслѣ го-

ворилъ я о большей вѣроятности чужого одушевленія и назвалъ ее теоретической, въ противоположность практическимъ мотивамъ, выдвигаемымъ г. Введенскимъ въ вопросѣ о вѣрѣ въ чужое одушевленіе.

Второе возраженіе г. Введенскаго основано на недоразумѣніи. Г. Введенскій думаетъ, что я его упрекнулъ въ материализмѣ. Такой упрекъ, конечно, не можетъ имѣть мѣста и мною не высказывался. Хотя тотъ, кто считаетъ материализмъ ложною теоріей, (г. Введенскій долженъ ее считать таковой уже въ силу того, что она принадлежитъ къ догматическимъ системамъ) не можетъ не видѣть уступки матеріализму въ признаніи, что всѣ проявленія душевной жизни (а слѣдовательно и вся исторія человечества) могутъ быть объяснены матеріальными процессами.

Болѣе существенныя возраженія сдѣланы г. Введенскимъ по поводу моихъ замѣчаній на вторую часть его работы.

Я упрекнулъ г. Введенскаго въ противорѣчіи, состоящемъ въ томъ, что онъ нравственную обязательность превращаетъ въ логическую необходимость. На это г. Введенскій указываетъ, что сама обязательность нравственнаго долга ни откуда не можетъ быть выведена съ логическою необходимостью. Логическая необходимость заключаетъ въ себѣ, однако, двоякое: съ одной стороны самоочевидныя истины, какъ основы логическаго вывода, съ другой—самый процессъ вывода другихъ истинъ, проистекающихъ изъ первыхъ. Ежели нравственная обязательность не можетъ быть выведена съ логической необходимостью, то все-же утвержденіе, что обязательность нравственнаго долга есть истина, составляетъ превращеніе онаго въ аксіому. Такимъ образомъ я вправѣ говорить о противорѣчіи.

Г. Введенскій довольно подробно и болѣе остроумно, чѣмъ правильно, показываетъ различіе между средневѣковымъ ученіемъ о двойной истинѣ и Кантовымъ ученіемъ о теоретическомъ и практическомъ разумѣ. Разница въ томъ, по мнѣнію почтеннаго профессора, что по средневѣковому ученію одна и та же мысль должна и быть и не быть истиной, а по критическому ученію нѣкоторыя вещи абсолютно непознаваемы съ точки зрѣнія научной, но нравственныя требованія вынуждаютъ насъ вѣрить въ опредѣленное рѣшеніе вопроса, теоретически неразрѣшимаго. Итакъ, разница между средневѣковымъ ученіемъ и кантовскимъ не малая, но и сходство велико, и оно еще увеличится, если при-

дать иную, болѣе правильную, форму средневѣковому ученію. Одна и та же мысль не должна быть ложной и истинной въ одно и то же время (очевидно, что иначе никакая наука, сколь бы схоластична она ни была, невозможна), но может случиться, что при двоякомъ источникѣ истины (вѣрѣ и разумѣ, религіи и философіи) окажется противорѣчіе, которое рѣшается, какъ и у Канта, уступкою разума вѣрѣ (или, по словамъ г. Введенскаго, «теоретическій разумъ долженъ уступить вѣрѣ»). Сходство, такимъ образомъ, состоитъ въ томъ, что въ обоихъ случаяхъ признается двоякій источникъ истины, и въ обоихъ случаяхъ требуется, чтобы разумъ въ нѣкоторыхъ вопросахъ уступалъ вѣрѣ. Разница же заключается въ большей, такъ сказать, опытности и меньшей наивности критицизма. Средневѣковая философія, боровшаяся съ религіей за свободу разума, не испытала еще того, что и разумъ имѣетъ свои преграды, что не всѣ вопросы разрѣшимы путемъ опыта и разума, въ то время какъ критицизмъ, имѣя за собой опытъ столькихъ вѣковъ, утверждаетъ неразрѣшимость нѣкоторыхъ вопросовъ на основаніи разума. Итакъ, я вправѣ утверждать сходство (но не тождество) ученія о двойной истинѣ съ различеніемъ теоретическаго и практическаго разума и нахожу, что г. Введенскій тщетно усиливается выставить разницу большей, чѣмъ она есть въ дѣйствительности.

На три вопроса, предлагаемые мнѣ г. Введенскимъ (стр. 142), отвѣчу такъ, какъ онъ этого ожидаетъ, т.-е. на всѣ отрицательно, но этимъ вопросамъ я не могу придать большого значенія, вслѣдствіе ихъ неопредѣленности; ежели г. Введенскій точнѣе опредѣлитъ, что онъ разумѣетъ подѣ понятіемъ «Бога» и «чужого одушевленія», то я точнѣе отвѣчу на его вопросы. Г. Введенскій вѣдь отлично знаетъ, что понятіе Бога различно опредѣляется, и я не знаю, можно ли назвать атеистомъ даже, наприм. Бюхнера, который атрибуты божества переноситъ на матерію и такимъ образомъ подѣ другимъ флагомъ вводитъ то, что повидимому отрицаетъ. Калигула, желавшій, чтобы человѣчество имѣло одну голову, чтобъ ее отрубить сразу, или какой-либо современный воитель имѣютъ, несмотря на одну общую всѣмъ апріорную нравственность, весьма странное представленіе о чужомъ одушевленіи.

Самое серьезное разногласіе касается общепризнанности нравственнаго долга, которую признаетъ г. Введенскій, дабы отсюда

вывести теоретическія положенія. Противъ общаго признанія нравственнаго долга я возражалъ, имѣя въ виду тѣ выводы, которые дѣлаеть г. Введенскій, т.-е. главнымъ образомъ возражалъ противъ чувства, какъ источника познанія. Отрицая общепризнанность нравственнаго долга, я сослался на Ницше, но г. Введенскій свидѣтельство Ницше не признаеть, ибо Ницше сошелъ съ ума; при этомъ г. Введенскій ссылается на г. Чижа, который говоритъ, что есть много душевно-больныхъ между лицами, которыхъ всѣ считаютъ здоровыми. Съ своей стороны добавлю, что многихъ считаютъ душевно-больными въ то время, какъ они здоровы, слѣдовательно этого вопроса вовсе не слѣдовало г. Введенскому подымать, а слѣдовало смотрѣть на высказанную мысль, разбирать, имѣеть ли она сама по себѣ состоятельность независимо отъ того, къмъ она высказана. Я увѣренъ, что еслибъ могъ сдѣлать необходимыя справки, то нашель бы многихъ философовъ, отрицавшихъ общеобязательность нравственности, но этимъ ссылкамъ я не придаю большого значенія, ибо даже всеобщее признаніе извѣстной мысли не заключаетъ въ себѣ гарантіи ея истинности; поэтому-то и г. Введенскій не удовлетворяется при доказательствѣ своего закона ссылкой на недоказуемость обязательности нравственнаго чувства (ибо кромѣ нравственнаго чувства недоказуемы и всѣ ложныя положенія); не ограничивается онъ и ссылкой на общепризнанность нравственнаго закона (ибо общепризнанность можетъ быть установлена только всеобщимъ голосованіемъ, которое въ данномъ случаѣ невозможно), а оправдываетъ его указаніемъ на внутренній голосъ, на неэмпирическое чувство, т.-е. въ сущности доказываетъ недоказуемое.

Допустимъ общепризнанность обязательности нравственнаго закона. Неопредѣленность содержанія нравственности не мѣшаетъ, конечно, общепризнанности ея; но какъ найти переходъ отъ субъективнаго чувства къ объективному міру, откуда это согласіе между требованіями нравственности и данными объективнаго міра, откуда гармонія между теоріей и нравственностью? Ежели теоретическій разумъ создаетъ свой міръ и объективный міръ соотвѣтствуетъ разуму именно потому, что онъ—созданіе разума, то слѣдуетъ ли предположить то же самое и относительно практическаго разума и его міра? и въ какомъ отношеніи (несомнѣнно, превосходнаго согласія!) находятся эти порожденія двухъ разумовъ? Мнѣ кажется, что г. Введенскій, различающій истори-

ческаго Канта-догматика отъ идеальнаго Канта-критика *), упустилъ превосходный случай повести далѣе критицизмъ и слишкомъ увлекся Кантомъ-догматикомъ. Система трансцендентной метафизики, которую сулить намъ г. Введенскій въ будущемъ, пожалуй и будетъ въ духѣ Канта, но навѣрное въ духѣ Канта-догматика.

Э. Радловъ.

3. Письмо къ редактору.

Позвольте мнѣ сказать нѣсколько словъ въ отвѣтъ г. Н. В. М., занявшемуся въ июньской книгѣ «Русскаго Богатства» разборомъ моей статьи «Модная теорія».

Въ виду быстрого распространенія за послѣднiе годы на Западѣ и у насъ эволюціонизма и выясненной продолжительнымъ опытомъ склонности нашего общества увлекаться модными теоріями, я по поводу вышедшей недавно въ русскомъ переводѣ книги Коллинса: «Философія Спенсера»—старался предостеречь читателей отъ увлеченія этою новою модною теоріей, которая въ научномъ отношеніи мнѣ представляется несостоятельною.

Г-нъ Н. В. М., если устранить неидушія къ дѣлу ироническія выходки, возражаетъ мнѣ по существу слѣдующее. Не отвергая, повидимому, склонности нашего общества увлекаться модными теоріями,—что очевидно было бы слишкомъ смѣло, (мой критикъ говоритъ: «Въ этомъ отношеніи разница между Европою и Россією... заключается... только въ степени, въ какой то и другое общество поддается обаянію новыхъ теорій») — г. Н. В. М. уличаетъ меня въ самопротиворѣчіи: съ одной стороны я, молъ, доказываю, что теорія Спенсера не представляетъ собою ничего новаго и оригинальнаго, а съ другой—приписываю русскому обществу склонность увлекаться ею, именно какъ теоріей новою и оригинальною. Если философія Спенсера встрѣтила у насъ серьезныя возраженія со стороны ученыхъ (главнымъ образомъ, со стороны гг. Михайловскаго, Миртова и Южакова, какъ поясняетъ мой критикъ), то умѣстно ли говорить по ея поводу о склон-

*) Такое различіе необходимо послѣ замѣчательнаго разбора «Критики чистаго разума», слѣланнаго М. И. Каринскимъ въ статьяхъ о самоочевидности. (См. „Ж. М. Нар. Просв.“, февраль, май и августъ).

ности нашего общества увлекаться модными теоріями, тѣмъ болѣе, что о модѣ можно говорить только тогда, когда «усвоеніе новыхъ теорій совершается не ради практическихъ цѣлей, а ради извѣстныхъ ощущеній, ради самолюбія, тщеславія и пр.?» «Но разъ человѣкъ принимаетъ опредѣленную теорію ради разрѣшенія тѣхъ или другихъ *мучающихъ его вопросовъ*..., онъ уже тѣмъ самымъ доказываетъ, что дѣйствуетъ не моды ради». Между тѣмъ я-де утверждаю, что русское общество увлекается модными теоріями, потому что оно жаждетъ быстрого исцѣленія общественныхъ недуговъ, слѣдовательно руководствуется практическою цѣлью; поэтому въ данномъ случаѣ объ увлеченіи «модною теоріей» не можетъ быть рѣчи. Наконецъ критикъ, не приводя тому никакихъ доказательствъ, упрекаетъ меня въ томъ, что я не познакомился съ теорією Спенсера и что рѣшаюсь обвинять этого авторитетнаго мыслителя въ неподготовленности къ обсужденію политическихъ вопросовъ (при чемъ однако критикъ опускаетъ всѣ мои доказательства).

Начну съ послѣднихъ обвиненій. О подготовленности къ обсужденію политическихъ, какъ и всякихъ другихъ научныхъ вопросовъ можетъ быть рѣчь только тогда, когда писатель или мыслитель дѣлаетъ выводы на основаніи добросовѣстно собраннаго и провѣреннаго фактическаго матеріала. Въ данномъ же случаѣ я привелъ цѣлый рядъ примѣровъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что Спенсеръ не потрудился положить въ основаніе нѣкоторыхъ изъ своихъ выводовъ даже обще-извѣстные и совершенно безспорные факты. Нельзя напримѣръ утверждать, какъ это дѣлаетъ Спенсеръ, что народъ пріобрѣтаетъ правительственное значеніе, преимущественно или даже исключительно благодаря возможности предписывать условія, при которыхъ онъ соглашается одобрить налоги. Это значитъ проявлять полное незнакомство съ политическою исторіей. Неужели, напримѣръ, Болгарія получила составленную покойнымъ профессоромъ Градовскимъ конституцію благодаря возможности одобрять налоги? Неужели всѣ другія балканскія и германскія государства получили конституцію на этомъ основаніи? На повѣрку оказывается, что большинство европейскихъ государствъ установили у себя представительное правленіе совершенно инымъ путемъ, чѣмъ какой указанъ Спенсеромъ. Но это только одинъ изъ примѣровъ, приведенныхъ мною въ пользу той мысли, что ученый, старающійся

въ настоящее время обнять многія науки, является въ лучшемъ случаѣ лишь талантливымъ дилетантомъ, а по большей части додумывается до выводовъ, которые не выдерживаютъ и снисходительной научной критики. Время Аристотелей и Лейбницевъ миновало, какъ извѣстно, безвозвратно, и нынѣ никто энциклопедистомъ быть не можетъ, а Спенсеръ силится имъ быть, и поэтому у него часто, на ряду съ глубокими мыслями, проскальзываютъ и такія, которыя поражаютъ своею незрѣлостью. Это—фактъ до такой степени общеизвѣстный, что не тому, кто придерживается этого взгляда на дѣло, а тѣмъ, кто его оспариваетъ, слѣдуетъ представить доказательства своей начитанности въ произведеніяхъ Спенсера и литературѣ, ими вызванной.

Перехожу затѣмъ къ возраженіямъ по существу. Нельзя утверждать, что мода возникаетъ только на почвѣ вопросовъ, не имѣющихъ отношенія къ практическимъ дѣламъ, т.-е. что она не можетъ возникнуть на почвѣ какъ выражается мой критикъ, «мучающихъ вопросовъ». Ежедневный опытъ этому противорѣчитъ. Кажется, что устраненіе данной болѣзни является вопросомъ практическимъ; а развѣ мы не видимъ сплошь и рядомъ, что возникаютъ и широко распространяются разные модные способы лѣченія, начиная, на примѣръ, съ водолѣченія и кончая хотя бы невскою водой барона Вревскаго? Это очень назойливый, жгучій и «мучающій» вопросъ: какъ избавиться отъ данной болѣзни, а между тѣмъ не только невѣжественные люди, но и цвѣтъ общества спѣшатъ къ разнымъ моднымъ шарлатанамъ, чтобъ исцѣлиться отъ своихъ болѣзней. То же происходитъ и относительно исцѣленія общественныхъ и политическихъ недуговъ.

Наконецъ, упрекъ въ томъ, будто бы я избралъ неудачный примѣръ для иллюстрированія мысли о склонности нашего общества увлекаться модными теоріями, кажется мнѣ совершенно неосновательнымъ. Во-первыхъ, я никакого примѣра для иллюстрированія чего бы то ни было не избиралъ, а старался лишь доказать, что входящая теперь въ моду эволюціонная теорія представляется мнѣ несостоятельною, и предостерегалъ отъ увлеченія ею. Во-вторыхъ, въ моей статьѣ рѣчь идетъ не о философіи Спенсера вообще, а исключительно объ *эволюціонной теоріи* (я говорю, на примѣръ, довольно много и о Летурно). Н. В. М. указываетъ мнѣ, что философія Спенсера подвергалась у насъ критикѣ уже лѣтъ двадцать тому назадъ. Я въ подобномъ указаніи менѣе

всего нуждаюсь, потому что самъ тогда принималъ участіе въ этой критикѣ. Но ни тогда, ни позже никто не могъ говорить объ эволюціонной теоріи, какъ о *модной* теоріи, по той простой причинѣ, что въ моду она входитъ только теперь, когда то и дѣло появляются труды подъ громкимъ заглавіемъ «эволюція» и этимъ словомъ испещрены статьи нашихъ журнальныхъ обозрѣвателей. Надѣмся, что, принявъ это во вниманіе, мой критикъ благосклонно откажется впредь обвинять меня въ томъ, что я не признавалъ эволюціонную теорію модною тогда, когда ни одному смертному это въ голову не могло придти, потому что она модною не была. Мнѣ кажется, что вмѣсто того, чтобъ осыпать меня обвиненіями подобнаго рода, критикъ поступилъ бы гораздо лучше, еслибы вникъ по существу въ тѣ доводы, которые я привожу противъ эволюціонной теоріи. Тогда онъ способствовалъ бы съ своей стороны изъятію изъ обращенія моднаго словечка: «эволюція», которое ничего не разъясняетъ, а только спутываетъ понятія, и которое ко вреду для ясности научной мысли быстро у насъ распространяется и уже прочно вошло въ журнальный обиходъ, несмотря на то, что философія Спенсера давно уже какъ на Западѣ, такъ и у насъ, признается во многихъ отношеніяхъ несостоятельною.

Р. Сементковскій.

4. Возраженіе *).

Къ первой половинѣ моей статьи, помѣщенной въ 17-й кн. журнала, редакція нашла нужнымъ сдѣлать два постороннихъ примѣчанія, которыя заслуживаютъ того, чтобъ обратить на нихъ вниманіе. Содержаніе этихъ примѣчаній можно формулировать въ трехъ слѣдующихъ положеніяхъ:

1. Утвержденіе мое, что проблема бытія внѣшняго міра теоретически для насъ неразрѣшима, — преждевременно, ибо я не разбираю всѣхъ доказательствъ, которыя когда-либо приводились въ пользу объективности внѣшняго міра.

*) Печатая это возраженіе, редакція слѣдуетъ съ самаго начала принятому ею принципу безпристрастія. Но отвѣчать на него не считаетъ необходимымъ, предлагая читателямъ вмѣсто такого отвѣта *внимательно* перечитать статью Н. А. Иванцова и замѣчанія редакціи.

Н. Грогъ.

2. Мое построение допустимо лишь при полном отрицании всякаго реального бытія (даже субъекта въ смыслѣ метафизической субстанціи), т.-е. при полномъ феноменизмѣ и скептицизмѣ.

3. Признание метафизической субстанціи нашей воли, познаваемой непосредственно во внутреннемъ опытѣ, и способности воспринимать воздѣйствія, претерпѣваемые этою волею и необъяснимыя изъ ея собственныхъ состояній, — самое достовѣрное доказательство существованія внѣшняго міра.

На *первое* изъ этихъ замѣчаній я долженъ сказать, что я дѣйствительно не разбираю всѣхъ доказательствъ, которыя когда-либо приводились въ пользу существованія внѣшняго міра, — это заняло бы слишкомъ много мѣста. Я ограничился разсмотрѣніемъ основанія всѣхъ возможныхъ доказательствъ, ибо исхожу изъ основного начала всякаго возможнаго знанія и стараюсь показать, что на этомъ началѣ нельзя построить *доказательства* существованія внѣшняго міра, а лишь заключеніе болѣе или менѣе *вѣроятное*.

Состоянія нашего сознанія и только они доставляютъ намъ матеріаль для всякаго знанія.

Но всякое знаніе, въ основѣ котораго лежатъ состоянія нашего сознанія, какъ таковыя, достовѣрно лишь постольку, поскольку оно ограничивается установленіемъ связи между состояніями нашего сознанія, нашими представленіями, и не болѣе. Мы не можемъ доказать, что міръ, нами представляемый, не есть только наше представленіе, т.-е. совокупность состояній нашего сознанія; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы въ такомъ случаѣ послѣдовательность и связь представленій измѣнились. Наука, изучающая связь представляемыхъ нами явленій, остается тою же, чѣмъ бы эти явленія ни были.

Какимъ бы путемъ существованіе внѣшняго міра ни доказывалось, оно должно считаться съ указаннымъ основнымъ началомъ всякаго знанія. Я старался показать, что разъ наше знаніе таково, *доказать* существованіе внѣшняго міра невозможно.

Второе. Редакція вполне правильно называетъ мою точку зрѣнія полнымъ феноменизмомъ и скептицизмомъ. Но она забываетъ, что эта точка зрѣнія исходная. Въ противоположность философіи греческой, гдѣ скепсисъ и феноменизмъ являлся заключительнымъ выводомъ, въ философіи новой онъ служитъ точкой отправленія. Сомнѣваться во всемъ, въ чемъ только можно ус-

мниться, исходить только отъ очевиднаго, т.-е. состояній нашего сознанія, какъ таковыхъ,—таково начало и принципъ новой философіи, и я въ обоихъ разсуженіяхъ старался остаться вѣрнѣ этому принципу, ибо считаю его въ дѣлѣ теоретической философіи и науки единственно правильнымъ и въ высшей степени плодотворнымъ.

Третье. Редакція видитъ доказательство существованія внѣшняго міра въ признаніи метафизической субстанціи нашей воли и воспріятіи претерпѣваемыхъ ею воздѣйствій, не объяснимыхъ изъ ея собственныхъ состояній.

Но въ томъ-то и дѣло, что *признаніе* еще не есть *доказательство*. Въ такомъ случаѣ не проще ли было бы прямо *признаніе* существованія внѣшняго міра считать за его доказательство?

Гипотеза волевой субстанціи можетъ прекрасно *объяснять* извѣстныя явленія (какъ это сдѣлано Шопенгауэромъ), но она сама нуждается въ доказательствѣ и никоимъ образомъ не можетъ служить исходнымъ пунктомъ. Я знаю себя непосредственно только какъ совокупность различныхъ состояній сознанія; во внутреннемъ опытѣ познаются лишь различныя хотѣнія, какъ состоянія сознанія, но не метафизическая субстанція нашей воли. Не даромъ послѣдняя неоднократно совершенно отрицалась; значить, она по меньшей мѣрѣ не очевидна.

Мало того, если допустить даже, что мы дѣйствительно и достоверно познаемъ себя во внутреннемъ опытѣ какъ метафизическую волю, то и съ такимъ признаніемъ въ дѣлѣ доказательства существованія внѣшняго міра далеко не уйдешь. Если поводомъ къ заключенію о существованіи внѣшняго міра служатъ воздѣйствія, претерпѣваемая нашею волей и не объяснимыя изъ ея собственныхъ состояній, то такое заключеніе могло бы быть вѣрно лишь въ томъ случаѣ, еслибы наша метафизическая воля обладала къ тому же и абсолютнымъ разумомъ.

Необъяснимы изъ собственныхъ состояній нашей воли эти такъ называемыя воздѣйствія могутъ быть или потому, что ихъ причина лежитъ дѣйствительно вовнѣ, или же просто потому, что такое объясненіе выходитъ за предѣлы нашихъ умственныхъ способностей.

Для такого рода доказательства, который предлагаетъ редакція, необходимо доказать раньше, что нашъ разумъ неспособенъ не только ошибаться въ рѣшеніи подобныхъ вопросовъ, но и

оставаться въ невѣдѣніи относительно причинъ происходящихъ въ насъ душевныхъ процессовъ.

Пока это не доказано, пока повседневный опытъ на каждомъ шагу учитъ насъ, что разумъ нашъ крайне несовершенъ, ограниченъ и склоненъ къ самообману, до тѣхъ поръ невозможность объяснить тѣ или другія состоянія изъ внутреннихъ причинъ можетъ развѣ только объяснять, почему у насъ возникаетъ представленіе о внѣшнемъ мірѣ, а никакъ еще не доказывать существованія послѣдняго.

Ник. Иванцовъ.

Психологическое общество.

СVI. Протоколъ засѣданія 8 мая 1893 года.

Засѣданіе открыто въ 8¹/₂ час. вечера въ залѣ Правленія университета, подъ предсѣдательствомъ товарища предсѣдателя Л. М. Лопатина (за болѣзнью проф. Н. Я. Грота); обязанности секретаря, за отсутствіемъ какъ секретаря, такъ и его товарища, исполнялъ дѣйств. чл. В. Н. Ивановскій; кромѣ того, присутствовали дѣйств. чл.: А. С. Бѣлкинъ, К. Н. Вентцель, Н. А. Звѣревъ, П. А. Каленовъ, М. С. Корелинъ, С. С. Корсаковъ, И. Ф. Огневъ, В. П. Преображенскій, Ф. А. Смирновъ, А. А. Токарскій и нѣкоторые другіе (всего 16 человекъ).

Въ засѣданіи происходило слѣдующее:

I. Читанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

II. Произведены были выборы въ дѣйств. чл. Общества: Иванъ Осиповичъ Янковскій, авторъ сочиненія „Кинетическая теорія всемірнаго тяготѣнія“, избранъ единогласно (16 голосами).

III. Былъ прочитанъ докладъ комисіи, образованной изъ пяти членовъ Общества для выясненія условій перехода журнала „Вопросы философіи и психологіи“, начиная съ слѣдующаго (1894) года, въ собственность Психологическаго Общества отъ теперешняго издателя его дѣйств. чл. А. А. Абрикосова.

Докладъ комиссіи о переходѣ изданія журнала „Вопросы философіи и психологіи“ въ собственность Психологическаго Общества.

Избранная Психологическимъ Обществомъ Коммиссія для разсмотрѣнія вопроса о возможности для Общества взять на себя, съ января 1894 года, по предложенію д. чл. А. А. Абрикосова и предсѣдателя Н. Я. Грота, изданіе журнала «Вопросы философіи и психологіи», имѣеть честь доложить членамъ Общества слѣдующее:

1. Разсмотрѣвъ приходы и расходы журнала за три года его существованія (общіе итоги этихъ приходовъ и расходовъ при семъ прилагаются), комиссія пришла къ заключенію, что переходъ изданія журнала въ завѣдованіе Общества въ настоящее время не представляетъ риска ни для журнала, ни для Общества, такъ какъ журналъ съ 1893 г. началъ давать прибыль и, слѣдовательно, при благопріятномъ ходѣ дѣла, не обременитъ общаго бюджета Общества.

2. Подписка на журналъ, достигавшая въ прежніе годы къ 1 ноября цифры 1.320—1.470 платныхъ подписчиковъ, въ настоящемъ году дала къ 1 апрѣля 1.705 подписчиковъ, а къ 20-му 1.760. Валовой доходъ журнала, не превышавшій ранѣе суммы въ 9.500 р. за цѣлый годъ, достигъ въ нынѣшнемъ году къ 1 апрѣля 12.636 р. 42 к. Это даетъ надежду, что къ концу года журналъ можетъ имѣть отъ 1.800—1.900 подписчиковъ *) и что валовой доходъ его возрастетъ по крайней мѣрѣ до 14.000 р.

3. Если допустить, что въ нынѣшнемъ году на усиленіе подписки вліяли какія-либо случайныя и исключительно благопріятныя обстоятельства, то все-таки на основаніи хода подписки въ предыдущіе годы и на основаніи общихъ статистическихъ данныхъ о развитіи другихъ повременныхъ изданій, комиссія предполагаетъ, что на ближайшіе годы подписка на журналъ можетъ въ среднемъ дойти до 1.500 экз. въ годъ. Хотя переходъ изданія журнала изъ рукъ частнаго лица въ вѣдѣніе Психологическаго Общества не только не умалитъ, но скорѣе даже увеличитъ къ нему интересъ и вызоветъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, ожив-

*) Къ первому сентября 1893 г. имѣется 1872 платныхъ подписчика.

леніе подписки, а не паденіе ея, тѣмъ не менѣе, изъ осторожности и въ видахъ полнаго устраненія риска для Общества, коммисія сдѣлала (на прилагаемой таблицѣ) расчетъ бюджета журнала только при предположеніи 1.500 подписчиковъ, при чемъ расходъ рассчитанъ въ максимальныхъ цифрахъ.

4. Относительно условій подписки, при переходѣ журнала въ завѣдованіе Общества, предположена небольшая, вызываемая соображеніями практическаго удобства реформа; а именно, коммисія предполагаетъ увеличить годовую подписную плату для лицъ, получающихъ журналъ «съ пересылкой», на 50 к., такъ какъ опытъ прежнихъ лѣтъ показалъ практическое неудобство пересылки по почтѣ полтинниковъ, серебромъ или почтовыми марками. При новыхъ условіяхъ заграничные подписчики будутъ платить въ годъ 8 р. вмѣсто 7 р. 50 к., подписчики съ пересылкой въ предѣлахъ Россіи 7 р. вмѣсто 6 р. 50 к. Льготные подписчики—члены Общества и сотрудники журнала, учащіеся, сельскіе учителя и священники—по 5 р. вмѣсто прежнихъ 4 р. 50 к. Это незначительное повышеніе подписной платы для подписчиковъ съ пересылкой нисколько не будетъ обременительнымъ для большинства ихъ, и притомъ не нарушитъ справедливости, такъ какъ пересылка журнала въ дѣйствительности обходится дороже 50 к., взимаемыхъ нынѣ журналомъ. При такомъ измѣненіи, 1.500 подписчиковъ, при расчетѣ, основанномъ на сравненіи цифръ подписки за три года, представляютъ собой валовой доходъ въ 9.500 р.

5. Прочіе доходы журнала слагаются изъ суммъ, получаемыхъ отъ продажи журнала за прежніе годы, отъ продажи изданій журнала, отъ комиссіонной продажи философскихъ книгъ подписчикамъ журнала и отъ платныхъ объявленій, помѣщаемыхъ въ журналѣ. На основаніи опыта прошлыхъ лѣтъ, коммисія предполагаетъ, что эти доходы могутъ составить приблизительно 1.800 р. въ годъ. Раскладка ихъ сдѣлана въ прилагаемой вѣдомости. Такимъ образомъ общій валовой доходъ журнала на слѣдующій годъ опредѣляется въ 11.300 р.

6. Расходъ журнала рассчитанъ, въ видахъ осторожности, въ максимальномъ размѣрѣ, причемъ взяты среднія цифры прошлыхъ лѣтъ и сокращенія расхода допущены только по такимъ статьямъ, по которымъ они, на основаніи пережитого трехлѣтняго опыта, дѣйствительно возможны. Особой оговорки требу-

еть только цифра, назначенная на гонорарь сотрудникамъ. Комиссія постановила въ общемъ держаться прежней нормы гонорара—въ размѣрѣ—40 руб. за печатный листъ, но при этомъ желательно, чтобы Общество предоставило редакціонному комитету право принимать въ журналъ, какъ это практиковалось и въ предыдущіе годы, статьи бесплатныя, а также назначать гонорарь въ уменьшенномъ и увеличенномъ противъ средняго размѣрѣ, сообразно категоріямъ и характеру статей. При такихъ условіяхъ, считая гонорарь въ среднемъ даже въ 40 р. за листъ, при 60 печатныхъ листахъ (такъ какъ приблизительно 20 листовъ отводится на статьи бесплатныя, на полемическія статьи и на протоколы Психологическаго Общества, не оплачиваемые гонораромъ) получается цифра расхода на гонорарь въ 2.400 р. Въ общей сложности расходы рассчитаны въ суммѣ 11.275 р., причемъ получается въ бюджетѣ журнала остатокъ дохода въ 25 р. на непредвидѣнные расходы, а также не принято въ соображеніе пособіе въ 400 р., ассигнованное Обществомъ въ январѣ 1893 года на печатаніе въ журналѣ протоколовъ и другихъ документовъ, спеціально относящихся къ текущей дѣятельности Психологическаго Общества. Эти 400 р., составляющіе ежегодное пособіе Обществу отъ Университета, могутъ быть, въ случаѣ необходимости, причислены къ запасному фонду журнала на непредвидѣнные расходы, если изданіе перейдетъ въ завѣдованіе Общества, такъ какъ прочія свои изданія Общество можетъ продолжать на тѣ средства, которыя оно приобрѣло при помощи прежнихъ изданій (капиталь въ 3.500 руб., см. прилагаемую при семъ вѣдомость приходовъ и расходовъ Общества за пять лѣтъ).

7. Представляя Обществу вышеуказанный балансъ приходовъ и расходовъ, комиссія предлагаетъ установить правиломъ ежегодный пересмотръ этого баланса и *окончательное* утвержденіе годовой смѣты журнала въ связи съ ходомъ подписки—въ закрытомъ годичномъ засѣданіи Общества 24 января, когда приблизительно выясняются условія изданія журнала на текущей годъ.

8. вмѣстѣ съ симъ, если Психологическое Общество признаетъ возможнымъ принять на себя изданіе журнала „Вопросы философіи и психологіи“ съ января 1894 года, комиссія предлагаетъ Обществу, согласно докладу Предсѣдателя его Н. Я. Грота: а) ходатайствовать немедленно предъ Главнымъ Управленіемъ

по дѣламъ печати о передачѣ изданія журнала съ января 1894 г. отъ д. чл. А. А. Абрикосова въ собственность Психологическаго Общества, б) просить Главное Управление по дѣламъ печати о назначеніи соредакторомъ Н. Я. Грота вице-предсѣдателя Общества Л. М. Лопатина, в) предоставить комиссіи установить, по соглашенію съ А. А. Абрикосовымъ, срокъ и другія подробности передачи въ завѣдованіе Общества дѣлъ журнала, г) сдѣлать постановленіе объ изысканіи комиссіей способа выраженія издателю журнала А. А. Абрикосову признательности Общества за безкорыстную и долговременную поддержку, оказанную имъ задуманному членами Общества изданію журнала и за дѣлаемое имъ Обществу крупное пожертвованіе всѣхъ прежнихъ изданій (книгъ журнала за прежніе годы и специально — изданія Психологіи Гефдингга), которыя къ январю 1894 г. будутъ представлять стоимость не менѣе 5.000 р. и которыя, согласно предварительному условію издателя съ Обществомъ, имѣли бы пойти на покрытіе дефицитовъ издателя за прежніе годы.

9. Въ случаѣ полученія отъ журнала чистой прибыли, комиссія предлагаетъ половину ея отчислять въ запасный фондъ журнала, а другую половину предоставлять въ распоряженіе редакціоннаго комитета для вознагражденія, по его усмотрѣнію, редакторовъ журнала и другихъ лицъ, которыя безвозмездно будутъ нести трудъ по веденію журнальнаго дѣла отъ имени Психологическаго Общества.

Члены комиссіи: *Л. Лопатинъ.*

Н. Звъревъ.

В. Преображенскій.

С. Корсаковъ.

В. Гольцевъ.

Къ докладу были приложены слѣдующіе ниже — 1) общіе итоги приходовъ и расходовъ журнала за 3 года (1890—1893) и 2) отчетъ о состояніи суммъ Общества за послѣдніе пять лѣтъ.

Общі итоги приходовъ и расходовъ журнала

П Р И Х О Д Ъ.

	1890—1891 г. съ 1 нояб.— 1 нояб.		1891—1892 г. съ 1 нояб.— 1 нояб.		1892—1893 г. съ 1 нояб.— 1 апрѣля.		Предполагаемый приходъ на 1894 г.
	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	
1. Подписка.							
Привзносахъ отъ 7 р.—9 р. 50 к.	1247	20	2211	97	4100	75	1500 подписчи- ковъ, если увели- чить подписку до 8 р. *) 7 р. **) 6 р. ***) 50 к. **), 6 р. ***) 5 руб. *) 4 руб. 50 коп. **) и 4 р. ***) (вмѣсто 7 1/2; 6 1/2; 6; 5; 4 1/2 р.).
» » » 5 »—6 » 50 »	5235	26	4622	48	5530	55	
» » » 2 »—4 » 50 »	1748	—	917	50	1415	58	
Итого . . .	1470 п.— 8230	46	1320 п.— 7751	95	1705 п.— 11046	88	9500 —
2. Отъ продажи книгъ за прошлые годы.	1074	60	848	35	1292	65	1200 —
3. Прибыль отъ объявленій и др. сторон. публикацій.	—	—	131	13	—	—	50 —
4. Польза отъ изданія (Геф- дингъ)	—	—	221	49	180	22	300 —
5. Польза отъ продажи по- стороннихъ книгъ	82	97	269	70	116	57	250 —
Итого . . .	9388	03	9222	62	12636	43	11300 —
Остатокъ книгъ за предыду- щіе годы, считая по 5 р. за экземпляръ.	1975	20	2852	—			} 4500 —
	11363	23	12074	62	3623	—	
Остатокъ книгъ сего года 500 экз. по 5 р.	—	—	—	—	2500	—	
Остатокъ книгъ Гефдинга при 30%, получаемыхъ конторой.	—	—	—	—	18759	42	
	—	—	—	—	600	—	

*) Подписчики съ пересылкой.

***) Подписчики съ доставкой въ Москвѣ.

****) Подписчики безъ доставки.

„Вопросы философии и психологии“ за три года.

РАСХОДЪ.

	1890—1891 г. съ 1 нояб.— 1 нояб.		1891—1892 г. съ 1 нояб.— 1 нояб.		1892—1893 г. съ 1 нояб.— 1 апрѣл.		Предпола- гаемый расходъ на 1894 г.
	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	
1. Пересылка и доставка книгъ подписчикамъ	921	15	776	45	997	98	950 —
2. Редакція (помощникъ редактора, секретарь, корректоръ)	1800	—	1800	—	725	—	1800 —
3. Сотрудники	3042	10	2676	61	1880	81	2400 —
4. Типографія (наборъ, печать и бумага при 85 печ. лист. въ годъ—съ объявленіями)	4280	22	3607	77	2586	62	3500 —
5. Объявленія въ газетахъ . .	1114	13	596	71	478	15	600 —
6. Разный почтовый расходъ по редакціи и разсылкѣ книгъ*)	342	70	284	88	290	10	300 —
7. Квартира конторы	500	—	500	—	250	—	350 —
8. Обстановка конторы . . .	206	08	105	90	9	35	50 —
9. Страхованіе книгъ и имущества	—	—	74	19	30	73	75 —
10. Содержаніе конторы**) . .	101	58	147	15	75	50	100 —
11. Жалованье бухгалтеру . .	441	—	500	—	210	—	500 —
12. „ писмоводит.	180	—	240	—	100	—	240 —
13. „ разсылному	120	—	163	—	80	—	160 —
14. Извозчики и конка	88	98	70	63	46	66	50 —
15. Разный расходъ (праздничные, 3 ⁰ / ₁₀₀ сборъ и пр.) . .	253	69	227	70	116	21	200 —
Итого	13391	63	11772	03	7877	11	11275 —

*) Пересылка книгъ предыдущихъ годовъ, постороннихъ книгъ, писемъ, корректуръ, рукописей и пр., упаковка: оберточ. бумага, холстъ, бычева и веревки.

**) Покупка конторскихъ книгъ, письменныхъ принадлежностей, чая и сахара для служащихъ и проч.

Общій отчетъ о состояніи суммъ Московскаго Психологическаго Общества за пять лѣтъ.

П Р И Х О Д Ъ:	1888 г.	1889 г.	1890 г.	1891 г.	1892 г.
Оставалось у казначея отъ прошлаго года	Р. К. 471 43	Р. К. 638 64	Р. К. 307 57	Р. К. — —	Р. К. 286 66
Поступило въ приходъ: вносовъ дѣйст. членовъ и член.-соревноват.	365 —	275 —	520 —	445 —	250 —
Пособіе отъ университета. Выручено за продажу «Трудовъ» О-ва	200 —	300 —	400 —	400 —	400 —
Проценты съ капитала.	437 70	575 55	797 20	789 40	1417 55
	— —	— —	263 83	206 90	131 28
Итого . . .	1494 43	1789 19	2288 60	1841 32	2485 49
Р А С Х О Д Ъ:					
На изданіе I вып. «Трудовъ» О-ва.	581 83	— —	— —	— —	— —
На изданіе II вып. «Т.» О.	— —	504 50	— —	— —	— —
На изданіе III вып. «Т.» О.	— —	708 —	— —	— —	— —
На изданіе IV вып. «Т.» О.	— —	— —	609 75	— —	— —
На изданіе V вып. «Т.» О.	— —	— —	— —	857 50	— —
По устройст. засѣд. О-ва. Канцеляр., почт., типогр., за газ. объявл. и проч.	91 84	118 45	105 40	116 30	113 75
Печатаніе бланковъ и пр.	89 75	150 97	115 83	255 75	151 44
За книги и журналы.	52 80	— —	84 58	158 50	— —
За напеч. брошюръ о преміи Д. А. Столыпина	— —	— —	— —	— —	74 42
Публикація въ газет. о Столып. преміи	— —	— —	— —	— —	199 54
Передано по счету бр. Джамгаровыхъ за покупку облигацій на капиталъ Столыпина	39 57	— —	— —	— —	— —
Внесено на текущій сч. къ Юнкеру и К ⁰	— —	— —	— —	— —	605 30
Внесено на вкладъ въ Моск. Учет. банкъ	— —	— —	— —	— —	1040 —
Итого . . .	855 79	1481 62	1373 04	1388 05	2407 10

Состояніе капитала Общества на 24 января 1893 г.

На 24 января 1892 г. значилось капитала . . . . . 2960 р. 21 к.
 Приходъ за годъ по отчету . . . . . 2198 р. 83 к.
 Расходъ за годъ по отчету . . . . . 762 р. 30 к. 1436 р. 53 к.

На 24 января 1893 г. состоитъ капитала всего. . . . . 4396 р. 74 к.,
 который находится: на вкладѣ Московскаго Учетнаго банка (билетъ за № 33741 на имя О-ва) 2500 р., на текущемъ счету у Юнкера и К⁰—778 р. 85 к. и у казначея О-ва—77 р. 89 к. 3356 р. 74 к.
 Вкладъ Московскаго Учетнаго банка (билетъ № 34244) . . . . . 1040 р.

4396 р. 74 к.

IV. По приведенному докладу и приложенному къ нему проекту смѣты объясненія гг. членамъ Общества были даны отъ имени Коммисіи В. П. Преображенскимъ.

V. Затѣмъ, баллотированы предложенія коммисіи. Рѣшено:

1) Принять журналъ въ собственность Московскаго Психологическаго Общества съ 1-го января 1894 г. (единогласно);

2) Ходатайствовать о назначеніи вторымъ редакторомъ проф. Л. М. Лопатина, товарища предсѣдателя Общества (единогласно);

3) Утвердить въ принципѣ проектъ смѣты доходовъ и расходовъ журнала, составленный коммисіею, съ тѣмъ, чтобы окончательное утвержденіе смѣты Обществомъ происходило въ январѣ мѣсяцѣ, въ зависимости отъ опредѣлившихся къ тому времени размѣровъ подписки и другихъ денежныхъ средствъ журнала (единогласно).

4) Предоставить Коммисіи установить, по соглашенію съ А. А. Абрикосовымъ, срокъ и другія подробности передачи въ завѣдываніе Общества дѣла журнала (единогласно).

5) Поручить коммисіи выработать правила и условія для завѣдованія изданіемъ журнала какъ въ хозяйственномъ, такъ и въ редакціонномъ отношеніи (единогласно);

6) принять 9-ю статью доклада коммисіи («въ случаѣ полученія отъ журнала чистой прибыли, половину ея отчислять въ запасный фондъ журнала, а другую—предоставлять въ распоряженіе редакціоннаго комитета для вознагражденія, по его усмотрѣнію, редакторовъ журнала и другихъ лицъ, которые безвозмездно будутъ нести трудъ по веденію журнальнаго дѣла отъ имени Психологическаго Общества») — (большинствомъ противъ одного голоса);

7) Выразить отъ имени Общества признательность теперешнему издателю журнала какъ за покрытіе въ теченіе трехъ лѣтъ всѣхъ дефицитовъ по изданію, такъ и за щедрое пожертвованіе, дѣлаемое имъ Обществу теперь—въ видѣ всего книжнаго матеріала, состоящаго въ данную минуту въ собственности журнала, цѣнностью около 5 тысячъ рублей. Способъ выраженія признательности поручить выработать коммисіи (единогласно).

VI. Затѣмъ, послѣ перерыва Л. М. Лопатинъ, сдавши предсѣдательство Н. А. Звѣреву, прочелъ рефератъ, озаглавленный: «Подвижныя ассоціаціи представленій» (напечатанный въ настоящей книжкѣ журнала).

VII. Въ виду поздняго времени, подробное обсужденіе реферата отложено до одного изъ осеннихъ засѣданій; въ настоящемъ же засѣданіи пренія ограничились лишь немногими возраженіями А. А. Токарскаго и Н. А. Звѣрева.

А. А. Токарскій замѣтилъ, что, по его мнѣнію, референтъ не вѣрно понимаетъ и толкуетъ теченіе ассоціацій во время сна; именно, референтъ полагаетъ, что во снѣ, при отсутствіи направляющаго и контролирующаго вліянія воли, ассоціаціи должны течь наиболѣе правильнымъ образомъ, должны наиболѣе точно слѣдовать законамъ своего теченія; а такъ какъ, на самомъ дѣлѣ, во снѣ ассоціаціи беспорядочны, то отсюда референтъ и дѣлаетъ важный выводъ, что естественная склонность, законъ теченія представленій—не въ томъ, чтобы ассоціироваться по смежности и сходству, а въ томъ, чтобы течь въ капризно-измѣнчивомъ, калейдоскопическомъ, текучемъ беспорядкѣ. Но на это нужно возразить, что сонъ отнюдь не есть то состояніе, въ которомъ ассоціаціи должны течь въ ихъ наиболѣе естественномъ, законосообразномъ порядкѣ; напротивъ, во снѣ нормальныя ассоціаціи нарушены, ряды ихъ оборваны. Съ физиологической стороны—картина получается такая: многіе пути въ мозгу во время сна дѣлаются въ большей или меньшей степени неспособными къ передачѣ раздраженія,—и соединенія представленій происходятъ по боковымъ, обходнымъ путямъ, результатомъ чего и являются причудливыя ассоціаціи представленій. Такимъ образомъ, фактъ беспорядочности ассоціацій во снѣ не можетъ быть аргументомъ противъ обычныхъ законовъ ассоціаціи. Затѣмъ, можно думать, что «измѣнчивость, текучесть» ассоціацій вызывается не какими-либо внутренними факторами, а просто случайностями смѣны внѣшнихъ впечатлѣній.

Н. А. Звѣревъ выразилъ свое сочувствіе къ теоріи референта, но призналъ невыгоднымъ пунктъ, избранный имъ для критики ассоціативной психологіи.

Засѣданіе закрыто въ 11¹/₂ часовъ вечера.

Яковъ Фрошаммеръ †.

(1821 — 1893).

(Некрологъ).

14-го іюня неподалеку отъ Тегернскаго озера, въ курортѣ Крейтъ (Kreuth) умеръ Яковъ Фрошаммеръ. Съ неподдѣльною грустью была принята вѣсть о его кончинѣ во всѣхъ интеллигентныхъ сферахъ и, въ особенности, въ средѣ тѣхъ учителей, которые знали Фрошаммера не только по имени, но и какъ борца за умственную *независимость*, за *ревнителя педагогики*, за *друзя и адвоката учительскаго сословія*.

Число такихъ учителей весьма почтенно: южно-нѣмецкій философъ все болѣе и болѣе находитъ себѣ подобающую опѣнку; «особенности, составлявшія его исключительную принадлежность», мало по-малу дѣлаются всеобщимъ достояніемъ.

Хотя оставалось желать, чтобы его идеи и сочиненія нашли еще при его жизни большее распространеніе, чѣмъ это выпало на ихъ долю, тѣмъ не менѣе нельзя не отмѣтить того радостнаго факта, что имъ, по крайней мѣрѣ, послѣ смерти философа начинаютъ воздавать должное. Многіе политическіе и педагогическіе журналы уже помѣстили краткія обзорѣнія жизни и трудовъ Фрошаммера.

Фрошаммеръ былъ сынъ крестьянина. Онъ родился 6 января 1821 г. въ Иллькофенѣ близъ Регенсбурга; выросъ въ сельской обстановкѣ; сначала посѣщалъ регенсбургскую гимназію, потомъ переехалъ въ Мюнхенъ, гдѣ посвятилъ себя богословскимъ и философскимъ занятіямъ. Въ 1847 году, послѣ того какъ онъ написалъ нѣсколько премированныхъ работъ по богословію, онъ сдѣлался священникомъ. Но званіе священника мало гармонировало съ натурой Фрошаммера, и онъ сталъ снова стремиться къ научнымъ занятіямъ. Не безъ борьбы и хлопотъ, наконецъ, удалось ему и это. Въ 1850 году онъ пристроился въ Людвигъ-

Максимиліановскомъ университетѣ приватъ-доцентомъ по кафедрѣ богословія и читалъ здѣсь лекціи, главнымъ образомъ, по философіи религіи и по педагогикѣ, поскольку послѣднюю можно было связать съ богословіемъ. Наряду съ занятіями по церковной исторіи и философіи религіи, Фрошаммеръ очень прилежно занимался естественными науками.

Около этого времени появились его первыя сочиненія: «Матеріалы для церковной исторіи» (1850), «Происхождение человѣческой души» (1854) и пользовавшееся громкою извѣстностью посланіе къ профессору Карлу Фогту (направленное противъ матеріализма): «Человѣческая душа и физиологія» (1855). Второе изъ названныхъ сочиненій уже содержитъ въ себѣ какъ бы въ зародышѣ очеркъ его позднѣйшей философской системы и достаточно объясняетъ переходъ Фрошаммера отъ богословія къ философіи. Вскорѣ затѣмъ (1855) онъ перешелъ профессоромъ философіи на философскій факультетъ, гдѣ вплоть до самой своей кончины продолжалъ развивать свои идеи. Еще раньше, благодаря своей философіи, Фрошаммеръ сталъ въ рѣзкое противорѣчіе съ возрождавшимся и усиливавшимся въ то время іезуитизмомъ и съ папской куріей, которое и привело его къ полному разрыву съ Римомъ. Ходъ этого конфликта былъ слѣдующій: въ 1857 г. сочиненіе Фрошаммера «Происхождение человѣческой души» было отнесено въ Римѣ въ списокъ запрещенныхъ книгъ, и Фрошаммеръ призывался къ публичному покаянію, котораго онъ не захотѣлъ дать. Другой поводъ къ столкновенію съ нѣмецкими неосхоластиками и римскими іезуитами дали: «Введеніе въ философію съ приложеніемъ очерка метафизики» (1858), «Задачи естествознанія» (1861) и «Свобода науки» (1861). Чтобы защищать *свободу и права науки* отъ римской куріи, Фрошаммеръ основалъ философскій журналъ «Атенеумъ» (1862—64), но тутъ опять ему пришлось узнать, что его раннія сочиненія также занесены въ списокъ запрещенныхъ. Пій IX обратился непосредственно съ бреве отъ 11 декабря 1862 года къ архіепископу Мюнхенъ-Фрейзингскому («Gravissimas inter aserbitates»), которое, вмѣстѣ съ порученіемъ не давать ходу отреченію Фрошаммера, формально подтверждало приговоръ надъ его сочиненіями. И, несмотря на то, что Фрошаммеръ самъ не дѣлалъ рѣшительнаго шага къ разрыву, въ 1863 году его въ Римѣ отлучили отъ церкви, а студентамъ богословія запретили ходить

на его лекціи. Несмотря на то, что профессора богословія съ Дёлингеромъ во главѣ отреклись отъ Фрошаммера и что угрозы ультрамонтановъ вынудили философа закрыть свой журналъ, онъ неустрасимо продолжалъ вести борьбу противъ ограниченной тупости своихъ противниковъ въ брошюрѣ «Освѣщеніе папскихъ энцикликъ и указаніе новѣйшихъ заблужденій» (1869) и въ произведеніяхъ: «Христіанство и новѣйшее естествознаніе» (1868), «Право личнаго убѣжденія» (1869) и «Непогрѣшимость папы» 1871. Затѣмъ имъ были обнародованы: «Новая наука и новая вѣра», (гдѣ особенное вниманіе удѣлено Давиду Штраусу, 1873), «Скала Петра въ Римѣ» (1873, пятое изд. 1875), «Примать Петра и папы», (1875), «О религіозныхъ и церковно-политическихъ злобахъ дня» (1875), «Истинное значеніе культурной борьбы». Большинство этихъ сочиненій нисколько не утратили своего значенія и до настоящаго времени. Послѣдній этапъ въ походѣ Фрошаммера противъ Ватикана и его приверженцевъ составляютъ: извѣстное его произведеніе «Теома Аквинскій» (1889) и брошюра «Tu es Petrus». Первое произведеніе имѣетъ очень серьезное значеніе, какъ одна изъ самыхъ основательныхъ критикъ «подновленной схоластики» *).

Съ 1875 года, какъ извѣстно, Фрошаммеръ выступилъ съ *собственной системой философіи*, направленной противъ пессимизма и уже нашедшей себѣ должную оцѣнку у выдающихся ученыхъ нашего времени (см. Fr. Kirchner: Über das Grundprincip des Weltprozesses. Mit besonderer Berücksichtigung J. Frohschammers». Köthen 1882).

Фрошаммеръ въ своей системѣ выставилъ *фантазію*, какъ основной принципъ мірового процесса. Но кто захотѣлъ бы на основаніи этого усмотрѣть въ философіи Фрошаммера нѣчто фантастическое, тотъ жестоко ошибся бы. Фантазія не въ обыкновенномъ, а въ *болѣе широкомъ* смыслѣ—вотъ міровой творческій принципъ; она сама по себѣ и вообще *объективна*, но въ чловѣкѣ мало-по-малу развивается въ *субъективную* силу, которая ставитъ цѣли (идеалы) для всякаго поведенія и опредѣляетъ волю, которая есть *вторичное явленіе* (вопреки Шопенгауэровскому

*) Подробное изображеніе хода жизни и борьбы Фрошаммера читатель найдетъ въ автобіографіи философа, въ собраніи: «Deutsche Denker und ihre geistesschöpfungen». Herausgegeben V. Adolf Hinrichsen, Heft 2—3. Danzig. 1888. Verlag von Hinstorf.

взгляду); въ *природѣ* приближеніе къ цѣлямъ достигается постепеннымъ, до нѣкоторой степени повторяющимъ себя *развитіемъ*; въ жизни людей и народовъ къ достиженію ихъ стремятся путемъ *поступковъ* и дѣятельности. Что представленіе *объективной фантазіи*, являющейся въ природѣ творческимъ принципомъ, имѣетъ за себя очень многое, можно подтверждать, какъ это уже сдѣлалъ самъ философъ, слѣдующей, заимствованной у Аристотеля аналогіей: «какъ (субъективная) фантазія художника, точно также (только въ неизмѣримо большихъ размѣрахъ) безъ конца творитъ (объективная) міровая фантазія все новые и новые образы».

Свою систему философіи Фрошаммеръ обосновалъ въ слѣдующихъ главныхъ сочиненіяхъ: 1) «Фантазія, какъ основной принципъ мірового процесса» (1877); 2) «О генезисѣ человѣчества и его умственномъ развитіи въ религіи, нравственности и языкѣ» (1883); 3) «Объ организаціи и культурѣ человѣческаго общества» (1885). Дополненіемъ къ нимъ являются: «Философія, какъ идеальная наука и система» (1884) и «Misterium Magnum бытія» (1891). Кроме того для общей оцѣнки его философіи надо принять во вниманіе слѣдующія сочиненія: «Монады и міровая фантазія» (1879); «Значеніе фантазіи въ философіи Канта и Спинозы» (1875), «Начала аристотелевой философіи и значеніе въ ней фантазіи» (1881) и, въ особенности, уже упомянутое сочиненіе «Философія Эомы Аквинскаго».

Весьма существенную услугу оказала система Фрошаммера *педагогикѣ* и лежащимъ въ ея основѣ наукамъ: психологіи и этикѣ. Для послѣдней особенно важны: «Христіанство и новѣйшее естествознаніе» (1868), «Новая наука и новая вѣра». Для психологіи:—1) «Происхожденіе человѣческой души; 2) «Фантазія, какъ основной принципъ мірового процесса»; 3) «Монады и міровая фантазія» и 4) «Очеркъ системы философіи» (1892).

Педагогическія воззрѣнія Фрошаммеръ высказалъ, главнымъ образомъ, въ своемъ сочиненіи «Объ организаціи и культурѣ человѣческаго общества». На роль философіи Фрошаммера въ педагогикѣ указано было въ извѣстной работѣ профессора Руд. Хохэггера за нынѣшній годъ въ «Neue Bahnen».

Въ лицѣ Фрошаммера наука утратила очень крупнаго ученаго и философа и вмѣстѣ съ тѣмъ такого педагога, котораго смѣло можно поставить наряду съ Дистервегомъ.

Ив. Городецкій

Извѣстія и замѣтки.

—❖— Въ наступающемъ академическомъ году въ *юрьевскомъ* университетѣ проф. *Озе* будетъ читать логику (4 часа), исторію древней (2 часа) и новой (2 часа) философіи.

—❖— Съ будущаго года *Я. Н. Колубовскій* начнетъ издавать: «Философскій ежегодникъ. Обзоръ книгъ, статей и замѣтокъ на русскомъ языкѣ, имѣющихъ отношеніе къ философскимъ знаніямъ». Въ ближайшемъ выпускѣ, печатаніе котораго начнется въ особомъ приложеніи съ мартовской книги «Вопросовъ Философіи», будетъ сдѣланъ обзоръ всего того, что вышло въ теченіе 1893 г. Стремясь къ возможно-большей полнотѣ, издатель обращается къ авторамъ съ просьбой о присылкѣ ему (по адресу: Спб., Фонтанка, 18) отдѣльныхъ оттисковъ ихъ статей, а также сообщать ему, въ какихъ изданіяхъ появились отзывы объ ихъ трудахъ. Особенно важны и цѣнны указанія авторовъ, печатающихъ свои статьи въ провинціальныхъ изданіяхъ.

Поправка. Въ 18 кн. «Вопросовъ Фил. и Псих.» (стр. 155 и 172—второго отдѣла) переводимое дѣйств. чл. Моск. Психол. Общ. А. П. Басистовымъ сочиненіе Гартмана названо неточно; настоящее заглавіе его: *Kritische Grundlegung des transcendentalen Realismus* (Критическое обоснованіе трансцендентальнаго реализма).

Новыя книги, присланныя въ редакцію.

(Цѣны обозначены безъ пересылки).

Гиляровъ А. Н., профессоръ университета св. Владиміра. Гипнотизмъ по ученію школы Шарко и психологической школы. (1881—1893). Кіевъ. 1894. Цѣна 3 руб.

Годлевскій С. Основы современнаго развитія. Очеркъ умственныхъ стремлений XIX вѣка. Спб. 1893 г. 80 стр. Цѣна 60 к.

Корсаковъ, С. С., проф. Москов. университета. Курсъ психіатріи. Москва. 1893 г. 604 стр. и 2 таблицы. Цѣна 3 руб.

Льюисъ Д. Г. Исторія философіи отъ начала ея въ Греціи до настоящаго времени. Полный переводъ съ послѣдняго англійскаго изданія В. Чуйко. Съ приложеніемъ 2 портр. и біографіи Льюиса и статей В. В. Чуйко о Шопенгауэрѣ, Гартманнѣ, Д. С. Миллѣ и Г. Спенсерѣ. 2 части. Спб. 1892 г. XVI+794 стр. Цѣна за обѣ части 2 руб. 50 коп.

Мюллеръ, Максъ. Наука о мысли. Пер. В. В. Чуйко. Спб. 1892 г. XVI+474 стр. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Панаевъ, Ипполитъ. Свѣтъ жизни. Неотразимые факты и мысли. Спб. 1893 г. 295 стр. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Свѣтловъ, Павелъ, свящ. Человѣкъ и животное въ психическомъ отношеніи. Харьковъ. 1892 г. 48 стр. Цѣна 25 коп.

Его же. Пророческіе или вѣщіе сны. Апологетическое изслѣдованіе въ области библейской психологіи. Кіевъ. 1892 г. 212 стр. Цѣна 2 руб.

Снегиревъ, Веніаминъ. Психологія, систематическій курсъ чтеній въ казанской духовной академіи. Харьковъ. 1893 г. Съ портретомъ и біографіей автора. XXV+700 стр. Цѣна 5 руб.

Соловьевъ, Тимовей. Теорія волевыхъ представленій. Отношеніе ея къ спеціалии и элевации органическаго міра. Спб. 1892 г. 404 стр. и таблица. Цѣна 2 руб.

Тихоміровъ, П. Возможна ли метафизика ума? Изд. Общ. Любит. Духовнаго Просвѣщенія. Москва. 1893 г. (Оттискъ изъ «Чтеній» Общ.). 38 стр.

Тонарскаго, А. А. Меряченіе и болѣзнь судорожныхъ подергиваній. Изд. второе, исправленное и дополненное. Москва. 1893г. 180 стр.

Хохряковъ, П. О происхожденіи человѣка съ психологической точки зрѣнія и критика эволюціонной морали Спенсера. Вятка. 1893 г. 168 стр. Цѣна 1 руб. 50 к.

Чемень И. А. Дарвинизмъ. Научное изслѣдованіе теоріи Дарвина о происхожденіи человѣка. Одесса. 1892 г. XII+519 стр. Цѣна 1 руб. 50 к.

Шперкъ, Федоръ. Система Спинозы. Спб. 1893 г. 24 стр.

Ведоровъ, В. П. Проектъ общества апологіи христіанства въ Россіи. Балашовъ. 1892 г. 15 стр. Цѣна 50 коп.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Изъ конторы журнала „Вопросы Философіи и Психологіи“ (Москва, Пречистенка, Левшинскій пер., д. Авдѣва) можно получать слѣдующія книги:

Абровъ, Ник.—Отъ Марсея до Одессы чрезъ Аены и Константинополь. Впечатлѣнія и замѣтки. Цѣна 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Андреевскій, И. С.—Генезисъ науки, ея принципы и методы. Ч. I. М. 1890. Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Астафьевъ, П. Е.—Изъ итоговъ вѣка, съ приложеніемъ писемъ „Еврейство и Россія“. М. 1891. Цѣна 1 руб., съ пер. 1 руб. 15 коп. — Национальность и общечеловѣчскія задачи (къ русской народной психологіи). М. 1890. Цѣна 50 к., съ пер. 60 коп. — Страданіе и наслажденіе жизни. М. 1885. Цѣна 50 к., съ пер. 65 коп. — Общественное благо въ роли верховнаго начала нравственной жизни. М. 1892 г. Ц. 30 к. съ пер. 40 к.

Безобразова, М.—Философскіе эгюды. (Объ этикѣ Плотина, Кантъ, Шопенгауеръ и Гартманъ у женщинъ. Изъ социальной этики Гефдингга. Нравственность и этика. Пессимизмъ въ философіи. Взглядъ на исторію философіи. Роль скептицизма въ философіи. Эйкенъ о терминологіи и Дильтей объ архивахъ). М. 1892. Цѣна 80 к., за пер. 15 к.

Бине, А.—Психологія умозаключенія на основаніи экспериментальныхъ изслѣдованій посредствомъ гипнотизма. М. 1890. Цѣна 1 руб., съ перес. 1 руб. 20 коп.

Бони, проф.—Гипнотизмъ. Изслѣдованія физиологическія и психологическія. Переводъ съ добавленіями П. Мокіевскаго. Изд. 2-е. Спб. 1889. Цѣна 1 руб., съ перес. 1 руб. 20 коп.

Вальтеръ, И. А.—Основной двигатель наследственности. М. 1891. Цѣна 40 коп., съ перес. 50 коп.

Вундтъ, В.—Гипнотизмъ и внушеніе. Переводъ съ нѣм. Н. Колубовской. Изд.

журнала «Вопросы Философіи». М. 1893. Цѣна 75 коп., за пересылку 15 коп.

Геддингъ, Г.—Очерки психологіи, основанной на опытѣ. Пер. подъ ред. А. А. Козлова и Я. Колубовскаго. Изданіе журнала „Вопросы Философіи“. М. 1892. Цѣна 2 р. 50 к., за пер. 30 к.

Гилларовъ, А. Н.—Источники о софистахъ. Платонъ, какъ историческій свидѣтель. I. Методологія и свидѣтельства о софистахъ. Кіевъ 1891. Цѣна 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 80 к.

◆ **Годлевскій, С.**—Основы современнаго развитія. Спб. 1893. Ц. 60 к., съ пер. 80 к.

Гольцевъ, В. А.—Воспитаніе, нравственность, право (сборникъ статей). М. 1889. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 15 к. — Объ искусствѣ. Критическія замѣтки. М. 1890. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 15 к.

Грэхэмъ, Г.—Ж. Ж. Руссо, его жизнь, произведенія и окружающая среда. М. 1890. Цѣна 1 р., за пер. 20 к.

Гротъ, Н. Я.—Критика понятія свободы воли въ связи съ понятіемъ причинности. М. 1889. Цѣна 50 к., съ пер. 65 коп. — Къ вопросу о реформѣ логики. Опытъ новой теоріи умственныхъ процессовъ. Лейпцигъ 1882. Цѣна 2 руб. 50 к., съ пер. 3 р. — 0 душъ въ связи съ современными ученіями о силѣ. Опытъ философскаго построенія. Одесса 1886. Цѣна 70 к., съ пер. 90 к. — 0 научномъ значеніи пессимизма и оптимизма, какъ мировоззрѣній. Публичная лекція. Одесса 1884. Ц. 30 к., съ перес. 40 коп. — 0 направленіи и задачахъ моей философіи (по поводу статьи арх. Никанора). М. 1886. Цѣна 20 коп. съ перес. — Значеніе чувства въ познаніи и дѣятельности человѣка. Рѣчь. М. 1889.

Цѣна 40 коп., съ перес. 50 к.—Нравственныя идеалы нашего времени. Ф. Ницше и Л. Толстой. М. 1893. Ц. 30 к., съ пер. 45 к.—Основные вопросы философіи XVII и XVIII вв. Десять публичныхъ лекцій, читанныхъ въ Политехническомъ Музеѣ (литографія). М. 1891. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Гусевъ, А.—Любовь къ людямъ въ ученіи гр. Л. Толстого и его руководителей. Казань 1892. Цѣна 60 коп., съ пер. 75 коп.—Натуралистъ Уоллесъ, его русскіе переводчики и критики (къ вопросу о происхожденіи человѣка). М. 1879. Цѣна 1 р. 75 коп., съ пер. 2 руб.—Необходимость вѣшняго богопочтенія. Противъ гр. Л. Толстого. 2-е доп. изд. Казань 1891. Цѣна 30 коп., съ пер. 40 к.—Обракѣ и безбрачій. Противъ „Крейдеровой сонаты“ и „Послѣловія“ къ ней гр. Л. Толстого. 2-е знач. доп. изд. Казань 1891. Цѣна 50 к., съ пер. 70 к.—О клятвѣ и присягѣ. Противъ современныхъ затрателей ея. Казань 1891. Цѣна 40 к., за пер. 10 к.—Религіозность—основа и опора нравственности. М. 1889. Цѣна 75 к., съ пер. 90 коп.

Губю, М.—Искусство съ точки зрѣнія соціологіи. Пер. подъ ред. А. Н. Пышина. Спб. 1891. Цѣна 2 руб. 50 коп., съ пер. 2 руб. 75 коп.—Происхожденіе идеи времени. Психологическій этюдъ * Перев. съ франц. А. И. Е—ва. Смоленскъ 1891. Цѣна 75 коп., за перес. 15 коп.

Данилевскій, Н. Я.—Дарвинизмъ. Критическое изслѣдованіе. Т. I, часть 1 и 2. Спб. 1885. Цѣна 7 р. 50 к. За пересылку 1 р.—Т. II (одна посмертная глава), Спб. 1889. Цѣна 2 р., за пер. 25 к.—Россія и Европа. Взглядъ на культурныя и политическія отношенія славянскаго міра къ германо-романскому. Изд. 4-е. Спб. 1889. Цѣна 2 руб., съ пер. 2 руб. 40 коп.—Сборникъ политическихъ и экономическихъ статей. Спб. 1890. Цѣна 2 р., съ пер. 2 руб. 40 коп.

Дебольскій, Н. Г.—Вопросъ о происхожденіи человѣка съ точки зрѣнія биологіи и этики. Спб. 1883. Цѣна 40 коп., съ пер. 55 к.—О высшемъ благѣ или о верховной цѣли нравственной дѣятельности. Критическое изслѣдованіе. Спб. 1886. Цѣна 2 р. 50 коп., съ перес. 2 р. 75 к.—О подготовкѣ родителей и воспитателей къ дѣлу воспитанія дѣтей. Спб. 1883. Ц. 40 к., съ пер. 55 к.—Философія будущаго. Соображенія о ея началѣ, предметѣ, методѣ и системѣ. Спб. 1882. Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 65 к.—Философія феноменальнаго формализма. I. Метафизика. Вып. 1-й. Спб. 1892. Цѣна 1 руб. 25 коп., за пер. 20 к.—Философскія основы нравственнаго

воспитанія. Спб. 1880. Цѣна 75 коп., съ пер. 90 к.

Дейсенъ, П.—Основные начала метафизики. Теорія познанія. Пер. съ нѣм. Спб. 1889. Цѣна 1 р., съ пер. 1 р. 10 к.

Джевоносъ, Стенли.—Основы науки. Трактатъ о логикѣ и научномъ методѣ. Перев. съ англ. М Антоновичъ. Спб. 1881. Цѣна 4 руб. 50 к., съ перес. 4 р. 80 к.

Дюрингъ.—Мысли о реформѣ началъ математики. Переводъ Н. Н. Маракучева. М. 1885. Цѣна 20 к., съ пер. 30 к.

Ибернегъ-Гейнце.—Исторія новой философіи въ сжатомъ очеркѣ. Перевелъ съ 7-го нѣм. изд. Я. Колубовскій. Въ приложеніи очерки философіи у чеховъ, поляковъ и русскихъ, и два указателя. Спб. 1890. Цѣна 5 р., съ перес. 5 р. 40 к.

Иваръ, д-ръ.—Женщина въ періодѣ менструаціи. Этюдъ по психопатологіи и судебной медицинѣ. Пер. съ фр. подъ ред. А. Дохмана. Казань 1891. Цѣна 2 руб., съ пер. 2 руб. 30 коп.

Казанскій, А. П.—Ученіе Аристотеля о значеніи опыта при познаніи. Одесса 1891. Цѣна 2 р. 50 к., съ перес. 2 руб. 80 коп.

Каринскій, М.—Классификація видовъ. Спб. 1880. Цѣна 2 р., за пер. 20 коп.

Баро, Ч.—Современная критика и причины ея упадка. Перев. И. В. Майнова. М. 1883. Цѣна 30 к., съ пер. 40 к.

Баргентеръ.—Энергія въ природѣ. Публичныя чтенія. Перев. съ англ., съ 81 рис. Спб. 1885. Цѣна 1 руб. 25 коп., съ перес. 1 руб. 50 коп.

Баръевъ, Н. И.—Основные вопросы философіи исторіи. Т. I и II. 2-е изд. Спб. 1887. Ц. 4 р. 25 к., съ пер. 4 р. 60 к.—Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи (3-й томъ „Основныхъ вопросовъ философіи исторіи“). Спб. 1890. Цѣна 4 р., съ перес. 4 руб. 50 к.

Блеркъ, Максуэль.—Матерія и движеніе. Спб. 1885. Цѣна 75 к., съ перес. 90 к.

Бовловъ, А. А.—Генезисъ теорій пространства и времени Канта. Кіевъ 1884. Цѣна 2 руб., съ пер. 2 р. 25 к.—Гипнотизмъ и его значеніе для психологіи и метафизики. Кіевъ 1887. Цѣна 50 к., съ пер. 60 к.—Очерки исторіи философіи. Понятіе философіи и исторіи философіи. Философія восточная. Кіевъ 1887. Цѣна 1 руб., съ перес. 1 р. 20 к.—Письма о книгѣ гр. Л. Н. Толстого „О жизни“. М. 1891. Цѣна 1 руб. 25 к., съ перес. 1 р. 40 к.—Свое слово. Философскій сборникъ. Четыре книги. Кіевъ 1888—1890. Цѣна 5 руб. съ пересылкой. Отдѣльно каждая книга 2 руб.

съ перес., каждая двѣ книги—3 руб. съ перес.—Тардъ и его теорія общества. Киевъ 1887. Цѣна 60 коп., съ перес. 70 к.

Кохъ, М.—Шекспиръ. Переводъ А. М. Гулева съ предисловіемъ, примѣчаніями и дополненіями Н. И. Стороженко. М. 1888. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Будрявцевъ, В. Д.—Введеніе въ философію. Изд. 2-е. М. 1890. Цѣна 40 к., съ перес. 50 к.—Начальныя основанія философіи. Изд. 2-е. М. 1891. Цѣна 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

◆ **Будрявцевъ-Платоновъ, В. Д.**—Сочиненія. Т. II-я. Исслѣдованія и статья и по естественному богословію (Вып. I, II и III). Серг. Пос. 1892. Ц. 4 р. 50 к., съ пер. 5р. 10 к.

Буно-Фишеръ.—Публичныя лекціи о Шиллерѣ. М. 1890. Цѣна 1 руб., съ пер. 1 р. 15 к.—„Фаустъ“ Гете, возникновеніе и составъ поэмы. Пер. И. Д. Городецкаго. 2-е изд. М. 1887. Ц. 75 к., съ перес. 95 к.

Лейббокъ, Дж.—Радости жизни. Пер. съ 13-го англ. изд. А. Н. М. 1890. Цѣна 45 к., съ перес. 60 к.

Лопатинъ, Л. М.—Положительныя задачи философіи. Ч. I. М. 1886. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.—Ч. II. М. 1891. Цѣна 2 руб., съ перес. 2 руб. 25 к.

◆ **Льюисъ, Д. Г.**—Исторія философіи отъ начала ея въ Греціи до настоящаго времени. Въ 2-хъ частяхъ. Спб. 1892. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 95 к.

Мантегацца, П.—Физиономія и выраженіе чувствъ. Съ введеніемъ, составленнымъ для русскаго изданія и съ 8 таблицами рисунковъ. Пер. съ франц. подъ ред. и съ предисловіемъ Н. Я. Грота и Е. В. Вербицкаго. Киевъ 1886. Цѣна 2 р. 50 к. съ перес.

Маракуевъ, Н. Н.—Галилей, его жизнь и ученые труды. М. 1888. Ц. 35 к., съ перес. 50 к.—Ньютонъ, его жизнь и труды. Изд. 2-е. М. 1890. Ц. 40 к., съ перес. 60 к.

◆ **Мюллеръ, М.**—Наука о мысли. Перев. В. В. Чуйко. Спб. 1892. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 80 к.

Навилъ, Э.—Логика гипотезы. Пер. И. Панаева. Спб. 1882. Цѣна 1 р. 50 к., за пер. 30 к.

Панаевъ, И.—Голосъ долга. Мысли о воспитаніи человѣка. Спб. 1885. Цѣна 1 руб., за пер. 20 к.—Голосъ неравнодушнаго. О томъ, что одно могло бы избавить человѣка отъ золь, имъ самимъ созданныхъ и создаваемыхъ. Спб. 1888. Цѣна 30 к., за пер. 15 коп.—Еще о сознаніи, какъ условія бытія. Спб. 1888. Цѣна 30 коп., за пер. 15 коп.—Nosce te ipsum. По поводу книги «Пути къ рациональному мировоззрѣнію». Спб. 1881. Цѣна 30 к., за

пер. 10 к.—О вліяніи направленія знанія на состояніе умовъ. Спб. 1882. Ц. 75 к., за пер. 20 коп.—Пути къ рациональному мировоззрѣнію. Ч. I: о назначеніи человѣка Филте; ч. II: отголосокъ черезъ 80 лѣтъ. Спб., 1880. Цѣна 2 р., за пер. 40 к.—Равыскатели истины. Кантъ, Филте, Якоби. 2 т. Спб. 1878. Ц. 3 р., за пер. 60 к.—Свѣтъ жизни. Неотразимые факты и мысли. Спб. 1893. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 85 к.

Пачоскій, I.—Методъ классификаціи и единство науки. Киевъ 1891. Цѣна 90 к., съ пер. 1 руб.

Радловъ, Э. Л.—„Объ истолкованіи“ Аристотеля. Спб. 1891. Цѣна 50 к., съ пер. 60 к.

Розановъ, В. В.—Мѣсто христіанства въ исторіи. М. 1890. Цѣна 20 коп., съ перес. 30 к.—О пониманіи. Опытъ изслѣдованія природы, границъ и внутренняго строенія науки какъ дѣльнаго знанія. М. 1886. Цѣна 5 руб., съ пересылкой 5 р. 40 к.

◆ **Свѣтловъ, П.** Человѣкъ и животное въ психическомъ отношеніи. Харьковъ. 1892 г. Ц. 25 к., съ пер. 40 к.—Пророческіе или вѣщія сны. Апологетическое изслѣдованіе въ области Библейской Психологіи. Киевъ. 1892. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Серебренниковъ, В.—Ученіе Локка о прирожденныхъ началахъ знанія и дѣятельности. Опытъ установки Локкова ученія на основаніи историко-критическаго изслѣдованія и критическаго разсмотрѣнія его въ связи съ христіанскимъ ученіемъ объ образѣ Божіемъ. Спб. 1892. Цѣна 2 р. 25 к., за пересылку 35 к.

Соловьевъ, Вл.—Национальный вопросъ. Спб. 1891. Вып. I, цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 70 к.; вып. II, цѣна 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 80 к.

◆ **Соловьевъ, Т.**—Теорія волевыхъ представлений. Спб. 1892. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Страховъ, Н. Н.—Ворьба съ Западомъ въ нашей литературѣ. Историческіе и критическіе очерки. Книжка 1 и 2. Изд. 2-е. Спб. 1887 и 1890. Цѣна по 1 р. 50 к., за перес. по 30 коп. на каждую книжку.—Вѣдность нашей литературы. Критическій и историческій очеркъ. Спб. 1868. Цѣна 40 к., съ пер. 50 к.—Критическія статьи объ И. С. Тургеневѣ и Л. Н. Толстомъ (1862—1885). Изд. 2-е. Спб. 1887. Цѣна 1 руб. 50 коп., съ перес. 1 р. 80 к.—Миръ какъ дѣло. Черты изъ науки о природѣ. Изд. 2-е. Спб. 1892. Цѣна 3 руб., за перес. 35 к.—О вѣчныхъ истинахъ (мой споръ о спиритизмѣ). Спб. 1887. Цѣна 1 руб., съ перес. 1 руб. 15 к.—0 методѣ

тественныхъ наукъ и значеніи ихъ въ общемъ образованіи. Спб. 1865 г. Цѣна 1 руб., съ пер. 1 руб. 15 к.—Объ основныхъ понятіяхъ психологіи и физиологіи. Спб. 1886 Цѣна 1 руб. 55 к., съ перес. 1 р. 75 коп.

Струве, Г. Е.—Введеніе въ философію. Разборъ основныхъ началъ философіи вообще. Варшава 1890. Цѣна 3 руб., съ перес. 3 р. 30 к.

Сѣченовъ, И. М.—Физиологія нервныхъ центровъ. Лекціи врачамъ. Спб. 1891. Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Толстой, Л. Н. гр.—Сочиненія. Ч. 13. Изд. 3. М. 1891. Цѣна 80 к., съ пер. 95 к.

Троицкій, М. М.—Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи. Историко-критическое изслѣдованіе съ предварительнымъ очеркомъ успѣховъ психологіи въ Англии со времени Бэкона и Локка. Изд. 2-е. 2 тома. М. 1883. Цѣна 6 р., съ перес. 6 р. 50 к.

Трубецкой, Е. Н. кн.—Религиозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ V вѣкѣ. Ч. I. Міросозерцаніе блаженнаго Августина. М. 1892. Цѣна 1 р. 50 к., перес. 30 коп.

Трубецкой, С. Н., кн.—Метафизика въ древней Греціи. М. 1890. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 40 к.—Мнимое язычество или ложное христіанство? Ответъ о. Бутовичу. М. 1891. Цѣна 20 коп. съ пересылкой.

Труды Московскаго Психологическаго Общества. Вып. I: А. Шопенгауэръ. М. 1888. Цѣна 1 руб. 50 коп., съ перес. 1 руб. 80 к.—Вып. II: Кантъ. М. 1889. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.—Вып. III: О свободѣ воли. М. 1890. Цѣна 2 руб., съ перес. 2 руб. 30 к.—Вып. IV: Лейбницъ. М. 1890. Цѣна 1 руб. 50 к., на лучшей бумагѣ—2 руб., за пересылку 30 к.—Вып. V: Бенедиктъ Спиноза „Этика“. М. 1892 г. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.—При выпискѣ всѣхъ пяти выпусковъ за пересылку прилагается 1 руб. 20 коп.

Тэтъ, П. Г.—О новѣйшихъ успѣхахъ физическихъ знаній. Перев. подъ ред. И. М. Сѣченова. Съ 24 рис. Спб. 1887. Цѣна 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 80 к.—Свойства матеріи. Перев. съ англ. подъ ред. И. М. Сѣченова. Спб. 1887. Цѣна 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 80 к.—Теплота. Перев. съ англ. Н. С. Дрендельна подъ ред. С. А. Усова. Съ 53 рис. Спб. 1888. Цѣна 3 руб., съ перес. 3 р. 30 к.

Хохряковъ, П.—Аффекты съ психологической точки зрѣнія. Вятка. 1891. Ц. 30 коп., съ пер. 40 коп.—Языкъ и психологія. Казань 1889. Цѣна 1 руб. 50 к., за пер. 20 коп. — О происхожденіи чело-

вѣка съ психологической точки зрѣнія и критика эволюціонной морали Спенсера. Вятка. 1893. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 коп.

Целлеръ, Э.—Очеркъ исторіи греческой философіи. Перев. съ нѣм. М. Некрасова, подъ ред. М. Каринскаго. Спб. 1886. Цѣна 2 руб., за перес. 20 к.

◆ **Чемениъ, И. А.** Дарвинизмъ, научное изслѣдованіе теоріи Дарвина о происхожденіи челоѣка. Одесса. 1892. Цѣна 3 р. 50 к., съ пер. 3 р. 85 коп.

Чичеринъ, Б. Н.—Мистицизмъ въ наукѣ. М. 1880. Цѣна 1 руб. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.—Исторія политическихъ учений. 4 тома. М. 1869—1877. Цѣна 12 р., съ пер. 13 р. 50 к.—Наука и религія. М. 1879. Цѣна 4 р., съ перес. 4 р. 40 к.—Положительная философія и единство науки. М. 1892. Цѣна 3 руб., за перес. 30 к.—Собственность и государство. 2 тома. М. 1882—1883. Цѣна 8 руб., съ пер. 8 р. 60 к.

Schmidt, Dr. E. v.—Euklids 11. Axiom durch eine neue Definition der graden Linie bewiesen. Moskau 1891. Цѣна 35 коп., съ пер. 45 к.—Философскія основанія математики и 11-я аксіома Эвклида. М. 1891. Цѣна 25 к., съ пер. 35 к.—Центръ жизни въ организмѣ. Цѣна 35 коп., за пер. 10 к.

Шопенгауэръ, А.—Лучи свѣта его философіи. Извлечено изъ полнаго собранія твореній Шопенгауэра Ю. Фрауенштедтомъ, съ приложеніемъ статьи „О воспитаніи“. Пер. Н. Н. Маракучева. М. 1887. Цѣна 1 р. 50 коп., за пер. 20 к.

Шопенгауэръ, А.—1) О четвероякомъ корнѣ закона достаточнаго основанія. 2) О волѣ въ природѣ. Перев. А. Фета. Изд. 2-е. М. 1892. Цѣна 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 80 к.

Шопенгауэръ, А.—Міръ какъ воля и представленіе. Перев. А. Фета. Изд. 3-е. М. 1892. Цѣна 3 р., съ пер. 3 р. 35 коп.

◆ **Шперкъ, Ф.**—Система Спинозы. Спб. 1893. Ц. 20 к., съ пер. 30 к.

Штейнъ, Вл.—Графъ Джіакомо Леонарди и его теорія infelicità. Литерат. очеркъ. Спб. 1891. Ц. 1 р. 50 к., за пер. 20 к.—А. Шопенгауэръ какъ челоѣкъ и мыслитель. Опытъ біографіи. Т. I. Спб. 1887. Цѣна 2 р. 50 к., за пер. 40 к.

◆ **Федоровъ, В. П.**—Проекты о-ва апологіи христіанства въ Россіи. Балашовъ. 1892. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Изданія „Посредника“ (для интеллигентныхъ читателей):

1) Противъ пьянства. Рѣчь проф. Фореля. М. 1898. Ц. 15 к., съ пер. 30 к.

2) Питаніе челоѣка въ его настоящемъ